

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ИСТПАРТ

ОТДЕЛ Ц. К. В. К. П. (Б.) ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ
ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И В. К. П. (Б.)

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Я Н В А Р Ъ

10-й год диктатуры пролетариата

№ 1

(60)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1927

Государственное Издательство
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ОТДЕЛ ЦК ВКП (б) ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ВКП (б)
(ИСТПАРТ)

I

ИСТОРИЯ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Р. К.

Памятник борцам пролетарской революции (3-е изд.)	4 50
Пионтковский, С. Октябрьская революция в России, ее пред- посылки и ход (3-е изд.)	— 50
Раскольников, Ф. Кронштадт и Питер в 1917 г.	2 —
Бош, Е. Год борьбы на Украине (1917—1918 г.г.)	1 80
Парфенов, П. Гражданская война в Сибири (2-е изд.)	1 —
Владимилова, В. Контр-революция в 1917 г.	1 20
Яков Михайлович Свердлов. Сборн. статей и воспоминаний	2 —
Памяти Инессы Арманд. Сборник под ред. Н. Крупской	— 30
Ганецкий, Я. В. Воровский. Биографич. очерк	— 60
Александрова, Н. Артем	— 50
Медведева, Г. Герой революции „товарищ Камо“	— 20
Яковенко, В. Записки партизана	1 —
Свечников, М. Революция и гражданская война в Финляндии	1 —
Фурманов, Д. Чапаев (3-е изд.)	1 25
Лелевич, Г. Стрекопытовщина (2-е изд.)	— 60
„ В дни Самарской учредилки	— 6
Петербургская Общегородская и Всероссийская конфе- ренция РСДРП (б) в апреле 1917 г.	— 85
Стенографический отчет VII Съезда РКП (б)	1 —

Хроника революции

Авдеев, Н. Революция 1917 года. Т. I. (Январь—март). 2-е изд.	1 40
„ „ „ „ Т. II. (Апрель—май)	2 50
Владимилова, В. Революция 1917 г. Т. III. (Июнь—июль)	3 —
„ „ „ „ Т. IV. (Июль—сентябрь)	3 50
Рябинский, К. Революция 1917 г. Т. V. (Октябрь)	3 —
„ „ „ „ Т. VI. (Ноябрь—декабрь)	— —
(Печатается)	— —
Максаков, В. и Нелидов, Н. Хроника революции 1917 г.	— 50

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИСТПАРТ

Отдел Ц. К. В. К. П. (б.) по изучению истории Октябрьской революции и В. К. П. (б.)

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

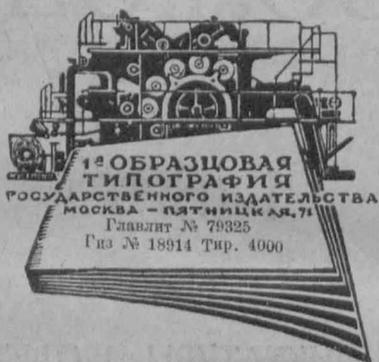
1 (60)

Я Н В А Р Ъ

10-й ГОД ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА * 1927 * ЛЕНИНГРАД

Зак. № 128.

СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Г. Шкловский. Владимир Ильич и Плеханов (из воспоминаний)	5 ✓
М. Кедров. Из красной тетради об Ильиче	36
А. Елизарова. Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове	70

СТАТЬИ.

О. Вейланд. Августовский блок 1911—1914 гг.	125
---	-----

ВОСПОМИНАНИЯ.

Д. Благоев. Краткие воспоминания из моей жизни (перевод с болгарского)	184
А. Шотман. На 2-м съезде партии	214 ✓

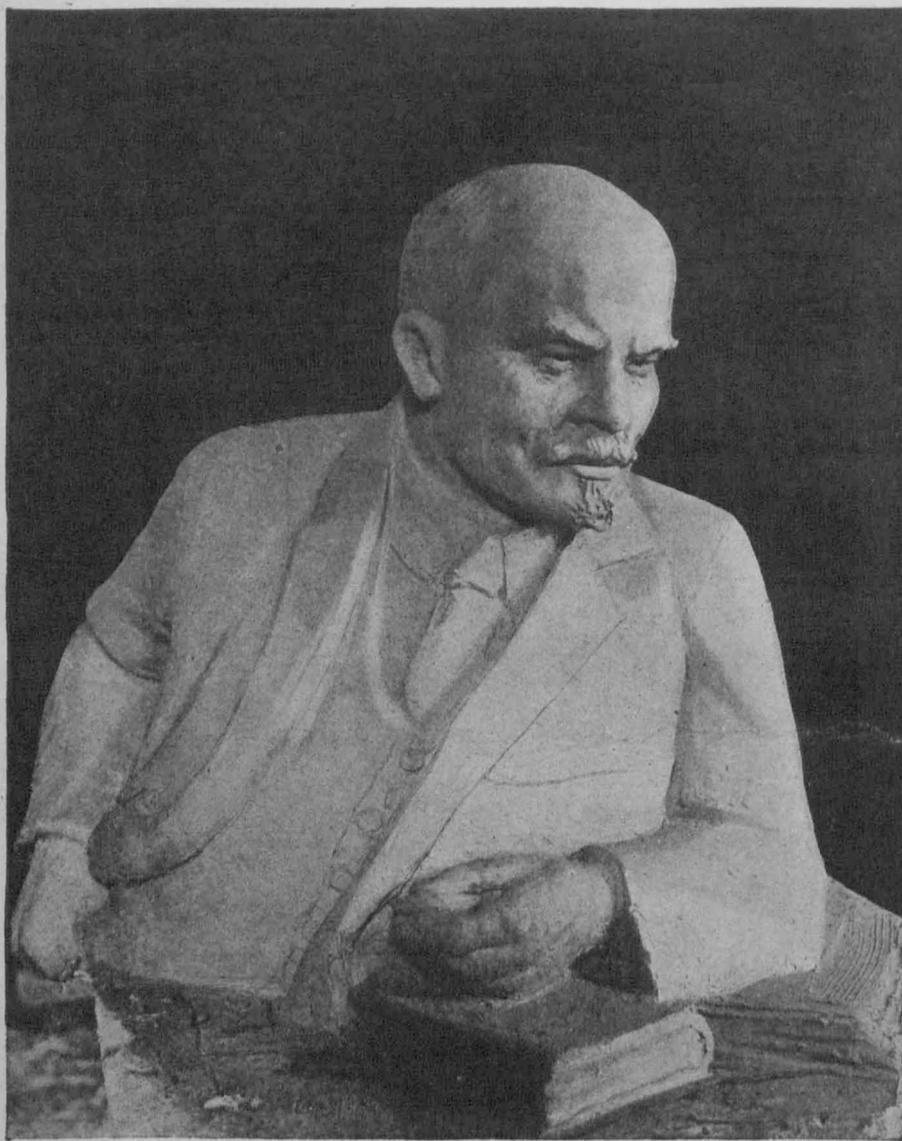
ПАМЯТИ ТОВАРИЩЕЙ.

С. Кривцов. Н. А. Рожков (некролог)	233
---	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Н. Рубинштейн. «Падение царского режима». По материалам чрезвычайной следственной комиссии временного правительства, т.т. I—VI	237 ✓
И. Минц. «Борьба за Советы» (1918—1919 гг.) Сборник Архангельского Истпарта	246
И. Гальперин. «Молодежь в гражданской войне». Сборник, составил И. Владимиров»	249
Т. Петухова. Александр Попов. «Из истории забастовочного движения накануне империалистической войны»	250
Е. Мороховец. «Революция 1905 г.». Сборник. Новгород. 1925 г.	251
Р. Хабас. Г. Ибрагимов. «Татары в революции 1905 г.»	252
Р. Хабас. «Восстания в Балтийском флоте в 1905—1906 гг.». Сборник статей, воспоминаний, материалов и документов	254
О. Бош. «Отражение первой русской революции в Северо-Двинской губернии». Сборник	255
Н. Знаменский. «1905 год в Астрахани». Сборник	256

IV Всесоюзное совещание заведующих Истпартотделами 4—8 января 1927 г.	259
Письма в редакцию	279
Указатель статей по Февральской и Октябрьской революциям, помещенных в журнале «Пролетарская Революция» за 1921—1926 гг.	290

В. И. ЛЕНИН

Скульптура А. Л. Шмидт.

Владимир Ильич и Плеханов.

(Из воспоминаний).

I. Два вождя.

Первая моя встреча с В. И. произошла весной 1903 г. в Берне, в Швейцарии.

Я только что приехал из России и вступил в бернскую группу «Искры». Бернская русская колония того времени насчитывала человек около 1.000, и не меньше половины ее состояли членами различных партий. Почти вся она состояла из студентов различных факультетов, а политические эмигранты составляли в ней лишь незначительный процент. Старые эмигранты, среди которых были и бывшие народовольцы, часто вздыхали по поводу характера колонии: «Что нынче за молодежь пошла — все обучается своей медицине, а о народе мало думает. То ли дело в наше время...». Тем не менее, политическая жизнь буквально была ключом, и собрания, сходки, дискуссии, на которых часто спорили до хрипоты по несколько вечеров под ряд, не прекращались. Лучшие партийные силы того времени, бывшие в большинстве своем в эмиграции или временно приезжавшие туда, принимали самое деятельное участие в этих собраниях.

Колония — почти сплошь студенческая, сплошь интеллигентская.

Различно подходили к этой массе лидеры партии, но все ею интересовались, относились к ней серьезно, боролись за влияние на нее, ухаживали за каждым серьезным студентом, стараясь завербовать его в свой лагерь.

Партий и группировок было тогда много, но наиболее сильнейшей организацией в Швейцарии была тогда Бундовская. Эсеры, не-

давно объединившиеся формально в партию, правда, без программы и без ясно выработанной тактики, и другие, близкие к ним народнические группировки, занимали по численности второе место, затем шли сионисты, союз русских соц.-демократов за границей, поддерживаемый Бундом, и др. Искровская группа, возглавляемая Любовью Исааковной Аксельрод (Ортодокс), не могла похвастать многолюдством и не насчитывала и десяти членов.

Тем не менее, устроенные этой группой лекции Вл. Ильича по аграрному вопросу, которое он читал в течение трех вечеров, привлекли всю колонию.

С литературными работами В. И. я до этого был хорошо знаком, и все, что вышло из-под его пера, мною было тщательно проштудировано, но трудно представить то глубокое впечатление, которое производила его живая речь, полная неумолимой железной логики, вколачивающая в головы слушателей мысли, словно гвозди, которых никакими клещами не вытащишь. Они убивали его противников, хотя последние весьма «храбро» защищались, но, по существу, беспомощно барахтались.

Впрочем, главные лидеры противной партии, т.-е. народников, на этот раз не выступали, и из серьезных оппонентов выступал один лишь эсер Анский. Лет через 5 Вл. Ильич, вероятно, иначе отвечал бы Анскому. В его ответе, несомненно, было бы гораздо больше сарказма, шуточек, иронии, но тогда он отвечал ему серьезно, аргументировал, доказывал, убеждал. Молодой лев выявлял гигантские силы своей логики и аргументации, легко сбивая противника с его позиций. Когда, по окончании реферата, я подошел к Вл. Ильичу вместе с покойным тов. Боградом¹⁾, то Владимир Ильич говорил нам по адресу Анского, как бы сам удивляясь тому, что господь бог может создать таких мытарей — «ведь это же типичнейший мелкий буржуа»...

До Вл. Ильича мне приходилось уже много раз слышать корифеев нашей тогдашней эмиграции. Плеханова я слышал, по крайней мере, раз пять до лекции Ильича (впервые я его слышал 1 мая 1899 г.). И у меня невольно напрашивалось сравнение двух наших подлинных руководителей.

¹⁾ Тов. Боград, видный меньшевик — плехановец, интернационалист во время войны, большевик во время революции, был расстрелян в 1919 г. Колчаком.

Плеханов появлялся на трибуне всегда в хорошем, аккуратно застегнутом сюртуке; вычищенные ботинки, выглаженные брюки, крахмальный воротник и соответствующий галстук, волосы гладко зачесаны назад, борода аккуратно выстрижена и весь он выглядел «благовоспитанным» европейцем.

Ильич же на свою внешность обращал столько же внимания, сколько любой русский студент-«нигилист». Борода его росла тогда во все стороны, и о стрижке ее он не заботился и это, между прочим, шло к нему гораздо лучше, чем когда он, по отношению к ней, применял методы европейской цивилизации...

Речь Плеханова была всегда гладкой, красивой, во-время вставлялось остроумное словечко или изящный анекдот и не трудно было заметить, что на форму речи оратор обращает большое внимание.

Прямой противоположностью была речь Ильича. Аргументация, доводы, цифры, марксистская логика — этим он давил на свою аудиторию, но ни одного «приличного» анекдота, ни одного изящного стихотворения, никаких ораторских выкрутасов, не заботился даже о том, чтобы закончить свою речь эффектной фразой, чтобы вызвать аплодисменты. А слушатели уходили подавленные обилием идей и мыслей, которые им приходилось выслушивать от него в течение одного вечера.

Для нас, рядовых искровцев, Ленин и Плеханов были два руководителя партии, думающих абсолютно одно и то же, оба ортодоксальные марксисты, противники ревизионизма, оба с одинаковой страстностью готовые наброситься на всякого несогласного с Марксом или уклоняющегося от пути Маркса, и никому из нас и в голову не приходило, что между ними могут быть какие-то разногласия. Наступивший на втором съезде партии раскол искровцев был для нас ошеломляющей неожиданностью. Еще большей неожиданностью был для меня № 52 «Искры» со статьей Плеханова: «Чего не нужно делать», прочитанный мною в глухой провинции в начале 1904 г., где Плеханов выступал открыто за меньшевиков против Ленина.

Когда я, во время третьего съезда, старался проинтервьюировать Надежду Константиновну насчет истории раскола, она упомянула и о том, что и в редакции старой «Искры» были уже сильные расхождения, из которых логически вытекали будущие разногласия меньшевиков и большевиков. Но она была весьма

скупа на слова и существенных подробностей о былых разногласиях я от нее тогда так и не узнал. Несколько больше о расхождениях между Плехановым и Лениным я узнал уж гораздо позже, лет через десять, во время империалистической войны, когда Влад. Ильич и Надежда Константиновна перекочевали из Кракова в Швейцарию. Сейчас каждый интересующийся может с исчерпывающей подробностью проследить весь ход мыслей двух гигантов мировой революционной мысли по тем материалам, которые напечатаны в Ленинских сборниках. В задачу данной статьи, однако, не входит разбор этих разногласий — здесь скорее попытка дать характеристику двух вождей в их взаимоотношениях, главным образом, по личным воспоминаниям.

II. Отношение Влад. Ильича к Плеханову.

Общеизвестно, с каким благоговением и любовью Владимир Ильич относился к Плеханову в первый период своей деятельности. В рассказе «Как чуть не потухла «Искра» (Ленинский сборник I, стр. 33—47), написанном 2/IX—1900 г., Владимир Ильич употребляет такие выражения: «Никогда в моей жизни я не относился ни к одному человеку с таким искренним уважением и почтением, *vénération* (благоговением), ни перед кем я не держал себя с таким «смирением»... «Младшие товарищи (т.-е. В. И. и Потресов. — Г. Ш.) «ухаживали» за старшим из громадной любви к нему». «Ослепленные своей влюбленностью, мы держали себя в сущности, как рабы» и т. д.

И, несмотря на то, что впоследствии Ильичу пришлось неоднократно выступать против Плеханова, притом часто со всей резкостью и страстностью борца, эта «влюбленность» его в Плеханова, можно без преувеличения сказать, у него никогда не проходила. Первое горькое «разочарование» Владимиру Ильичу пришлось испытать осенью 1900 г., когда он вместе с Потресовым вел переговоры с группой «Освобождение Труда» от имени «тройки», т.-е. своего, Потресова и Мартова, об издании за границей общеполитической газеты и научного журнала, результатом чего явились «Искра» и «Заря». Когда вчитываешься в «Как чуть не потухла «Искра», где подробно излагается ход и исход этих переговоров, то местами забываешь, что это пишет не насквозь деловитый Ильич, а кажется, что какой-то санти-

ментальный влюбленный юноша повествует о своих «разочарованиях»... «Идеал разбит», «влюбленная юность получает от предмета своей любви горькое наставление», «свергнутый кумир», «мою «влюбленность» в Плеханова как рукой сняло» и т. д. И чем больше колкостей Владимир Ильич старается наговорить Плеханову, тем больше чувствуешь его влюбленность в него.

Когда же мы ближе присматриваемся к предмету спора, то мы видим в описании Владимира Ильича картину, как два медведя собрались поселиться в одной берлоге... Один с огромнейшим прошлым, основоположник русского марксизма, «диктатор» группы «Освобождение Труда», еще полный сил и энергии, а другой — молодой, «ученик», не подозревавший еще тогда, какую конкретную мировую роль ему придется сыграть в будущем, но уже хорошо знавший себе цену и возмущавшийся тем, что ему «ставят условия», которым он обязан беспрекословно подчиниться, а когда он делает уступку, то это принимается так, «точно это само собой подразумевалось, что мы не можем не уступить!».

Да, до сих пор это так и бывало. Плеханов знал, что, если кто с ним не соглашался, то тот должен либо уступить, либо скатиться к оппортунизму. А тут, в его же берлоге выросший, им же воспитанный молодой медведь говорит, что вовсе не обязательно, чтобы я тебе уступал, мы можем побороться...

В описываемом споре не малую роль играет «генеральство» Плеханова, но было бы величайшей ошибкой объяснять все одним генеральством. У Плеханова было слишком много оснований относиться с известным недоверием к приезжавшим к нему молодым россиянам. Скольбе было у него случаев, когда хорошие товарищи-практики через какой-нибудь год-другой отходили от движения: одни перестали быть активными, другие просто успокаивались на казенной службе, по окончании университета. А те, которые оставались верны движению, разве они не делали крупных ошибок принципиального характера? Разве расцвет экономизма в России, разве постоянная борьба «Союза Русских Социал-демократов за границей» с Плехановым не указывали ему на чрезвычайные трудности, какие встречала революционная социал-демократическая мысль в России, с ее слабо развитым рабочим движением? Разве все это не должно было заставлять Плеханова всегда настораживаться, быть на-чеку, относиться с чрезвы-

чайной осторожностью к молодым российским практикам, с которыми надо раньше пуд соли съесть, чтобы иметь хоть минимальную уверенность, что они не свернут с правильного пути? А тут от тебя требуют «равноправия» и даже больше того, — у Ленина есть определенное желание использовать максимально стариков, а руководство оставить за собою, чего не мог не видеть Плеханов.

В этом споре было достигнуто компромиссное решение, но фактически победил Ленин. Редакция «Искры» поселилась сначала в Мюнхене, а потом в Лондоне, но не в Швейцарии, как это хотелось старикам, и фактически все дело находилось в руках Ленина, за которым шли Мартов и Потресов, а иногда и В. И. Засулич, также жившая в Мюнхене.

Сильные принципиальные разногласия между Владимиром Ильичом и Плехановым начались, как известно, при обсуждении будущей программы партии. В этих спорах за Плехановым шли П. Аксельрод и В. И. Засулич, но кой-какую брешь в плехановскую гвардию Владимир Ильич смог внести. Вот как описывает этот момент в своих воспоминаниях Надежда Константиновна

«Готовилась к съезду программа партии. Для обсуждения ее приехали в Мюнхен Плеханов и Аксельрод. Плеханов нападал на некоторые места наброска программы, сделанного Лениным. Вера Ивановна (Засулич) не во всем была согласна с Лениным, но не была согласна до конца и с Плехановым. Аксельрод соглашался тоже кое в чем с Лениным. Заседание было тяжелое. Вера Ивановна (Засулич) хотела возражать Плеханову, но тот принял неприступный вид и, скрестив руки, так глядел на нее, что Вера Ивановна совсем запуталась. Дело дошло до голосования. Перед голосованием Аксельрод, соглашавшийся в данном вопросе с Лениным, заявил, что у него разболелась голова, и он хочет прогуляться... (Н. Крупская. Воспоминания, стр. 59, изд. «Прожектор».)

Как относился в то время Владимир Ильич к своим разногласиям с Плехановым, видно из тех же воспоминаний Надежды Константиновны. Там же, на стр. 60 она рассказывает:

«Владимир Ильич крайне болезненно относился ко всякой размолвке с Плехановым, не спал ночи, нервничал. А Плеханов сердился, дулся.

«Прочитав статью Владимира Ильича к четвертому номеру «Зари», Плеханов вернул ее Вере Ивановне с примечаниями

на полях, вылив в них всю свою досаду. Владимир Ильич, увидав их, совершенно выбился из колеи, заметался.

На втором съезде, как известно, произошла перегруппировка сил. В то время, как до сих пор разделение было на стариков и молодых, или на членов группы «Освобождение Труда» (Плеханов, Аксельрод, Засулич) и российских работников (Ленин, Мартов, Потресов-Старовер), то теперь Плеханов пошел за Лениным, а Мартов и Потресов пошли за Аксельродом и Засулич. Но это разделение продолжалось недолго. Плеханов скоро перешел к меньшевикам.

Мне рассказывали потом (за достоверность не ручаюсь), что одним из моментов, способствовавших переходу Плеханова на сторону меньшевиков, послужило следующее. Как известно, одним из пунктов расхождения между большинством и меньшинством на самом съезде был и вопрос о составе редакции ЦО «Искры». До съезда в состав редакции «Искры» входили Ленин, Плеханов, Мартов, Аксельрод, Засулич и Потресов. На съезде Ленин предлагал редакцию составить только из трех человек из тех именно, которые фактически больше всего работали в ней, а именно: Ленина, Плеханова и Мартова. Такой состав редакции вытекал из всей сущности взглядов Ильича на «Искру» и на организационный вопрос вообще. «Искра» — идейный организационный центр, вокруг которой собирается партия революционного пролетариата, «Искра» — боевой орган, там должны быть действительные редактора, редакция не должна быть громоздкой, для бесконечного разглагольствования там места нет. Выброшенные редактора были этим чрезвычайно обижены, им удалось перетянуть на свою сторону и Мартова. Еще в самый разгар борьбы за тройку или шестерку Владимир Ильич уговаривал Мартова не бунтовать и рассказывали тогда указывал ему на следующее преимущество тройки: в случае разногласия с Плехановым (а до сих пор их было много) Ленин и Мартов будут составлять в редакции большинство. Мартов передал это Плеханову, последний остро почувствовал реальность такой угрозы...

Когда я потом в 1905 г. во время третьего съезда партии в Лондоне заговорил с Ильичем о тройке и шестерке в редакции «Искры», Владимир Ильич заметил: «Конечно, если бы заранее знать, что из этого вопроса выйдет раскол в партии, то можно было от тройки отказаться»...

III. Переговоры с Плехановым о его переходе к нам.

После третьего съезда я поехал в Женеву на пару недель, чтобы прочитать вышедшую за последние полтора-два года литературу (нашу, меньшевистскую, эсеровскую и др.) и мне пришлось тогда принять участие в переговорах между Ильичом и Плехановым, ведшихся по моей инициативе.

Как известно, меньшевики не могли сорвать третьего партийного съезда, но им удалось уговорить членов съезда меньшевиков не идти на съезд, а устроить свою конференцию. Конференция эта состоялась в Женеве и заседала параллельно с нашим съездом. Перед меньшевистской конференцией стояли те же вопросы, что и перед нашим съездом, разрешали они их, конечно, по-своему, по-меньшевистски. Одним из лучших произведений Ильича того времени является его брошюрка «Две тактики», где дается оценка резолюциям нашего съезда и меньшевистской конференции.

Но конференцией, как я узнал сейчас же по приезде в Женеву от своих недавних друзей, а ныне меньшевиков, остался недоволен и Плеханов. Л. И. Аксельрод (Ортодокс) устроила мне тогда несколько свиданий с Плехановым, на одно из них со мною пошли и покойный тов. Любич (Саммер), тов. Щур (Скрышник) и еще двое других товарищей, имен которых сейчас не припоминаю. Во время нашей беседы Георгий Валентинович принял торжественный «генеральский» тон, и беседа вышла мало интересной. Гораздо интереснее были наши беседы один на один. Само собою, что своих карт он и тогда не раскрывал, не мог я точно узнать, чем он был недоволен и что ему не понравилось в меньшевистской конференции. Он ограничивался лишь тем, что говорил, что меньшевики хорошие теоретики, но, не в пример большевикам, плохие практики. Во всяком случае, из моих бесед с ним, а также с его ближайшим другом Л. И. Аксельрод (Ортодокс) для меня было совершенно ясно, что Плеханов ищет сближения с нами. Само собою, что о своих беседах я подробно информировал Вл. Ильича и получал от него соответствующие инструкции.

Когда я Плеханову осторожненько, щадя его самолюбие, поставил вопрос о переходе к нам, то он на это полубиженно ответил:

— Как же я могу перейти к вам, когда Ленин окружил себя буржуазными демократами, которые в философских вопросах проповедают ревизию марксизма (намек на группу сборника «Вестник реалистического мирозерцания», среди которых были тов. Луначарский, Богданов, Базаров и др., присоединившиеся после II съезда к нам). Затем, — говорил он, — вы проводите милитаризм в тактических вопросах, вы стоите за участие в буржуазном правительстве, хотя бы и временном, хотя бы и революционном, но все же буржуазном.

По поводу последнего я ему возразил, что в нашей резолюции об участии во временном революционном правительстве, корректурный оттиск которой я ему обещался доставить на другой день, сказано, что «при известных обстоятельствах допустимо участие» в таком правительстве. Плеханов сделал вид человека, облегченно вздохнувшего, и оживленно заговорил.

— А, допустимо — это совсем другое дело. При известных обстоятельствах, конечно, все зависит от обстоятельств, места и времени... и т. д., и т. д.

От Плеханова я направился к Ильичу, который от всей души хохотал по поводу этой «дипломатии» Плеханова. Однако один пункт задел и его больную струнку.

— Конечно, — говорил он, — я хорошо знаю, что философия Богданова и др. не-марксистская философия. Но разве теперь время заниматься философией? Все усилия партии направлены сейчас на организацию революции, а она идет полным ходом. В вопросах же тактики они все занимают выдержанную марксистскую линию. Кроме того, продолжал он, тут не малый грех и на душе Плеханова. Я не философ. Это он должен был повести борьбу с эмпириокритицизмом, махизмом и др., а он отделяется только сердитыми фразами и ни одной статьи не написал по существу против Богданова и его друзей.

Затем В. И. перешел к обсуждению вопроса о том, что можно было бы предложить Плеханову на случай перехода его к нам. Ответственной командной работы вроде председательствования в Совете партии, ему конечно, больше дать нельзя — опасно. Он уж раз подкузьмил нас. Да и никакого совета у нас больше нет. Можно, конечно, кооптировать его в ЦК с тем, чтобы поручить ему представительство партии в Международное социалистическое бюро и редактирование научного органа партии.

«Заря» (научный орган старых искровцев) уже 2 года не выходит, а такой орган нам необходим. Вот пусть он там и разделяется с философским ревизионизмом. Это будет очень полезная работа.

На другой день я передал Плеханову отгиск нашей резолюции об участии во временном революционном правительстве. Плеханов быстро прочитал ее и еще раз повторил, что в таком виде она вполне приемлема. Дальнейший разговор носил уж совсем товарищеский характер без напускного генеральства. Хотя он мне не дал положительного ответа, но редактирование «Зари» и представительство в МСБ ему очевидно улыбалось, однако, ограничиваться только этим он явно не хотел.

Через некоторое время вышло наше извещение о партийном съезде, в котором были отпечатаны и резолюции съезда. Я взял экземпляр «Извещения» и отправился к Плеханову. К моему удивлению Плеханов на этот раз встретил меня весьма холодно и в течение нашей короткой беседы смотрел на меня «волком». Я сначала не мог понять причины такой резкой перемены в нем, но дело быстро разъяснилось. Когда я подал ему экземпляр «Извещения», то Плеханов пренебрежительно бросил его в сторону, проронив сердито: «читал». Я в недоумении смотрел на него, стараясь найти причину перемены настроения Плеханова. После короткой, крайне неловкой паузы, он вдруг обиженно заговорил.

— Что же вы это, батенька, — меня из партии исключили?..

Я недоуменно взглянул на него.

Он взял наше «Извещение», пренебрежительно ткнул пальцем в то место резолюции о конституировании съезда, где говорится: «таким образом три члена совета партии не исполнили явной воли партии и тем поставили себя вне партии» ¹⁾

¹⁾ Весь абзац соответствующей части резолюции гласит так:

«В совокупности с наличными делегатами от 20 комитетов это составляет 29 комитетов, т.-е. во всяком случае, более $\frac{3}{4}$ от 34 комитетов.

Если 9 делегатов от названных комитетов не явились на съезд, несмотря на то, что получили от комитетов соответственные мандаты и явились за границу, то отсутствие их на съезде объясняется не виною организационного комитета, а тем, что все усилия организационного комитета создать полную представительства на съезде разбились о незаконное противодействие трех заграничных членов бывшего совета партии (т.-е. Плеханова, Мартова и Аксельрода. — Г. Ш.).

Таким образом, три члена совета партии не исполнили явной воли партии и тем поставили себя вне партии. Рассматривая такое противодей-

Я возразил ему, что это не исключение из партии, а только констатирование печального факта нарушения воли партии и ее устава, и что исключенных членов партии не приглашают в ЦК и не поручают представлять партию в МСБ и редактирование научного органа партии и т. д.

На это Плеханов, фыркая, ответил, что это указывает только на нашу нелогичность, и тут же разразился длинной филиппикой, что Европа этому не поверит, что мы станем посмешищем в глазах социалистического пролетариата всего мира и т. д., и т. п. Закончил он фразой: «Извините, батенька, Плеханова нельзя исключить из партии, ибо Плеханов это — программа партии, ее знамя!»

Я направился к Ильичу, чтобы сообщить ему о неожиданном повороте дела. Ильич заходил по комнате и огорченно заговорил:

— Вот, это и есть Плеханов! Обидчив, как дите малое. Разве можно из-за этого расстроить дело? Он же отлично знает, что с меньшевиками ему не по дороге, он же такой умница, а вот поди же, из-за глупости вдруг обидится и испортит все дело.

Я, в свою очередь, не мог на этом успокоиться и направился к Л. И. Аксельрод-Ортодокс, которая повторила мне, только более пространно, фразы Плеханова о том, что над нами будет смеяться пролетариат всего мира, что Плеханова знает весь Интернационал, что Плеханов — знамя партии и т. д. Мои старания через нее убедить Плеханова, что из-за одной «неудачной» фразы нельзя расстроить серьезного дела, что речь идет о гораздо большем, о судьбе партии, о ее «революционном знамени» и т. д. ни к чему не привели. Плеханов был смертельно обижен, и о единоличном переходе к нам он больше не разговаривал. Вопрос был поставлен в другой плоскости, при чем все дальнейшие разговоры я уже вел не с Плехановым непосредственно, а через Аксельрод-Ортодокс.

ствие, как прямое нарушение доверенными должностными лицами партии определенно выраженной воли их доверителей, съезд возлагает на этих трех членов бывшего совета партии ответственность за раскол партии и, выражая глубокое сожаление об этом расколе, высказывает непреложное убеждение в скором восстановлении единства партии, безусловно необходимого с точки зрения интересов российского пролетариата в переживаемый критический момент его революционной борьбы.

Плеханов поставил вопрос об объединении обеих частей партии. В передаче Ортодокс выходило, что Плеханов вне фракций, что он знает достоинства и недостатки обеих частей партии (меньшевики хорошие теоретики, а большевики хорошие практики), что он стоит выше фракций, что в такой момент раскол партии есть преступление, и поэтому он войдет в партию только тогда, когда обе части объединятся.

Я указал на то, что объединение партии является живейшим нашим желанием и всех членов съезда. Последнее мое уверение вызвало большие сомнения у Плеханова, который поверил сплетням меньшевиков о том, что Ленин не терпит противоречий и потому сознательно ищет раскола, чтобы единолично управлять партией. Я с тем большим основанием мог уверять его в противном, что, помимо известного мне настроения Владимира Ильича и членов съезда, на этот счет съезд выработал специальную резолюцию, подлежащую опубликованию, где подробно были изложены условия возможного объединения с меньшевиками. Замечу в скобках, что эта резолюция, повидимому, не сохранилась, так как, насколько мне известно, она в печати до сих пор нигде не появилась. Результатом моих разговоров было совещание, устроенное при посредстве Плеханова, между представителями нашего ЦК и меньшевистского центра, выбранного на женевской конференции и назвавшегося Организационной Комиссией.

Не могу сейчас точно припомнить всех участников совещания. Помню лишь, что для этой цели Владимир Ильич телеграммой вызвал тов. Никитича (Л. Б. Красина), ушедшего на несколько дней в горы.

Тов. Красин приехал на другой же день, и вечером в моем присутствии состоялось совещание представителей обоих центров в боковой комнате одного из женевских кабачков. Ни Владимир Ильич, ни Плеханов в совещании участия не принимали, не было там и др. заграничных лидеров меньшевизма — ни Мартова, ни Аксельрода, ни Дана. Это было совещание российских практиков.

Совещание продолжалось недолго, так как выяснилось, что только наш съезд дал определенные инструкции и полномочия вновь избранному ЦК для ведения переговоров об объединении; меньшевистская же конференция своей Организационной Комиссией никаких директив на этот счет не дала. В виду этого решено

было, что оба центра будут продолжать переговоры в России, притом в плоскости объединения организаций на местах. Этим и кончилось мое участие в ведении переговоров между Владимиром Ильичем и Плехановым в мае — июне 1905 г.

IV. Русский ЦК и Плеханов. Противодействие Вл. Ильича.

Однако, мысль о привлечении Плеханова на нашу сторону не заглохла. Вышедший недавно пятый «Ленинский Сборник» приводит массу интереснейшего материала, относящегося к этому периоду и в том числе чрезвычайно интересные документы, освещающие отношение Владимира Ильича и влиятельнейших членов нашего ЦК к этому вопросу.

Раньше всего имеются резолюции ЦК, вынесенные 20 мая 1905 г., т.-е. как раз во время моих разговоров с Плехановым (в Женеву я приехал числа 14—15 мая). Резолюции эти были приняты, повидимому, на всякий случай, а привести их в исполнение должен был Владимир Ильич, в зависимости от исхода переговоров. Вот они:

«Постановления Центрального Комитета,

Центральный комитет назначает тов. Плеханова ответственным редактором Научного органа партии.

20 мая 1905 года.

Тидевейн (Л. Б. Красин), Ленин, Вадим (Д. С. Постоловский).

Центральный комитет поручает тов. Плеханову представлять Российскую соц.-дем. раб. партию в Международном социалистическом бюро.

20 мая 1905 года. Тидевейн (Л. Б. Красин), Ленин, Вадим (Д. С. Постоловский).

Оба вышеизложенные постановления поручается привести в исполнение тов. Ленину, как только закончатся в благоприятном смысле начатые переговоры». (V Ленинский Сборник, стр. 292.)

О существовании этих резолюций я не знал или знал, но успел основательно забыть. Во всяком случае, сейчас эти резолюции были для меня приятным сюрпризом, ибо ничего не может быть приятнее, когда вдруг находишь документ, подтверждающий правильность сохранившегося в памяти. Другие документы V Сборника рисуют дальнейший ход начатых в Женеве пере-

говоров. Несмотря на женевские неудачи, о которых тов. Красин был хорошо осведомлен, ЦК в России в присутствии, и вероятнее всего, по инициативе тов. Красина принимает 9 июля новое постановление о назначении Плеханова нашим представителем в МСБ и редактором Научного органа партии.

Соответствующая резолюция гласит:

1. «На основании § 5 устава РСДРП ЦК постановил предложить тов. Плеханову быть представителем партии в Международном Социалистическом Бюро».

2. «Революция, охватившая Россию, выдвинула целый ряд крупнейших вопросов, нуждающихся в теоретической разработке с точки зрения научного социализма. Стремясь удовлетворить потребность партийных работников в научном социал-демократическом органе, ЦК постановил: 1) предложить тов. Плеханову взять на себя организацию и ведение литературной стороны издания партийного соц.-демократического научного органа, на правах его ответственного редактора; 2) обеспечить с технической и финансовой стороны издание предлагаемого органа».

Явейн (Красин), Дюбуа (Постоловский), Рейнерт (Богданов)».

Тов. Стасова, сообщавшая Владимиру Ильичу об этих постановлениях ЦК, добавляет:

«Эти два постановления еще не разосланы по комитетам и будут разосланы только в том случае, если вы по условиям, которые вам лучше известны, найдете его правильным и подлежащим опубликованию». (Ленинский Сборник, стр. 473—474.)

Ни постановления, ни письмо секретаря ЦК тов. Стасовой не говорят, однако, кому поручено провести эти решения в жизнь. Тов. Стасова говорит только о рассылке по комитетам, «если найдете его правильным». Оно, далее, не ставит Плеханову никаких условий, в зависимости от которых ему будет поручено выполнение таких важнейших партийных функций. Нет ничего удивительного поэтому, что решение русского ЦК вызвало серьезные возражения со стороны Владимира Ильича. В письме на имя ЦК без даты, которое редакция «Ленинского Сборника» относит к июлю 1905 г., которое, повидимому, является ответом на письмо тов. Стасовой с сообщением о приведенном выше постановлении, Владимир Ильич пишет:

«Насчет Плех[ано]ва удивляюсь крайне, что вы обошли молчанием вопрос, еще с Винтером (Л. Б. Красиным) поднятый у нас здесь. Вправе ли мы назначить представителем партии человека, который нежелает войти в партию и признать III с'езд? Теперь, ведь, он печатно заявил, что III с'езд законным не считает и представителем будет лишь от обеих фракций. Здесь ряд товарищей указывал уже тогда, к[ог]да Винтер (Л. Б. Красин) был здесь, что, назначая Плех[ано]ва, мы только разбалуем и окончательно испортим его. Я сначала был за Плех[ано]ва, но теперь вижу, что назначить его без условий нельзя. Представьте только себе конкретно, что значит иметь представителем в бюро человека, с которым никто не разговаривает, которого невозможно заставить «представлять» действительно ЦК, а не самого себя! Мы теперь добились-таки прямых сношений бюро (Международного социалистического бюро) с нами и видим, что есть немало делишек и денежных, и других (обращения от имени России и по поводу России, о чем я им недавно писал; способ представительства, о чем они меня запросили на-днях, и т. д.). Бюро писало, что есть опять какое-то «предложение Бебеля» (до нас еще не дошедшее); должно быть опять старикашка «мирить» собрался (Каутский поместил преподлую статью по поводу немецкого издания «Извещения»). Подумайте, каково наше положение, если представителем будет Плеханов, и Плех[ано]ву придется иметь дело с Бебелем по вопросу о «мире»? Я очень хорошо понимаю, какие сильные резоны заставляют нас всех и вас особенно желать «мира», желать назначения Плеханова, но я убедился, что такие шаги, без реального обеспечения мира, будут лишь фальшивым шагом, еще более запутают дело, вызовут новые расколы, нарушения договоров, пререкания, новое озлобление и только отдалят дело об'единения. Поэтому, все толки об об'единении будут пустой фразой, пока не выработается на опыте осуществимый план его: к этому идет дело, надо выждать несколько месяцев, пусть все оценят нелепость решений конференции (т.-е. женеvской меньшевистской конференции. — Г. Ш.), пусть опыт разрушит их идиотский «организа[ационный] устав», пусть опыт посократит их претензии (ибо, в общем, у нас дела лучше и мы, явно, идем к победе), — тогда начнутся переговоры прямые, без посредников, между центрами, тогда мы выработаем (сразу или с двух, трех

раз, не берусь сказать конечно) *modus vivendi*. А теперь надо бороться.

Мое предложение: сделать «предложение» Пл[ех]ано[ву] в духе вашем, но с условием, если он пожелает признать III съезд, войти в партию и подчиниться ее решениям. Таким шагом мы аппаратом соблюдаем и обезвредим всякую возможную путаницу.

До получения вашего ответа не буду ничего предлагать Плеханову. Очень прошу отложить решения до нашего свидания в сентябре». (V Лен. Сборн., стр. 479—480.)

Тем временем, справедливые опасения Владимира Ильича получили новое подтверждение и еще больше осложнили дело. 16 июня Плеханов написал письмо в МСБ (см. приложение I), в котором он изобразил по-своему положение дел в партии. Владимир Ильич, конечно, не мог оставить без внимания письмо Плеханова и письмом от 24 июля (см. приложение II) на имя МСБ постарался опровергнуть плехановское изображение положения дел в партии, а также и его утверждение, будто бы «обе фракции просили меня (Плеханова) продолжать быть представителем РСДРП в МСБ». Об этой истории Владимир Ильич пишет центральному комитету 28/VII следующее:

«О Плеханове. Мы поручили специальному агенту Лядову рассказать вам, как стоит вопрос. Повторяю вкратце. Плеханов невероятно нахально поступил, написав в Междунар[одное] Соц[иалистическое] Бюро, что его уже признали (!) обе фракции, и обругав, опорочив всячески наш III съезд. У меня есть копия его письма, присланного мне из Бюро. Она будет вам послана. Я добился с великим трудом сношений с М[еждународным] С[оциалистическим] Бюро и опроверг Плеханова. Плех[ано]в тогда отказался от представительства. Вы знаете, что я вовсе не был безусловным противником назначения Плех[ано]ва, но теперь это было бы прямо невыносимо. Это настолько дезавуировало бы меня, что мое положение стало бы невозможно. Это окончательно уронило бы нас в глазах М[еждународного] с[оциалистического] бюро. Не забывайте, что все почти заграничные с[оциал]-д[емократы] на стороне «икон» и нас считают ничем, третируют. Вы испортите все дело, если сделаете неосторожный шаг. Поэтому убедительно прошу Вернера (А. А. Богданова) и Шмидта (П. П. Румянцева) как можно скорее, хотя бы провизорно, подтвердить мои шаги. Это раз. А второе: предложить Плех[ано]ву

научный орган от имени ЦК РСДРП, но с условием, ч[то]бы Плех[ано]в признал 3-й съезд и обязательность для себя его решений. Если он отвергнет, тогда вина падет на него, а мы доказали свое примиренство. Если он примет, тогда мы сделаем дальнейший шаг навстречу. Итак: решение о представительстве убедительнейше советую отменить, а о науч[ом] органе редактировать с этим условием». (См. V Ленинский Сборн.» стр. 483—484.)

Однако русские члены ЦК, повидимому, не согласны были с точкой зрения Ильича.

Они всячески медлили с назначением представителя в МСБ. Вели переговоры с меньшевиками об объединении, при чем чрезвычайно скверно информировали Ильича об этих переговорах, так что в одном письме Ильич даже угрожает жаловаться на российских членов ЦК IV съезду: «Ей богу, буду».

В письме от 3/X Владимир Ильич опять напоминает ЦК свою «настойчивую» просьбу ответить, наконец, Международному соц. бюро по вопросу о конференции с ним, а по поводу назначения Плеханова в МСБ пишет:

«Насчет Плеханова тоже формально и окончательно: да или нет. Кого же назначить? Отсрочка этого вопроса крайне опасна».

8 октября Владимир Ильич опять пишет ЦК о Плеханове:

«Дорогие друзья. Спешу уведомить вас об одном важном повороте дел по вопросу о представительстве в Межд[ународном] Бюро. Южно-рус[ская] к[он]ф[ерен]ция м[еньшеви]ков приняла об этом резолюцию, в к[о]т[орой]: 1) грубая ложь на мой лично счет. Я отвечаю в № 20 «Прол[етария]», выйдет послезавтра; 2) Плех[ано]ва просят быть представителем их части партии¹⁾».

Это именно то, что вам нужно! Пл[е]х[ано]в, конечно, уважит их просьбу. Его квази-нейтралитет, гибельный для нас, будет сорван, что и требовалось доказать. Пусть в М[е]жд[ународном] Бюро будет двое: от б[ольшинст]ва один и от м[еньшинст]ва один. Это всего лучше. При этом, если Пл[е]х[ано]в будет от м[еньшинст]ва, это еще лучше. Это превосходный прецедент для будущего объединения. Усердно прошу: бросьте теперь совсем

¹⁾ В этой же резолюции южно-русская конференция обращалась «ко всем организациям «большинства» с предложением высказаться по этому вопросу и с своей стороны уполномочить Плеханова на это представительство»...

мысль о Плех[ано]ве и назначьте своего делегата из б[ольш]ин[ст]ва. Т[оль]ко т[ог]да мы вполне будет обеспечены. Хорошо бы назначить Орловского (В. В. Воровского). Он знает языки, умеет говорить и обладает представительностью. Большая часть сношений письменная, почти все, и мы, конечно, стали бы советоваться. Хотя и советоваться не о чем: уверяю вас по опыту, что это представительство — чистейшая формальность. Плеханов во времена оны много раз поручал это представительство Кольцову, и от этого никогда не бывало никакой беды, хотя Кольцов никуда не годный «парламентарий» и вообще удальень невозможный. Жму руку. Н. Ленин» ¹⁾.

Это письмо, повидимому, наконец, подействовало, и ЦК назначил Ильича своим представителем в МСБ, что видно из письма Вл. Ильича от 25/X.

У. Новая попытка сближения с Плехановым.

Однако, уже 27/X, т.-е. через пару дней после получения известия о решении вопроса о представительстве в МСБ и за три дня до издания манифеста от 17 (30) октября Владимир Ильич, который, казалось бы, должен быть доволен, что заставил ЦК в России отказаться от мысли поручить Плеханову ответственную партийную работу, вдруг срочно пишет ЦК следующее коротенькое послание:

«Пожалуйста, напишите мне тотчас, предоставляете ли вы мне пригласить в наш широкий редак[ционный] к[омитет] (семеро) и в редакцию «Новой Жизни» Плеханова. Телеграфируйте (подпись Болеслав. Адрес — Крупская): Давид Дюфур з). Да или нет. Я сделаю еще попытку сблизиться с ним, хотя надежды не очень много. Привет» ²⁾.

И вслед за этим Владимир Ильич посылает Плеханову следующее чрезвычайно характерное для отношений Владимира Ильича к Плеханову письмо:

«Многоуважаемый Георгий Валентинович!

Я обращаюсь к вам с этим письмом, потому что убежден, что вопрос о необходимости объединения с[оциал]-д[емократии]

¹⁾ V Ленинский Сборник, стр. 515.

²⁾ Там же, стр. 524.

уже назрел окончательно, а его возможность именно теперь особенно велика. Два повода заставили меня не откладывать дальше прямого обращения к вам: 1) основание в Питере легальной газеты [социал]-д[емократии] «Новой Жизни» и 2) события последних дней. Если даже эти события не приведут очень быстро к нашему возвращению в Россию, то во всяком случае это возвращение теперь совсем близко, и [социал]-д[емократическая] газета дает немедленную почву серьезнейшей общей работы.

Что мы, большевики, страстно желаем работать вместе с вами, это мне вряд ли нужно повторять вам. Я написал в Питер, чтобы все редакторы новой газеты (пока их семеро: Богданов, Румянцев, Базаров, Луначарский, Орловский (Воровский), Ольминский и я) обратились к вам с коллективной и официальной просьбой войти в редакционную коллегию. Но события не ждут, почта прервана, и я не считаю себя в праве откладывать необходимого шага ради одной, в сущности, формальности. По существу, я вполне и безусловно уверен в общем согласии и радости по поводу такого предложения. Я знаю прекрасно, что все большевики рассматривали всегда расхождение с вами, как нечто временное, вызванное исключительными обстоятельствами. Споры нет, борьба часто увлекала нас на такие шаги, заявления, выступления, которые не могли не затруднять будущего соединения, но готовность объединиться, сознание крайней ненормальности того, что лучшая сила русских [социал]-д[емократов] стоит в стороне от работы, сознание крайней необходимости для всего движения в вашем руководящем, близком, непосредственном участии, — все это было у нас всегда. И мы все твердо верим, что не сегодня, так завтра, не завтра, так послезавтра наше соединение с вами все же состоится, несмотря на все трудности и препятствия.

Но лучше, чтобы это было сегодня, чем завтра. Дела повернули теперь так, что можно опоздать, и мы намерены приложить все усилия, чтобы не опоздать.

Захотите ли вы работать вместе с нами? Я был бы чрезвычайно рад, если бы вы согласились на то, чтобы нам свидеться вдвоем и поговорить на эту тему. Я уверен, что при личном свидании многие недоразумения были бы устранены, многие кажущиеся трудности делу объединения сразу бы отпали. Но на случай, что вы не согласитесь вообще или не согласитесь

теперь, я позволю себе наперед коснуться некоторых из этих трудностей.

Трудности таковы: 1) ваши разногласия со многими членами новой редакции; 2) ваше нежелание входить в одну из двух половин с[оциал]-д[емокра]тии. — Первая трудность, мне кажется, вполне устранима. Наше согласие с вами касается, примерно, $\frac{9}{10}$ вопросов теории и тактики, а ради $\frac{1}{10}$ расходиться не расчет. Вы хотели и хотите исправлять некоторые ошибочные, на ваш взгляд, утверждения в моих произведениях. Но я нигде и никогда не пытался связать кого бы то ни было из с[оциал]-д[емократов] специально своими взглядами, и никто, безусловно никто, из новой редакции не ангажировал себя ни в какие «ленинисты». Речь Барсова (Цхакая) на III съезде выражает в этом отношении общие взгляды ¹⁾. Вы считаете ошибочными философские взгляды трех из названных семи лиц ²⁾. Но и эти трое не пытались и не пытаются связать эти свои взгляды с каким бы то ни было официально партийным делом. И эти трое, — я говорю не на ветер, а на основании известных мне точно фактов — были бы чрезвычайно рады совместной работе с вами. Политически расходиться теперь, в такое время нам с вами, когда ваше общее сочувствие взглядам большинства известно и из вашего реферата, видно из ваших последних произведений, видно косвенным образом из позиции наиболее может быть солидарного с вами Парвуса, — политически расходиться нам теперь было бы крайне нежелательно, крайне неуместно, крайне вредно для с[оциал]-д[емокра]тии.

А новая легальная газета, которая будет иметь аудиторию в десятки, если не сотни, тысяч рабочих, — да и вся завтрашняя работа в России в такой момент, когда ваши громадные знания и громадный политический опыт страшно нужны русскому пролетариату, — все это создаст новую почву, на которой всего легче будет забыть старое, спеться на живом деле. Переход от женеvской работы к Питерской — донельзя благоприятный психологически и в партийном отношении переход для пере-

¹⁾ Редакция Ленинского Сборника полагает, что Владимир Ильич имел в виду ту часть речи тов. Цхакая на III съезде, в которой тот заявил: «мы только социал-демократы, революционные социал-демократы, научные социалисты, марксисты, как и уважаемый тов. Ленин». («Протоколы», стр. 383.)

²⁾ Имеются в виду А. А. Богданов, А. В. Луначарский, В. А. Базаров.

хода от раз'единения к единению, и я сильно надеюсь, что мы не упустим такого момента, которого не было со времени II с'езда и который не повторится, пожалуй, скоро.

Но тут вторая трудность. Вы не захотите, может быть, объединения с одной половиной партии. Вы потребуете, как *conditio sine qua non*¹⁾, объединения всей партии для вашего участия в деле. Что такое объединение желательно и необходимо, в этом вы вполне правы. Но возможно ли оно теперь? Вы сами склонны отвечать на это отрицательно, ибо предлагали недавно лишь федерацию. Теперь самой широкой трибуной для нашего воздействия на пролетариат является ежедневная питерская газета (мы в состоянии будет поставить издание в 100.000 экземплярах и довести цену до 1 копейки за номер). Мыслима ли теперь коалиционная редакция с меньшевиками?? И мы думаем, что нет. И меньшевики думают, что нет. И вы, судя по вашему предложению федерации, думаете, что нет. Неужели же потребуются три газеты? Неужели для политического органа революционной с[оциал]-д[емокра]тии мы не можем сойтись вместе, когда организационных разногласий у нас собственно никаких нет, и завтрашний переход партии на открытое положение рассеет все остатки опасений насчет заговорщичества. А тактические разногласия наша революция сама сметает с поразительной быстротой, да притом против резолюций III с'езда вы не выдвигали никаких разногласий, а ведь эти резолюции — единственная, связывающая нас всех, большевиков, директива партии.

При таких условиях, кажется мне, ваш переход к нам вполне возможен, и дело будущего объединения он не затруднит, а облегчит и ускорит. Вместо теперешней затяжной, благодаря вашему отстранению, борьбы получится более твердая ситуация всей революционной социал-демократии. От этого и борьба станет более спокойной, более выдержанной. От этого вся широкая масса с[оциал]-д[емократов] сразу почувствует себя уверенно, надежно, — сразу повеет иным духом, и новая газета начнет завоевывать себе с часу на час передовую в с[оциал]-д[емокра]тии позицию, не оглядываясь назад, не разбирая подробностей

¹⁾ *Conditio sine qua non* — обязательное, необходимое условие.

старого, а лишь твердо и выдержанно руководя рабочим классом на теперешнем поле борьбы.

Закончу еще раз просьбой согласиться на наше свидание с вами и выражением нашей общей, большевиков, уверенности в пользе, важности и необходимости совместной работы с вами.

Искренно уважающий вас В. Ульянов ¹⁾.

Произошло ли свидание, о котором хлопотал Ильич, или нет — мне сейчас установить не удалось. Не помнит этого и Надежда Константиновна. Однако, в моей памяти хранится рассказ, слышанный мною во время эмиграции чуть ли не от самого Владимира Ильича, о свидании между ним и Плехановым перед самым отъездом Владимира Ильича в Россию и даже о чрезвычайно дружественном тоне этого свидания. Во всяком случае ощутительных результатов это письмо не дало. «Лучшая сила русских социал-демократов», в «руководящем, близком, непосредственном участии» которого, по словам Владимира Ильича, была «крайняя необходимость», продолжала оставаться в стороне от работы, а поражение декабрьского восстания в Москве еще дальше отбросило Плеханова от нас. Из факта неудавшегося восстания он делал вывод (см. № 4 «Дневника Соц.-Демократа»): «не надо было и браться за оружие». Политическая трещина, отделявшая Плеханова от большевиков, сделалась еще большей.

VI. Период ликвидаторства.

В настроении Плеханова вскоре наступает новый перелом. Поражение революции породило течение ликвидаторства. Плеханов смог воочию убедиться, к чему приводит последовательный меньшевизм, и он метнулся опять в нашу сторону. В августе 1909 г. он возобновляет свой «Дневник», который в течение 3 лет не выходил. «Мы переживаем кризис, грозящий самому существованию нашей партии», — этими словами объясняет Плеханов возобновление своего «Дневника», и это же обстоятельство заставило его искать сближения с нами. Нечего говорить о том, что Владимир Ильич этому был чрезвычайно рад и изо всех сил ухватился за идею блока с Плехановым.

¹⁾ V Ленинский Сборник, стр. 525—528.

Осенью 1909 г. я бежал из Ангарской ссылки и поселился в Швейцарии в качестве эмигранта. Была самая тяжелая полоса реакции и полный разгул ликвидаторства. Политическая жизнь почти замерла. Из России, вернее из тюрьмы и ссылки, я вывез идею необходимости объединения с меньшевиками-партийцами. Я об этом написал Владимиру Ильичу сейчас же после моего приезда в эмиграцию и, оказалось, что мои взгляды не только вполне совпадали со взглядами Ильича, но, как мне потом говорил тов. Каменев, мое письмо было большой радостью для нашей руководящей тройки (Ленин, Зиновьев, Каменев), ибо оно было чуть ли не первым откликом из России на события последнего времени. Они были чрезвычайно рады тому, что и русские товарищи оценивают события так, как и они.

Я всячески искал свидания с Плехановым, и оно, наконец, состоялось осенью 1910 г., когда Плеханов приехал в Берн для чтения реферата. Об этом свидании и выступлении Плеханова я подробно написал Ильичу и получил от него следующее письмо:

(14 ноября 1910 г., Париж.)

«Дорогой товарищ! Большое спасибо за письмо и вести о плехановской агитации. Нам крайне, крайне ценны теперь все подобные сообщения, позволяющие подробно судить о настроении заграничных [социал]-д[емократов]. Я подумываю тоже съездить с рефератом в Швейцарию (Женева, Лозанна, Берн, Дюрих). Не знаю, окупится ли поездка.

Насчет блока с Плехановым, по-моему, вы вполне правы, что мы должны быть за блок. Я стою всецело с 1909 г. за сближение с плехановцами. И теперь еще больше. Только с плехановцами мы можем и должны строить партию — на «впередовцев» и «голосовцев» давно пора махнуть рукой. Ошибка думать, что плехановцы слабы, «нули» (как иногда говорят) и т. п. Это — заграничное впечатление. Я глубоко убежден, что в России ме[ньшеви]ки рабочие на $\frac{9}{10}$ плехановцы. Вся история меньшевизма в революции ручается за то, что плехановство есть лучший продукт (и потому жизнеспособнейший) из пролетарского рула меньшевиков.

Мы с Плех[ано]вым в Копенгагене говорили об издании полу[ярной] газеты. Она необходима... С Плех[ано]вым мы вполне

согласны, ч[то] с Троцким нечего делать. Либо поставим популярную газету при ЦО, либо отдельно от группы б[ольшевиков]. Плех[анов] обещал сотрудничать. Нужны будут деньги — у нас есть самая малость. Надеюсь на всяческую помощь с вашей стороны. Бьемся над постановкой журнала в России (à la «Возрождение» и «Жизнь»). Нет зацепки, нет секретаря, не через кого наладить — все проваливаются наши люди. Беда! А журнал необходим.

Жму руку. Ваш Ленин» ¹⁾.

Однако, решительные действия большевиков опять оттолкнули Плеханова от нас. Энергично поведенная Владимиром Ильичем борьба за конференцию, притом без ликвидаторов и близких к ним групп и вопреки им, испугали колеблющиеся элементы в нашей собственной среде («примиренцы»); тем более они должны были оттолкнуть и действительно оттолкнули Плеханова, и он опять стал медленно отходить от нас. Он опять остался в одиночестве, не примыкая ни к тем, ни к другим. Тем не менее Плеханов продолжал всегда интересоваться Владимира Ильича, который никогда не терял надежды на то, что Плеханов придет к нам.

В письме ко мне от 12 сентября 1913 г. имеется следующая весьма характерная приписка:

«25 августа вышел в Москве № 1 «Наш[его] Пути». Конфискован. Это — наша ежедн[евная] газета. В Питере 25 августа на собр[ании] 3.000 металлистов ликвидаторы разбиты на голову. Имеете ли «Сев[ерную] Правду»? Поздравляю с 2 победами! Эх, втолковать бы Плеханову, что лучше не глупить, не играть в блоки с мертвецами!». (Последняя разбивка моя. — Г. III.)

Плеханов однако продолжал «глупить», и в другом письме Ильича ко мне, написанном в октябре 1913 г., имеется следующий постскрипtum:

«Про Плех[ано]ва г[ово]рят, будто он послал Мартову «формулу объединения», а М[артов] ответил отказом: не серьезно-де, ибо вы сильно колеблетесь. По-моему, это либо утка, либо перо врано жестоко. Не знаете ли источника сей сплетни?».

¹⁾ Печатается с разрешения института В. И. Ленина.

Не хотелось Ильичу верить в падение Плеханова, хотелось ему, чтобы это было «либо утка, либо перевернуто жестоко», либо вообще сплетня... Впрочем, было ли это сплетней, или в этом рассказе содержались какие-либо элементы истины, мне установить ни тогда, ни впоследствии не удалось.

VII. Империалистическая война.

Пришла империалистическая война. Владимир Ильич и Зиновьев бежали из Австрии в Берн. Владимир Ильич стал развивать свои тезисы против войны, агитировать за них, распространять их.

Мы долгое время не могли точно узнать, каких взглядов по вопросу о войне держится Плеханов: слухи были разноречивые. Ильича это прямо интриговало. Но вот я узнаю, что Плеханов возвратился из Парижа, где он был захвачен войной, и в такой-то день и час он должен читать реферат в своей (плехановской) группе в Лозанне. Я сообщил об этом Ильичу и Зиновьеву, и мы решили поехать в Лозанну и, не говоря худого слова, «нагрянуть» на собрание, рассчитывая на то, что непрощенных гостей все же не удалят. Мы так и сделали.

В Лозанне мы захватили тов. Мовшовича (Володю Сапожника) и направились на собрание в Народный дом. Плеханова ждали с минуты на минуту. У плехановцев с нашим появлением произошел переполох: попробовали нам «намекнуть», что в сущности это только узкое собрание «своих», но мы постарались намека не понять. Хотя поезд из Женевы (Плеханов жил в Женеве) давно пришел, но Плеханов все не являлся. Очевидно, на наш счет шли совещания. Наконец, он явился, взобрался на кафедру и, путаясь, повторяясь и смущаясь (совершенно не в духе Плеханова было смущаться), начал говорить, что видит тут много народу, от него, очевидно, ждут какого-то доклада, а у него никакого доклада нет, и делать его не готовился и не собирался. Его пригласили сюда, чтобы побеседовать со своими «единомышленниками», от такой беседы он, конечно, не отказывается, но сейчас уже 3 часа, а в 5 часов отходит его поезд, с которым он обязательно должен уехать. Пусть, мол, товарищи ставят вопросы, какие их интересуют, и он будет отвечать на них.

Маленькое замешательство в зале. Тогда из передних рядов раздается голос члена нашей лозаннской секции тов. Ривлина,

что нас интересует вопрос о войне. — Ну, что же, можно побеседовать и о войне, — сказал Плеханов, и произнес блестящую полуторачасовую речь. Основные мысли его лозаннской речи были потом изложены в его брошюре: «О войне. Ответ тов. З. П.»¹⁾ на которой имеется дата: Сан-Ремо, 27 октября 1914 года. Разница только та, что в своей речи Плеханов высказывался далеко не так решительно, как в своей брошюре. Его речь была настолько дипломатична, что многие присутствовавшие на собрании только впоследствии раскусили его патриотическую позицию. Я лично только на основании построения всей его речи и отдельных фраз смог во время доклада определенно заключить, что он стал на сторону патриотов.

Его критика немецкой социал-демократии была блестящей и Вл. Ильичу к ней ничего прибавить не пришлось. Когда он перешел к Франции, он нарисовал художественную захватывающую картину пережитого французами в первые дни войны как каждый из них чувствовал, что бош (ругательная кличка немцев) вдруг на него напал, отнимает и разрушает его благополучие, как французы отправлялись в казармы без всякого энтузиазма, придавленные и без надежды на военный успех. Он не защищал прямо вхождение Гедэ и др. французских социалистов в министерство, но картина была нарисована таким образом, что не должно было вызвать удивления, как не удивился бы никто, если рабочий с опасностью для жизни бросается в воду, чтобы спасти какую-то тонущую буржуазную даму. Перейдя к думской декларации (общей от обеих соц.-дем. фракций), он не только не осудил ее, но, наоборот, даже похвалил за принципиальную выдержанность, прибавив, однако, что дело верно, не обошлось без давления большевиков на меньшевистскую часть фракции, и закончил французской поговоркой, что легко маленькой девочке оставаться невинной, так как на ее невинность никто не покушается... А вот немецкую социал-демократию можно сравнить с дебелий девкой, которую прусские юнкера только пальчиком поманили и которая дала себя легко соблазнить и т. д.

¹⁾ На Циммервальдской конференции тов. Коларов сообщил следующие интересные подробности о «тов. З. П.». Это — некто д-р Захарий Попов, ренегат социализма, к тому же германофил...

Впрочем, тут он вставил и такую фразу, которая уже определенно говорила о его позиции. Как на недостаток думской декларации, он указал, что к ней нужно было бы прибавить: мы еще потому не голосуем за военные кредиты, что не доверяем вашим генералам, которые не умеют воевать и не смогут повести армию к победе...

Хотя из этой фразы еще прямо не вытекало (в особенности если принять во внимание, что он одобрил принципиальную выдержанность декларации), что, если бы царские генералы были способны воевать, то за кредиты голосовать нужно было бы, но уклон уже явно обозначался, в особенности в связи с какой-то цитатой (которой я, к сожалению, сейчас припомнить не могу) из речи одного из народовольцев — бывшего военного — на суде.

Ильичу для ответа дали 10 минут, а оставшиеся еще 10 минут были предоставлены Плеханову для заключительного слова. В весьма сжатой, но сильной форме Ильичу пришлось разоблачать Плеханова и выводить его на чистую воду. Это было первое публичное выступление Ильича против живого социал-патриота... и этот социал-патриот был Плеханов...

Мы возвращаемся в Берн, и в вагоне беседуем о Плеханове. «Это говорил не представитель российского революционного пролетариата, а самый настоящий француз», — был приговор Ильича. Однако мы все были того мнения, что нарисованная им картина Парижа первых дней войны была сильна, красочна и что пережитое в те дни наложило решающую печать на Плеханова.

— Кто знает? Если бы война застала Плеханова не в Париже, а в Женеве или Сан-Ремо, он, быть может, не поддался бы этому влиянию, не пошел бы по наклонной плоскости и, возможно, был бы с нами...

Плеханов умер патриотом, но отказался войти в министерство, которое должно было воевать против большевиков, так как он знал, что рабочие за большевиков.

Пятнадцать лет Владимир Ильич воевал против Плеханова, но влюбленность его в Плеханова никогда не проходила, даже в самые острые моменты борьбы. Она не прошла у него и после смерти Плеханова.

Г. Шкловский.

Письмо Г. В. Плеханова в МСБ.

Женева, 16 июня 1905 г.

Дорогой товарищ! Спешу ответить на ваше письмо. Вот факты: III съезд нашей партии, состоявшийся в 1903 г., создал центральные учреждения, которых не было раньше: Совет, ЦК и ЦО. Но на самом съезде произошло расхождение по организационному вопросу, вызванное тем, что одни товарищи были настроены более централистически, чем другие.

Это расхождение все усиливалось, так что через несколько месяцев можно было опасаться раскола в нашей молодой партии.

Поняв всю пагубность такого раскола, ЦК сделал все, что было в его силах, чтобы не допустить его. К несчастью, в начале 1905 г. все члены ЦК, за исключением двух, исчезли... Двое оставшихся членов встали на сторону ультра-централистов и решили созвать III съезд, о котором говорит упоминаемое вами письмо.

По уставу съезд мог быть созван лишь в силу постановления Совета, высшего учреждения партии, и по требованию половины действующих в России комитетов.

Таким образом, действия ЦК были совершенно произвольными (entièrement arbitraires). Но ультра-централисты, состоявшие в открытой оппозиции Совету, с радостью последовали за ним. Они съехали на съезд, на котором присутствовала часть комитетов, самими ультра-централистами названных «болотом». Благодаря такому союзу ультра-централистов с «болотом», делегаты на новом съезде представляли что-то около половины полных организаций.

Эта-то половина партии и приняла те резолюции, о которых говорится в письме тов. Ульянова. Она-то и издает теперь от имени всей партии «центральный» орган «Пролетарий». Другая половина группируется вокруг старого ЦО «Искра».

Таким образом, мы на свой лад выполнили резолюцию Амстердамского конгресса: мы раскололись. В виду этого я прошу вас заметить, что ни одна из частей не имеет права говорить от имени всей партии. В виду этого же и все суммы, которые я буду впредь получать для социал-демократической партии, я буду делить на две равные части. Обе фракции просили меня продолжать быть представителем РСДРП в Международном Бюро. Я не отказался: в данном вопросе мне нетрудно быть беспристрастным.

Я не стою ни за тех, ни за других и думаю, что в нынешних обстоятельствах раскол — великая ошибка, быть может, непростительная.

Вот, товарищи, искренний ответ на ваши вопросы.

С своей стороны, я прошу вас возможно скорее известить меня, полагаете ли вы, что, при известных вам ныне обстоятельствах, я могу продолжать представлять мою партию в Международном Бюро.

Примите и пр.

Г. Плеханов.

P. S. Так как единство в настоящее время необходимо, и разногласия между двумя фракциями ничтожны, вы хорошо сделали бы, дорогой товарищ, если бы обратились к ним с предложением своего посредничества для восстановления единства.

(«Красная Летопись». — «Ленин и Международное Социалистическое Бюро в 1905 г.», стр. 119—120, № 1 (12), 1925 г.)

Приложение 2-е.

Письмо В. И. Ленина в МСБ, от 24 июля 1906 года.

В секретариат Международного
Социалистического Бюро в Брюсселе.

Дорогие товарищи! Несколько дней тому назад мы получили ваше письмо от 28 июн[я] и вместе с ним интересные документы (письма английских товарищей и Плеханова), но, будучи крайне заняты, мы не имели возможности вам ответить немедленно.

Что касается письма тов. Плеханова, то мы принуждены сделать следующие замечания: 1) Утверждение тов. Плеханова, будто после II съезда нашей партии (авг. 1903 г.) между нами разногласия только по организационному вопросу, не вполне соответствует действительности. «Меньшинство» II съезда (с гг. Аксельродом, В. Засулич и Мартовым во главе) фактически раскололо партию немедленно после съезда, объявив бойкот выбранным съездом центральным учреждениям и создав тайную организацию «меньшинства», распущенную лишь осенью 1904 г. Сам тов. Плеханов, бывший на нашей стороне на II съезде партии и съезде Лиги русских соц.-дем. (отг. 1903 г.), был, очевидно, несколько иного мнения о наших разногласиях, когда публично объявил в № 52 «Искры» (ноябрь 1903 г.), что нужно уметь делать уступки «ревизионистам» (выражение Плеханова), чтобы избежать раскола в партии. 2) Не соответствует действительности и утверждение, будто III съезд партии был созван «совершенно произвольно».

По уставу партии Совет обязан созвать съезд, коль скоро этого требует половина комитетов. Совет, как вам известно из резолюций II съезда, переведенных на французский язык, игнорировал устав партии. Комитеты партии и избранное ими «Бюро комитетов большинства», были морально и формально обязаны созвать съезд, хотя бы против воли Совета, склонявшегося от его созыва. 3) Из тех же резолюций III съезда вы знаете, что на этом съезде было представлено не «что-то около половины неправых организаций», а значительное большинство наиболее крупных комитетов. 4) В нашей партии, действительно, есть товарищи, которых в шутку называют «болотом». Члены этого «болота», в продолжение раздоров в недрах нашей партии, беспрестанно переходили с одной стороны на другую. Первый из этих перебежчиков был тов. Плеханов, который еще в ноябре 1903 г. перешел от «большинства» к «меньшинству», чтобы снова покинуть «меньшинство» в мае сего года, выйдя из редакции «Искры». Мы никоим образом не одобряем таких поворотов, но, думаем, нельзя ставить нам в вину, что

товарищи из «болота», после бесконечных комбинаций, решили присоединиться к нам. 5) В письме к Бюро (16—6—05) тов. Плеханов очень некетати забыл упомянуть свое письмо от 29 мая 1905 г., напечатанное в «Искре» (№ 101), точный и полный перевод которого мы вам уже доставили. 6) Говоря о другой, «искровской», фракции партии, тов. Плеханов опять-таки забывает прибавить, что конференция «меньшинства» (май 1905) отменила устав, выработанный на II съезде, и не создала нового центрального органа. Мы полагаем, что Международное Социалистическое Бюро должно иметь точный перевод всех резолюций конференции. Если же «Искра» не захочет их послать в Бюро, мы готовы взять это на себя. 7) Тов. Плеханов говорит, что за созыв III съезда высказались лишь два уцелевшие члена ЦК (остальные были арестованы). Письмо тов. Плеханова помечено 16—6—05; на следующий день, 17-го в № 4 «Пролетария», центрального органа партии, созданного III съездом, было помещено следующее заявление: «Ознакомившись с открытым письмом ЦК к председателю совета партии тов. Плеханову и будучи совершенно солидарны с ЦК, мы находим необходимым — по причинам, которые поймут товарищи, осведомленные в ходе дел внутрипартийной жизни, — заявить о нашей солидарности с ЦК публично». Подписи-псевдонимы: Ма, Бем, Владимир, Иннокентий, Андрей, Ворон. Конфиденциально мы можем вам сообщить, что эти псевдонимы принадлежат арестованным членам ЦК. Следовательно, лишь только члены ЦК узнали о конфликте между ЦК и тов. Плехановым (а, значит, и Советом) по вопросу о созыве съезда, большинство их тотчас высказалось за ЦК против тов. Плеханова. Мы настоятельно просим Международным Секретариатом известить нас, сдел ли тов. Плеханов нужным ознакомить Бюро с этим важным заявлением арестованных членов ЦК, совершенно опровергающим утверждения тов. Плеханова в его письме от 16 июня? 8) Тов. Плеханов ошибается, говоря, что обе фракции просили его оставаться представителем партии в Международном Бюро. До сих пор ЦК нашей партии не обращался ни с какой просьбой по этому поводу. Как мы вам сообщали несколько дней тому назад, вопрос этот еще не решен окончательно, хотя и поставлен на очередь. 9) Тов. Плеханов полагает, что ему нетрудно быть беспристрастным в вопросе о наших разногласиях. После же всего вышеизложенного, мы полагаем, что это ему еще довольно трудно, а в настоящий же по крайней мере, момент почти невозможно.

Перехожу к предложению тов. Бебеля, имеющему отношение к данному вопросу.

Тут мне необходимо сделать следующие замечания: 1) Я только один из членов ЦК, ответственный редактор ЦО партии «Пролетарий». За весь ЦК я могу решать только заграничные дела, некоторые другие специально мне порученные. Во всяком случае все мои решения могут быть отменены общим собранием ЦК. Я не могу, следовательно, решать вопроса вмешательства Бюро в дела нашей партии, но я немедленно отослал в Россию всем членам ЦК ваше письмо, а также письмо тов. Бебеля и Плеханова. 2) Чтобы ускорить ответ ЦК, было бы весьма полезно получить от Бюро некоторые необходимые разъяснения: а) Нужно ли понимать под словом «вмешательство» (intervention) только примирительное посредничество и совет, имеющие

лишь моральную, но не принудительную силу. б) Или же Бюро имеет в виду обязательное решение при посредстве третейского суда; с) предлагает ли исполнительный комитет бюро предоставить право окончательного и безапелляционного решения по вопросу о наших разногласиях Общему Собранию Международного Социалистического Бюро. 3) С своей стороны считаю себя обязанным сообщить для сведения Бюро, что тов. Бебель за несколько времени до III с'езда сделал уже подробное предложение мне и моим единомышленникам, предлагая нам свои услуги или услуги всего правления немецкой партии (Parteivorstand) в качестве третейского судьи в споре между «большинством» и «меньшинством».

Я ответил, что вскоре состоится с'езд партии, и что я лично не могу решать за партию или от имени ее.

Бюро комитетов большинства отвергло предложение Бебеля. III с'езд не принял никакого решения по поводу этого предложения и тем самым выразил молчаливое присоединение к ответу БКБ. 4) Так как Международное Бюро считает возможным черпать сведения в некоторых немецких газетах, я вынужден заявить, что почти все немецкие социал. газеты, а особенно «Die Neue Zeit» и «Leipz. Volksztg.» стоят целиком на стороне «меньшинства» и освещают наши дела очень односторонне и неверно. Каутский, напр., тоже называет себя беспристрастным, а между тем в действительности он дошел до того, что отказал поместить в «Neue Zeit» опровержение одной статьи Розы Люксембург, в которой она защищала дезорганизацию партии. В «Leipziger Volkszeitung» Каутский советовал не распространять немецкого перевода резолюций III с'езда!! После этого нетрудно понять, почему многие товарищи в России склонны считать немецкую соц.-дем. пристрастной и крайне предубежденной в вопросе о расколе в рядах Российской соц.-дем.

Примите, дорогие товарищи...

Н. Ульянов.

(«Красная Летопись», № 1 (12), 1925 г.)

Из красной тетради об Ильиче.

(Клочки воспоминаний.)

1. Первая деловая связь.

Первые деловые отношения с Владимиром Ильичем возникли у меня при следующих обстоятельствах.

Имея намерение в 1907 году издать «Календарь для всех», издательство «Зерно», которое я возглавлял, обратилось к Владимиру Ильичу с просьбой дать статью для «Календаря», при чем послало ему проспект и список участников (т.т. Батулин, Ольминский, Рожков и др.). В ответ на обращение В. И. прислал небольшую статью, специально написанную для «Календаря», «Международный конгресс в Штутгарте», статью, к слову сказать, долгое время остававшуюся мало известной и вошедшую лишь в XX том «Собрания сочинений».

Присланная статья, по сравнению с другой статьей под тем же названием напечатанной в «Пролетарии», — как предназначенная для читателя-массовика, отличалась большей популярностью и давала характеристику не только Штутгартского конгресса, но и всех предшествующих конгрессов.

Календарь представлял из себя, как и следовало ожидать, форменную нелегальщину. В первый же день представления его в цензуру, он был запрещен к распространению и подлежал конфискации. Впрочем, явившейся для наложения ареста полиции удалось захватить всего несколько десятков экземпляров, предупредительно оставленных нами ей на съедение.

Вся же масса календаря, 60 тысяч экземпляров, давно уже гуляла по фабрикам и заводам, по казармам и крейсерам.

Можно с уверенностью сказать, что ни одна статья тов. Ленина не имела такого широкого распространения вплоть до 1917 года.

Первый удачный опыт с легальным изданием нелегальной литературы в этот период уже разошедшейся во-всю реакции укрепил уверенность в возможность издания и распространения большевистской литературы, и был намечен к изданию ряд популярных брошюр, как, напр., «Донское казачество прежде и теперь», «Казна и народ», «Откуда смута» и т. д., а также капитальные издания и в первую очередь Собрание сочинений Владимира Ильича в 2 томах под названием «За 12 лет», в противовес незадолго перед тем вышедшему в свет сочинению Плеханова «За 20 лет».

В то время моими ближайшими сотрудниками были гг. Подвойский, Н. И., Данилов, С. С., Ангарский, Н. С.

Последнему было поручено ехать в Финляндию, где тогда еще проживал Владимир Ильич, получить согласие на издание и договориться об условиях.

Ангарский вернулся с положительным результатом. Все мы ликовали. Будем переиздавать статьи Ленина, большинство которых видело свет только на страницах зарубежной «Искры», «Зари», «Пролетария».

О материальной стороне разговора почти не поднималось. Со стороны Владимира Ильича не было возражений ни относительно тиража — 3.000 экземпляров, ни по поводу цены книги — подписная цена за 2 тома 4 рубля, — ни в вопросе о гонораре — 60 рублей за печатный лист в 40 тыс. букв за перепечатанные статьи и 100 р. с листа за вновь написанные.

Объявлена подписка. Подыскивался фиктивный редактор-издатель на случай конфискации и привлечения к ответственности.

Подписка шла туго. Ко времени выхода I тома число подписчиков не превышало 200.

В I том «За 12 лет» вошли знаменитые статьи: «Что делать», «Шаг вперед, два назад», «Две тактики» и др., переиздававшиеся без малейших сокращений. Поэтому немудрено, что вскоре после выхода из печати «За 12 лет» было конфисковано и вынесено постановление о привлечении к ответственности издателя.

Незадолго до того один товарищ изъявил желание принять на себя ответственность за издание. Его условия — 30 рублей в месяц со дня привлечения к судебной ответственности и, кроме того, в случае лишения свободы, единовременное пособие

в 100 руб. Условия были приняты, и он был отмечен в книге типографии как заказчик и издатель сочинений Вл. Ильина.

Но вот, когда следователь по особо важным делам Петербургского окружного суда вызвал этого товарища в свою камеру начал снимать с него допрос и собирался пред'явить ему обвинение по 129 ст. Уг. Улож., каравшей лишением всех прав состояния и ссылкой на поселение, тот сдрейфил и заявил, что первоначально, действительно, намеревался принять участие в издании, но затем одумался, и запись в книге произведена без его ведома и согласия...

Раз издатель не находился, ответственность ложилась на распространителя, и следователь взялся за нас. Месяцев шесть тянулось следствие; когда наступил момент, чтобы засадить меня по 129 ст., то оказалось, что я сижу в Доме предварительного заключения и что излишне судить меня по 129 ст., когда налицо уже 102 ст., сулившая каторжные работы.

Тотчас после объявления «За 12 лет» запрещенной книгой, пришлось все издание перевезти на нелегальный склад и продавать ее с большой остроткой. Распространение почти прекратилось. Книготорговцы боялись принимать ее даже на комиссию, публикаций тоже нельзя было делать. Высыпалась она только единичным заказчикам.

Чтобы обезопасить II том сочинений Вл. Ильича от конфискации, издательство «Зерно» решило разбить его на две части. В первую часть II тома включить все легальные статьи, во 2-ю часть — статьи из нелегальных изданий и написанные после 1905 года, которых несомненно ожидала участь первого тома.

В тех же целях решено отказаться для второго тома от общего названия «За 12 лет».

В начале 1908 года вышла из печати 1-я часть II тома под заглавием: Вл. Ильин. Аграрный вопрос. Ч. 1. Главное содержание этой книги составили «Экономические этюды и статьи», изданные под таким названием в конце девяностых годов.

Несмотря на небольшой тираж (3.000 экз.) и на отсутствие запрещения цензурой, эта книга имела слабый спрос и до 1917 года разошлась едва ли половина издания.

2-я часть II тома благодаря случайности испытала участь многих знаменитых книг, преданных сожжению «святой» инквизицией.

Вот как это случилось.

Набиралась и печаталась эта книга в «Русской Скоропечатне», Екатерин. канал, 94. Корректурa доставлялась в изд. «Зерно». После разгрома охранкой издательства здесь была устроена засада и, повидимому, таким путем попали в руки жандармов отдельные корректурные оттиски, принесенные на просмотр, а по ним и вся рукопись Вл. Ильича. Впрочем, не исключена возможность, что провал книги произошел не без участия шпионов, которые под видом типографских служащих, были посажены в то время во все типографии.

Как бы то ни было, рукопись В. И., содержащая в себе только что написанную обширную статью «Аграрная программа социал-демократии в русской революции 1905—1907 годов», которой предшествовали в хронологическом порядке несколько статей более раннего периода, лежала на столе у жандармского ротмистра, когда меня ввели к нему на допрос. Тут же лежали оттиски одного-двух листов этой книги.

Придвинув ко мне об'емистую рукопись, написанную убористым шрифтом на листах большого формата, жандарм спросил, не я ли издатель вот этой книги.

Бегло просмотрев, я ответил утвердительно и выразил возмущение, что книга научного содержания, явно не предназначенная для широкого читателя и к тому же в наборе, задерживается печатанием. Повидимому, делается это умышленно, чтобы разорить издательство.*

Ротмистр обиделся... Он отводит приписываемые ему низменные побуждения. Означенная рукопись является явно преступной... В подтверждение своих слов жандарм нагнулся к рукописи и, перелистав несколько страниц, ткнул пальцем на несколько строк в примечании, подчеркнутых жирным синим карандашом.

— Вот прочтите!

То была переписанная от руки статья из нелегального журнала «Заря»: «Аграрная программа русской социал-демократии», написанная в 1902 году.

Подчеркнуто было следующее место (цитирую из «Собр. сочинений» Ленина, т. IX, стр. 280).

...«Мы говорим «создать», ибо старые русские революционеры никогда не обращали внимания на вопрос о республике... (осо-

бенно жирно подчеркнута слово «республика»)... На нашу долю (если не говорить о давно забытых республиканских идеях декабристов), на долю социал-демократов, выпало распространить требование республики в массе и создать республиканскую традицию среди русских революционеров».

Я перелистывал рукопись. Еще кое-где нашел отмеченные карандашом отдельные места, испугавшие жандармов, но все пометки относились лишь к первым статьям, расположенным в хронологическом порядке, на основной же статье тома следы жандармского сыска отсутствовали. Повидимому, жандармы с увлечением нескольких страшных слов приостановили дальнейшие поиски, считая свою миссию законченной и возбудили ходатайство об уничтожении зловердной рукописи.

Уничтожена была рукопись, насколько помню, определением Спб. Судебной Палаты в 1908 году; черновик, однако, сохранился у Владимира Ильича. Книга появилась в печати только в 1917 году.

Когда после отбытия почти трехлетнего одиночного заключения в крепости, я в 1911 году вышел на свободу, тотчас же приступил к ликвидации громадных книжных запасов и в первую очередь нелегальных.

«За 12 лет» предложил Петербургскому комитету нашей партии безвозмездно, но получил ответ, что распространить ее комитет не имеет возможности. Часть конфискованной литературы вынужден был продать на бумагу, так как никто не решался принять ее на хранение. Большую часть революционной литературы, состоявшую из изданий «Донской Речи», «Молота», «Колокола», «Зерна» и др., также «Аграрный вопрос» и небольшое количество «За 12 лет» удалось сложить на склад писчебумажной фабрики «Сокол» (к Н. Н. Бельскому), где она благополучно дождалась Февральской революции.

В марте или апреле 1917 года, когда в революционной литературе ощущался форменный голод, всю эту литературу, в том числе и сочинения Вл. Ильича я передал в распоряжение ЦК нашей партии и ее военной организации, при чем книги Ильича были расхвачены в течение 2—3 недель и в таком количестве, в каком они едва разошлись в предшествующие десять лет.

2. Первая встреча.

С В. И. я впервые встретился в Швейцарии, в Берне, если не ошибаюсь, в 1913 году.

Вл. Ильич пришел на концерт, устроенный Кассой взаимопомощи русского студенчества, где я участвовал в качестве пианиста.

— А хорошо вы играете. Я и не предполагал в вас таких талантов, — сказал Владимир Ильич с добродушной усмешкой, когда тов. Шкловский знакомил меня с ним.

Мы сидели за небольшим столиком в буфете. Разговор коснулся периода издательства. Ильич спрашивал о судьбе издательства и последней рукописи его, попавшей к жандармам, также о том, с кем из товарищей я сидел в тюрьме.

Я рассказал все, что выше описано, сообщил также, что разгром издательства произошел не без участия провокатора некоего Михаила Львовича Шнеерсона, работавшего сперва наборщиком в заграничной «Искре», а впоследствии в Петрограде управляющим типографией Безобразова.

Начались танцы. Ильичу было скучно и вскоре он ушел. Прощаясь сказал: «Как-нибудь зайду к вам... музыку послушать».

Действительно, через несколько дней Ильич пришел. Настолько просто и по-товарищески держал себя, что через какие-нибудь полчаса ребята мои уже обступили его со своими игрушками и делами, а взрослые готовы были поведать ему самые сокровенные тайны.

Среди взрослых жили у нас старуха-тетка и двоюродная сестра, которая в то время ухитрялась примирять учение коммунизма с верой в бога. Ильич над таким странным сочетанием долго и добродушно смеялся.

— Вот понять не могу, — говорил Ильич, — совершенно непостижимо, чтобы интеллигентный человек, да еще кончивший университет, смог проповедывать такую нелепость.

Тетушка, человек старых взглядов, и та была всецело на стороне Владимира Ильича, очарованного ее своим умом и простотой.

Помню также, как мой 9-летний сынишка вмешался в разговор и задал какой-то очень мудреный вопрос. Владимир Ильич по-

гладил его по голове и, улыбаясь, процитировал в ответ Некрасовский стих:

«Вырастешь, Саша, узнаешь,
Все расскажу тебе сам,
Где научился я пенью,
С кем и когда я певал»...

В этот вечер мне пришлось много играть. Больше всего нравилась Ильичу музыка Бетховена. Его сонаты — патетическая и d-moll, его увертюры «Кориолан» и «Эгмонт».

Но комментарии к музыке, которые не совсем удачно мною делались, вызывали иронические замечания со стороны незабываемого слушателя:

«Только без комментариев».

С большой охотой слушал Ильич также некоторые произведения Шуберта-Листа («Лесной царь», «Приют»), прелюдии Шопена, но не нравилась ему чисто виртуозная музыка и вовсе не выносил слащавых «Песен без слов» Мендельсона.

«Замечательно играет!» — отзывался Ильич о моей игре и рекомендовал Надежде Константиновне обязательно послушать мою игру.

Думаю, не в моей игре, которая не заключала в себе ничего особенного, а в самом Вл. Ильиче и его настроении лежала разгадка.

Всецело занятый партийным строительством и научной работой, Вл. Ильич не имел ни времени, ни желания, ни соответствующего настроения к восприятию музыки.

В описываемый период Владимир Ильич приехал в Берн на побывку, и обстановка, в которой он находился, тяжелая болезнь и предстоявшая операция Надежды Константиновны также жизнь в гостях, отвлекали его от обычных напряженных занятий и позволяли ему послушать музыку и оценить величие Бетховенских творений.

Еще несколько раз Вл. Ильич заходил к нам слушать музыку. В последний раз, вероятно, в праздничный день, Ильич пришел с Корнблумом. Он был в хорошем настроении и много острил. Просил сыграть те же сонаты и увертюры, которые я уже не раз ему играл.

Сидел он на балкончике, откуда открывался чудеснейший вид на белоснежные вершины Оберлянда: Юнгфрау, Эйгэр-Глетчер...

После того не пришлось мне больше играть Владимиру Ильичу.

Правда, в конце 1918 г. и в начале 1919 г., когда я был с докладом у Вл. Ильича, он спросил:

— А вы продолжаете заниматься музыкой?

На мой ответ: «немного, да и то после часу ночи», — заметил:

— Хотелось бы мне вас послушать.

Разумеется, это было только добрым словом, но словом, вре-
завшимся в память на всю жизнь.

3. Ленин и Плеханов.

Событие, о котором я хочу рассказать, имело место в августе 1914 г., т. е. вскоре после возникновения империалистской войны.

В Лозанну, куда я в то время перебрался на жительство, приезжал из Женевы Плеханов, чтобы в тесном кругу своих единомышленников сделать доклад о войне.

Надо ли говорить, что доклад представлял исключительный интерес и особенно потому, что было уже широко известно, что в вопросе о войне Плеханов, как и большинство вождей II Интернационала, занял предательскую позицию.

Несмотря на то, что я принадлежал к большевистской группе и с меньшевиками никогда ничего общего не имел, все же на этот доклад мне удалось попасть через одну плехановку, некую Кобецкую.

Почти все русские доклады происходили в Народном Доме (Maison du peuple), небольшом и довольно невзрачном помещении. Это же помещение было арендовано и для доклада Плеханова.

К назначенному времени народу собралось довольно много.

В воротах Народного Дома я встретил Владимира Ильича, беседующего с группой товарищей. Вл. Ильич, знакомив меня с тов. Инессой (Арманд), сказал: «Вы, кажется, оба москвичи, знакомьтесь». Также с тов. Крыленко, известным тогда больше по кличке «Абрам».

Помню, тов. Абрам убеждал стоявшего тут же Н. И. Бухарина ехать вместе с ним в Кларан сразиться с философом М. Шварцем.

Я прошел в зал и занял место в одном из последних рядов, недалеко от входа.

Время шло, а Плеханова не было.

Тут и там среди присутствующих начинали проскальзывать иронические нотки: «Не приедет! Не решится!»

Среди устроителей заметно некоторое волнение...

«Обещал, обязательно приедет... Вероятно, поезд запоздал...»

Действительно, немного спустя, по залу разнеслась волнующая весть: «Приехал, приехал... Идет сюда!».

Плеханов, окруженный целой свитой приверженцев и почитателей, медленно прошел через зал к трибуне. Он успел уже заметить, что вместо тесного круга товарищей в 10—15 человек, для которых приглашали его устроить собеседование, собралась чуть ли не вся русская колония.

Впрочем, такое обстоятельство мало смутило его.

Начал доклад с экскурсии в гоголевские «Мертвые души».

«Ваше почтенное собрание», — с ехидной улыбкой и точно любуясь собой, — говорил он, — напомнило мне происшествие, имевшее место с Чичиковым, который, путешествуя в гости к Манилову, спрашивал проезжавших мужиков: далеко ли тут деревня Заманиловка?

И получал ответ: «Маниловка, может быть, а не Заманиловка? Заманиловки никакой нет...»

Вот и мне хочется задать вам тот же самый вопрос».

В начале доклада я, повернувшись в сторону, заметил Владимира Ильича, который сидел, пригнувшись, будто прячась за моей спиной. Приход его, видимо, не обратил на себя внимания.

— Сидите прямо, не оборачивайтесь, — довольно строго сказал мне Ильич.

Он не хотел смущать своим присутствием Плеханова и не стеснялся его открыто высказывать свои социал-шовинистические взгляды.

Успех Плеханов имел большой и немудрено, так как среди разношерстной публики большинство составляли интеллигенты и буржуа, — приехавшие из Кларана, Монтре, которым льстила основная мысль Плеханова о спасении при помощи русских казачков и свободных республиканских войск Франции западно-европейской цивилизации, попираемой германским фельдфебельским сапогом.

Кстати сказать, первой части речи, в которой Плеханов обличал предательство германской социал-демократии и ее вождей, усиленно аплодировал и сам Ильич.

Но вот Плеханов окончил свой доклад и не успели смолкнуть бурные аплодисменты, как Вл. Ильич вскочил со стула и попросил слово.

Какое впечатление произвело на Плеханова неожиданное появление Ленина, который жил в то время в Цюрихе, судить не берусь.

Теперь он с большим правом смог жаловаться на заманиловку.

В пламенной, бичующей речи Ленин разоблачил непоследовательность и фальшь плехановской точки зрения, забвение им самых элементарных марксистских истин...

Плеханов вполне правильно критиковал германских социалистов, — говорил Ильич, — за их поддержку кайзера и войны, но защищать подобные же действия французских патриотов, оправдывать участие их в правительстве, принимать всерьез мошеннические выдумки о нападающей и обороняющейся стороне — недостойно революционного марксиста. Ведь начавшаяся война не являлась неожиданной, даже срок был предсказан, когда именно она вспыхнет.

Нет, честный социалист не последует совету Плеханова... Он в первую очередь будет обличать оппортунистов своей страны, бороться со своим правительством... Так поступает в Германии Либкнехт, так поступил социалистический депутат в сербской скупщине, один из всех открыто голосовавший против военных кредитов.

По мере того, как говорил Ильич, поведение социалистического большинства во всех странах раскрывалось во всей своей гнусности... II Интернационал умер и никогда больше не родится.

Ленин кончил. Казалось, каждый сознательный социалист должен признать правоту Ильича, так неотразимы и ясны были его доводы. Но собрание было оскорблено и возмущено в своем патриотическом дурмане. Раздались редкие, единичные хлопья. То было начало периода, когда Ильич с маленькой группой своих единомышленников был, казалось, изолирован от всего остального мира.

Здесь нелишне провести маленькую параллель между докладами Плеханова и Ленина. Доклады первого обычно обставлялись большой помпой, собирали полные аудитории; публика ломилась,

дорого платила за билеты; масса расфуфыренных дам с птичьими гнездами на голове были завсегдаями собраний, где выступал Г. В. Плеханов.

Доклады Ленина посещала, прежде всего, партийная, рабочая и студенческая беднота, у которой не было даже десятка су, чтобы заплатить за билет. Расходы по устройству не всегда оплачивались.

Вскоре после «блестящего» доклада Плеханова состоялся и доклад Вл. Ильича.

Благодаря объявлению, что вход бесплатный, публика пришла в достаточном числе.

В своем докладе Ленин вскрыл причины и сущность империалистской войны и, ссылаясь на пример Парижской Коммуны, вновь провозгласил бессмертный лозунг, затоптанный в грязь социал-предателями, о превращении империалистской войны в войну гражданскую. Лозунг, к слову сказать, вызвавший ожесточенные нападки не только социал-патриотов, но и интернационалистов «Нашего Слова», к каковым принадлежали тогда Троцкий, Раковский, Мартов и др.

Великое в жизни зачастую переплетается с мелочами. И одна мелочь, связанная с этим историческим докладом, запомнилась мне.

В перерыве доклада председатель собрания тов. Ривлин обратился к присутствовавшим с маленькой речью.

«Товарищи, вы все знаете, — говорил он, — как дорого по нынешним временам обходится устройство докладов. Разрешение, помещение, освещение — все стоит деньги. Сейчас будет пущена по рядам шляпа, смотрите же, будьте щедры, кладите больше, возможно больше».

Ильич сидел рядом на трибуне, низко наклонив голову и нервно поглаживал обеими ладонями свою лысину.

После доклада мы возвращались домой вместе с Ильичем. Поднимаясь в гору Шайи, Ильич спросил меня: «Скажите, вы сразу же разглядели истинные причины войны и составили определенное к ней отношение?»

Я не скрыл, что первую неделю во мне жили сомнения, но что я быстро разрешил их и теперь всецело и бесповоротно разделяю точку зрения Ильича. Ильич кивнул головой... Он и без того видел мысли и чувства каждого из нас.

4. Июльские дни.

Совсем в иной обстановке пришлось мне встретить Владимира Ильича в Петрограде в июне 1917 года на заседании ЦК, куда был вызван весь руководящий состав военной организации большевиков во главе с тов. Подвойским для информирования о настроении в войсках Петроградского гарнизона и о возможности их выступления.

Недавно только приехал я в Петроград с персидского фронта, куда был направлен в качестве врача по борьбе с тифозными эпидемиями и где с первых дней революции принял участие в организации большевистского Совета.

Внешний вид мой был довольно оригинальный: офицерские погоны и солдатская гимнастерка, на которую были навешены ученые знаки отличия, а на груди красовалась еще довольно обширная полоса, на которой черным по-красному было напечатано: председатель Совета рабочих и солдатских депутатов Шерифханского района. Открывая нам входную дверь Надежда Константиновна, здороваясь, выразила мне свое изумление: «Ой, как вы разукрашены». Мне стало немножко неловко, и я быстро вошел в комнату.

Владимир Ильич встретил меня весьма радушно. Интересовался положением на этом наименее известном фронте. Я сообщил, что на фронте являюсь председателем единственного в Закавказье большевистского Совета, который объединил и все воинские части и рабочих железнодорожного и водного транспорта и с первых дней захватил власть в свои руки.

— А списали вы все это в печати? Нет? Необходимо исправить эту оплошность и написать подробно, обязательно написать и немедленно, — сказал Ильич.

Далее я рассказал, что был делегатом на Краевом съезде Кавказской армии, на котором верховодили все меньшевистские корифеи: Ной Жордания, Чхенкели, Рамишвили, Гегечкори и др. По вопросу о займе свободы все они выступали и настаивали на единогласном голосовании; из тысячного собрания съезда против голосовала только редакция «Кавказского Рабочего» (тов. Кавтардзе) и наша маленькая группа в 4 человека, заслужившая иронические крики части собрания: «У, Шерифханская республика!».

Вообще, наблюдается полное засилие меньшевиков на Кавказе и сравнительное спокойствие...

Владимир Ильич перебил меня:

— Ну, а как обстоит с национальным вопросом на Кавказе? А как крестьянство, вполне удовлетворено, готово ждать с разрешением аграрного вопроса до учредительного собрания?

Я должен был признаться, что с этими вопросами мне не приходилось близко сталкиваться.

На этом заседании Вл. Ильич говорил мало. Он внимательно выслушивал каждого высказывавшегося и в целях уяснить себе вполне обсуждавшийся вопрос задавал все-новые и цовые вопросы. Мне тогда показалось, что В. И. вполне одобрительно относится к форсированному захвату власти большевиками, что представлялось легко достижимым для нас, горячих голов военни. Но я глубоко ошибся.

Вскоре после того В. И. выступил с большой речью на с'езде всех военных-большевистских организаций, фронтовых и тыловых, происходившем в Петрограде, во дворце Кшесинской.

— В настоящее время, — говорил Ильич, — мы должны быть особенно внимательны и осторожны, чтобы не сделать неверного шага... Один неверный шаг может погубить все дело... Массы уже разуверились в буржуазном, кадетском правительстве... Но они идут еще за соглашателями, эсерами и меньшевиками... Большинство в советах, даже таких центров, как Петербург и Москва, пока что принадлежат им...

Наивно думать, что взять сейчас власть сумеем, а взявши, сможем ее удержать...

Массы колеблются и еще верят эсерам и меньшевикам.

А когда массы увидят, что соглашательское правительство их обманывает, так как находится всецело в руках российской и союзнической буржуазии и пляшет под ее дудку, то крестьянские и солдатские массы придут к единственной оставшейся еще партии, к большевикам, которая одна сможет удовлетворить требования трудящихся.

Не нужно предупреждать событий... Выжидательная тактика — наилучшая сейчас. Время работает за нас...

Как известно, предостережения Вл. Ильича оказались тщетными. Недовольство и нетерпеливость в войсках Петроградского гарнизона росли, и 3 июля войска неожиданно, стихийно, с ору-

жием в руках выступили из казарм. Первым — Пулеметный полк, за ним часть Гренадерского полка, Московского, Павловского.

Кронштадтцы с Рошалем и Раскольниковым погрузились в суда и 17 июля пришли в Неву.

Воинские части направлялись к Таврическому Дворцу — месту пребывания Петроградского Совета Р. и СД — но предварительно проходили (дефилировали) в боевом строю мимо дворца Кшесинской, штаба военки.

С площади неслись возгласы тысяч солдатских голосов: «Вся власть Советам! Да здравствует Ленин!».

Во дворце Кшесинской, во втором этаже, в зале с балконом среди ряда товарищей находился и Владимир Ильич...

Чувствовалась тревога и некоторая неловкость. Только что с балкона держали речь к войскам тт. Луначарский и Лашевич.

Владимир Ильич был недоволен преждевременным выступлением и, направляясь на балкон, чтобы приветствовать ожидавших его под балконом кронштадтцев, сердито произнес, обращаясь к нам, членам военки:

— Бить вас всех надо... (т.-е. всех, прямо или косвенно содействовавших преждевременному выступлению).

5. После Октября.

Я не буду описывать всех случаев, когда приходилось видеть и слышать Владимира Ильича в послеоктябрьский период, так как многие из этих случаев не оставили цельного впечатления и большинство из них подробно описаны другими участниками октябрьской революции.

Не буду останавливаться также на заседаниях Совнаркома, где всегда председательствовал Вл. Ильич, так как, голодая тогда в самом прямом смысле этого слова, я нередко терял способность что-либо видеть и слышать и думал только о том блаженном моменте, когда подадут, наконец, стакан сладкого чая и ломтик хлеба с прозрачным кусочком колбасы.

Расскажу один из не совсем приятных для меня эпизодов, имевший место в декабре 1917 года.

Для меня, комиссара по демобилизации старой армии, одна из важнейших задач заключалась в том, чтобы возможно без-

болезненно эвакуировать солдат демобилизуемых возрастов с фронта на родину и предупредить возможное скопление демобилизованных, потерявших связь с деревней в больших городах, где они в качестве безработной, деклассированной силы представляли бы большую опасность.

Для организации общественных работ в Техническом Управлении Демоба были доработаны имевшиеся старые планы электрификации Волхова, подобрана группа инженеров-строителей, составлена примерная схема и смета работ, которые были опубликованы в «Вестнике Армии и Флота» в конце 1917 года.

Разумеется, и калькуляция и сметы были весьма примитивны и очень мало походили на тот замечательный план, который два года спустя был положен в основание электрификации страны.

Оставалось получить санкцию Владимира Ильича. Созвонившись и условившись по телефону, я прихватил на подмогу из нашего финансового управления тов. Косушкина, очень настойчивого и немного надоедливого человека, которого Ильич вовсе не знал. В назначенное время мы вошли в Смольном в кабинет Ильича, на дверях которого висела записка:

«Только для тов. Сталина и тов. Троцкого вход, без доклада».

Не ограничиваясь существом дела, мы пытались изложить и самую технику электрификации...

На самом интересном месте, как мне казалось, Ильич внезапно отрубил...

— Идите в Высший Совет Народного Хозяйства!

— Владимир Ильич!

— Меня это не касается...

— Владимир Ильич! — пробовал я продолжить разговор, — ведь ВСНХ недавно только организовался...

— К товарищу Рыкову!..

— Товарищ Ленин! — вмешался Косушкин, — куда вы нас посылаете? ВСНХ — ведь это пустое место.

— Вот как-ак! — иронически произнес Ильич, прищурив глаз: — Пустое место?! В самом деле?!

— Да, пустое место. А между тем, электрификация — дело исключительной важности, — и Косушкин пустился расписывать всю необходимость и прелесть электрификации...

Я заметил, что Ильич начинает терять терпение.

— Да что вы ко мне привязались — инженер я, что ли?

Косушкин пробовал было продолжать в том же роде.

Но я понял, что сделал глупость, взяв с собой Косушкина, который начинал уже пересаливать, и поторопился по добру по здорову ретироваться...

В тот же вечер Ильич говорил одному из наркомов:

— Передайте Кедрову, чтобы он мне больше не морочил головы такими делами... Мало того, привел с собой какого-то Косушкина. Если он будет так впредь поступать, я не буду его больше пускать к себе.

Тогда мне казалось обидным, что Ильич выругал меня, отнеся так недружелюбно к пресекту об электрификации... А сколько неопценимого времени отнималось у Ильича всякими пустяками, мелочными раздорами, ведомственными дрязгами, — это я понял только значительно позже...

6. Учредительное собрание.

День учредительного собрания...

Невский проспект... Сугробы снега... Костры... Пикеты...

Жалкая, почти похоронная, демократическая процессия в несколько сот человек — оплот и защита открывающегося собрания... Маленькая кучка и большие плакаты с поблекшим уже лозунгом: «Вся власть Всенародному Учредительному Собранию!».

Прыгает автомобиль по сугробам. Вот и Шпалерная. Заставы, костры, колючая изгородь, матросы с винтовками наперевес, краткое, внушительное «стой!!».

В Таврическом дворце большое оживление. Члены учредительного собрания спешат на открытие. Кабинет комиссара по созыву учредительного собрания переполнен до отказа. Тут и Владимир Ильич и Яков. Мих. Свердлов, Сталин и остальные народные комиссары. Тов. Урицкий своей своеобразной ковыляющей походкой появляется то тут, то там, отдавая последние распоряжения.

Владимир Ильич обращается к некоторым из товарищей: «Пора начинать...» и к другим, находящимся тут же: «Вы не член ЦК, вы тоже нет?! Так выкидывайтесь!».

Все быстро выходят. Одного из замешкавшихся наркомов Ильич слегка подталкивает к двери: «Милости просим».

Назначенное время открытия учредительного собрания давно уже прошло.

Давно уже все депутаты заняли места в большом думском зале и не имея кворума, в виде протеста шумят и галдят, требуя появления большевистских депутатов и членов Совнаркома. А фракционное собрание большевиков никак не может кончиться. Вечно кипящий тов. Рязанов разошелся во-всю и с пеной у рта доказывает колоссальную опасность, связанную с роспуском «хозяина земли русской». Излишне — вопрос бесспоротно решен:

«Советы, а не учредилка; диктатура пролетариата — а не диктатура буржуазии».

Наконец, поздно вечером все депутатские места и «министерские» ложи заняты.

Происходит словесная перепалка между невозмутимо спокойным Свердловым и правой частью собрания, истерически требующей, чтобы собрание открыл старейший из депутатов, а не Свердлов, председатель ВЦИК'а.

Я. М. остается на трибуне и проводит выборы председателя собрания.

Ильич тотчас по приходе разлегся на покатых, покрытых ковром ступеньках, недалеко от трибуны, и в таком положении остается до конца собрания. Депутатам он не виден, так как от них отделяет его досчатая перегородка между рядами. В наиболее интересные моменты, особенно во время речи выбранного председателя собрания Чернова, прерываемой почти на каждом слове шутливыми хорowymi репликами с большевистских скамей. Ильич неудержимо хохочет. Ильич был враг всякого лицемерия, всяких этикетов и показной чинности.

7. Брестский мир.

Здесь я расскажу о мало известных обстоятельствах, которые предшествовали заключению Брестского мира.

В конце декабря в Петербурге происходил с'езд по демобилизации армии.

Неоднократно мы просили В. И. выступить с докладом на с'езде, но он отказывался, ссылаясь на перегруженность работой.

В день закрытия с'езда, когда мы снова обратились к Ильичу с той же самой просьбой, он заявил, что никаких докладов делать не будет, но побеседовать с группой делегатов не прочь. Пусть выберут по одному представителю от каждого фронта, армии, флота и т. д., и он согласен поговорить с ними.

Такое собрание состоялось в комиссариате по военным делам, на Мойке, в доме военного министерства.

Присутствовало 30—40 человек. Каждый делегат по очереди информировал о положении в соответствующей армии.

Ильич сидел у стола и, слушая делегатов, одновременно живо писал что-то на четвертушках бумаги и задавал вопросы. Особенно многочисленны и непрерывны были вопросы воинственно настроенным делегатам.

Способность Ильича одновременно производить несколько работ — слушать, писать, отвечать в то же время на задаваемые ему вопросы, всегда меня поражала. Такого объема внимания я никогда не встречал.

Выслушав часть делегатов, Ильич заметил, что будет, пожалуй, проще, если каждый из присутствующих заполнит небольшую анкету, которую он сейчас прочтет и которую только что написал.

Анкета состояла из нескольких десятков вопросов. Здесь были сконцентрированы все существенные признаки, определяющие боеспособность армии: численность, вооружение, связь, техника, боевые запасы, обмундирование, продовольствие, дисциплина. Помню, был также особый вопрос о состоянии конского состава. Само собой разумеется, и субъективные моменты — настроение солдат, интересы, размеры братания и т. д. — не были упущены.

Когда были заполнены анкеты, получились поразительные выводы. Только единичные анкеты с известными натяжками позволяли говорить о боеспособности некоторой части армии. Подавляющее большинство анкет кричало о полном развале фронтов, о массовом уходе солдат с фронта, не ожидая приказа о демобилизации. Когда, например, подавались составы поездов для увоза в тыл имущества, солдаты форменным образом штурмовали вагоны для себя, облепляли буфера, крыши, приводя часто в негодность весь подвижной состав. Артиллерийские лошади дошли до такого состояния, что не только не могли везти груз,

но с трудом стояли на ногах. Соответствующее применение находилось в использовании их только на колбасу, что особенно наблюдалось в районе Северного фронта.

Вопрос становился яснее ясного. Реальной боевой силы у нас нет, фронт открыт, воевать мы не можем, мир необходим во что бы то ни стало, любой, даже самый «похабный».

Через несколько дней часть делегатов, присутствовавших на заседании в Наркомвоене, делали, по указанию Ильича, доклад в Петроградском Совете Р. и СД, подготавливая почву для заключения мира.

А еще через несколько дней (прибл. 20 января ст. стиля 1918 г.) в Смольном на заседании ЦК, на котором принимала участие значительная группа видных большевиков, был подвергнут подробной дискуссии вопрос о мире.

Три точки зрения отстаивались тогда:

- 1) Заключить мир хотя бы с аннексиями и контрибуциями.
- 2) Продолжать войну.
- 3) Ни мира не заключать, ни войны не вести.

Тщетно Ильич пытался отстоять свою точку зрения, приводя неопровержимые доводы необходимости немедленного заключения мира, тщетно предупреждал о грозящей опасности самому существованию Советской власти, большинство собрания не разделяло позиции Ильича.

Начались бесконечные и безответственные речи сторонников других точек зрения.

Долго слушал В. И. все эти разглагольствования, в конце концов не выдержал и демонстративно ушел с собрания. Вернулся только к концу заседания, чтобы сказать свое заключительное слово.

Как известно, большинство собрания высказалось тогда за предложение Троцкого: «ни мира, ни войны».

Недели две-три спустя я был свидетелем, как Владимир Ильич в частной беседе в Смольном отчитывал группу воjak, настаивавших на продолжении революционной войны.

— Ну, что, разве по-вашему вышло? Ничего подобного!.. Воевать сейчас все равно не можем и не будем. Только пришлось заменить прямо и ясно поставленный вопрос о необходимости заключения мира туманной и расплывчатой формулой, являющейся бессмыслицей... И за эту бессмыслицу уже дорого за-

плачено, и мирный договор все же подписан, но уже не более тяжелых условиях... Эх, вояки! — закончил Ильич, — если можно было бы воевать при помощи красивых слов и резолюций, то давно весь мир был бы уже вами завоеван.

8. Вождь красной армии.

Июль 1918 года. Гроза интервенции нависла над Архангельским краем. Мурман уже удушен союзниками, очередь за Архангельском и Вологдой, где с наглой откровенностью готовится при деятельном участии иностранных миссий переворот. В тылу подняла голову контр-революция и вспыхивают бело-гулацкие восстания в Ярославле, Муроме, Владимире. Не сегодня-завтра будет нанесен последний удар на Севере, и замкнется железное кольцо вокруг рабочей республики. А у нас нет реальной силы, которую мы можем противопоставить наглому врагу.

Еду с докладом в Москву. На Северном вокзале встречает меня специально посланный Ильичем товарищ с сообщением, что тов. Ленин ждет меня. Десяток минут спустя нахожусь в Кремле, в кабинете Ильича. Владимир Ильич в очень хорошем настроении.

Когда я докладываю, он то и дело вставляет какое-нибудь лукавое словцо и слегка подшучивает надо мной. Но не только подшучивает.

Он уже все обнял, взвесил, решил... В его шуточках нетрудно прочесть и указание на то, что не все сделано, как надо, и совет, и наставление для будущего.

Вошел Троцкий. Он был, сверх обычного, сосредоточен и серьезен; разговор сразу принял официально-деловой характер.

Задав несколько вопросов, сказал:

— Только что получено сообщение из Архангельска, что на Белом море крейсирует английская эскадра и что со дня на день нужно ожидать интервенции. — Он настаивал на немедленном моем выезде обратно в Архангельск.

Я запротестовал. Если интервенция близка, то необходимо располагать немного большей боевой силой, нежели 30 имеющихся в моем распоряжении латышских стрелков.

— Да и хотелось бы также день-два отдохнуть, — добавил я.

При последних словах В. И. громко рассмеялся.

— А, передышку запросил! — заметил Ильич, и я видел, что он на таковую согласен.

Было решено предоставить мне некоторую воинскую часть, также несколько орудий и пулеметов, с которыми я через 2—3 дня выехал на Архангельск.

И находясь в пути на Архангельск и участвуя в первых стычках со вторгшимися в край англо-французами, я держа связь с Кремлем и чувствовал невидимую руку, которая направляла и руководила всеми военными операциями.

На одной из станций Владимир Ильич через Бонч-Бруевич по прямому проводу — запрашивает о перевороте в Архангельске и дает совет.

«Закрyto ли устье Двины, — говорится в телеграмме, — не является ли необходимым произвести заграждение последней где-нибудь далее, выполнены ли задания взорвать два ледокола в устье Двины при наступлении, возможность наступления по Двине, а также не знаете ли, выведены ли пароходы из Северной Двины и, вообще, осветите положение настоящих минут».

Когда затем мы попали в белогвардейскую зону, и на 2—3 суток связь с Москвой была порвана, Ильич в течение целой ночи сам вызывает к прямому проводу вологодских товарищей — Ветюшкина, Элиаву, Саммера и информируется у них о положении дел и выясняет судьбу нашего поезда.

Не удовлетворившись уверениями о спокойствии в Вологде и предвидя возможность переворота, в тот же день командирует туда на случай белогвардейского переворота, в качестве информатора — европейски одетого молодого человека в бархатном костюме — и лично его инструктирует. Его я застал в Вологде неделю спустя: для Советской Вологды он являлся белым вороном, привлекавшим к себе общее внимание.

В первую же неделю продвижение англо-французов вглубь страны было приостановлено, и непосредственная угроза занятию Вологды устранена. Но вновь открывшемуся фронту грозилась другая опасность: развалиться от отсутствия продовольствия и боевого снаряжения.

Телеграммы не имели действия. Довольствующие управления саботировали снабжение.

Я снова выехал за помощью к Ильичу, захватив с собой управделами Эйдука.

Рано утром следующего за выездом дня мы были уже в Москве. Немедленно с вокзала явились в Кремль.

Ильич встретил нас, сверх всякого ожидания, очень гневно. Но в его гневе чувствовалось доброе, товарищеское отношение.

— Как можно было оставлять в такое время фронт?.. Теперь все дело развалится.

— Позвольте, Владимир Ильич! Ничего не может случиться. Распекая нас, не хотел выслушивать никаких оправданий.

— Мало того, что сами уехали, да еще его с собой прихватили, — указывая на Эйдука, немного смягчаясь, говорил Ильич.

— Оставили на фронте одних мальчишек! Хороших дел не творят они там...

Я улучил момент и, захлебываясь, одним залпом, передал, что в Обозерской организован штаб, что на фронте нам лично сейчас делать нечего, что предполагаем перенести штаб фронта в Вологду и что всего двое суток решили потерять, чтобы при содействии Ильича сломить наблюдающийся саботаж и волокиту.

— Как это двое суток? — перебил Ильич. — Когда вы выехали? Когда будете на месте?

Ответил.

— Все-таки не нужно было ехать, могли бы написать обо всем... Что же вам нужно? — уже спокойно спросил Ильич.

Я прочитал по записке длинный список предметов, в которых ощущалась острая нужда.

Разговор происходил стоя в зале Совнаркома, у небольшого стола, находившегося в нескольких шагах от двери кабинета Ильича. Вл. Ильич нагнулся к столу и написал записку, приблизительно, такого содержания:

Начальнику штаба Выш. Военного Совета М. Д. Бонч-Бруевичу. Предписываю назначить трех ответственных сотрудников, которых обязать в течение сегодняшнего дня отправить все требуемое Северовосточному фронту снаряжение и указать трех бывших генералов, которые будут расстреляны, если указанное задание не будет выполнено.

— Непременно сегодня выезжайте, — передавая записку, заметил Ильич и затем прощаясь, сказал: — Если что нужно будете писать!

В тот же день на заседании Высшего Военного Совета, когда состоялось назначение меня командующим фронтом, и я собирался уходить, тов. Склянский дружески задержал меня:

— Владимир Ильич поручил мне взять с вас подписку, что вы больше не будете приезжать в Москву без его разрешения.

На лице его играла свойственная ему усмешечка.

— Выдумываете! — категорически объявил я.

— Нисколько, дословно передаю распоряжение, — еще раз подтвердил он.

Мне стало обидно. Я считал безусловно необходимым выехать в Москву.

— Не приехал бы, — сказал я раздраженно, — больше вреда причинил бы фронту.

Указание Ильича принял к руководству, но подписки о невыезде не дал.

Весь остаток дня меня грызла мысль, что в интересах фронта должен был так поступить и что, видимо, не сумел достаточно убедительно обосновать мотивы выезда.

С дороги отправил Владимиру Ильичу письмо, в котором сообщал, что несмотря на мощную его поддержку и исключительное впечатление, произведенное в военных управлениях его запиской, удалось получить только небольшую часть.

— Если бы не выехал, — упорствовал я, — фронт не получил бы и этого. Польза приезда налицо и напрасно Владимир Ильич встретил меня так немилостиво.

Два дня спустя (12/VIII 1918 г.) Владимир Ильич ответил телеграммой. В ней он не упоминает больше об этом случае, предоставив мне считать себя правым, и возвращается к первому моему приезду в Москву, описанному выше. Телеграмма, помеченная «секретно», гласит:

«Вологда. Губисполком, Кедрову.

Вред вашего отъезда доказан отсутствием руководителя в начале движения англичан по Двине. Теперь вы должны усиленно наверстывать упущенное, связаться с Котласом, послать туда

летчиков немедленно и организовать защиту Котласа во что бы то ни стало. 677. Предсовнаркома Ленин.»

Защита Котласа, во что бы то ни стало, но и тут Владимир Ильич, как всегда, предвидит и худший конец и, зная, что в Котласе сосредоточены громадные запасы взрывчатых веществ, не ограничивается одним приказом, а командирует ко мне двух товарищей, Уралова и Ногтева, с собственноручным письмом.

В письме Ильич рекомендует товарищей, как преданных и стойких, хотя и незнакомых с подрывным делом, и указывает цель командирования: произвести подготовительные меры к взрыву Котласских огнеприпасов и взорвать их в критическую минуту.

Одновременно тов. Ленин отдает приказ тов. Муралову, бывш. тогда командующим войсками Московского округа, «разыскать отправленную из Москвы на Урал батарею тяжелой артиллерии и срочно переотправить ее в распоряжение тов. Кедрова». «Вы отвечаете за это своей головой», — предупреждает Ильич Муралова.

Батарея направлена в Котлас и, возможно, спасла Котлас с его неисчерпаемыми запасами от уничтожения и предредила в известной мере судьбу всей гражданской войны.

И помощь, которая оказывалась нашему фронту, который тов. Ленин считал «особенно опасным, потому что неприятель находился там в наиболее выгодных условиях, имея морскую дорогу»... (Собр. соч., т. XVI, стр. 341), вне сомнения оказывалась и остальным фронтам.

В критическую минуту все спешили к нему, как к якорю спасения.

Военачальников и партийных бюрократов раздражали подобные обращения не по команде. Вот телеграмма одного из таких лиц: «Указываю вам на недопустимость обращения к тов. Ленину помимо Главкома и военного Совета». Но Владимир Ильич, как мы видели, сам разрешал обращаться к нему за помощью и не оставлял без внимания ни одного вопроса, даже специально военного.

Я приведу здесь еще одно письмо Ильича, датированное 29 августа — днем кануна ранения. Последний абзац письма является ответом на жалобу вологодских товарищей, которые

указывали, что благодаря кедровщине в Вологде вспыхнет восстание, которое им удавалось до сих пор предупредить. Ильич как видно из письма, держался другой точки зрения, чем вологжане.

Вот это письмо:

«Тов. Кедров, вы мало сообщаете фактического. Присылайте с каждой оказией отчеты. Сколько сделано фортификационных работ. По какой линии. Какие пункты железной дороги обеспечены подрывниками, чтобы, в случае движения англофранцузских большими силами, мы взорвали и разрушили серьезно столько-то (какие именно, надо дать отчет и где именно) мостов, верей жел. дор., переходов среди болот и т. д., и т. п.

Достаточно ли обезопасили Вологду от белогвардейской опасности. Непростительно будет, если в этом деле проявите слабость или нерадение. Привет. Ленин.»

Заканчивая очерк, считаю необходимым подчеркнуть, что если удалось на первых же шагах парализовать наступление превосходного и по численности и по технике противника и расстроить его планы, то в этом прежде всего заслуга ЦК нашей партии в лице тов. Ленина. Задача была выполнена потому, что среди общей расхлябанности и растерянности твердая рука великого кормчего вел Советский корабль к намеченной цели.

Был момент, когда предательская рука готова была дать торжество белогвардейцам...

Помню день, день получения на фронте потрясающего известия о ранении Ильича.

Дрогнул фронт...

Но то был миг... И вспыхнул огонь, ленинский огонь в каждом бойце, и огненной волной прокатилась по необъятному фронту непоколебимая клятва...

Отомстим! Победим!

Ошиблись враги. Ленин будет жить — такова воля пролетариата. Он и раненый оставался тем незримым вождем Красной армии, который и в донских степях, и в кавказских горах, и в сибирской тайге, и в архангельской тундре вел красные полки вперед, к конечной победе.

И смерть в бессилии отступила перед гением Ильича.

Лежа в гробу, он продолжает учить, руководить и собирать вокруг себя все новых и новых бойцов.

И наступит день, когда великий вождь поведет миллионную армию пролетариата и всех угнетенных на последний штурм мирового капитализма.

9. Ни шага без Ильича.

Кажется, ни одно начинание в центре и даже на местах не обходилось без того, чтобы Вл. Ильич не был посвящен в мельчайшие детали его или не был так или иначе в него втянут. В каждом комиссариате руками Ильича закладывался фундамент, на котором в дальнейшем комиссариат строился и развивался.

Возьмите даже такой комиссариат, как Наркомздрав. К вопросам здравоохранения, как известно, наши вожди проявляют не больше внимания, чем к своему собственному здоровью, заменяя все правила гигиены для сохранения его одним универсальным словом: наплевать.

И тем более удивительно, что Владимир Ильич не обошел вниманием и этот комиссариат, и здесь оставил после себя бессмертный памятник.

Наверное, не всем известно, что идея передать все дворцы, роскошные дачи, санатории и пр. комиссариату здравоохранения принадлежала Вл. Ильичу и лозунг «курорты для трудящихся» впервые был брошен им. Миллионы лет жизни сбережены пролетариатом с тех пор, и в этом великая заслуга Ильича.

А вот другой случай.

Осень 1919 года. Гражданская война близится к концу. Деникин отогнан от Москвы, Колчак откатился к Уралу. Победа сменяет победу.

Но проявился новый враг, готовый свести на-нет результаты всех побед и задавить вздохнувшую, было, страну.

Плоговая вошь, пожирающая больше жертв, чем все фронты вкуче... «Товарищи, все внимание этому вопросу, — говорил Ильич на заседании ВЦИК,а. — Вши победят социализм, или социализм должен победить вшей». (Ленин, Собр. соч., т. XVI, стр. 421.)

Каунд Октября. Торжественное заседание Моссовета. Я только что вернулся из Тамбова, куда был командирован после налета Мамонтова.

Увидевший меня на заседании в Большом театре Феликс Эдмундович Дзержинский остановил меня:

— Вот хорошо, что приехали... — радостно сказал он, речь торопливая, нервная, увлекающая всегда волновала и захватывала собеседника.

— Образована специальная комиссия по выработке предложения об улучшении санитарного состояния республики.. На-де- должен выйти соответствующий декрет... Вот познакомьтесь с материалами.

Феликс Эдмундович достал из портфеля несколько листов и передал их мне. —

— ...и скажите ваше мнение, а также согласны ли от Вас возглавить образуемую комиссию. Необходимо устроить де- топлива, чтобы бани работали непрерывно, также день санитарии, провести кампанию пошивки белья и пр. Полагаю, что э- работа по-вашему духу.

Я поблагодарил Феликса Эдмундовича, взял материалы для ознакомления, но я был уже согласен. Из переданных мне Феликсом Эдмундовичем материалов наибольший интерес представляло постановление Совета Рабоче-Крестьянской Оборона от 5/XI 1919 г. Хотя о Вл. Ильиче в этом постановлении сказано всего несколько слов, но эти слова воскрешают целую эпоху, когда всякое дело начиналось и венчалось Ильичем.

Вот это постановление:

«Совет Рабоче-Крестьянской Оборона в заседании от 5/XI с. постановил: поручить тов. Дзержинскому делегировать вместе тов. Аванесова, если последний не выздоровеет в самые ближайшие дни, заместителя его в комиссию по выработке проекта декрета по наблюдению и контролю по проведению в жизнь санитарных мероприятий.

Пополнить комиссию тов. Лениным и поручить ей утвердить декрет от имени Совета Оборона.

Заседание комиссии назначить в пятницу. Созыв поручить тт. Склянскому и Бричкиной.

Секретарь Р.-К. Оборона Бричкина».

Как эти слова «пополнить комиссию тов. Лениным» — в время просто и естественно звучали. Сплошь и рядом вводились дополнительно в разные комиссии представители от заинтересованных ведомств, почему не ввести и Вл. Ильича. Ведь без него все равно ни одно дело не обойдется.

И каким диссонансом эти слова звучат теперь!

Образованная несколько дней спустя комиссия первоначально находилась при НКЗдраве, а с января 1920 г. при Совете Рабоче-Крестьянской Обороны.

Борьба с охватившей всю страну тифозной эпидемией велась в ударном порядке и нередко приходилось, как и раньше, обращаться к Владимиру Ильичу и в тех случаях, когда комиссия была вынужденной превышать свои полномочия или когда требовалась поддержка Ильича.

Помню, в Челябинске на эвакуационном пункте, вместимостью в 3.000 человек, оказалось приблизительно 15 тысяч тифозных. Точное число не могло быть установлено, так как все проходы, коридоры, вся площадь полов были завалены больными; чтобы попасть внутрь, нужно было через приставные лестницы влезать в окна. Почти все больные лежали в кипящей паразитами одежде и белье за полным отсутствием смены белья и халатов. Многие срывали с себя одежду, предпочитая оставаться совсем голыми. Выздоровливающие возвращались в части или в свои деревни, унося с собой и заразу. Немногим лучше обстояло дело и в лазаретах и в больницах.

В целях изготовления достаточных комплектов белья комиссия решилась на крайнюю меру — забрать из Губпродкома несколько сот тысяч аршин мануфактуры из забронированных СНК для товарообменных операций. Об этой мере мы поставили в известность Владимира Ильича, но, насколько помню, ответа на наше сообщение не получили. Как впоследствии мне говорили, Владимир Ильич не хотел санкционировать таких наших действий, с другой стороны, не считал возможным их и осудить, если они были приняты действительно в виду крайней необходимости.

Вспоминаю еще один случай обращения к Ильичу.

Прекратив решительными мерами эвакуацию тифозных из города в город и вглубь страны и установив принцип лечения больных в месте их заболевания, комиссия натолкнулась во всех городах на отсутствие оборудованных госпиталей и, вообще, свободных помещений.

Приходилось забирать помещения государственных учреждений и приспособлять их под бараки, лазареты, распределители.

В Омске было решено использовать громадное здание Омской жел. дороги под центральный коллектор-распределитель. Но выселение встретило отчаянное сопротивление не только со стороны руководящего персонала ж. д., но и со стороны НКПС в лице замнаркомпути В. М. Свердлова, который находился в пути на Омск.

Несмотря даже на постановление Сибревкома (тт. Косарев, Смирнов, И. Н., Фрумкин) очистить помещение, управление со дня на день оттягивало передачу.

Тогда снова пришлось обратиться за поддержкой к Владимиру Ильичу. Очень скоро был получен телеграфный ответ от тов. Ленина.

«Раз имеется постановление Сибревкома, — говорилось в телеграмме, — здание ж. д. должно быть освобождено для устройства распределителя».

Попробовало было управление и после того сослаться на физическую невозможность очищения помещения, но появившийся на площади отряд мадьяр ЧК, одетый за неимением иного обмундирования, в теплые цветные, больничные халаты, произвел должное действие, и началась беспорядочная эвакуация.

Бессчетными горами выносилось и вывозилось на мороз архивное богатство, состоящее из всевозможных проектов, представлений, входящих и исходящих, и многие из них, подхваченные ветром, неслись по площади в разные стороны, точно стремились стряхнуть с себя всю пыль и плесень, накопленные за десятки лет архивного хранения.

Еще один маленький эпизод из того же времени.

В начале 1919 года Главное Санитарное Управление оказалось в беспомощном положении. Несмотря на издание и переиздание приказа по мобилизации медперсонала, таковой — преимущественно врачи — или вовсе не являлся в призывную комиссию, а признававшийся годным, игнорировал предписание об отправлении на фронт. Тогда же выяснилась и причина этого явления: высшая призывная комиссия, состоявшая сплошь из матерых белогвардейцев, освобождала за скромную мзду от службы в армии весь врачебный персонал. Наглость дошла до того, что на Сухаревском рынке почти открыто продавались чистые бланки этой высшей комиссии, за печатями и подлинными подписями всего состава комиссии, удостоверявшие, что врач или лекарский

помощник ...такой-то признан вовсе негодным для военной службы. Фамилию вписать могло любое лицо, уплатившее всего сто рублей за эту своеобразную отпускную грамоту (индულгенцию).

Разрешение этого дела, разумеется, не обошлось без Владимира Ильича. По его предложению переосвидетельствование всего медперсонала было возложено Советом Р.-К. Обороны на недавно образованный Особый Отдел ВЧК. Владимир Ильич этим не удовлетворился. Он дал подробную инструкцию Особому Отделу, как провести операцию с начала и до конца. Не ограничиваться одним переосвидетельствованием, но проверить и своевременное назначение Главсанупром признанных здоровыми, а также проследить отбытие и прибытие их на фронт. Беспощадно расправляться с дезертирами. О ходе работ регулярно представлять ему отчет.

Первые группы медперсонала доставлялись на вокзалы под специальным контролем, на который возлагалась обязанность посадки отправляемых в вагоны и окарауливания их вплоть до отхода поезда.

Сейчас кажется почти невероятным, что такими драконовыми мерами приходилось первое время обеспечивать Красную армию необходимым ей медперсоналом.

Подчеркиваю, лишь первое время, так как очень скоро дело наладилось, и все пошло нормально, как по маслу.

10. Повсюду Ильич.

В конце октября 1918 года Московский железнодорожный узел оказался совершенно забитым составами груженых вагонов, которые в виду тяжелого состояния гужевого транспорта почти не разгружались, а в целях продления срока для разгрузки многократно переадресовывались грузополучателями с одной товарной станции узла на другую. О степени загрузки можно судить по тому, что вместо нормальных 20—25 тысяч вагонов, количество их в узле достигало полусотни тысяч, а подвоз новых грузов грозил прекратиться. Для современной Москвы разгрузить 20 тысяч вагонов, разумеется, не представляет никаких трудностей, но каким большим делом представлялась эта операция в то время, когда лошадей хотя и имелось достаточно, но не было

фуража, когда имелись мощные грузовики, но отсутствовал горючее для их использования.

Время жестокого голода... Отдельная картофелина была способна породить весьма прискорбные ошибки... Помню объявление одного из наркомов, висевшее на видном месте в 1-м Доме Советов где, как известно, жили исключительно ответственные работники.

«Прошу товарища, по ошибке взявшего с плиты сковородку с моей картошкой, вернуть ее мне в номер такой-то».

И в это время десятки вагонов, десятки тысяч пудов картошки лежали и гнили в вагонах в окрестностях да и в самой Москве.

Моссосоветом была образована Чрезвычайная Комиссия по разгрузке ж.-д. узла с диктаторскими полномочиями, и я назначен председателем ее, или, как в шутку меня называли, диктатором по картошке.

Вл. Ильич придавал большое значение этой работе, и еженедельно я бывал с докладом у Ильича и сообщал о ходе разгрузки и принятых мерах. В виду катастрофического положения с продовольствием, тов. Ленин предписал не приостанавливать работ в воскресные дни и даже в день первой годовщины Октябрьской революции. Помню этот день: продрузы выгружались, возились, складывались, распределялись, как в буднее время. Бесперывно трещали телефонные звонки... Дорожные комиссии сообщали о числе выгруженных вагонов и вновь прибывших. И среди окружающей сутолоки, беготни, криков, то и дело врывались извне ликующие звуки хоров и оркестров проходящих мимо Моссовета рабочих колонн.

Несмотря на колоссальную энергию, проявленную рабочим и служащими органов транспорта, работа первое время подвигалась вперед очень туго, так как многие ведомства игнорировали приказы комиссии о срочной разгрузке вагонов, прибывших в их адрес. Тогда с санкции Владимира Ильича был установлен срок (от 1—3 суток), в течение которого груз подлежал выгрузке. В случае просрочки комиссия имела право распорядиться грузом по ее усмотрению. Первым пострадавшим получателем продрузов оказался Продовольственный Совет. Пока он собирался и удосужился, наконец, послать на вокзалы своих агентов для приема груза, несколько его вагонов с загнивавшей картошкой были розданы через районные советы на некоторые предприятия ра

бочим. Сотни рабочих, их жен, детей являлись с мешками по указанным адресам и в миг разбирали драгоценный овощ.

Разумеется, подобное «распределение» приходилось не по вкусу продсовету и другим потерпевшим адресатам. Высказывалось возмущение действиями комиссии, произволом и срывом ею всего плана распределения. Жаловались на нее в президиум Московского Совета и Владимиру Ильичу, не предполагая, что описанные меры приняты с его ведома.

Жалобы жалобами, а десяток внепланово розданных вагонов явился переломным моментом в работе дальнейшей разгрузки. Все ведомства зашевелились, засуетились. Скоро число ежедневно выгружавшихся вагонов начало резко превышать число прибывавших.

В 20-х числах ноября, т.-е. приблизительно через месяц после образования комиссии, я доложил Владимиру Ильичу, что работа выполнена, подкрепив доклад соответствующими ведомостями и другими документами. Высказал также свое мнение, что в дальнейшем надобности в чрезвычайных полномочиях не требуется.

Чрезвычайная комиссия была реорганизована в Мосразгруз, первоначально носившая другое название; меня сменил в качестве заведующего мой помощник тов. Ш.

Не повезло ему на первых порах. Очень скоро узел снова начал забиваться. Тогда Ильич приказал арестовать тов. Ш. Чтобы не вносить расстройств в работу, напротив того, чтобы упорядочить ее, арест должен был отбываться в Кремле в особой комнате, снабженной телефоном и во внеслужебное время. Сроч ареста — восстановление нормальной загрузки узла, что при данных обстоятельствах было скоро достигнуто.

11. Два удостоверения.

Два сохранившихся листа бумаги. Два официальных удостоверения почти тождественного содержания.

Документ первый:

«Предъявитель сего тов. Михаил Сергеевич Кедров утвержден Советом Народных Комиссаров 27 марта с. г. (1919 г.) членом Коллегии Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контр-революцией, спекуляцией и преступлением по долж-

ности. Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин)».

Множество раз я держал перед глазами этот документ. Вглядывался в драгоценную подпись, каждую букву ее, каждую черточку... Изучал всякую мелочь удостоверения. И бумага, и чернила, шрифт, печать, подпись начинали говорить и лучше всяких слов повествовали о давно минувшей эпохе, когда голод и холод гуляли по городам и селам, фабрикам и жильям, когда Советская Россия была отрезана и от богатых хлебных районов, и от источников топлива; когда достать лист бумаги и перо представляло величайшие трудности не только для рядового гражданина, но и для председателя Совнаркома; когда чернила замерзали в чернильнице, и перья беспомощно скрипели по бумаге; когда жизнь бежала вперед титанскими шагами и некогда было задумываться над такими пустяками.

В самом деле, всмотритесь в этот документ. Тонкая, почти прозрачная бумага. Несмотря на бережное хранение, обтрепанная, расплывающаяся. В левом углу штамп Совнаркома, в котором соблюдены правила дооктябрьского правописания: буквы «ять», «и» с точкой. Слабо печатающая пишущая машинка, лента домашнего изготовления. Приложенная к удостоверению печать Совнаркома напоминает больше печать ротной канцелярии или волсовета. В тексте удостоверения ошибочно напечатано «преступлением» вместо «преступлениями».

Но особенно характерна подпись тов. Ленина. Чернила растекались, перо не писало. Дважды пришлось Вл. Ильичу писать свою подпись, одну поверх другой.

А вот другой тождественный документ, но более позднего происхождения, датированный 29 июля 1920 г.

Прошло один год три месяца, и в документе получили отражение все успехи Советской власти за этот небольшой по времени период.

Железное кольцо прорвано. Гражданская война бьется в последней агонии... Сибирский хлеб, Азербайджанская нефть щедро текут к сердцу и мозгу победоносной пролетарской республики... Язык пушек сменяет уже утонченный язык дипломатов: «Примите уверения в неизменном к вам уважении»... Красное знамя страны Советов гордо развеивается в самом центре Берлина, являясь путеводной звездой для миллионов германских пролетариев.

РОССИЙСКАЯ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ
ФЕДЕРАТИВНАЯ
СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА

СОВЕТ
НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ.

Москва, Кремль.

19 Января 1919 г.

№ 22353.

У Д О С Т О В Е Р Е Н И Е.

Предъявитель сего, тов. МИХАИЛ СЕРГЕЕВИЧ К Е Д -
Р О В утвержден Советом Народных Комиссаров 27-го мар-
та с.г. Членом Коллегии Всероссийской Чрезвычайной Ко-
миссии по борьбе с контр-революцией, спекуляцией и пре-
ступлением по должности.

Председатель Совета
Народных Комиссаров

В. Урицкий (Скин)

Секретарь Совета На-
родных Комиссаров

И. Скрябин

РОССИЙСКАЯ
Социалистическая Федеративная Советская
РЕСПУБЛИКА.

СОВЕТ
НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ.

Москва, Кремль.

31/VI 1920 г.

№ 211898

Телеф.: 3-97-81 }
4-91-00 } доб. 38.
3-91-66 }

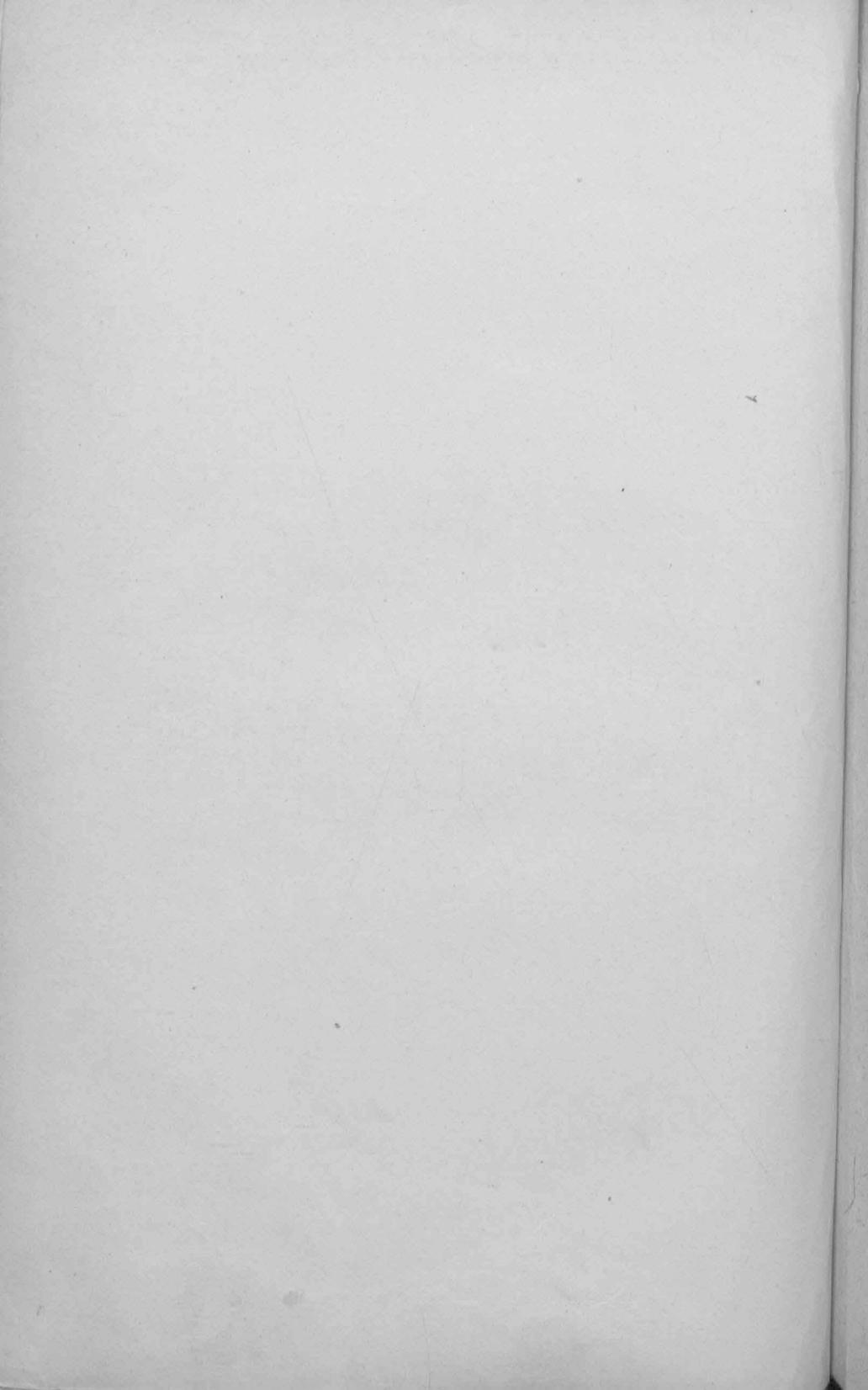
У Д О С Т О В Е Р Е Н И Е .

Предъявитель сего тов. КЕДРОВ Михаил Сергеевич, постановлением Совета Народных Комиссаров от 29/VI - 20 года утвержден Членом Коллегии Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией, саботажем и преступлениями по должности. -

Председатель Совета
Народных Комиссаров:

Секретарь Совета
Народных Комиссаров:

Краскуны с тов. Красиным во главе едут в Англию завязывать первые торговые сношения.

Об изменившемся положении РСФСР говорит и штамп, и шрифт, и бумага, и печать Совнаркомовского удостоверения.

А подпись Ильича...

Такого яркого образца автографа Ильича мне редко приходилось встречать.

Столько в нем красоты, непоколебимой твердости, спокойной уверенности.

Так мог подписать только вождь, выведший страну через все тяжкие испытания на широкий и верный путь к социализму.

М. Кедров.

Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове.

Со сложным чувством выпускаю я в свет свои воспоминания о брате Александре Ильиче.

С одной стороны, я сознаю, что на мне, как на человеке, выросшем с ним с детства, проведенном вместе студенческие годы, привлеченном по одному с ним делу, — лежит обязанность записать все, что я знаю о нем и что не может быть восстановлено никем другим. Но, с другой стороны, — написанное не только ни в какой мере не удовлетворяет меня, но я сознаю, что и не могу дать вполне удовлетворительной биографии брата. И это по целому ряду причин.

Прежде всего я не могу осветить с достаточной ясностью то, что интересует всего больше в биографии брата: дело, за которое он погиб, подготовку этого дела, так как не только не была участницей, но и не была посвящена в него. И только на основании догадок, сопоставлений того, что высказывалось другими, и разных косвенных указаний могу я восстановить для себя тот путь, которым брат пришел к решению принять участие в террористическом акте.

Поэтому мне осталось собирать разные черточки из жизни и проявлений его с детства, а таковые как вследствие краткости его жизни, тюремная дверь над которой захлопнулась до его совершеннолетия, до того, как ему стукнул 21 год, так и вследствие исключительной замкнутости и глубины его натуры, крайне скупой на высказывания, — очень малочисленные и беглые. Но так как иная мелочь характеризует порою человека ярче, чем крупные факты, так как мне — близкому лицу — у которого его образ сложился на основании всей совместной жизни, нельзя указать, какие именно проявления создали этот образ, то я решила записывать почти все, сохранившееся в па-

мяти, все, что в свое время остановило почему-либо мою мысль, затронуло глубже мое чувство. И мне трудно решить, что из этих занесенных на бумагу черточек нужно, важно, помогает читателям восстановить хотя до некоторой степени его образ, и что отложилось особенно прочно на полочку моей памяти по чисто субъективным причинам. А сверить эти воспоминания теперь, когда почти не осталось людей, знавших близко Александра Ильича, мне не с кем. Самые близкие к нему люди — брат Дмитрий и сестра Мария — были к моменту его гибели слишком молоды и мало могут поэтому дать для его характеристики.

Наконец, самый процесс записи и этих отрывочных, часто несвязанных одно с другим воспоминаний сильно затруднялся для меня двумя препятствиями: во-первых, брат Александр занимал такое большое место в моей жизни, что в течение долгих лет запись воспоминаний, как черезчур берящая рану, была невозможна для меня. И даже теперь мне трудно было писать эти листки, и если личные переживания придают обычно повествованию живость и наглядность, то, несомненно, что более острое и болезненное чувство сковывает часто язык, делает рассказ нудным и тягостным. Я убедилась в этом в процессе писания моих воспоминаний.

А, во-вторых, я убедилась также и в том, что кроме других помех, большое значение имело и время.

То, что 30 лет нельзя было записывать искренне свои воспоминания о брате, ибо противно было подумать, что в них станут копаться люди купленные, сыщики всех рангов, не осталось, конечно, без следа: эти годы — особенно последние, революционные, некоторые из которых равнялись по количеству пережитого десятилетию, — унесли так много из памяти, что один из наиболее близких к Александру Ильичу товарищей, — С. А. Никонов, — говорит: «исчезли почти все конкретные черточки, всего лучше характеризующие человека, и осталось лишь общее впечатление светлого образа». Слыша об этом и от других, отмечая сама этот факт в поступавших ко мне воспоминаниях, я стала заносить все конкретные черточки, уцелевшие в моей памяти, хотя бы и незначительные. Я выписала из своих черновиков, относящихся к 1906 г., когда я составляла биографию брата для «Галлерей шлессельбургских узников», те мелочи,

напр., поденную запись о последних перед 1 марта днях, которые уже сгладились более или менее из моей памяти за прошедшие с тех пор годы.

Все это, вместе взятое: истекающий сорокалетний срок со дня гибели брата, исключительная глубина и замкнутость его натуры, моя непосвященность в дело, которому он отдал жизнь, невозможность по причинам внешним запечатлеть эти воспоминания, пока они были вполне ярки и живы в памяти, и трудность по причинам внутренним слишком часто и глубоко ворошить их, — инстинктивное, из чувства самосохранения, старание избежать этого, — все это определяет собою, что мои отрывочные, часто очень мелкие воспоминания не могут восстановить сколько-нибудь полно умственный и нравственный облик брата.

По годам мои записи разбиты на три части: «Детские и школьные годы»; «Годы студенческие» и «Последний год жизни Александра Ильича».

I.

Детские и школьные годы Александра Ильича.

Александр Ильич Ульянов родился в Нижнем-Новгороде 31 марта 1866 года. Он был вторым ребенком в семье учителя математики и физики Нижегородской гимназии, Ильи Николаевича Ульянова.

Отец Александра Ильича происходил из мещан города Астрахани, из нуждающейся семьи и семи лет остался сиротою. Образованием своим он обязан старшему брату, Василию Николаевичу, которому пришлось отложить горячие мечты об учении и поступить на службу, чтобы содержать семью. Но он постарался дать брату то, чего ему не удалось достигнуть самому, содержал его в гимназии, а затем поддерживал и в Казанском университете, пока Илья Николаевич, с детства привыкший к труду, не стал содержать себя сам уроками. С большой благодарностью вспоминал всегда Илья Николаевич о брате, вполне заменившем ему отца, и детям говорил, как он обязан брату. По окончании университета в 1855 г. Илья Николаевич занял место учителя математики и физики в Пензенском дворянском институте. Оттуда в 1863 г. он был переведен на такое же место в нижегородскую

гимназию и дворянский институт. Отец любил свою специальность, а кроме того, он был педагогом в душе, излагал талантливо и толково свои знания, как о том свидетельствует между прочим его ученик, профессор Карякин ¹⁾).

С уважением вспоминали его, как любимого учителя, доктор Жбанков и такие, добившиеся степеней известных при старом режиме люди, как сенатор Таганцев и прокурор Неклюдов ²⁾. Он был снисходителен и терпелив к ученикам, собирал бесплатно отстающих и не могущих иметь репетиторов в гимназии по воскресеньям или в свободные часы и подгонял их. Но несмотря на любовь к своему предмету Илья Николаевич не задумался сменить это более спокойное и до некоторой степени насиженное место, — он учительствовал лет 13, — на должность инспектора народных училищ, открывшуюся тогда впервые. Он поехал из Нижнего в глухой по тому времени Симбирск и с увлечением взялся за организацию нового, трудного дела. Школ в губернии не было или они были плохи, учителя не соответствовали своему назначению. Илье Николаевичу приходилось много колесить по губернии, насаждая, ревизуя, реформируя школы. Это стало делом его жизни, в которое он вложил все свои силы и всю энергию, которое выполнял с большой любовью и со свойственной ему настойчивостью. Мало времени мог он отдавать при такой работе детям. Но его личный пример было то самое большое, неизмеримое по воспитательному значению, что получали от него дети. И небольшие его досуги, которые он всего охотнее проводил в семье, давали детям очень много. А затем он и непосредственно руководил занятиями детей, главным образом, двух старших сыновей в первые годы их школьной жизни, приучая их к исполнительности в уроках. Авторитет его в семье и любовь к нему детей были очень велики.

Огромное значение в воспитании детей имела и мать А. Ильича, — Мария Александровна, урожденная Бланк. Это была удивительно гармоничная и цельная натура. С большой твердостью и силой характера, выказавшимися во весь рост во время перенесенных ею тяжелых испытаний, она соединяла кротость

¹⁾ См. его воспоминания в издании Пензенского метеорологического бюро. Пенза, 1925 г.).

²⁾ Обвинитель Александра Ильича и его товарищей по процессу 1 марта 1897 года.

и чуткость, а с глубиной душевных переживаний ровный, приветливый и веселый нрав, покорявший обычно всех, кто с ней сталкивался. Тем больше покоряла она своих детей, в которых вкладывала все силы, которых окружала самоотверженной любовью без баловства и потаканья, внимательным и чутким надзором без излишнего стеснения их свободы.

Воспитанная в деревне отцом-врачем, передовым по тому времени человеком, в условиях физического закаливания и труда, она, в свои юные годы, по ее словам, не знала нервности. С умственным развитием дело обстояло хуже: отец не мог приглашать к младшим дочерям учителей, как к старшим, в другой обстановке. Институтское воспитание им не одобрялось. Поэтому Мария Александровна получила лишь домашнее воспитание: изучила под руководством тетки-немки новые языки и музыку и много читала. Ей страстно хотелось учиться больше, и она всю жизнь жалела, что обстоятельства не позволили ей этого.

Большая домоседка, она не интересовалась времяпрепровождением тогдашнего провинциального дамского общества. Любимым отдыхом ее была музыка, которую она страстно любила и очень одухотворенно передавала. Досуг для этого занятия оказывался у нее лишь тогда, когда дети укладывались спать, и они любили засыпать под ее музыку, а когда подрастали, работать под нее.

Если прибавить к этому, что жила семья очень скромно, только на жалование отца и лишь при большой экономии матери удавалось свести концы с концами, и все же ни в чем необходимом дети не нуждались, то надо признать семейную обстановку и условия воспитания очень благоприятными для развития ума и характера детей.

Александр Ильич как лицом, так и характером походил больше на мать, — особенно в детстве. Позднее рисунок губ и бровей стал напоминать отца. Но в общем можно было сказать, что он был в мать. То же редкое соединение чрезвычайной твердости и ровности характера с изумительной чуткостью, нежностью и справедливостью. Но более строгий и сосредоточенный, еще более мужественный характер.

Он рос спокойным, здоровым, как и мать в детстве, ребенком. Его кудрявая белокурая головка с черными бровями и большими

черными глазами, — «грезовская головка» по определению его первого учителя, Василия Андреевича Калашникова была очень красива. Особенно хороши были глаза и их выражение, привлекавшее обычно все сердца и поражавшее своей не детской глубиной. Он отличался какой-то особенной чистотой. Характерно, что я, — вспыльчивая и при постоянной хвори довольно капризная в детстве, — не помню ни одной ссоры с ним. Не помню его ссор с другими братьями и сестрами. Он — и ссора, стычка — это как-то не вязалось вместе. Какое-то особенное внимание и чуткость к личности другого были у него с детства.

В противоположность мне Саша мало хворал. Помню одну его опасную болезнь, — воспаление желудка, — в возрасте 4 лет. Помню поразившее меня отчаяние матери: она упала на колени перед образом, шепнув мне: молись за Сашу; помню, как она оторвала от груди, перебросив няню, ревущего Володю и кинулась к Саше, которому было тогда, очевидно, плохо. Помню какие-то красивые привезенные ему игрушки, к которым я, ничего не понимая, стала тоже тянуться, и которые он с большой кротостью уступил мне. Помню потом просветлевшее лицо матери, когда она водила и поддерживала его, выздоравливающего, — приходилось снова учить его ходить.

Это было уже в Симбирске; воспоминания же раннего детства в Нижнем до осени 1869 года, относящиеся к Саше, у меня очень коротки и отрывочны. Помню нашу казенную квартиру в коридоре здания гимназии из 4 в ряд идущих комнат, при чем лучшей была наша детская; помню кабинет отца с физическими приборами, а также и то, что одной из любимых наших игрушек был магнит и натертая сукном палочка сургуча, на которую мы поднимали мелкие бумажки. Помню площадь перед зданием гимназии с бассейном посередине, с мелькающими над ним деревянными черпалками на длинных ручках и окружающими его бочками водовозов.

Помню нижегородский откос, — аллеи разведенные по крутому склону к Волге, — с которого Саша упал раз и покатился, напугав мать. Очень ясна перед глазами картина: мать, закрывшая от страха глаза рукой, быстро катящийся вниз по крутому зеленому склону маленький комочек, а там, на нижней дорожке, некий благодетель, поднявший и поставивший на ноги брата,

воспрепятствовав ему тем совершить еще один или два рейса, до следующих узеньких дорожек.

Помню зимние вечера, игру матери на фортепиано, которую я любила слушать, сидя на полу подле ее юбки, и ее постоянное общество, ее участие в наших играх, прогулках, — во всей нашей жизни. С тех пор, как я начинаю себя помнить, у нас была одна прислуга, находившаяся больше на кухне, а мы бывали с матерью. Няnek у нас, двоих старших, я не помню. Особенно ясно запечатлелась ее игра с нами в нашем зале и одновременно столовой, на стульях, изображавших тройку и сани. Брат сидел за кучера, с увлечением помахивая кнутиком. Я с мамой сзади, и она оживленно рисовала нам, краткими понятными словами, зимнюю дорогу, лес, дорожные встречи. Мы оба наслаждались. Ясно вставали перед глазами описываемые ею сцены. Мое детское сердчишко было переполнено чувством благодарности к матери за такую чудную игру и восхищения перед ней. Могу с уверенностью сказать, что никакой артист в моей последующей жизни не пробудил в моей душе такого восхищения и не дал таких счастливых, поэтических минут, как эта бесхитростная игра с нами матери. Объяснялось такое впечатление, кроме присущего матери живого воображения, несомненно еще и тем, что она искренно входила в нашу игру, в наши интересы, умела, для того, чтобы доставить нам радость, увлечься и сама, а не снисходила до игры.

Хотя в том же гимназическом здании жили и другие семейные учителя, но память моя сохранила лишь имена некоторых детей, а не их самих, не игры с ними. Очевидно мы встречались с ними лишь изредка и играли обычно вдвоем с Сашей, с которым были неразлучны.

Читать мы учились по звуковому методу. Меня мать начала, играя, учить с 5 лет, — помню наклеенные на карточке буквы, из которых я составляла слова, — брат выучился подле меня самостоятельно, и отец рассказывал потом, как он, — четырехлетний, — раскладывал на полу газету и читал, лежа на ней.

Помню поездку на пароходе нас, двоих старших, с матерью из Нижнего в Астрахань к родным отца. Это было ранней весной, с первыми пароходами, когда мы были в возрасте 3—4 лет. Смутно припоминаю маленький домик, старушку бабушку и дядю; припоминаю, что с нами возились, как с желан-

ными гостями и, как мать находила, баловали нас чересчур. К этим родным мы ездили только раз. Гораздо теснее были связи с родными матери, к которым, в Казанскую губ., мы уезжали каждый год на целое лето.

В сентябре 1869 года мы переехали в Симбирск, куда отец был назначен инспектором народных училищ, и поселились во флигеле во дворе дома Прибыловского на Стрелецкой улице. В этой квартире 10 апреля (ст. стиля) 1870 г. родился брат Владимир. Осенью того же 1870 г. семья наша переехала в верхний этаж дома того же хозяина на улицу, где прожила до 1875 г.

Дом этот был тогда последним по Стрелецкой улице, упиравшейся в площадь с тюрьмой, которая выходила главным фасадом на так называемый «Старый венец», — высокий берег Волги со сбегавшими вниз фруктовыми садами. В противоположность «Новому венцу», — части нагорной набережной в центре города, с бульваром из неизбежной акации, с беседкой и музыкой, по праздникам служившему местом прогулки чистой публики, — «Старый венец» был совершенно дикой окраиной города. Здесь стояла лишь пара скамеек над обрывом к Волге; по праздникам звучала гармоника, земля усердно посыпалась скорлупами подсолнечников и семечками рожков, — любимого тогдашнего лакомства, немало попадалось голов и хвостов воблы, — главной едеи всех волжан. На пасху сюда выходили катать яйца и «Старый венец» пестрел яркими платьями и красными рубашками местных обывателей. Водружалась карусель, нестройно, перебывая одна другую, звучали гармоники, сновали продавцы рожков, семечек и мажков. И публика веселилась почти непосредственно под завистливыми взорами обитателей тюрьмы. Бледные, обросшие, какие-то дикие лица глядели из-за решеток, слышалось лязганье цепей. Но в праздники мы разве с кем-нибудь из старших проходили по венцу; одних нас мать не пускала. К вечеру оттуда доносились уже пьяные песни, происходили драки, без которых народные празднества и гулянья были в то время немислимы.

В будни же он был обычным местом наших прогулок. Садика никакого при доме не было, ходить с нами дальше куда-нибудь матери обычно не было времени. В 1871 г. родилась сестра Ольга, в 1873 г. умерший через несколько дней брат Николай, в 1874 г. брат Дмитрий. Няня, поступившая к Володе, была

занята всегда с меньшими. А «венец» был под рукой и мы, старшие, перебегали туда дорогу одни, рылись в так называемом «песке», т.-е. правильное в пыли, выскывая камешки, осколки фаянсовой посуды и т. п. сокровища и приносили их домой. Мать пускала нас скрепя сердце туда, по близости тюрьмы, про обитателей которой ходили разные страшные слухи, но гулять больше было негде и приходилось мириться.

Помню, как угнетало наши детские души это мрачное здание с его мрачными обитателями. Только увлечешься, бывало, чудным видом на Волгу, пением певчих птиц в сбегавших с обрыва фруктовых садах или собиранием «сокровищ», как лязг цепей, грубые окрики или ругань заставляли нас вздрагивать и оглядываться. Вместе со страхом перед этими людьми наши детские души охватывало и чувство глубокой жалости к ним. Помню его отражение в глубоких глазах Саши. И сейчас еще стоит перед моим взором одно худое тонкое лицо с темными глазами, жадно прильнувшее к решетке окна.

Да и со взрослыми гулять в тогдашнем Симбирске детям было негде. Единственным общественным садиком был Карамзинский, — вокруг памятника Карамзину. Это был типичный казенный садик того времени, с аллеями из акации и сирени, с парой клумбочек. Гулять там надо было чинно, дети были стеснены в своих движениях и обычно кроме праздников, когда по аллеям его проводили несколько раздетых, скучающих детей, он пустовал, а его пыльная, подрезанная сирень кишела шпанскими мухами. Казенный садик был под стать казенным зданиям. На всякое учреждение общественного характера ложилась эта мертвящая рука. Помню еще один садик, — Николаевский, — тоже в центре города, но совсем заброшенный: весь в кочках, грязный, с поломанной загородкой, за которую заходили, возвращаясь с пастбища, коровы. Все же там росла и зелень и мы — двое старших ходили туда одно время с девочкой лет 14 — Еленой, дочерью нашей кухарки. Никаких сторожей и запретов там не было, и мы бегали там охотно, но раз Елена увидела нас наклонившимися над темнозеленой, таинственной бездной колодца, ничем решительно не загороженного. В ужасе потащила она нас прочь, не без сопротивления с нашей стороны, ибо загадочная глубь манила. С тех пор этот садик стал для нас под строгим запретом и для прогулок оста-

вался кроме улицы перед домом лишь «Старый венец». Дело шло, правда, лишь о весне и осени, так как на два, на два с половиной месяца мы уезжали ежегодно в деревню Кокушкино.

Чтению и письму, а также начаткам новых языков нас учила мать, но растущая семья, заботы о меньших и хозяйстве все меньше оставляли ей времени на это, и занятия получались понятно, не регулярные. Вследствие этого отец пригласил с осени 1873 г. заниматься с нами учителя приходского училища, Василия Андреевича Калашникова. Это был совсем молодой еще человек, недавно окончивший учрежденные отцом в Симбирске педагогические курсы. Опыта, конечно, у него еще никакого не было; притом он сам в семье директора несколько робел, что я, девчурка, тогда отметила, и помню, что пользовалась этим, хотя в его памяти это, очевидно, сгладилось, потому что в своих воспоминаниях он только хвалит нас за старательность. Возможно, конечно, и то, что имеет он в виду, главным образом, Сашу, с детства очень добросовестно и серьезно относившегося к своим обязанностям. Саше было тогда 7½ лет. Приходил к нам Василий Андреевич только на час, а затем задавал уроки к следующему дню. Кроме того мать занималась с нами языками и мы много читали.

Отец получал всю новую детскую литературу, которая переживала тогда пору некоторого расцвета, журналы «Детское Чтение», «Семья и школа» и др. Брали нам также книги в Карамзинской библиотеке, имевшиеся детские и разные школьные хрестоматии. Помню сборник Гербеля «Русские поэты», который мы читали, перечитывали, из которого заучивали наизусть отрывки. У нас было в обычае готовить отцу и матери какие-нибудь сюрпризы к именинам и к праздникам. Позднее это были работы; так, Саша вышивал красивые вещи, — в раннем детстве мы могли самостоятельно выучить только стихи, да разве еще переписать их покрасивее и вложить в конверты. И вот я помню, что к одному из таких случаев Саша заучил по своему выбору «Ивана Сусанина» Рылеева и мало любивший декламировать — читал с большой силой выражения слова жертвы того времени за благо отчизны, как он понимал это:

«Убейте, замучьте, — моя здесь могила,
Но знайте и рвитесь: я спас Михаила.
Предателя, мнили, во мне вы нашли?»

Их нет и не будет на русской земли.
 В ней каждый отчизну с младенчества, любит
 И душу изменой свою не погубит».
 «Злодей!» — закричали враги, закипев, —
 Умрешь под мечами! — «Не страшен ваш гнев.
 Кто русский по сердцу, тот бодро и смело
 И радостно гибнет за правое дело.
 Ни казни, ни смерти и я не боюсь:
 Не дрогнув умру за царя и за Русь».

Не больше 8 лет было тогда Саше, — это было еще до поступления его в гимназию и характерно, с какой не детской серьезностью читал он это, — далеко не детское стихотворение. Помню также, что из этого сборника мы читали с увлечением «Дурочку» Майкова. Читали роман Вальтер-Скотта «Айвенго», — по тогдашнему переводу «Иванго» и очень увлекались им. Зато такими сочинениями, как Майн-Рид и Фенимор Купер, Саша совсем не увлекался.

Любил Саша разного рода коллекционирование, при чем отдавался со свойственной ему сдержанной страстностью и целостностью любимому в тот или иной период занятию. Так, в шестилетнем возрасте он собирал одно время все театральные афиши и раскладывал их порою на полу. Осталось в памяти, как раз Володя, всегда шаловливый и резвый, побежал, несмотря на запрет, на этот ковер, стал топтать афиши, измял и изорвал несколько из них, пока мать не увела его. Саша, глубоко возмущенный, стал поспешно складывать свои сокровища. Я, понятно, разделяла его возмущение.

Описываю этот мелкий факт, так как в нем особенно выпукло проявились свойства характера Саши в раннем детстве. Он был возмущен вторжением в его права, но он не заплакал, — я совсем не помню его в детстве плачущим, — вспоминаю только раз в возрасте 9-ти лет в слезах во время опасной болезни матери. Он не применил также насилия к младшему, — подобных случаев с ним совсем не бывало; не выругался, — этого мы тоже никогда не слышали от него. Он испустил лишь возмущенный возглас, — да его темные глаза еще больше потемнели.

Так, — и без возгласов уже, совсем молчаливо, — реагировал он обычно и позднее на всякую несправедливость, на всякий осуждаемый им поступок. И сила этого немного недобрения импо-

нировала в нем уже с детства. Даже такой самоуверенный, резвый и проказливый мальчик, как Володя, лишь в раннем детстве проявлял по отношению к Саше выходки вроде вышеописанной. С наступлением некоторой сознательности, — так, лет с 5—6, старший брат стал для него высшим авторитетом, предметом горячей любви и подражания. О чем бы в те годы ни спросили Володю, он отвечал неизменно одно: как Саша. Помню, как мы трунили над ним, как ставили его иногда в намеренно неловкое положение, ничто не помогало. И если с годами подражательные брату утратило такой смешной характер, то во всем основном, по мере сил, Володя, как и все мы, старался «равняться по Саше». Его пример и влияние в семье не может быть переоценено. Помню я один случай, относящийся к более позднему времени, когда Саше было лет 10—11. Отец, уходя куда-то с матерью, за что-то резко побранил меня. Вспыльчивая и несдержанная я, как только дверь захлопнулась за отцом, воскликнула возмущенно: «гадкий папа».

«Как это можно говорить так, Аня?» — сказал Саша. И я помню, что серьезное огорчение, прозвучавшее в его словах, подействовало на меня сильнее всякого, самого строгого выговора со стороны отца, матери или кого угодно из старших. Вся моя досада разлетелась, как дым, от этих простых слов и я была озабочена лишь одним: восстановить себя во мнении брата. — «Я ведь это так, я не думаю этого в самом деле», — говорила я, — заглядывая в его глаза, страшась больше всего на свете потерять в его мнении. А между тем Саша был на полтора года моложе меня.

Росли мы в семье по возрастным парам и я была неразлучна с Сашей.

Наша семья жила очень замкнутой жизнью. В Нижнем-Новгороде, где родители прожили шесть лет, у них составилась кружка знакомых из педагогического персонала гимназии, людей подходящих по социальному положению и развитию, объединенных к тому же коридором гимназического здания, в котором большинство из них имело квартиры. У матери моей, — от природы живого и общительного характера, — были там добрые приятельницы; можно было, уложив детей, собраться почитать, поболтать, помузицировать вместе. Получались там все новые журналы. Отец читал иногда вслух по вечерам, между прочим,

печатавшуюся тогда частями «Войну и мир» Толстого. Было там и детское общество. Переезд в Симбирск лишил всего этого. Чуждый, глухой захолустный городок после более оживленного Нижнего-Новгорода, менее культурные жилищные и иные условия, а главное, полное одиночество, — особенно при частых разъездах отца, — очень тягостно ощущались матерью и она рассказывала потом, что первые годы жизни в Симбирске сильно тосковала. Чуть не единственной знакомой ее тогда была акушерка Ильина, жившая в том же доме и принимавшая всех меньших.

Помню, как радовалась мать приездам из деревни одной учительницы, молодой девушки из знакомой ей семьи. Симбирские знакомства были мало интересны, ограничивались обычно праздничными визитами. Общество симбирское разделялось тогда на две обособленные части: дворянство, жившее больше по своим поместьям и водившее компанию в своей среде, — Симбирск считался одним из дворянских гнезд того времени, — и чиновничество, поддерживавшее знакомство по ведомствам, строго считаясь с табелью о рангах.

Сослуживцев у отца в первые годы не было. Таковые появились лишь с 1874 г., когда он был назначен директором, а ему в помощь были даны инспектора. С этими помощниками завязались позднее более тесные семейные связи и у меньших были среди их детей приятели. Детство же нас, двоих старших, протекало исключительно замкнуто и это наложило свой отпечаток на нас обоих, сделало нас более дикими и несомненно усилило природную замкнутость и сосредоточенность Саши. За частыми отлучками отца мы проводили время преимущественно с матерью, читали, занимались, мастерили что-нибудь из картона и цветной бумаги для елки.

Так как почти все украшения были продуктом нашего труда под руководством матери, то начинали мы работы задолго до елки и они заполняли содержанием наши зимние вечера. Таким образом елка была для нас не чуждым, купленными украшениями разубранным деревом, а нашим коллективным созданием; и даже позднее в школе, не знавшей в то время никаких ручных работ, увлекались мы этим примитивным творчеством. На общем фоне трудовой жизни оно являлось тем радостным творческим трудом, которому придается такое значение в современном воспитании.

Наша бабушка со стороны матери была немка и мать воспитывалась в значительной степени в немецких традициях, из которых первой была елка. Это была необходимая принадлежность встречи праздника в каждой мало-мальски состоятельной немецкой семье, даже если она состояла из одних взрослых. Перенесенная в Россию как детская забава, в странах германских она являлась принадлежностью культа и зажигалась обычно в канун праздника, в сочельник. Так повелось это и у нас. Ею встречался праздник, дети получали подарки и со своей стороны передавали родителям какие-нибудь предметы своего мастерства или читали заученные для них стихотворения. Так как отец мой был религиозен, то он ходил обычно в этот вечер ко всенощной, куда брал позднее с собой и нас, старших, и елка зажигалась уже по возвращении из церкви. В ранние же наши годы она зажигалась, очевидно, до службы. Таким образом, в нашей жизни сталкивались два культа; хотя, конечно, елка выветривалась уже до поэтической встречи праздника в своей семье. Мать моя, как все выросшие не в чисто национальной семье, не была богомольна и одинаково мало посещала как русскую церковь, так и немецкую, в Симбирске также имевшуюся. И для нее уже елка была, очевидно, поэтической традицией детства, — не больше.

Для нас же, в зимнее время, елка была главной радостью. Запечатлелась почему-то особенно ярко в памяти одна елка, когда меньшей в семье была Оля и Сапе было лет 6—7. Какое-то особенное чувство тесной и дружной семейной спайки, уюта, безоблачного детского счастья оставил этот праздник. Считаю, что такие переживания детства дают неисчислимо много для энергии, жизнерадостности и тесной семейной спайки на всю последующую жизнь.

На лето мы уезжали в Кокушкино, — деревню Казанской губ., имение деда по матери, к которому съезжались по летам его замужние дочери с детьми. До 1875 г. поездки эти были ежегодными и были огромной радостью для нас. Задолго начинали мы мечтать о них, готовиться к ним. Лучше и красивее Кокушкина, — деревеньки действительно очень живописной, — для нас ничего не было. Впрочем, кроме двух, довольно неудачных поездок, — в имение Симбирской губ. к Назарьеву, и в Ставрополь по Волге, — к тете С. А. Лавровой, — мы никуда больше

не ездили. Думаю, что любовь к Кокушкино, радость видеть вновь эти места, передалась нам и от матери, проведенной там свои лучшие годы. Но, конечно, деревенское приволье и деревенские удовольствия, общество двоюродных братьев и сестер были и по себе очень привлекательны для нас. И особенно позднее, после стен нелюбимых нами обоими казенных гимназий, после майской маяты с экзаменами, лето в Кокушкине казалось чем-то несравненно красочным и счастливым. Особенно, кажется мне, любил его Саша, находивший там столько простора для рано проявившейся в нем склонности к естественным наукам. Там занимался он разного рода коллекционированием, — особенно осталась в памяти прекрасная коллекция птичьих яиц, собранная им там и пополнявшаяся и в Симбирске. Позднее, в университетские годы, там занимался он препарированием лягушек и другими опытами и даже на обыске 1 марта 1887 г. в моей квартире, — где дотоле жил он, была взята с большими предосторожностями какая-то земля, которая оказалась самой безвредной — инфузорной землей, привезенной им для исследования из Кокушкина.

Лодка душегубка, которой он очень ловко управлял, и на которой пропадал подолгу, а позднее далекие странствования с ружьем в поисках дичи были главным его удовольствием. Саша горячо и глубоко любил природу и умел, уже с ранних лет, наслаждаться ею в одиночку.

Раз в детские годы мы поехали с Сашей вдвоем на душегубке. Пошел дождик. Я была простужена и Саша, всегда чуткий и внимательный, забеспокоился, стал грести сильнее и поторопился причалить к берегу против соседней с Кокушкиным деревни Татарской. Мы побежали к самой близкой избе, — Карпей. Это был наш хороший знакомый. Охотник и рыболов, Карпей часто приходил в Кокушкино, предлагая дичь или рыбу, при чем всегда беседовал на самые разнообразные темы. Отец мой называл его поэтом и философом. И вид у него был поэтический: густые черные с проседью волосы, черные красивые и выразительные глаза, стройная, крепкая фигура. Это был талантливый самородок, с речью блестящей остроумием и меткими сравнениями. Но особенно запомнила я нашу беседу с ним в этот раз, когда мы забежали к нему укрыться от дождя. Он рассказывал нам, как по царскому приказу, гнали через Казанскую

губернию в Сибирь «жиденят». Этот рассказ очевидца был ярок и произвел на нас сильное впечатление. Позднее, уже в студенческие годы, читая это описание в «Былом и думах» Герцена, мы вспомнили нашего деревенского поэта Карпея ¹⁾. А тогда мы возвращались задумчивые и опечаленные к нашей лодке и я считаю, что для Саши это было одним из фактов, пробуждавших в нем еще в детские годы то смутное недовольство существующим политическим строем, о котором он говорил в своей речи на суде.

Кроме пребывания в Кокушкине, огромной радостью для нас с Сашей было путешествие по Волге. Сапа горячо любил Волгу, родную реку. Помню, как ему нравилось стихотворение «Есть на Волге утес» — конечно, за его революционное содержание.

Говоря о Кокушкине, я забежала вперед. Первая часть детства, до начала школьной учебы, кончилась для Саши рано. 8½ лет он был отдан в подготовительный класс симбирской классической гимназии.

Отец стоял за раннее определение в школу, чтобы дети, особенно мальчики, привыкали к труду и втягивались в дисциплину, проходя гимназический курс с первых классов. Отличавшийся сам строгим выполнением долга и чрезвычайной исполнительностью, он считал важным привить эти качества и детям. Следя за уроками обоих старших сыновей, он и до гимназии и во время прохождения ими младших классов приучал их к щепетильно точному, отчетливому выполнению всех уроков. Он боялся изнеживающего домашнего баловства, считал полезным оставить мальчиков раньше под мужское влияние. Кроме того, отец и не мог бы, при большой семье, иметь отдельных учителей для нас, даже помещать всех нас в платные школы было бы для него трудно: семья возрастала, а жить приходилось исключительно на небольшое жалованье отца. Я не раз слышала от него в детстве, что только благодаря исключительному хозяйственному умению и экономии матери мы сводим концы с концами. Министерские гимназии вследствие того, что отец

¹⁾ Герцен, отправляемый в конце 30-х годов прошлого столетия в ссылку, рассказывает, как он наткнулся на оторванных от родителей еврейских детей (среди них восьмилетних малюток), которых «гнали» пешком в Сибирь, и чем многие падали и умирали дорогой... Как он, забившись в свою клетку, плакал и проклинал Николая I, изобретшего такую жестокость.

были чиновником мин. нар. просвещения, были бесплатны для его детей. За дочерей в мариинской гимназии приходилось платить.

Затем отец, бывший всегда слабого здоровья, не надеялся дослужить до пенсии и судьба семьи все время очень заботила его. Он внушал нам, старшим, что, окончив гимназический курс, мы должны будем учить, ставить на ноги меньших братьев и сестер. И вот старший сын был рано запряжен в гимназическую лямку. 8-летний ребенок был затянут в узкий мундирчик тогдашнего фасона с подпирающим стоячим воротником, должен был просиживать до 3-го часа в гимназии и исполнять немалое количество заданий дома; а, главное, посылался в затхлую провинциальную школу, руководимую невежественным, совершенно дореформенным директором Вишневым. Когда брат находился уже в одном из старших классов, Вишневский был смещен и заменен Керенским, но оставлен в качестве директора мариинской женской гимназии. Вскоре он скандально проворовался там и был уличен в этом на одном торжественном праздновании обиженным и подвыпившим учителем рисования, который, поднявшись с места с бокалом вина вместо тоста провозгласил: «А Иван Васильевич ¹⁾ грабил, грабил, грабил».

Если отметить, что этот своеобразный тост был провозглашен в присутствии губернатора и архиерея, то можно себе представить, каким громом среди ясного неба прозвучал он в богоспасаемом городке, какой явился встряской всего застоявшегося болота, — и какое произвел впечатление на учащуюся молодежь. И наконец-то был окончательно устранен многолетний руководитель просвещения всего юношества в городе Симбирске. При нем царили, — и не могли не царить, — грубость, невежество, лицемерие и лесть. Педагоги подбирались под стать центральному лицу букета. Процветал фамусовский принцип: все больше сестрины, свояченицы детки. Более порядочные учителя, умевшие вертеть хвостом перед директором, устранились. Помню с каким противным подобострастием относились к этому чиногоголевскому типу начальница и другой педагогический персонал нашей, женской гимназии. Лучшим, по крайней мере,

¹⁾ Вишневский.

чистым, как личность, был старик С. М. Чугунов, с которого как говорят, Гончаров списал Козлова в Обрыве. Идеалист, совершенно ушедший от жизни в науку, обложенный книгами, он преподавал латинский язык с 1-го и историю с 3-го класса. Ученики широко пользовались его рассеянностью, добротой, глупотой и всячески проводили его. Брат рассказывал, например, что на вопрос, какой падеж по латинской грамматике, они наловчились выкрикивать лишь конец: —«и-ительный». А недоверявший своему слуху педагог подтверждал: «да, да, творительный» или «винительный».

Другим ископаемым был учитель немецкого языка, Штейнгауер, обучавший еще моего отца и настолько привыкший к гимназии и просидевший там все стулья, что даже во время летнего ваката скучал дома и приходил в пустую гимназию пройтись по классам, побеседовать со сторожами. Остальных преподавателей младших классов я не помню. Они менялись часто, и ни об одном из них не слыхала я сочувственного отзыва брата.

Тяжела была Саше гимназическая ляжка. Все время продолжения курса он не видел в гимназии ничего положительного, а смотрел на нее только как на необходимый мост в университет. Первые же годы были прямо тягостны для него. Несомненно, что этот 9-летний искус еще больше закалил его и без того твердый характер, но больно подумать, насколько тягостен был он в первые годы для ребенка, выросшего в культурном семейном уголке. Убежденный в необходимости этой ляжки, он не жаловался и не заикался о возможности какого-либо иного выхода. Он только еще больше замкнулся в себе, а его всегда грустные глаза стали еще грустнее. Т.-е. он не скрывал, конечно, от домашних, что ему тяжело и все в гимназии не нравится, но он вел себя с самого начала, как мужчина.

Не то я, которая годом позже неоднократно с горькими слезами просила мать взять меня из гимназии, уверяя ее, что дома с нею пройду больше и вымаливала иногда разрешение пропускать посещение школы, усаживаясь тогда с большим рвением за работу. Очень болезненно ощущала я, что отец смотрит на это, как на проявление лени. Я чувствовала, что это несправедливо, но объяснить толком не могла, да и не смела говорить об этом отцом. Мать рассказывала потом, что она не знала, как быть, особенно в виду моих частых головных болей и бессоницы, но

отец был решительно против всяких потачек. Меня перевели только через две недели в следующий класс, — из VI в V (т. е. из II в III по обычному счету) — ибо мне решительно нечего было делать в VI и я тосковала на уроках. Семья дала такое развитие, что мы сильно опередили своих ровесников и кончили поэтому очень рано курс. Принимая во внимание, что тогдашняя школа ехала, главным образом, на домашних заданиях, — часто очень бестолковых, но всегда громоздких, — это сказалось большой, по возрасту, перегруженностью занятий. Отрицательной стороной был также и более старший возраст товарищей.

Характерно, как для того уровня культурности, которую дала нам и поддерживала в нас семья, так и для того, какой уже сложившейся в моральном отношении личностью был Саша, что на нем не отразилось в дурную сторону, как это обычно бывает и как должно бы естественно отразиться, общество старших по возрасту, менее культурных товарищей. Никаких дурных навыков он не приобрел и в семью не занес. Все это, уже в восьмилетнем возрасте, отсекало от него. С грустью и возмущением рассказывал он мне иногда о некоторых грубых проделках товарищей, о солдатски грубом и часто несправедливом отношении учителей, но больше мы по его мрачному виду могли догадываться, что в гимназии было опять что-то неприятное. Характерно также, что ни разу за весь 9-летний курс на него не было жалоб в грубом или резком ответе учителю. Он с раннего возраста умел уже сдерживать себя. Правда, он и учился и держался безупречно. Ко времени поступления следующего брата, он, ребенок 12 лет, заявил с той решительностью, которой отличались все его редкие заявления, что не следует отдавать Володю в подготовительный класс, а надо подготовить его к 1-му. Брат Владимир начал действительно школу с 1-го класса, вероятно отговаривая с матерью и сами убедились, что лучше по возможности миновать хотя подготовительный класс, — но заявление Саши имело несомненно значение.

Между прочим по тогдашним гимназическим нравам считалось предосудительным водить компанию с девочками, высмеивалось, и я помню, как раз Саша, когда я пошла провожать его в гимназию, попросил меня на одном углу повернуть озабоченно взгляды вдаль, не видно ли кого из насмея-

ников. Мы были очень дружны с Сашей, и эта вынужденная необходимость отчуждаться была дика и тягостна для нас.

Отец мой не стоял за классическое образование: он смотрел на него лишь, как на необходимый мост к университету. Я слышала, как он говорил кому-то уже позднее, когда стали открываться реальные училища, что ничего не поделаешь, приходится отдавать детей в классическую гимназию, ибо без нее нет доступа в университет и способный мальчик потом может упрекнуть родителей, что они закрыли для него эту дорогу. Особенно был он против обязательности греческого языка, в его время в гимназии был обязательным только латинский. Таким образом, при первых шагах отец мог направлять только в латинском, но не в греческом. Да перегруженность самого отца работой, его частые разъезды по губернии позволяли ему лишь в самых общих чертах направлять брата. Его личный пример постоянной, добросовестной работы воспитывал в этом смысле. Сам чрезвычайно скромный и строгий к себе, считавший, что его напряженная идейная работа есть выполнение долга, — не больше, он и нас воспитывал в этом духе.

Отец был против «захваливанья», как он выражался, считая вредным чересчур высокое мнение о себе. Теперь, когда я гляжу назад на наше детство, я думаю, что было бы полезнее для нас, если бы эта в общем правильная педагогическая линия не проводилась так неуклонно. Вполне правильной она была только для брата Владимира, большой самоуверенности которого и постоянным отличиям в школе представляла полезный корректив. Ничуть не ослабив его верной самооценки, она несомненно сбавила той заносчивости, к которой склонны бывают выдающиеся по способностям, захваливаемые дети, и приучила его, несмотря на эти похвалы, упорно трудиться. Для всех нас, — особенно для девочек, страдавших потом от некоторого недоверия к своим силам, были бы полезны в небольшой дозе и похвалы. Помню, например, что для меня имела большое значение переданная мне братом Сашей похвала отца моему первому сочинению, отличенному и в школе. Но я узнала о ней случайно, отец дал свой отзыв матери в моем отъезде.

Конечно, Саша не страдал недоверием к своим силам, по натуре его было и без того много скромности и строгости к себе, чувство долга было и без того превалирующим в его

характере, — больше одобрения и всего, способного поднять жизнерадостность, было бы для него только полезно. Но обычно в семейном воспитании, как в музыкальной мелодии, доминирует одна нота. Равное отношение к детям не позволяет ослаблять для некоторых, а перегруженность своей работой не дает возможности с раннего детства определять уклон характера каждого с соответствующим ему особым педагогическим подходом. Но отец разбирал все-таки наши темпераменты. Помню, что он говорил как-то, что у брата Володи темперамент холерический, у Оли сангвинический, а у меня меланхолический.

Переходя от этого отступления к школьной жизни Саши я могу сказать, что для него это была бурса, — конечно, с коррективом домашней жизни и семейного влияния. Очень много налегали на зубрежку. Между тем у брата были больше математические и рассудочные способности. Он не схватывал легкую памятью, хотя бы ненадолго, чтобы протрещать бойко урок, — особенно то, что было для него неинтересно, бессмысленно, что ему претило. У него была не специфическая память первого ученика, дающая часто возможность проходить блестяще курсы хотя и не зная ничего основательно. Но обдуманное, усвоенное он удерживал в памяти очень прочно и основательно. И вообще уже с детства читал очень продуктивно, составляя обо всем вполне самостоятельное, — часто чрезвычайно самобытное мнение. Долбежка — латыни, греческого, немецкого была ему противна. Помню особенно, что в одном из младших классов — самым тяжелым для него днем была среда, когда кроме всех других уроков предстояло еще долбить немецкую басню, — обычно мало понятную, изложенную недоступным детям языком старинную белую берду. Она приводила обычно Сашу на весь вечер в мрачное настроение, которое мать старалась, помню, подсластить палочкой шоколада. Застенчивый и малоразговорчивый, он не умел так бойко протрещать урок по истории, географии и словесности, что как известно, в школьной учебе ценилось больше, чем основательная углубленная работа. Но самую историю Саша очень любил охотно читал исторические сочинения, а в IV классе — 12—13 лет, — выписал даже на сбереженные им деньги, — нам давали иногда вместо подарка, — журнал «Исторический Вестник».

Гимназические сочинения он также не любил: они выходили у него хотя и дельными, с серьезно продуманным планом

е логично развивающейся мыслью, но всегда краткими и суховатыми. Очень уж чужда была ему всякая риторика и фраза. Человек дела и глубокого сдержанного чувства, он был как-то щепетильно стыдлив на слова. Даже его письма к близким людям, даже в тот момент, когда он всей душой хотел бы облегчить их состояние, например, к матери после смерти отца, — были чрезвычайно скупыми и краткими. Но углубленной работой Саша выделялся с самого начала прохождения гимназического курса и получал ежегодно первые награды при переходе из класса в класс, а по окончании курса был награжден золотой медалью.

Неправильно было бы заключить из всего этого, что серьезное отношение к своим обязанностям делало Сашу в детстве каким-то «книжным человечком». Он был очень цельной натурой и так же цельно, как занятиям, отдавался он ребяческим играм, бегом. Помню, с каким увлечением играли мы, четверо старших, в «черную палочку» на дворе нашего дома на Московской улице в 1878—1879 годах, когда Саше было 12—13 лет.

Правда, помню я, как раз, запрятанные на чердак, в ожидании Володи, который не мог найти нас, мы беседовали о какой-то только что прочитанной Сашей книге.

— Как интересны книги для взрослых, — сказал он и с увлечением стал излагать мне ее содержание. Героем был какой-то государственный деятель, и Саша говорил мне о таможенной политике, о покровительственных пошлинах, разъясняя, что без них не может развиваться промышленность молодой, отсталой страны... А я слушала и удивлялась, какой Саша умный, как он понимает такие вещи. Но послышались шаги и голос Володи и, прервав на середине рассказ, Саша пустился на перепрыгиванье, на разные уловки, чтобы выскочить и добежать раньше и тем выиграть игру.

Помню, как мы взлетали с ним, распевая что-нибудь из Некрасова, на подгнивших качелях; с каким жаром играл он в крокет, бегал на гигантских шагах, увлекался плаваньем, лодкой. За шахматами он мог также забываться: помню в одну осень увлечение нас, троих, старших, и отца четверными шахматами.

Саша был всегда инициатором наших детских игр и его участие придавало им наибольший интерес.

Особенно яркое впечатление оставила одна его затея: выпускать еженедельный журнал, редактором которого он взялся

быть. Журнал этот получил название «Субботник», потому что должен был появляться по субботам. Скажу мимоходом, что суббота была нашим любимым днем: уроки можно было отложить в воскресенье, а субботний вечер дать себе некоторый отдых в семейном кругу. Каждый из нас должен был за неделю написать что-нибудь на свободно выбранную тему; все эти листки передавались Саше, который вкладывал их без всяких изменений в приготовленную им обложку, добавлял что-нибудь от себя. И вот номер был готов и читался вечером в присутствии отца и матери, принимавших самое тесное участие в нашей затее, к которой они отнеслись чрезвычайно сочувственно.

Помню их оживленные, довольные лица; помню какую-то особую атмосферу духовного единения, общего дела, которая обволакивала эти наши собрания. Теперь, когда я гляжу назад, мне кажется, что эти вечера были апогеем коллективной близости нас, четверых старших, с родителями. Такое светлое радостное оставили они воспоминание!

Конечно, материал для чтения был самый незатейливый, да и могло ли быть иначе при возрасте двоих сотрудников от 7—9 лет? Но оба они взялись за дело очень охотно, изобрели себе и литературные псевдонимы: Володя (довольно коренастый в те годы мальчуган) назвался Кубышкиным; Оля, — прозванная за проворство и живость обезьянкой, — Обезьянковым. Конечно, меньшие склонны были откладывать задание до последнего дня. Помню особенно Олю, бегущую, после укоризненных напоминаний нас, старших, к себе наверх и скатывающуюся затем с лестницы со сложенным в четвертушку полулистиком бумаги. На нем, под крупными, криво идущими карандашными строками, — представлявшими все-таки связный рассказ, было начертано со своей возрастной орфографией: Абезьянков.

Затем все собирались в столовую для чтения. Младшие были очень заинтересованы внешним видом номера, загадками и шарадами, придуманными Сашей, исполненными им иллюстрациями. Помню, особый интерес и оживление вызвали юмористические изображения в красках обоих меньших. Были взяты курьезные моменты из их жизни, особенно понятные членам семьи. Так Володя был изображен в кислом виде с опустошенным пакетиком из-под пирожков. Только что переступивший порог гимназии мальчуган доверчиво протянул товарищу свой пакетик, рассчи-

тывая, что он удовольствуется одним пирожком; но тот забрал со смехом все содержимое, оставив Володю без завтрака. Оля была изображена отчаянно ревущей, а подпись гласила: — «Оля, посылаемая спать». — Живая девчурка очень не любила вечерний час, когда раздавался возглас: пора спать. Она уверяла, что вообще никогда не спит, а только лежит с закрытыми глазами и встречала нежеланный приказ ревом, про который мы говорили: — «Оля взвыла». Шарады и загадки тоже очень оживляли. Вообще Саша, — серьезный и замкнутый Саша, — проявлялся в этом журнале как веселый шутник и его безобидная, ласковая шутка особенно сближала нас и придавала оживление всему предприятию. Он взял себе последний отдел: задач, ребусов и подходящий к юмористике и так неподходящий ему вообще псевдоним — Вральман.

Я находилась в то время в периоде увлечения Белинским и была в твердом убеждении, что без отдела критики не может существовать ни один порядочный журнал; поэтому я дала разбор произведений прошлого номера, восклицая в конце: «А что же молчит наш почтенный Вральман? Что он ограничивается шутками и загадками?» и т. п. Критика сочинений меньших была, конечно, легкой задачей. Наибольший простор для нее дал мне более длинный рассказ Володи, в котором я подчеркивала разные невероятности и несоответствия, и я помню, с каким сосредоточенным вниманием слушал этот резвый мальчик новый для него род литературного произведения, не выказывая ни тени личной обиды, несмотря на язвительность некоторых словечек (ведь надо было подражать Белинскому).

Заступилась, понятно, за меньших мать, выразившая сомнение, чтобы в нашем журнале следовало помещать такие разборы. Мать опасалась, вероятно, что критика отобьет у меньших охоту писать, и правильно считала, что каждый дает, что может по возрасту. Но за необходимость критики высказался горячо наш редактор. Поддержал его и отец. Отрицательно отнеслась также мать к моим «стихотворениям». Но Саша так горячо возразил: «ведь кроме нее у нас никто стихов не пишет», — что вопрос был решен. В качестве редактора он горячо защищал интересы журнала, в котором должны ведь быть и стихотворения.

Но несмотря на все его организаторские усилия, журнал после нескольких номеров прекратил существование. Причиной

этого было — как загруженность работой Саши, так и различие в возрасте двух пар, старшей и младшей, сильно препятствовало объединению их в одном деле. Младшие, как водится, стали скучать, игра утратила для них интерес новизны. Помню, что мать выражала сожаление о том, что журнал прекратился и хранила довольно долго тетрадки его в разрисованной Сашиной с фигурно выписанными буквами «Субботник» обложке.

Любимым поэтом Саши в детстве был Пушкин. Помню по этому поводу разногласия и споры между нами, так как я предпочитала Лермонтова. Увлечение Некрасовым началось позже. У нас была в руках книжечка отца, — ранние стихотворения Некрасова. Помню, что 11-летним мальчиком — в 3-ем классе гимназии, Саша обратил мое внимание в этой книжке на «Песню Еремушке» и «Размышления у парадного под'езда». «Мне их папа показал, — сказал он, — и мне они очень понравились». И, не охотник до декламации вообще, Саша эти, любимые свои стихотворения читал с большой силой выражения.

Таким образом, отец, одушевленный лучшими идеями конца 60-х и начала 70-х годов, рано направлял в смысле общественных идеалов Сашу, — своего старшего сына, лучшую надежду и несомненного любимца. Да характер его был таков, что его и нельзя было не любить. Со мною отец говорил на такие темы меньше, — я была больше в обществе матери и впитывала в себя лишь то, что слышала от Саши и то, что было разлито вокруг.

Помню только, что в Кокушкине, во время прогулок по полям, отец любил петь положенное на музыку студентами его времени запрещенное стихотворение Рылеева:

...«По духу братья мы с тобой,
Мы в искупленье верим оба
И будем мы питать до гроба
Вражду к бичам страны родной.

Любовью к истине святой
В тебе, я знаю, сердце бьется
И верю, тотчас отзовется
На неподкупный голос мой».

Мы невольно чувствовали, что эту песню отец поет не так, как другие, что в нее он вкладывает всю душу, что для него она что-то вроде «святая-святых», и очень любили, когда он по-

ее, и просили запеть, подпевая ему. Помню, что раз и по возвращении в Симбирск, на нашем дворике, я напевала ее, — мне было тогда лет 13—14, и что мать подозвала меня и сказала, что я не должна здесь, в городе, петь эту песню, так как могу повредить отцу, — враги у всех есть, скажут: «вот какие запрещенные песни распеваются на дворе директора народных училищ». Ясно запомнила я эти слова матери: ведь это было первое мое знакомство с запрещенным.

Эта песня и, главное, то как отец пел ее, показывает, что восхождение по чиновной лестнице не помешало ему сохранить до пожилых лет верность чему-то вроде клятвы, что заключалось в словах: «будем питать до гроба вражду к бичам страны родной». Слыша постоянно о большой, горячей работе в области народных школ, встречая многих лучших представителей учительства в нашем доме, я рано стала мечтать о том, чтобы стать народной учительницей. Особенно пленил меня образ одной сельской учительницы, о которой рассказывала отцу в Кокушкине, во время прогулки по полям, моя двоюродная сестра, студентка медицинских курсов. Она говорила о своей приятельнице, идейной народнице, которая очевидно не ограничивалась преподаванием грамоты ребятам, а собирала по вечерам крестьян, читала, беседовала с ними, сильно подняла их сознательность и вызвала большую любовь среди них к себе. В результате донос, обыск, допросы крестьян и удаление, — кажется, даже арест учительницы к общему горю всей деревни. Помню горячий, возмущенный тон рассказчицы, рисуемый ею идеальный образ учительницы, с подчеркиванием, — что ничего антиправительственного в ее деятельности не было; помню отца, — молчаливого, сосредоточенного, с опущенной головой. Помню, что и на мои позднейшие расспросы об этой учительнице он больше отмалчивался. Мне было в то время 13—14 лет, это было в конце 70-х годов, когда движение вступило уже на революционный путь; очевидно, что отец, не бывший никогда революционером, в эти годы в возрасте за 40 лет, обремененный семьей, хотел уберечь нас, молодежь. Поэтому же, вероятно, следующим детям он никакого подчеркивания в смысле общественных идеалов не делал. По крайней мере, я не слыхала о них, а думаю, что неизвестным для меня это бы не осталось. Что же касается до отношения к террору, то помню его, в высшей степени взволнованного, по возвращении из собора,

где было объявлено об убийстве Александра II и служилась панихида. Для него, проведшего лучшие молодые годы при Николае I, царствование Александра II, особенно его начало, было светлой полосой, и он был против террора. Он указывал потом с мрачным видом на более суровую реакцию при Александре III, реакцию, сказавшуюся и на его деле.

Забегая вперед скажу, что при разговоре отца по возвращении из собора Саша не присутствовал. Припоминаю, что мне не удалось завязать с ним разговор на эту тему, он больше отмалчивался. Но я тогда как-то не остановила на этом своего внимания. Теперь я думаю, что отец, говоривший на эту тему со мной, не мог не говорить с братом, с которым он вообще с детства больше беседовал по общественным вопросам. Тот факт, что я об этой беседе ни от одного из них не слыхала, показывает, что либо Саша определенно не согласился с отцом, либо он о своем, может быть не вполне сложившемся мнении (ему не минуло еще в то время 15 лет) умолчал. И тогда либо он молчал со мной по той же причине, что и с отцом, либо, не согласившись с отцом, он молчал об этом по указанию отца, что говорить о своем несогласии ни дома, ни в гимназии не следует. Мог он, конечно, молчать и по собственной инициативе, как вообще его характеру было свойственно. Думаю, что в виду молодости брата вернее то предположение, что он молчал потому, что определенных воззрений им не было еще выработано, а общих, ходячих, к которым относились и воззрения семьи, он не разделял.

В возрасте 13-ти и 12-ти лет читали мы с Сашей «Войну и мир». Он отнесся тогда определенно отрицательно к обоим главным типам — князя Андрея и Пьера, — в которых Толстой выводит две стороны своей личности. Он заявил, что больше всех в романе нравится ему Долохов, очевидно пленивший его силой и смелостью своего цельного характера.

Кроме нас двоих во всех таких обсуждениях прочитанного принимала самое близкое участие двоюродная сестра, — самая любимая из всех наших кузин и кузенов. Часто летними вечерами мы уединялись в Кокушкине от других братьев и сестер и подолгу беседовали, — главным образом о прочитанном, — загадывали друг другу строфы стихов, — откуда?, а иногда, конечно, и попросту болтали и шалили. Это было то поэтическое

время «детства с двумя-тремя годами юности», о котором Герцен говорит, что это «самая настоящая, самая изящная, самая наша часть жизни». Оно оставило на мне неизгладимое впечатление тем более, что я находилась тогда все время под обаянием общества Саши. Младший из нас троих, — кузины он был моложе на 3½ года, — он не только был всегда вполне самостоятельным в своих мнениях, но очень скоро догнал и перегнал в развитии и ее.

Так и Долохова он защищал стойко — несмотря на то, что мы обе с жаром нападали на этот тип. Нам было странно, что Саша, всегда скромный и застенчивый, хотя решительный и твердый, взял настолько сторону этого бреттера, что выставляет его чуть не идеалом. Когда мы указывали на злобность Долохова, Саша подчеркивал его отношение к матери, показывающее, что он совсем не злой человек. Я находилась тогда под обаянием Андрея Болконского, кузина выделяла Пьера, его доброту, его отношение к людям. Брат относился к обоим этим типам пренебрежительно. Споры наши достигали порой большой страстности, особенно помню, с моей стороны.

Это было летом 1878 года, когда после некоторого совместного пребывания в Кокушкине, кузина Маруся была отпущена погостить к нам, в Симбирск. Отец купил тем летом дом на Московской улице, в котором мы и жили до 1887 года. При нем был большой зеленый двор и молодой, но довольно обширный садик, большей частью фруктовый. Все место тянулось на целый квартал и калитка в заборе сада давала возможность выйти на следующую, Покровскую улицу. Окраинные, заросшие сильно травой, улицы, прелестный цветник, которым заведывала мать, изобилие ягод и плодов, а также близость реки Свияги, куда мы ходили ежедневно купаться, делали этот уголок недурным летним пребыванием (конечно, воздух был все же городской, с деревней не могло сравниться). Мы подолгу гуляли в теплые летние вечера или сидели на увитой цветами терраске, а в особенно душные ночи вытаскивали на нее матрацы и спали на ней.

Любимым нашим поэтом был в то время Некрасов. Отец приобрел нам полное посмертное издание, и мы читали и перечитывали его. Особенно увлекались мы тогда «Дедушкой» и «Русскими женщинами», — вообще интерес к декабристам был большой. В следующем уже году, кажется, беседовали мы

о Достоевском, его судьбе, его «Записках из Мертвого дома». Помню, что на Сашу они произвели очень сильное впечатление. И вообще всего Достоевского он перечитал с большой вдумчивостью и симпатизировал ему больше, чем я. Читал он также многое из Щедрина. В последних классах гимназии прочли мы с Сашей от доски до доски всего Писарева, который имел тогда большое влияние на нас. Так, я отказалась брать уроки музыки: ведь Писарев подсмеивался над тем, что каждую барышню учат обязательно игре на фортепиано, хотя бы у ней было больше способности шить башмаки; ведь он говорил очень определенно, что, читая меньше 50 (или 100) страниц в день, никогда не будешь начитанным человеком, — а я с ужасом видела, что не успеваю выполнить этого минимума. Наконец, он указывал, что каждый молодой человек или девушка должны стремиться встать скорее на свои ноги и не висеть на шее у родителей.

Это последнее требование падало на подготовленную почву: ведь в нашем воспитании никакого барства, с которым боролся Писарев, не было. Наоборот, мы были склонны перегибать в этом вопросе палку. Так, я в первый год самостоятельного заработка не хотела разрешить матери шить мне что-нибудь из костюма не на мои деньги. Припоминаю еще такой факт. Летом 1882 г. в Москве открылась всероссийская выставка, и отец сказал мне, что думает поехать туда со мной и Сашей. И вот, я, которая никогда не была в Москве, да и по Волге выше Казани не ездила, которая так любила наши ежегодные путешествия с отцом и с Сашей, вдруг отказалась от этого из ряда вон выходящего удовольствия, заявив решительно: «Нет, нам обоим через год придется в Петербург ехать учиться, сколько это будет стоить; не надо теперь на поездку в Москву тратить». — Даже мать сказала мне: — «но если папа сам предлагает». — Я стояла на своем. Саша, когда я сказала ему о мотивах отказа, поддержал меня, но мне показалось, что я подметила оттенок сожаления в его глазах. И можно себе представить, как много вынес бы из такой поездки он.

Теперь, когда я вспоминаю об этом случае, мне так досадно, что я лишила такого удовольствия отца, себя и, главное, Сашу, жизнь которого и без того была так коротка и так бедна радостями.

Помню, что Сашу Писарев сильно отвратил от любимого им Пушкина, и он был разочарован, когда родители, памятуя

его детскую любовь к Пушкину, подарили полное собрание его сочинений. 15-ти лет Саша был под обаянием Писарева, а я стала стараться насытить свою постоянную потребность в стихах поэзией Гейне, которого Писарев выделял из других поэтов и которого я с увлечением начала изучать и переводить.

Брали мы Писарева, запрещенного в библиотеках, у одного знакомого врача, имевшего полное собрание его сочинений. Это было первое из запрещенных сочинений, прочитанное нами. Мы так увлеклись, что испытали глубокое чувство грусти, когда последний том был дочитан, и мы должны были сказать «прости» нашему любимцу. Мы гуляли с Сашей по саду, и он рассказал мне о судьбе Писарева.

— Говорят, что жандарм, следивший за Писаревым, видел, что он тонет, но намеренно оставил его тонуть, не позвав на помощь.

Я взволнованно выражала свое возмущение. Саша шел, как обычно, молча, и только его сосредоточенный и особо мрачный вид показывал, как сильно переживает он это.

Всех русских классиков мы прочли в средних классах гимназии. Отец рано дал их нам в руки, и я считаю, что такое раннее чтение сильно расширило наш горизонт и воспитало наш литературный вкус. Нам стали казаться неинтересными и пошлыми разные романы, которыми зачитывались наши одноклассники. Помню, как я начала «Петербургские трущобы», которыми бредили в моем классе, и бросила скоро, ибо они вызывали во мне лишь скуку и отвращение.

В Тургеневе брат выделял Базарова, — особенно по характеристике, данной ему Писаревым. Помню еще, как он указал мне у Тургенева на повесть «Часы». — «Так, безделка, — сказал он, — но очень симпатичные характеры».

Показательно для Саши в юношеском возрасте его сочувствие цельным, мужественным, проникнутым чувством собственного достоинства натурам, каковыми были Давид и его невеста в повести «Часы».

Его отношение к Нежданову в «Нови» было резко отрицательное. Мне, я помню, Нежданов понравился, и я чуть ли не плакала над ним. А кроме того мне почудились в нем струны, родственные моей душе. Поэтому отзыв брата огорчил меня.

— А знаешь, — сказала я грустно. — По-моему, я на него похожа.

— Нет, совсем ты на него не похожа, — решительно ответил Саша.

Увлечение брата естественными науками, конечно, нашло себе подкрепление во взглядах Писарева, но началось оно раньше и вполне самостоятельно. Саша начал налаживать себе кустарным способом маленькую лабораторию: выпаивал разного рода стеклянные трубочки на спиртовой лампе, собирал всякие банки, пузырьки, огарки, которые служили ему для гальванопластики. Затем он покупал недорогие приспособления на свои деньги, которые в последних классах стремился увеличить уроками. Каким-то образом находил он время и на уроки! Удивительно умел он использовать время, — ни минуты, кажется, не проходило даром. Искерпав скудный запас реторт и колбочек, которые он мог найти в Симбирске, Саша стал выписывать простейшие химические приборы из Казани. Еще раньше он пополнил свою лабораторию кое-чем из вещей учителя Чугунова, умершего, когда Саша был в старших классах. Приобрел он не мало книг из распродававшейся дешево библиотеки Чугунова. Так, там он купил и подарил мне ко дню рождения или именин Дрепера «Умственное развитие Европы».

Прочел он и Бокля. А я, помню, тянулась за ним, но туго читался Бокль в летние жары и плохо усваивался мной. А то, что я ломала все же себя и дочитала-таки весь толстый том, поселило только во мне на всю жизнь отвращение к Боклю.

Увлечение Саши химией, а затем и другими естественными науками начало несколько отдалять нас друг от друга. С той цельностью и жаром, с которыми он отдавался всем своим увлечениям, он старался использовать для любимого предмета всякую свободную минутку; он взял частный урок, чтобы иметь возможность приобретать больше книг и приборов. А старшие классы гимназии давали такую массу работы. Столько приходилось просиживать за ненавистными греческим и латынью. Подстрочников в то время еще не было, да я думаю, что отец, причувашший брата с детства к добросовестной работе, был бы против них. По утрам он приходил пораньше в класс по просьбе товарищей, которые не справлялись дома с заданным и обступали его с просьбой помочь как до уроков, так и в перемены.

— Да что там, — один на весь класс работал, — сказал мне о нем позже, в студенческое уже время, один из его одноклассников, Савушкин.

Я была всю жизнь неисправимой словесницей, химией не интересовалась вовсе и была даже настроена против нее, ибо она отрывала меня от Саши. Потом в последних классах у меня было также не мало занятий — я кончила курс 15½ лет; на следующий по окончании курса год прохворала большую часть зимы тифом. А следующей осенью, — 17 лет, — поступила помощницей учительницы в одну из симбирских школ, да еще дома занималась с меньшими. Общество гимназических подруг, как ни мало я дорожила им и как ни скоро от него отошла, общество учителей и учительниц, у которых бывали общие собрания и совместные педагогические обсуждения, — все это направляло меня на другую стезю, чем та, по которой шел Саша. Общего чтения в виду того, что он читал в свободные часы, главным образом, по естественным наукам, также почти не было.

По летам мы проводили больше времени вместе, хотя и тогда Саша бывал все время занят. Летом 1882 года при переходе его в последний класс гимназии, когда вследствие ремонта в доме мы сгрудились в маленьком флигельке, Саша упросил дать в его распоряжение отдельную кухоньку при этом флигельке, чтобы использовать ее в качестве лаборатории. И здесь вместо занятий урывками, среди гимназических уроков он начал уже систематически проходить химию по Менделееву. Теперь он не боялся портить воздух окружающим. Сам же он и спал, и жил в своей лаборатории. Таков был его отдых после усиленной зимней работы. Родители беспокоились об его здоровье и всячески старались сами, и поручали нам вытаскивать его на прогулки, на игру в крокет. Но это было не так-то легко.

Месяц он провел, правда, в Кокушкине, где бродил на охоту, которую очень любил, и пропадал на речке в маленькой душегубке в поисках за разными образчиками животного царства. Ночью с двоюродным братом где-нибудь под стогом, чтобы пострелять уток на заре, он играл с ним на воображаемой доске в воображаемые шахматы. Вечерами собирались двоюродные братья и сестры, — молодежь и подростки, — которых особенно много с'ехалось этим летом, гуляли и пели, играли в разные игры и загадки. Но Саша все меньше принимал участие в этих

развлечениях, предпочитая или закатиться на весь вечер на охоту или — если уже проводить время за беседой, то втроем, — со мной и кузиной, а в последнее лето, — 17 лет, — предпочтительнее и с одной кузиной. Я не сразу поняла, что дружба к ней стала принимать в это лето оттенок первой любви, чего-то в роде поэтической дружбы между Герценом и его кузиной, и очень обижалась, что оказываюсь как-то особняком. Впрочем, когда поняла, то хотя обижаться стала и меньше, но все же ревновала и чувствовала себя несчастной: общество Саши было для меня самым дорогим, и болтовня кого-либо из кузенов ни в какой мере не могла мне заменить его.

Осталась у меня в памяти одна прогулка с Сашей этим летом в лунный вечер по саду. Все домашние разошлись уже на покой, а я, наскучив бродить одиноко по нашему саду, подошла к оконцам Сашиной кухни и стала с жаром упрашивать его погулять со мною. Он уступил. Мы прошли по улицам, а затем вернулись в сад. Мое настроение, под влиянием какой-то полуребяческой влюбленности, которую я переживала тогда, было в этот вечер особенно восторженным, и я неожиданно для себя вдруг крепко обняла Сашу. Обычно никаких нежностей между нами не было, но тут я не могла уже удержаться. Саша ответил на мой порыв крепким и братским объятием, — таким ласковым, таким чутким. И так обнявшись, прошли мы несколько шагов по саду. И вот в этот момент все зашело во мне особенно громко. Этот день я вспоминала в последующие годы, как праздник — такое чистое и поэтическое счастье доставило мне это братское объятие.

Какой огромный запас чуткой любви был в его душе ко всем своим и как даже в те короткие минуты, которые он бывал с нами, все мы чувствовали на себе золотые крохи его привязанности, обаятельность общения с его сильной и в то же время такой нежной натурой! Меньшой брат Дмитрий, — младше его на 8 лет, — вспоминает с глубоким чувством некоторые мелкие знаки внимания к нему Саши, вспоминает, как тот считался с его личностью в краткие моменты, когда бывал в общении с ним, и как у него, маленького, появилось тогда такое глубокое чувство благодарности к Саше, что, кажется, в огонь бы за него пошел и в воду.

Младшие дети бывают всегда под влиянием старших, но в нашей семье все мы, не исключая и меня, самой старшей

были под совершенно исключительным влиянием Саши, хотя сам он всего менее проявлял стремление влиять на других.

Следующая за Владимиром сестра Ольга (родилась в 1871 г.) любила Сашу больше, чем других старших, и была с раннего детства его любимицей из младших. У ней и в натуре было много общего с Сашей: глубина и твердость характера при большой ровности и мягкости его, из ряда вон выходящая трудо-способность. Я сказала бы, что у ней, как и у Саши, в характере преобладающим было чувство долга. 15 с половиной лет окончила она с золотой медалью блестяще гимназию. Она изучила затем музыку, английский и даже шведский язык, собираясь поехать для прохождения курса медицины в Гельсингфорс, очень много и очень продуктивно перечитала. К концу первого года пребывания на курсах в 1891 году она умерла от брюшного тифа, — по странному совпадению в тот же день, что и брат Саша за 4 года перед тем, — 8 мая.

Даже в бурсацкой почти толще тогдашней гимназии с ее бездельем, грубостью и лицемерием, в которой так тяжело было дышать Саше первые годы, он завоевал себе понемногу, он, самый младший в классе, положение самого уважаемого и любимого товарища. Его скоро перестали высмеивать, как тихоню; его не чуждались, как первого ученика; все шло к нему за советом и за помощью, на него полагались, как на скалу во всех коллективных протестах. Так, в старших классах велась борьба против учителя латинского языка Пятницкого, карьериста и пройдохи, которым возмущались и лучшие из преподавателей. Эта борьба, принявшая очень острый характер, не расцвела ярким цветом лишь потому, что Пятницкий был скоро убран, — это было уже в директорство Керенского. Протест против него дошел до своего конца в другой гимназии, — кажется, саратовской, где он был побит, что сопровождалось, конечно, исключениями и другими карами. Я припоминаю только, что кто-то из более пожилых преподавателей высказал в частном доме свое удивление и неодобрение тому, что Саша принимал участие в протесте. Ему непонятно было, как мог он, лично незаинтересованный, портить таким образом свою карьеру первого ученика.

Постоянно занятый дома, успевающий при всем старании выкраивать слишком мало времени для своего любимого дела, Саша почти не посещал товарищей, — разве забегал не надолго,

по делу. Он не принимал участия в гимназических спектаклях и других увеселениях более общительных юношей. Но к нему в старших классах забегали многие. Некоторые, например, самый близкий его приятель, Валентин Умов и Страхов, начали так же заниматься естественными науками и делились своими наблюдениями с братом. Занимался с Сашей химией также младший его на один класс товарищ, Михаил Щербаков, живший с декабря зиму у нас пансионером. Прибегали товарищи за книгой по обществу вопросу, поговорить о прочитанном, или о гимназических делах во время борьбы с Пятницким. Но подолгу так же не засиживались, ибо Саша не был склонен к долгой болтовне. В последние годы он отправлялся иногда с товарищами и на общие прогулки, а по окончании выпускных экзаменов принимал участие в торжественном, с выпивкой, как водилось тогда праздновании этого события.

Рад он был окончанию гимназии чрезвычайно. Как-то даже просветлел весь, видя перед собой свободу от обязательной учебы и желанный университет, возможность заняться тем, к чему влекло призвание. Он выбрал петербургский университет, потому там естественный факультет был поставлен наилучшим образом и блистал такими светилами, как проф. Бекетов, Бутлеров, Вагнер и другие.

Отец, очень серьезно и бережно относившийся ко всем стремлениям брата, гордившийся им, не возражал, хотя обоим им с матерью было грустно отпускать так далеко его, такого еще юного, хотя они предпочитали бы, если бы он выбрал более близкую Казань, где и родственники были. Но Саша не давал себе много праздновать по окончании курса. Его тяготило быстрое шее отца, обремененного семьею, и он принял приглашение поехать на лето 1883 года на урок в деревню, в семью купца Сачкова. Но мать, которую мысль о разлуке с ним угнетала с самой весны, воспротивилась тому, чтобы он уехал на последнее лето, и отец стал убеждать его, что в состоянии посылать на лето обоим и чтобы он просто отдохнул летом дома. Саша уступил настойчивому желанию матери, видимо, против убеждения, но несколько дней был угрюм, но уже, раз решив, не помнил об этом больше. Съездил он ненадолго в Кокушкино. Я этим летом, не желая оставить мать перед долгой разлукой, компанию ему не составила.

Забежав на год вперед, остановлюсь на одной мелочи, чрезвычайно характерной для брата. Он говорил отцу, что ему совершенно достаточно 30 руб. в месяц. Отец стал все же посылать нам по 40 руб., несмотря на возражения Саши в письме. Тогда брат замолчал, но стал систематически откладывать по 10 руб. в месяц, без которых, как он заявил отцу, он может обойтись, привез за 8 месяцев, проведенных в Петербурге, 80 руб. и отдал их отцу. Отец с удивлением и восхищением рассказал мне об этом факте, оставшемся для меня неизвестным, так как брат ни словом не проговорился мне за всю зиму в Петербурге, не желая, очевидно, повлиять на меня.

Я рассказываю об этом так подробно потому, что такой факт из обыденной жизни, показывающий умение брать стойкие решения надолго и проводить их с неуклонностью, говорит о силе характера гораздо больше, чем иные прямо-таки героические решения на момент. Особенно изумительно это в 17-летнем юноше, только что вылетевшем из семейного гнезда, непрактичном, не то что окруженном соблазнами, — их он просто не замечал, а долженствующем рассчитывать каждую копейку, каждый лишний кусок, чтобы не выйти из определенного себе бюджета. А он еще болел первую зиму в Петербурге возвратным тифом, после которого нужно усиленное питание, не говоря уже о сопровождающих болезни расходах на врачей и лекарства. Его же питанием кроме обеда служил обыкновенно один чай с хлебом. Наконец, сколько книг он охотно приобрел бы для своей работы!

Последние годы в гимназии и первые в университете Саша был уже вполне самостоятельным, взрослым человеком, с мнением которого считались, которое импонировало иногда и родителям. И достигнуто это было совершенно спокойно, ровно, как бы незаметно, само собой. Никакой борьбы за это на глазах меньших не было. Это было естественным результатом его силы. Никогда при меньших Саша ничего не оспаривал, не отрицал, но когда отец, бывший всю жизнь искренне религиозным, спрашивал его иногда за обедом: «Ты нынче ко всеобщей пойдешь?» — он отвечал кратко и твердо: «нет». И вопросы эти перестали повторяться.

Еще из присущих брату черт я должна отметить большой демократизм. С одинаковым уважением и вниманием относился он к прислуге и к крестьянам, к каждому, кто обращался к нему.

И как любили его все! Помню, в первое лето по возвращении Саши из Петербурга его встречу с рассыльным отца. Старик весь просиял, здороваясь с ним, а Саша так дружески просто пожал его руку, что в то время обратило на себя внимание как мало принятое. Помню также его разговоры с крестьянами. Какой авторитет должен был он сразу снискать среди рабочих, какое доверие и уважение завоевать меж ними!

II.

Александр Ильич в Петербурге в 1883—1887 гг.

В конце августа 1883 года Александр Ильич приехал в Петербург. Он ехал Волгой до Нижнего, а затем по железной дороге. Путешествие по железной дороге он совершил тогда в первый раз в жизни. Поездка в III классе при страшной перегруженности и грязи вагонов показалась ему после парохода очень неказистой, и позднее он сказал мне: «Говорили об удовольствии езды по железной дороге. По-моему, без малого наказание».

Очевидно, он переживал также при этом путешествии «Железную дорогу» Некрасова, своего любимого поэта. Заболев поздней осенью возвратным тифом, он несколько раз просил меня говорить ему наизусть эту поэму.

Останавливался он на день проездом в Москве. В письме своем к кузине он говорил, что Петербург понравился ему больше Москвы, что из московских достопримечательностей понравился только Храм Спасителя, а старинные церкви и здания Кремля совсем не понравились.

Остановился Александр Ильич в комнате на Песках, потому что кем-то в Симбирске была указана хозяйка, сдававшая там комнаты. В эту комнату приехала позднее, в сентябре, и я. Но страшная отдаленность от университета заставила Сашу со следующего же месяца переселиться оттуда. Он снял комнату на Петербургской стороне, где селилась обычно самая демократическая часть студенчества (комнаты на Васильевском Острове были дорожке), — на С'езжинской ул., в доме № 4, в квартире домовладелицы. Этот старого типа деревянный дом давно сломан, а на месте его возвышается теперь каменное здание пожарной части. Комната была с ходом прямо из передней. Смежная с ней гостиная, как полагалось, без гостей обычно пустовала, и потому

в Сашиной комнатке было тихо и удобно для занятий. Хозяйка оказалась очень добродушной, старозаветной старушкой, каких наверно теперь и в глухих углах где-нибудь не сыщешь. Брат у нее и столовался, и она уделяла ему добросовестно часть своего домашнего обеда, не забывая праздничного пирога не только для него, но и для меня, когда я посещала его. Очень внимательна была она к нему и во время его болезни, — возвратного тифа, перенесенного дома, — и не требуя вознаграждения, посылала обед и на мою долю в те дни, которые я проводила около него. Я замечала часто с ее стороны чисто материнское отношение к нам, только что вылетевшим из родного гнезда юнцам. Тишина, добродушие и уютность, вместе с запахом лампадного масла, были разлиты повсюду. Я в центральной части Петербурга видела уже другие типы хозяек, беззастенчиво промышлявших на счет студенческих желудков.

Бестужевские курсы помещались тогда на Сергиевской улице в доме Боткина, и я взяла поэтому комнату тут же поблизости, на Сергиевской. Попала я в плохие условия: очень скучала без Саши и спохватилась уже позднее, что зря послушала общего мнения и убеждения брата, что с Петербургской стороны ходить мне будет слишком далеко и не поселилась с ним вместе. Но у его доброй старушки другой комнаты не было, а о том, чтобы ему уйти от нее, при всех удобствах и уюте, которые он нашел там, я, конечно, не могла и думать. Мы установили определенные дни свиданий. Помню — среду и воскресенье, — и путешествовали аккуратно, — один раз я к нему, другой он ко мне, чтобы провести вместе вечер. Это, конечно, кроме кратких забеганий по делу, с письмом из дому и т. п. Путешествовали мы обыкновенно пешком, — он из-за свойственного ему ригоризма и сжимания до нельзя своих потребностей. Саша ел за утренним и вечерним чаем, — ужина он не имел, — один хлеб, — больше весомой, сеянный, покупая булки или что-нибудь новкуснее лишь в дни моих визитов, и мерил все расстояния пешком.

В результате питания у своей хозяйки я нажила довольно скоро катарр желудка. С этим у меня связано одно трогательное, рисующее брата, воспоминание. В свое посещение я рассказала ему, что сказал мне врач. Была я, очевидно, кислая, с больным видом. На следующий, внеурочный день брат пришел

ко мне специально для того, чтобы убеждать меня вследствие развившегося у меня катарра ехать обратно в Симбирск. Помню его озабоченное лицо, его горячий тон. Помню, что и сам он показался мне особенно бледным и усталым. Оказалось, что сам был болен, — у него начинался возвратный тиф, — и болелной, в отвратительную питерскую погоду, — дождь со снегом, — он пришел с Петербургской стороны пешком, чтобы убеждать меня. Я была с детства самой хворой, мать всегда особенно беспокоилась обо мне; потом брат видел, что я тоскую очень о семье, туго пускаю корни в питерскую жизнь, — но какую серьезную и глубокую, совсем уже не юношескую заботливость выказал при этом он, семнадцатилетний мальчик!

Конечно, я не поехала, а через пару дней врач определил у него возвратный тиф. Бывая у него чаще и ночуя в больнице трудное время, я скинула с себя самое тягостное, — чувство одиночества, а питание у его милой, очень заботливой к нам обоим хозяйки заставило меня забыть на время свой «катарр».

Курсы не удовлетворяли меня обязательностью латыни, и тем, что преподавание вращалось в этом году в древнем периоде. Хотелось, как, должно быть, всем, стряхнувшим с себя гимназическую учебу, чего-нибудь более близкого к современности, более свежего и живого. Это был год закрытия «Отечественных Записок», год глухой реакции. Курсы висели на волоске. Администрация стремилась показать, что на них учатся и только учатся. Вероятно, и выбор профессоров определялся до большой степени стремлением сохранить во что бы то ни стало курсы.

Лучший, более живой общественно состав слушательниц был на естественном отделении. Это было время почти поголовного увлечения естествознанием; к тому же петербургский университет славился именно естественным факультетом, на котором читали такие знаменитости, как Сеченов, Менделеев, Боткин и др. Позже, на старших курсах, и на почве общего участия в студенческой столовой и дежурств на кухне, познакомилась и сошлась я с некоторыми естественницами, при чем не замедлила сделать открытие, что это гораздо более живой и общественно интересный элемент курсисток. На первых же курсах я смотрела на них несколько предубежденно из-за их, часто подчеркнутой, нигилистической внешности: красные рубахи, волосы в скобку, мальчишеские жесты и ругательства отталкивали меня, как про-

явление чего-то напускного, легкомысленного и обезьяньего. Припоминаю, как грубо заявила одна курсиетка, доведившая эту игру в нигилизм до особой крайности, по поводу предупреждения заведующей курсами Стасовой о нежелательности ярких косовороток: «Вот еще! Форма что ли?! Я завтра в красной приду!».

Так же смотрел и Саша. При его серьезном и глубоком отношении к образованию вообще, к женскому, в частности, он мог относиться только отрицательно к таким проявлениям. Не говоря о том, что все вообще показное, внешнее, крикливое было абсолютно чуждо и противно его натуре. Относительно этой нигилистической внешности были с ним разговоры еще в его гимназическое время, в Казани и в Кочушкине, где мы слышали от двоюродных братьев и сестер о казанском студенчестве. В разговорах о женской эмансипации, которые велись между нами и кузиной Марусей, он определенно отрицательно относился к тому копированию мужчин, которое проявлялось в остриженных волосах, пиджаках, косоворотках и намеренной небрежности к внешности и костюму. И когда мы, девочки, немножко пристрастно придирались к нему и спрашивали, какой костюм и внешний вид он одобряет, он сказал коротко: «вот, как у мамы», — т. е. опрятно и в высшей степени скромно. Этот разговор показывает, кроме того, как высоко стоял у нас в семье авторитет матери, каким идеалом являлась она.

Саша приехал в Питер в 1883 г. в августе. Лекции по большей части еще не начались. И он ходил читать в Публичную библиотеку. Помню, что читал Дарвина и другие научные книги по естествознанию. Помню, что я, не зная еще куда притутиться в Петербурге, и, с другой стороны, не составившая себе программы чтения, спросила: «А можно ли там новые журналы получать?». И почувствовала себя сконфуженной, когда он сказал: «Думаю, что да, но не знаю. Я их не спрашивал». — Я почувствовала, как всегда чувствовала перед ним, что вот человек знает, что ему надо, не мечется и не ищет, как я, и времени даром не тратит. И просидев иногда и утро на лекциях или за практическими занятиями, идет и по вечерам читать научные книги.

Не удовлетворенная программой лекций на первый год, туго заводящая знакомых, я страшно скучала по семье, и вечера казались мне бесконечными. Скучала и по школе, в которой

работала два года до отъезда в Петербург, по ребятам. Вообще мне всегда свойственно было трудно приниматься на новой почве, одним из моих главных недостатков было жить долго прошлым.

Вечера, проводимые с Сашей, были для меня праздниками. Я выкладывала ему обычно все мои впечатления за неделю, мы менялись письмами из дома. Он рассказывал тоже обо всем пережитом, — но обычно кратко, сжато. Он тоже чувствовал себя, конечно, одиноко первый год, но далеко не в такой степени, как я, ибо все часы его были заняты. И в дни наших свиданий, поделившись новостями, мы все чаще сидели каждый со своей книгой, как, впрочем, привыкли делать и дома. Я то, конечно, болтала бы и слушала охотно и весь вечер, но Саша не любил болтовни. Но так уютно и хорошо проходило время вместе. Моя беспокойная, тоскующая, всегда во внутренних неладах душа как бы опиралась на его гармоничную, спокойную, уверенную, как бы заражалась этой его, чуждой мне, гармонией. Один из товарищей Саши говорит в своих воспоминаниях, что как-то «прочно, уютно» чувствовалось при нем ¹⁾. Я думаю, что испытывала это в еще большей мере, так как с детства привыкла к этому уюту подле него.

Обычно я старалась приготовить какое-нибудь угощение к вечернему чаю, конечно, очень незамысловатое, — вроде масла, сыру; моя хозяйка с'едала большую часть моих ресурсов. Помню, что под Новый год, который Саша пришел встречать ко мне, я придумала особое угощение: филипповские пирожки, которые разогревала в своей печурке.

Мне казалось, конечно, очень соблазнительной мысль поехать на рождественские каникулы домой, но Саша сказал решительно, что не поедет. Для него это было баловством: надо было пользоваться всем, что давал Питер, достаточно было одного летнего ваката. Да и деньги лишние тратить он был совсем не склонен. Первый год я осталась с ним, но следующие два не выдерживала и уезжала домой.

По праздникам с начала осени мы отправлялись с Сашей осматривать какие-нибудь достопримечательности Питера, особенно в первый месяц, прожитый с ним вместе на Песках. Маршируя пешком, прежде всего познавали, конечно, самое достопримечательное.

¹⁾ Егор Егорович Гарнак.

мечательное в Питере, — громадность его расстояний. Чуть ли не первым нашим впечатлением в Питере были похороны привезенного из-за границы тела И. С. Тургенева. Вся погребальная процессия была сжата тесным кольцом казаков. На всем лежал отпечаток угрюмости и подавленности. Ведь опускался в землю прах неодобряемого правительством «неблагонадежного» писателя. На его трупе это показывалось самодержавием очень ясно. Помню недоуменно тягостное впечатление нас, двух юнцов. На кладбище пропускали немногих, и мы не попали в их число. Потом попавшие рассказывали, какое тяжелое настроение царило там, как наводнено было кладбище полицейскими, перед которыми должны были говорить немногие выступавшие...

Осмотрев город с внешней стороны, мы отправились раз в Эрмитаж. Но никогда не видавшие живописи в провинции, совершенно не подготовленные тогдашней школой к пониманию ее, мы потерялись в больших залах среди чуждых, малоговорящих нам изображений и, перебегая все быстрее испанскую, голландскую и другие школы, ничего не вынесли, кроме усталости и разочарования. Да кроме того и общее настроение тогдашней молодежи, враждебное всякому «чистому искусству», не благоприятствовало нашему пониманию его. Особенно, конечно, это имело отношение к Саше. Зато ему очень понравилась и привела на него большое впечатление выставка картин Верещагина из эпохи войны с Турцией 1877—1878 гг. Для современных читателей скажу, что картины этого художника, цензурные каждая в отдельности, взятые вместе (в ансамбле), были сплошным криком против войны и именно так и были восприняты тогдашним обществом. Панихида священника над бесконечным полем, усеянным трупами; вошедшее в поговорку: «На Шипке все спокойно» (фигура часового, постепенно заметаемого снегом, — в трех видах) и другие оставляли подавляющее впечатление, зажигали протест против войны и их виновников и в тех, кто был далек от такого протеста. Что же сказать о Саше? Как и в детстве, он мало высказывался, но каждый из нас, — я или товарищи, — чувствовали при своих возмущенных излияниях молчаливую поддержку в его сосредоточенно мрачном виде. Впечатление, производимое выставкой на общество, заставило правительство спохватиться и закрыть ее.

Но больше всех из наших осмотров достопримечательностей столицы осталось у меня в памяти посещение в одно из первых воскресений Петропавловской крепости. Тогда это посещение, на которое начальство смотрело, как на патристическое паломничество к могилам русских императоров, было еще разрешено. Пропускали в собор, к гробницам. Но приходилось, конечно, после входа по мостику за тяжелые стены крепости проходить по ее двору, и атмосфера этого тюремного двора, с его зловеющим молчанием, нарушаемым лишь бряцанием оружия и окликающими часовых, охватила нас. Под подозрительно-пристальными взглядами стражи прошли мы, с немногочисленной другой публикой, в собор. Мы рассеянно побродили между гробниц, слушая объяснения, который из императоров покойся в той или другой из них, а по выходе из собора оглянулись пытливо на мрачные тюремные стены, за которыми сидел 4 года наш недавний кумир Писарев, которые замыкались с тех пор беспощадно над столькими борцами за свободу. Нас неотступно провожал до ворот часовой. После деревенской почти свободы родного городка мы почувствовали себя как бы стиснутыми в одном из бастионов самодержавия, всецело и безнадежно в его власти. Это было первое для нас дуновение тюрьмы, с которой всей нашей семье пришлось затем познакомиться так основательно. Для Саши это было первым добровольным покуда посещением крепости, захлопнувшей за ним безвозвратно 3½ года спустя.

Мы вышли из крепостной калитки и оглянулись. За нами стояла эта неприступная твердыня всеильного самодержавия, над нами нависло серое питерское небо. Было часа 4, сгущались осенние сумерки. Морозящий дождь и резкий ветер с Невы довершали общее безрадостное впечатление. Я пробовала заговаривать о том, где там помещаются заключенные, и еще что-то, но Саша отвечал односложно, и я умолкла тоже. Помню нас, как сейчас, шагающими вдоль решетки Летнего сада (по Марсовому полю), помню то состояние тяжелой подавленности, которое как камнем сдавило грудь. Помню, что для меня, неспособной на такие глубокие и длительные переживания, это было уже чересчур, и я чувствовала потребность стряхнуть его, заговорить о чем-нибудь другом. Но чувствовалось, что говорить о другом для Саши теперь недопустимо, и я шла, взглядывая на него исподлобья, подавленная с каждым шагом все больше

не своими непосредственными ощущениями, а тем, как переживал их он. Тоска за его страдания и какая-то неоформленная, но чрезвычайно мучительная жуть за него как предчувствием сжала сердце. Я мало помню в своей жизни таких острых, мучительно гнетущих настроений. Это происходило, вероятно, и потому, что то были первые ощущения юношеской души, души, не привыкшей еще к страданиям.

Не потому ли запечатлелось так ясно до сих пор выражение лица Саши, такое сосредоточенно-мрачное, как я его никогда дотоле не видала, — так ясно, что я могла бы и теперь передать его, если бы умела рисовать: эти плотно сжатые губы, эти сдвинутые брови, это непередаваемое выражение страдания в глубоких глазах. Точно сразу состарилось его лицо.

Может быть, потому я вижу в этом лице, как оно стоит в моей памяти, некоторое сходство с отцом, — вообще-то брат походил на мать — в моменты мрачного раздумья, тревоги, страдания.

И этот темный путь, мимо огромного пустынного Марезва поля в серый, печальный вечер с редко встречающимися прохожими, с жалобно бьющимися о железную решетку осенними деревьями под морозящим дождем, — это была точно эмблема его пути под безнадежно сковавшим все, обнаглевшим самодержавием, в тиши общей подавленности и апатии, путь этого юноши с таким обостренным чувством долга и ответственности перед родиной, перед страдающими братьями, короткий и мужественный крестный путь...

Помню я и другое аналогичное проявление Саши в этот первый год, но уже к концу его, в апреле. В этот день у него был первый экзамен по химии, и мы условились, что к вечеру он придет ко мне. Несмотря на серьезную работу весь год, он готовился последние дни усиленно, сдал, конечно, прекрасно и довольный пришел ко мне. Мы оба переживали тогда весеннее настроение и мечтали о поездке домой, на родную Волгу. После нудных потемок бесконечной питерской зимы так ласково засветило нам весеннее солнце, и я помню, в каком счастливом настроении сидели мы за вечерним чаем.

Но... в общественной-то жизни просвета никакого не замечалось, наоборот — о женских курсах говорили, что они существуют последний год — и, наконец, недавний тяжелый удар, — были только что закрыты «Отечественные Записки», тогдашний

передовой журнал. Опытная рука Щедрина, его редактора, его изощренность в «езоповском» языке не спасла журнала. Не помню, от меня ли первой услышал Саша об этом. Но я передала ему также в этот вечер, что на курсах говорили, будто Щедрин арестован. За минуту спокойный и довольный, Саша весь потемнел. — «Это такой наглый деспотизм, лучших людей в тюрьме держать!», — сказал он негромко, но с такой силой возмущения, что мне стало снова жутко за него. Саша мрачно ушел в себя на остальную часть вечера, который был окончательно испорчен для нас. Ругала я себя, глядя на него, что передала этот слух, — а особенно ругала на следующий день, когда оказалось, что он ложный.

Таковы были минуты отдыха для этого, глубоко чувствующего юноши, и теперь я думаю, что более пронизательный наблюдатель предсказал бы и тогда его путь...

Умение ставить перед собой главную цель и неуклонно идти к ее осуществлению, страстная любовь к науке спасали его первое время.

Саша был очень доволен лекциями профессоров, лабораторными занятиями. Это была уже не его кухня в Симбирске. Перед ним было открыто в области любимой науки все, что могла дать тогдашняя мысль. И он с жадностью набросился на все это. Кроме университетских занятий, в Питере имелись книги, которых не достать было в Симбирске. Он брал их в университетской библиотеке, он записался в частную. Я часто видела, что при моем или кого-либо из товарищей приходе он с сжалеанием отрывался от книги.

Забегали к Саше и товарищи. Первые годы это были больше свои земляки. Из них довольно часто начал посещать Сашу, а позднее и меня, кончивший годом раньше его симбирскую гимназию И. Н. Чеботарев. Годами он был гораздо, лет на 6, старше брата. Он предложил Саше, а затем и мне, войти в симбирское землячество. В своих воспоминаниях он говорит, что особого энтузиазма в нас к этому первому общественному шагу не встретил. Особенно верно это относительно меня. Я была в то время очень дикой; к тому же среди земляков у меня не было никого близких. Товарищи Саши не были таковыми в гимназические времена, а из женской молодежи Симбирска я была в то время единственной попавшей на курсы, и не очень-то одобряло мой почин и родителей, оному потворствовавших.

тогдашнее симбирское общество. И дика я была по теперешнему времени прямо-таки невероятно. Помню, что первое посещение кого-то из студентов, чуть ли не того же Чеботарева, в моей комнатке, когда я поселилась уже отдельно от Саши, так смутило меня, что у нас никакого разговора не завязалось и что смущение мое передалось, в конце концов, и моему посетителю, который скоро ретировался и потом уже не спешил нарушить мое уединение, да и товарищам, верно, заказал. С товарками на курсах я сходилась тоже медленно. Досуги свои я посвящала обычно каким-нибудь стихотворным или беллетристическим опытам, которыми тогда увлекалась, мечтая стать писательницей, и читала их обычно Саше при наших свиданиях.

По этому поводу хотела сказать, что не встречала более внимательного, серьезного и в то же время, более чуткого критика. С какой-то, удивительно чистой, бескорыстной радостью отмечал и приветствовал он проявление всякой способности у другого. Так было и с моими литературными опытами. Более снисходительного судьи для своих виршей, переводов из Гейне, я не встречала. Но он был всегда требователен насчет содержания. Так фантастические и любовные мелочи Гейне (наиболее доступные мне для перевода) оставляли его совершенно равнодушным. Помню, что перевод известного стихотворения Гейне об юноше, вопрошающем море о смысле жизни, вызвал на его уста пренебрежительную улыбку реалиста. Помню, что стихотворение о девушке, умирающей от чахотки и страстно рвущейся к жизни, к борьбе, к труду, вызвало его одобрение, несмотря на очень дубовый стих «поэта»; но он поинтересовался узнать, откуда взяла я тему, знала ли я такую девушку; и когда я должна была смущенно признать, что ничего такого в жизни не встречала, что стихотворение вылилось, когда у меня самой была повышенная температура, он отнесся к таким необоснованным фантазиям с явным неодобрением.

Зато, когда я прочла ему маленький рассказик «Из жизни девочки» ¹⁾, он вполне одобрил его. Помню, как он спросил меня: «Ну, а тему то ты откуда взяла?». И когда я сказала: «на улице видела», его одобрителный взгляд был для меня самой ценной наградой.

¹⁾ Был напечатан в «Работнице» 1914 г.

Еще больше понравилось Саше мое стихотворение «Волга», написанное уже на второй или третий год пребывания в Питере.

— Это, конечно, лучшее из того, что ты написала, — сказал он.

— Ты мне дашь переписать его?»

Вся внутренне расцветшая от его похвалы, я передала ему тот экземпляр, по которому читала. Похвалил Саша, несомненно, за содержание: буря на Волге претворялась в бурю народную, в революцию, — т.-е. за то, что было для него главным, а к дубоватости стиха отнесся очень снисходительно.

Охотно слушал он также стихи одного товарища симбирца, А. А. Тенишева, с большими недочетами по части техники, но касавшегося также иногда общественных тем.

И не только литературное, всякое иное умение, всякую способность отмечал он как-то особенно радостно. Так, например, скучая очень по дому, по меньшим, я выискивала для них какие-нибудь мелкие сюрпризы, которые посылала то в письмах, то в посылках. — «Как это ты умеешь находить?» — говорил он про какую-нибудь безделку, искренне видя какое-то умение там, где было просто внимательное глазение в окна игрушечных или писчебумажных магазинов, вместо сосредоточенной работы мысли.

Вообще чуткость и внимательность к другим, несмотря на все поглощение умственной работой, на внешне суровый вид, были у него удивительные.

Тиф он переносил очень мужественно, больше на ногах. Только несколько дней, кажется, при втором приступе, пролежал в постели. И, несмотря на полное почти отсутствие ухода перенес его сравнительно легко. С прежней энергией принялся за занятия. Помогал даже мне нагонять пропущенное по латыни. Прямо изумительна та трудоспособность и выдержка, та любовь к науке, которую проявил А. И-ч в 17—18 лет. Помню, как поразило и смутило меня, когда он к весне этого, первого года своей студенческой жизни заявил мне тоном глубокого сожаления: — «Больше 16 часов в сутки я работать не могу!» — 16 часов напряженной, самостоятельной умственной работы в те годы, когда юноши еще формируются, когда все они более или менее разбрасываются, еще ищут себя! Ал. И-чу этого не надо было: он еще мальчиком нашел себя, нашел свой путь и он уже шел по нему неуклонно и твердо, озабоченный лишь тем, что нахо-

дятся все еще на иждивении отца, у которого и без него большая семья. И он искал уроков.

Помню, как мы были с ним по этому поводу с письмом от кого-то у некоей важной дамы. Как-то особенно ярко осталась в памяти еще юношески угловатая фигура брата, его большие, красные (без перчаток, верно, шел) руки. Помню, как смутилась я и как просто и деловито приступил к делу он, не сознавая или не желая сознавать, каким ярким диссонансом являлась его демократическая фигура и вся его определенная индивидуальность в этой утонченной гостинице. Ничего, конечно, не вышло: кроме таких дичков, как мы, было немало умевших более ловко обделывать свои дела молодых людей. Не вышло, конечно, с пользой для Саши, для его занятий.

В первый год у меня было немного экзаменов, да и те я сдала по большей части неофициально раньше и уехала уже в начале мая домой. Саша приехал неделями двумя позже. Осталась у меня в памяти его встреча с матерью после этого, первого, года разлуки. Он уже поздоровался со всеми, его обступили меньшие. Но вот он снова повернулся к матери и крепко, с молчаливым горячим порывом обнял ее. Помню, с какой растроганной радостью отвечала на его объятия мать; ясно помню прекрасное, все какое-то светящееся выражение его лица. А письма его были обычно кратки, сухо деловиты. В письмах он не умел и не любил выражать свои чувства.

По летам — 1884 и следующего 1885 года — Саша много занимался естественными науками. Колеся как будто для удовольствия в душегубке по Свяяге, один, с меньшим братом, или с кем-нибудь из товарищей, он подбирал себе материал для исследования, с которым возился потом в своей комнатке наверху. Это были черви разных пород, органы которых он изучал, на основании работ над которыми он представил в феврале 1886 г. свою работу «об органах сегментарных и половых пресноводных *Annulata*», награжденную на университетском акте большой золотой медалью «преуспевшему». Помню, как кратко и просто гласило об этом его письмо к матери: — «за мою зоологическую работу о кольчатых червях (я еще летом начал работать), я получил золотую медаль», — и как горько плакала мать, что отец, умерший месяц назад, не может порадоваться этому известию.

Помню, как раз я наклонилась над кипащими, объемом чуть не в нитку, червями, спросив у него: неужели у них все органы дыхания, пищеварения есть? — И он с оживившимся лицом, очевидно довольный, что любимая им область встречает интерес, ответил: — «да!» — Но я, к сожалению, не пошла дальше в область естественных наук, поглотивших одно время почти всецело его внимание.

В биографическом очерке брата, помещенном в «Галлерее плиссельбургских узников», я сказала, что книги по общественным вопросам были забраны Сашей из Петербурга на последнее, проведенное им дома лето 1886 года. Я ошиблась: часть книг, — по истории, политической экономии и т. п. были привезены им весной 1885 г.; мне помнится, что и «Капитал» Маркса появился у него тогда, что я видела его еще в занимаемой им в то лето комнате (в 1886 г., после смерти отца, мы уплотнились и брат занимал уже другую комнату). Но если я не могу сказать точно относительно «Капитала», то часть книг по истории и политической экономии, из них многие на иностранных языках, я видела у него несомненно, летом 1885 г.

Ездили мы по летам, как и раньше, в Кокушкино. В 1886 г., после смерти отца, Саша ездил туда ненадолго один.

О следующих двух годах петербургской жизни приходится сказать короче, так как они не давали уже остроты переживаний первого года, а во многом, — занятия, наши свидания друг с другом, — повторяли его, и потому отдельные эпизоды не запечатлелись так в памяти. Запечатлелись только наши депутации к Салтыкову-Щедрину в день его именин, — 8 ноября, — в 1885 и 1886 году.

Мы ощущали очень горестно, что наш любимый писатель вынужденно умолк, что орган его закрыт, но чем могли мы в то время выразить ему сочувствие? Все формы общественного проявления были тогда закрыты; единственно признанным было принесение приветствия в традиционный день именин. И молодежь воспользовалась этой форточкой. 7 ноября 1885 года ко мне пришел вечером товарищ Саши по гимназии, студент военно-медицинской академии, Орловский, с предложением организовать на курсах депутацию к Щедрину, который болен и чувствует себя очень одиноким и всеми забытым. Он сказал, что

говорил с Сашей, что такие делегации с письменными приветствиями будут посланы 8-го и от университета и от нескольких других высших учебных заведений; желательно, чтобы была и от курсов.

Я набросала проект адреса, который был принят на другой день на общекурсовом собрании, и в составе избранной на нем делегации отправилась на квартиру Михаила Евграфовича. Видеть его нам не пришлось: нам сказали, что он очень болен, и мне припоминается даже, что я слышала стоп из его комнаты. Нас пригласили в гостиную, где было уже несколько посетителей и где дочка писателя, нарядная, как куколка, девочка лет 13-ти, в голубом плиссированном платье, подвигала нам стулья. Мы перемолвились несколькими словами о здоровье Михаила Евграфовича с его женой, вручили наш адрес и удалились.

Делегация студентов, в которую входил и Саша, попала в другое время.

На следующий день начальница Высших Женских Курсов, — Н. В. Стасова, вызвала меня к себе и, затворившись со мной в пустой аудитории, рассказала, что видела также в день именин Михаила Евграфовича, который выразил ей свое удовольствие по поводу адреса от курсисток, сказав, что он показался ему самым прочувствованным, понравился ему больше всех других, полученных в тот день. Надежда Васильевна добавила: — «Мне было очень приятно слышать это; уже второй раз (она назвала еще какого-то писателя или профессора) слышу я, что адрес от курсов признан лучшим. Я всецело сочувствую вам, но вы понимаете, конечно, что при теперешнем положении курсов мы не могли бы подать его от них официально».

Когда я рассказала об этом разговоре Саше, он спросил: — «Что ты написала адрес?»

На следующий (1886) год такой агитации по всем учебным заведениям, не помню уже по какой причине, проведено не было, а 8 ноября на квартиру Щедрина отправилась общая, небольшая, человек 8—10, делегация от высших учебных заведений. Кроме нас с Сашей в нее входили: студент Мандельштам, однокурсник брата, курсистка Москопуло (теперь Никонова) — остальных не помню. На этот раз Щедрин вышел к нам. Помню, что он был хмурый, худой и желтый, с отросшей бородой, в потертом домашнем костюме. С устным приветствием от общего имени обра-

тился к нему М. Мандельштам. Поблагодарив за него, Михаил Евграфович всем нам пожал руки. А. В. Москопуло — Никонова вспоминает, что, когда дошла очередь до Александра Ильича, он так крепко, от всей души, пожал руку Щедрина, что тот схватил ее другой рукой и заворчал: — «Ой-ой! Нельзя же так сильно. Я старенький, мне больно». — Александр Ильич был страшно смущен, покраснел и стал бормотать какие-то извинения. — «Ну, ничего, ничего», — сказал тогда добродушно Щедрин.

Я этого не помню, но у меня осталось в памяти, что вся наша делегация чувствовала себя смущенно, держалась угловато; что настроение получилось у нас грустное, приветствие Мандельштама вышло скомканным и неумелым, а Саша при выходе выглядел хмуро и недовольно.

Саша так же усердно, как и первый год, работал практически в кабинетах и так же много читал дома, но у него появилось больше товарищей и правильность наших свиданий два раза в неделю была нарушена. При этом чаще мы бывали не вдвоем, а на людях. Оба мы вошли в землячество. Саша-то, помнится, еще с первого года. На почве земляческих собраний сближались больше с товарищами. Затем, как у него, так и у меня появились знакомцы среди однокурсников. Последних, насколько помнится, я стала встречать у Саши лишь в последние годы. Раньше на дом забегали больше земляки. С осени 1885 года женские курсы были переведены на Васильевский Остров, в собственный дом, и я поселилась тоже на Петербургской стороне, у его первой хозяйки. Саша взял почему-то другую комнату. Последние два года мы жили с ним совсем близко друг от друга.

В складчину стали мы, — члены симбирского и части самарского землячества, — выписывать новые журналы, которыми менялись по очереди. Затем мы доставали некоторые неразрешенные тогда книги, — напр., сочинения Герцена, или нелегально выходявшие «Сказки» Щедрина и сочинения Л. Н. Толстого: «Исповедь», «Так что же делать», «В чем моя вера», «Деньги».

Помню, что «Исповедь» вызвала в Саше большой интерес; к сочинениям же Толстого, переходившим от критики существующего строя к попыткам наметить свой путь, он относился совершенно отрицательно и очень холодно.

Вообще Саша, как раньше в гимназические годы, так и позднее в студенческие, несмотря на углубленные занятия

наукой, был в курсе всего, чем жила тогдашняя молодежь и, можно сказать, что для своих лет он был начитанным и самостоятельно усвоившим все прочитанное человеком.

Затем, по его инициативе возник у нас кружок по изучению экономического положения крестьянства. Помню, что мне достался первый реферат, — об экономическом положении крестьянства в древней Руси. Ничего-то в намеченных исторических курсах и сочинениях того времени я по этому вопросу не нашла и экономическое положение крестьянства получилось очень проблематическим, а реферат очень бледным. Мы все были еще слишком неопытны, чтобы понять, что для такой темы требовалось изучение источников, — что, конечно, было непосильно для нас.

Помню, товарищи в возгоревшейся по поводу реферата дискуссии напали на меня за то, что я мало дала, допытываясь с пристрастием, прочла ли я тот или другой труд. Я отчаянно защищалась, говоря, что сделала выписки из всех намеченных сочинений и не виновата, если в них по указанному вопросу ничего нет.

Наконец, брат встал на мою сторону:

— Ну, если человек говорит, что прочел все намеченные сочинения, то значит, действительно, в них нет ничего, — сказал он.

В тоне его было, помню, разочарование. Еще один-два реферата по вопросу об экономическом положении крестьянства были написаны, а потом кружок этот заглох. Кроме разочарования в возможности добыть доступными нам средствами нужный материал, имело значение, конечно, и то, что кружок этот возник уже в последний, 1886 г., и самые активные члены были отвлечены более интересными кружками, например, «экономическим», а затем и революционной работой.

Слушали мы с Сашей лекции Семевского по крестьянскому вопросу. Когда курс Семевского был снят в университете и на женских курсах (В. В. Семевский был тогда на счету крайних левых), мы в числе избранных дослушивали на его квартире.

Стали тогда попадать к нам в руки и некоторые нелегальные издания. Помню в связи с этим, как я понесла брату какую-то прочитанную брошюрку. Жили мы тогда оба на С'езжинской (номера через 3), приходилось только Пушкинскую наискосок пересечь, и я, как совершенно неискушенный в конспиративных делах дичок, понесла брошюрку попросту, в открытом виде, как всякую легальную книжку. Помню удивленную усмешку Саши:

— Как? — ты ее так, незавернутой даже, по улице несла?

— Да ведь тут близко; кто же у меня в руках будет читать, какая она? — оправдывалась я.

— Все же никогда не видал, чтобы нелегальные книжки так носили, — сказал он с той же усмешкой, которая заставила меня, еще не сдававшуюся, намотать на ус, что так не делается.

Бывали изредка земляческие и иные вечеринки. Теперешней молодежи они показались бы, наверное, очень тоскливыми. Да, нудным было в те тяжелые годы и редкое веселье, которое могла себе позволить молодежь! А между тем и на него право получалось обычно не без борьбы. Землячества были неразрешенными организациями: в пользу пополнения их кассы, — действительная цель большинства из них, — открыто нельзя было организовать вечеринку. Тем менее, конечно, можно было устраивать в пользу красного креста политических или с целью активно революционной. Нужна была какая-нибудь вымышленная цель. Чаще всего таковой выступало семейное празднество, справлялась, якобы, помолвка и выставлялись фиктивные жених и невеста, которые устраивали вечер. Дело обходилось не без возни: нужно было подавать заявление в полицию и неоднократно бегать туда. Поэтому действующими лицами можно было выставлять не находящихся на подозрении полиции, а затем и зеленая молодежь тоже в женихи не годилась. Обыкновенно «женить» старались окончившего университет, или кончающего, отъезжающего в провинцию. Таким образом взял раз на себя роль жениха М. Т. Елизаров, окончивший университет и служивший в Питере.

Несомненно, для полиции не было секретом, что помолвки эти фиктивные, и она смотрела лишь, чтобы формальности были соблюдены. Помню, как мы все смеялись рассказу о том, как представитель полиции поймал Елизарова, спросив его врасплох: «какая фамилия вашей невесты?» Заспешив, Елизаров не сразу выговорил малоупотребительную фамилию: Калайтан. — «Ка-тай... Ка-лай...» — «Как, вы фамилии своей невесты не знаете?» — Но вечеринка была, тем не менее, разрешена.

Посылался всегда представитель полиции, которого обычно зазывали в сторонку и усердно накачивали вином. Молодежь плясала, выпивала, но под сурдинку часть беседовала в какой-нибудь отдельной комнате на политические темы и обделывала некоторые конспиративные дела. Затем публика затягивала хором

«Дубинушку» или «Назови мне такую обитель», «Замучен тяжелой неволей». Кое-кто декламировал революционные стихи. Помню, этим искусством отличался один наш земляк, Алексей Тенишев, декламировавший, кроме своих собственных и некоторых легальных стихотворений, и «На смерть Мезенцева» и произносивший с таким выражением, что мороз по коже подирал: — «Именинный пирог из начинки людской брат подносит державному брату!» — Но это последнее стихотворение декламировалось больше на частных квартирах, или под конец вечера, где-нибудь в сторонке, когда напоенный основательно блюститель порядка уже не мог должным образом реагировать на происходящее.

Выпивала и молодежь: не было естественного простора ее молодым стремлениям, она была стиснута, а потребность как-то выйти из келейного уединения, как-то встряхнуться и повеселиться неистребима. Чем тщательнее выкуривалось всякое содержание из собраний молодежи, тем более наименее устойчивая и инициативная часть ее склонна была найти веселие хотя бы в винных парах. И не мало было таких, которые начинали выпивать еще студентами, чтобы продолжать это чуть не единственное, доступное тогда, развлечение на казенных местечках в разных более или менее глухих углах.

Помню некоторых студентов, порядком выпивавших. Из них особенно запечатлелся один товарищ брата в последние годы, лесник Державин. Очень симпатичный, хотя и малоинициативный, молодой человек был одарен, между прочим, хорошим голосом — помню его вместе с товарищем, фельдшером Воеводиным, в качестве запевалы и дуэтиста на наших собраниях. В трезвом виде он был угрюм и молчалив, и оживлялся только в подвыпитии, что сделалось у него уже не забавой на вечеринке, а довольно частым состоянием.

Этот Державин воскрешает одну сцену с братом, ярко характеризующую последнего. Зашли они как-то оба ко мне. Державин был выпивши и болтал без умолку. Помню, что речь его была сплошным дифирамбом брату, к которому он очень привязался.

— Ты молчишь, ты все больше молчишь, — говорил он, — а заговоришь и все спасуют.

— Кто? — я спасую! — добродушно подавал ему с пятого на десятое реплики брат.

— Нет, не ты, — другие все спасуют перед тобой.

— А, другие, а я думал, я спасую.

И надо было видеть, как дружески деликатно было обращение брата, как чужда была его улыбка всякой насмешки, какое это было чисто братское, идеальное отношение.

— Ну, знаешь, мы с тобой болтаем, а сестре ведь заниматься надо, мы ей мешаем, пожалуй, — сказал он, наконец, уводя с собой расходившегося товарища.

А я думала после их ухода, как правильно, собственно, сказал Державин, что перед Сашей все спасуют. Я вспоминала, как прислушивались обычно все присутствующие к его редким и кратким, но всегда очень определенным суждениям, как смущались болтать перед ним пустяки, оглядывались на него, ждали его мнения. Сам же он, чуждый стремления влиять, молча сидел где-нибудь в сторонке и вдумчиво слушал.

Помню раза два, в комнате брата кто-нибудь из товарищей бегал за бутылочкой, угощал его; помню, как выпив рюмку, две, брат твердо говорил: «нет, больше не буду».

Сам не обладавший голосом и слухом, брат очень любил музыку и особенно пение. Им заканчивались обычно наши земляческие и иные собрания. Главным певцом был тенор Воеводин. Любимыми нашими песнями были: «Полосынька» и песни революционного содержания. Так помню: «Пришла весна, защебетали птицы, а он, бедняк, сидит в стенах темницы»... — «Однозвучно звенит колокольчик» и некоторые другие в этом роде.

Особенно любил Саша: «Замучен тяжелой неволей». Помню на последней вечеринке, на которой мы были с ним вместе, в квартире родственника, Песковского, — кажется, уже в январе 1887 г., он попросил спеть этот гимн.

— Да, ведь это похоронный, — возразил хозяин.

— Да, похоронный, — с ударением и как бы с некоторым вызовом ответил Саша, и гимн запели. Помню, что такое скорбное, почти мученическое выражение было у него при этом, что у меня заскребло на сердце.

Настроение было вообще какое-то гнетущее и тяжелое на этой вечеринке, — точно предчувствие какое-то тяготело надо всеми. Не удалась она.

А. Елизарова.

(Окончание следует.)

Августовский блок (1911—1914 г.г.)

Августовский блок представлял беспринципное объединение антипартийных групп и течений в РСДРП на почве борьбы с революционным большевизмом. Организаторы же и вдохновители его — примиренцы, возглавлявшиеся Троцким, говорили о нем, как о средстве к единству партии, к сплочению всего «что есть живого и жизнеспособного в рядах социал-демократии» (Венская «Правда», № 24 от 24(27)/III 1911 г., передовая «Товарищи!»), как о пути, который должен вывести партию из состояния идейного разброда и фракционного распада, в которое завела ее реакция, и наметить новые пути для российского с.-д. движения. Как только оживление рабочего движения 1910—1911 гг. выдвинуло на очередь вопрос о необходимости и возможности восстановления РСДРП, и революционное крыло российской социал-демократии повело решительную работу по объединению партийных элементов старой партии, с этого момента начинается работа примиренцев типа Троцкого по сколачиванию блока. Основываясь на оппортунистическом и, по существу, не-марксистском понимании причин фракционного распада партии, примиренчество пыталось создать механическое единство партии путем замалчивания основных принципиальных разногласий в ее среде с целью занять в этом объединении в качестве «золотой середины» руководящее положение; но в конечном счете оно своей тактикой облегчило лишь оформление и укрепление антипартийных элементов российской социал-демократии, в плену у которых оно очень быстро оказалось и само. История блока и является поэтому, главным образом, историей банкротства беспринципного объединения и примиренчества во что бы то ни стало.

1. Фракционная борьба до пленума 1910 г.

Антипартийные взгляды на основные вопросы политической жизни и организационного строительства партии двух главных течений, объединенных блоком — ликвидаторства и отзовизма, стали складываться тотчас же после поражения революции 1905 г. На январской 1909 г. (декабрьской 1908 г.) общерусской конференции партия дала определенные решения по этим вопросам в резолюциях, исключая всякие кривотолки. 3-июньский режим рассматривался ею, как шаг по пути превращения самодержавия в буржуазную монархию, как «союз царизма с черносотенными помещиками и верхами торгово-промышленной буржуазии». Партия заявила, что «объективные задачи буржуазно-демократической революции в России остаются нерешенными, основные факторы экономической и политической жизни, вызвавшие революцию 1905 г., продолжают действовать и новый революционный кризис назревает при таком экономическом и политическом положении неизбежно». В связи с этим «партия должна обратить особое внимание на использование и укрепление существующих и учреждение новых нелегальных, полуполигальных и, по возможности, легальных организаций, которые могли бы служить ей опорным пунктом для агитационной, пропагандистской и практически-организационной работы среди масс». (См. «РКП в резолюциях ее съездов и конференций», стр. 72, 73).

Четкость и своевременность этих решений несомненно облегчили борьбу с ликвидаторством и отзовизмом. Но значительная доля трудности в этой борьбе заключалась не только в выяснении антипартийности и гибельности для партии ликвидаторства и отзовизма, как определенных течений, а и в разоблачении ряда групп и группочек, прикрывавшихся знаменем «внефракционности», «партийности», всячески старавшихся скрыть свою настоящую, в сущности враждебную партии физиономию для того, чтобы, укрепившись внутри РСДРП, удобнее проводить работу ее разрушения.

Группа «Голос Социал-Демократа»¹⁾, сыгравшая главную роль в августовском объединении антипартийных течений и пред-

¹⁾ Первый № «Г. С.-Д.» вышел в феврале 1908 г. В редакцию входили Мартов, Дан, Аксельрод, Мартынов, Плеханов. Последний вышел из ее состава в середине 1909 г., определив позицию «Г. С.-Д.» по организационным вопросам, как ликвидацию партии. Последний № «Г. С.-Д.» вышел в декабре 1911 г.

ставлявшая собой, фактически, руководящий орган меньшевиков-ликвидаторов, начала свои ликвидаторские выступления с неясных и неопределенных статей, в которых вначале сквозила, главным образом, недооценка подполья. В течение всего периода до примиренческого пленума 1910 г. «Голос» старался не выявлять своего крайнего оппортунизма и высказывал свои ликвидаторские взгляды очень осторожно и прикрито. Откровенные ликвидаторские статьи снабжались им каждый раз редакционными «возражениями», говорящими, правда, об его довольно определенных ликвидаторских симпатиях. Существование русских ликвидаторов-практиков им всячески отрицалось, несмотря на то, что об их разрушающих партию действиях говорил ряд корреспондентов самих меньшевиков-партийцев. Называя слово «ликвидаторство» — «словечком» нарочито-расплывчатым, злостно-неопределенным, «Голос» замазывал этим свою собственную позицию, крайний оппортунизм которой тем не менее в некоторых статьях вырисовывался довольно недвусмысленно ¹⁾.

Литературная группа «Вперед» ²⁾, являвшаяся выразительницей отзовистского течения в нашей партии, также остерегалась открыто проповедывать потерпевший поражение в России и резко осужденный партией отзовизм. Ее стремление дипломатично отторгнуться от отзовизма, «нисколько не выходя из круга идей

¹⁾ Утверждая, что движущей силой грядущего конституционного кризиса, к которому неизбежно приведет эволюционное развитие в рамках 3-е-июньской конституции, является непосредственный антагонизм между интересами промышленности и интересами землевладения, Мартов в статье «Куда итти» (№ 13 «Г. С.-Д.») говорит: «Незаконная организация с.-д. элементов, борющихся за открытое рабочее движение, т.-е. в том числе и за завоевание собственного открытого существования, есть, конечно, нечто принципиально противоположное нашей старой партийной организации, как она сложилась в 1905 г. В 1909 г. от этой старой организации остались одни обломки. Заниматься специально «ликвидацией» этих обломков — в чем склонны подозревать некоторых наших товарищей — было бы просто бессмысленным делом. Чтобы создавать рабочую организацию, нам нет надобности предварительно разрушать что бы то ни было, кроме тех препятствий, которые ставит нам существующий строй».

²⁾ Группа «Вперед» возникла в конце 1909 г. Основное ядро ее составили организаторы и участники отзовистской партийной школы, исключенные весной 1909 г. из Большевицкого Центра на официальном его заседании. О группе «Вперед» см. статью К. Остроуховой, «Прол. Рев.», № 1 (36) за 1925 г.

отзовизма, не поправляя его основной ошибки и даже не замечая ее, привело к «бесконечной и безысходной путанице» в ее платформе¹⁾.

То обстоятельство, что отзовизм проповедывался группой не открыто, а защищался платформой впередовцев, как «законный оттенок», и что впередовцы не уставали говорить о своей «нефракционности» и «партийности», лишь усложнило с ними борьбу. Давая характеристику платформе впередовцев, озаглавленной «Современное положение и задачи партии» и носившей подзаголовок «Платформа, выработанная группой большевиков», тов. Ленин пишет: «Текст этой платформы носит на себе явные следы осторожной и заботливой коллективной обработки, направленной к сглаживанию всех шероховатостей, к стиранию острых углов, к подчеркиванию не столько того, в чем группа с партией расходится, сколько того, в чем она с ней сходится»²⁾. (Курсив наш. — О. В.)

По сравнению с ликвидаторством, являвшимся правым уклоном в меньшевизме, отзовизм мог представиться «левым» уклоном в большевизме. Но поскольку отзовистская позиция впередовцев приводила к полной неспособности их использовать годы реакции для собирания сил для нового натиска на самодержавие, она по своему объективному результату не отличалась от ликвидаторства, сознательно не желавшего революции и считавшего близкое наступление революционного кризиса утопией.

С самого начала возникновения обоих идейных отклонений от платформы и тактики, изложенных в резолюциях декабрьской конференции 1908 г. — ликвидаторства и отзовизма, — большевики провозгласили лозунг борьбы на два фронта, которую на деле и проводили в течение всего периода реакции.

Ленин оценивал распад двух основных фракций старой РСДРП в годы реакции, как «отпад» непартийных элементов, «отпад» попутчиков, которых революционная волна подхватила и увлекла за собой и которые сейчас же, когда она схлынула, стали массами уходить из партии пролетариата, одни открыто, другие под видом различных течений, по существу антипартийных. «Естественно, что в буржуазной революции к социалистам

¹⁾ Ленин. «Дискуссионный Листок» № 1 «О платформе сторонников и защитников отзовизма».

²⁾ Там же.

примкнули мелкобуржуазные попутчики. Они отпадают теперь от марксизма и от социал-демократии. Процесс этот обнаружился в обеих фракциях: у большевиков в виде течения «отзовистского», которое появилось весной 1908 г.... У меньшевиков тот же процесс отпадания мелкобуржуазных «попутчиков» выразился в течении ликвидаторском...»¹⁾

По Ленину, в годы революции разногласия между большевизмом и меньшевизмом отражали собой различную оценку пролетариатом основного антагонизма между массами крестьянства и либеральной буржуазии по вопросу о форме буржуазного государства в России, поскольку борьба за эту форму непосредственно происходила. «Трехлетие 1908—1910 годов характеризуется победой контр-революции, восстановлением самодержавия и 3-й думой, думой черносотенцев и октябристов. Борьба между буржуазными классами за форму нового порядка сошла с авансены. Для пролетариата выдвинулась на очередь дня элементарная задача отстаивать свою, пролетарскую партию, враждебную и реакции и контр-революционному либерализму»²⁾. И на разрешении этой элементарной задачи сошлись большевики с меньшевиками плехановцами³⁾. Вопрос о самом существовании РСДРП был водоразделом, который отбросил в одну сторону все партийные элементы, неза-

¹⁾ «Дискуссионный Листок» № 3. Ленин. «Исторический смысл внутрипартийной борьбы».

²⁾ Там же.

³⁾ Выйдя из редакции «Г. С.-Д.» в 1909 г., Плеханов возобновил в 1909 г. свой «Дневник С.-Д.», на страницах которого он начал определенный поход против голосовцев и других разновидностей ликвидаторства. Заметив наличие стремлений в меньшевизме еще на Лондонском съезде, Плеханов убедился в том, что: «страшная болезнь не ограничивается несколькими жертвами, она делает настоящие опустошения» в среде м-ков, и счел себя «обязанным громко предостеречь всех товарищей м-ков от грозящей им опасности». (См. «Дневник С.-Д.», № 9, стр. 15 «Оппортунизм, раскол или борьба за влияние»).

Предостерегающий м-ков голос Плеханова оказался, однако, голосом вопиющего в пустыне. Плеханова поддержала лишь небольшая группа меньшевиков, остальные пошли с «Голосом». В своей борьбе с ликвидаторами Плеханов, однако, не решился на организационный разрыв с ними, на который пошли в дальнейшем большевики, и очень скоро занял нейтральную позицию, в то время как меньшевики-плехановцы на местах в большинстве пошли за большевиками.

висимо от фракции, в которой они раньше состояли, а на другую все боровшиеся со старой РСДРП группы и течения.

Тактикой, укрепляющей партию, выводящей ее из тупика идейного разброда, была поэтому тактика, направленная к ускорению процесса «отпада» непартийных течений, тактика этому отпаду способствующая, его облегчающая и, с другой стороны, проводящая на деле, на работе объединение большевиков с партийными меньшевиками. Такая тактика и была тактикой большевиков ленинцев: «только сближение на работе этих двух сильных [большевиков и меньшевиков] фракций и только в меру их очищения от несоциал-демократических течений ликвидаторства и отзовизма есть политика действительно партийная, действительно осуществляющая единство путем нелегким, негладким, далеко не моментально, но реально в отличие от тьмы шарлатанских посулов насчет легкого, гладкого, моментального слияния «всех» фракций»¹⁾.

В этой борьбе большевизму пришлось не мало сил уделить не только на идейное отмежевание от открытого ликвидаторства и отзовизма, но и на выяснение фракционной антипартийной физиономии групп «Г. С.-Д.» и «Вперед». Эта трудная разоблачительная работа сильно тормозилась тем, что вышеуказанные антипартийные группы и течения усиленно покровительствовались и прикрывались примиренцами, возглавлявшимися Троцким. Покровительство последнего выражалось в замалчивании фракционной политики и антипартийных выступлений этих групп, в упорном приклеивании к ним партийных ярлыков и в стремлении объединить их с партией. Такого рода тактика Троцкого вытекала из его глубоко неправильного объяснения причин фракционной борьбы.

2. Примиренчество Троцкого. Венская „Правда“.

Условия реакции способствовали возникновению и расцвету примиренчества. Оно возникло в виде «суммы настроений, стремлений, взглядов, связанных неразрывно с самой сутью исторической задачи, поставленной перед РСДРП в эпоху контрреволюции 1908—1911 г.»²⁾. Условия реакции способствовали

¹⁾ «С.-Д.» № 2. Ленин. «О новой фракции примиренцев или добродетельных».

²⁾ Там же.

его возникновению и расцвету. Примиренческие уклоны и настроения наблюдались в этот период и в среде большевиков ¹⁾. Но это были временные явления, которые сравнительно быстро зажились.

Троцкий же, успевший за предшествующие годы обнаружить ряд колебаний от большевиков к меньшевикам, с большим перевесом в сторону последних и считавший себя на основании этого стоящим «выше обеих фракций» ²⁾, особенно настойчиво драпировал свою глубоко-меньшевистскую позицию периода реакции в «надфракционной» наряд, игравший в те годы роль защитного цвета для всех антипартийных течений. В группе Троцкого примиренчество достигло своего расцвета, своего логического развития и организационного воплощения. Используя стремления антипартийных течений и групп прикрыться партийным знаменем, троцкисты, в свою очередь, оказали им содействие в этом стремлении своей попыткой создать единство путем механического объединения всех течений партии с антипартийными группами, стремившимися партию ликвидировать.

Этот путь обосновывался Троцким определенной теорией фракционного распада РСДРП. По его мнению, фракционная борьба в РСДРП представляла собой «приспособление марксистской интеллигенции к классовому движению пролетариата», являлась борьбой «за влияние на политически незрелый пролетариат» ³⁾. В этом он сходиллся с меньшевиками-ликвидаторами, которые также объясняли преобладание большевизма некультурностью, политической отсталостью и незрелостью пролетариата. (Для Мартова «русский опыт сводится к тому, что «бланкистская и анархистская некультурность одержали победу над марксистской культурностью» ⁴⁾.)

Борьбу партии с антипартийными уклонами в годы реакции Троцкий квалифицировал, как «распад» и «разложение партии», главная причина которого заключалась в чрезмерной фракцион-

¹⁾ См. статью О. Бош. «Пражская конференция» в «Пролетарской Революции» № 4 за 1925 г.

²⁾ «Дискуссионный Листок» № 3. Н. Ленин. «Исторический смысл внутрипартийной борьбы».

³⁾ Цитировано у Ленина: «Исторический смысл внутрипартийной борьбы». «Дискуссионный Листок» № 3.

⁴⁾ Там же.

ности «большевистских вождей»; отсюда «общепартийная линия» представлялась ему в виде простого прекращения фракционной борьбы, независимо и вопреки идейным разногласиям, ее называвшим.

Такой взгляд на объединение — по Ленину — «может ставить на первый план «примирение» «данных лиц, групп и учреждений». Единство их взглядов на партийную работу, на линию этой работы — дело второстепенное. Разногласия надо стараться замалчивать, а не выяснять их корни, их значения, их объективные условия. «Примирить» лица и группы — в этом главное. Если они не сходятся на проведении общей линии, — надо истолковывать эту линию так, чтобы она была приемлема для всех. Живи и живи давай другим. Это — «примиренчество» обывательское, неизбежно приводящее к кружковой дипломатии. «Заткнуть» источники разногласий, нейтрализовать враждующие направления — вот на что направлено главное внимание подобного «примиренчества»¹⁾.

Для проведения «общепартийной» линии, для примирения фракций и облегчения объединения «распадающейся» партии Троцким в Вене была создана «нефракционная» газета «Правда»²⁾.

¹⁾ Ленин. «Объединит. кризис в нашей партии». «Дискуссионный Листок» № 2.

²⁾ «Правда» — нелегальная рабочая газета, организованная за границей в конце 1908 г. группой с.-д. во главе с тов. Троцким. Инициатива ее создания исходила от группы живших за границей членов главного комитета областной организации РСДРП — «Спилки». Летом 1908 г. Басок (Меленевский), член главного комитета разгромленной к тому времени репрессиями и провалами «Спилки», обратился к тов. Троцкому с письменным предложением принять участие в организации и редактировании органа «Спилки» — «Правды». В своем письме он мотивировал желательность и целесообразность участия Троцкого в этой работе, во-первых, тем, что большинство членов главного комитета «Спилки» в 1906 г. в разгар аграрного движения и наибольшей связи с массами стояло на точке зрения перманентной революции, и, во-вторых, тем, что «Спилка» не имела определенной фракционной физиономии и была представительницей так называемого «болота», что особенно ярко выявилось на Стокгольмском съезде партии. Троцкий предложение принял. К работе были еще привлечены Семковский и Крымский (Иоффе), принимал участие в качестве сотрудника и Парвус. Первый номер «Правды» вышел 3 (16) окт. 1908 г.

В мае 1909 г. редакция «Правды» была утверждена ЦК в качестве партийной группы. В состав редакции в то время входили: Троцкий, Семковский, Крымский (Иоффе) и Басок. Пленум ЦК 1910 года, на котором

«Правда» во всей своей деятельности будет стоять на той точке зрения, что над всеми разногласиями мнений и фракций должен стоять общий и обязательный для всех принцип (закон): единство классовой борьбы». Так говорил Троцкий в № 1 «Правды» в передовой: «Правда своим читателям». Но поскольку под всеми разногласиями мнений и фракций им понимались разногласия не только между отдельными партийными течениями, но, главным образом, между партией, с одной стороны, и фактически ушедшими из нее группами и кружками — с другой, постольку логикой самой борьбы его «нефракционная» позиция очень быстро превратилась в самую настоящую фракционную, при чем направленную против партии.

В партийной борьбе в годы реакции стороной, ведущей борьбу открыто под определенными и ясными лозунгами, была революционная РСДРП. В ее интересах было точное выяснение платформы каждой вновь выплывающей группки, в ее интересах была политика резкого размежевания и отмежевания от всех непартийных, стремившихся ее захлестнуть элементов. Ликвидаторству же и отзовизму, как возникающим в ее среде враждебным ей течениям, было чрезвычайно важно на первое время не открывать своей физиономии, оставить ее в тени.

«Правда» Троцкого, направлявшая все свои стрелы против «фракционности» в кавычках, т.-е. против политики определенного идейного и организационного отмежевания партии от разставших над ее разрушением течений, оказала, во-первых, услугу ликвидаторству — основному враждебному партии течению, которое, как мы видели, само всячески стремилось укрепиться под сенью неясных, туманных фраз. Во-вторых, примиренческая линия «Правды» должна была неизбежно привести Троцкого к разрыву с партией. В то время, как для течений, враждебных партии, равноправное участие в «объединении» со старой революционной

восторжествовало примиренческое течение, постановил оказать «Правде» субсидию и делегировать в качестве третьего редактора представителя ЦК — тов. Каменева, который и начал в ней работу с 10 №, вышедшего 12(25) февр. 1910 г. Но в связи с уклонением большинства редакции от проведения резолюций пленума ЦК 1910 года по вопросу о борьбе с ликвидаторством тов. Каменев после выхода 14 № «Правды» (24/VI (7/VII) 1910 г.) прекратил работу в редакции. После ухода Каменева связь редакции с ЦК порывается, и «Правда» до самого последнего 25 номера, вышедшего 23/IV (6/V) 1912 г., выходит, как издание литературной группы с.-д.

партией, проповедывавшееся Троцким, представлялось чрезвычайно соблазнительным, для революционного большевизма оно могло означать лишь недопустимый компромисс, покоящийся на отказе от революционной борьбы и на ликвидации самой РСДРП. В таком «объединении» большевики участвовать не могли.

Придерживаясь политики замалчивания ликвидаторства, «Правда» Троцкого также проявляла большое сочувствие отзовистам, упорно называя организованную ими с фракционными целями школу ¹⁾ партийной. Недаром совет школы послал «Правде» письмо, в котором «с радостью констатирует то горячее сочувствие и готовность содействия, которые встретил «со стороны Н. Троцкого», «и выражает глубокую благодарность за уже оказанную нравственную поддержку» ²⁾.

Прикрывая ликвидаторов и отзовистов, «Правда» сама развивала взгляды, мало чем отличающиеся от ликвидаторских. В «Переписке «Правды» с друзьями» ³⁾ на вопрос, что же есть у нас, дается следующий ответ: «Во-первых, все еще продолжающееся разложение старой партии, как централизованной организации. Во-вторых, неотвратимое, но пока что крайне медленное формирование новой партии. Именно за последние месяцы распад официальной партии, особенно в верхнем этаже, среди руководящей эмиграции, достиг крайних размеров. Возникли новые линии раскола, которые прошли через наиболее тесно сплоченные ячейки, фракции, через редакции руководящих фракционных органов, а также через ЦК. Этот последний в результате новых расколов и отколов оказывается политически, повидимому, совершенно парализованным. «Все, что есть на местах живого в старой партии, так или иначе находит себе работу. Сперва по линии наименьшего сопротивления — в легальных рабочих организациях и

¹⁾ Эта школа была организована на острове Капри в августе 1909 г. группой отзовистов-ультиматистов — А. Богдановым, А. В. Луначарским, Г. А. Алексинским, М. Н. Лядовым, Десницким, — составившими впоследствии центральное ядро группы «Вперед». Большевистский Центр, квалифицировавший Каприйскую школу как фракционное мероприятие отзовистов, направленное против 6-ков ленинцев и против партии, прилагал все усилия к тому, чтобы высвободить ее слушателей из-под влияния отзовистов и перевести школу в Париж под непосредственное руководство партии. О Каприйской школе см. статью С. Лившица, «Пролет. Рев.», № 6 (29), за 1924 г.

²⁾ Приложение к № 5 «Правды».

³⁾ «Правда» № 9.

вокруг них»... «Вырабатывается новый партийный тип. Его самые выразительные черты: свобода от фракционной предвзятости, партийный патристизм, чуждый кружкового сектантства, идейная самостоятельность, умение постоять за свои взгляды против всяких «авторитетов», но в то же время и сознание, что без самоограничения, без личных и организационных соглашений и компромиссов никакая партия не может существовать, рассыплется на части».

В этих словах уже выявились все особенности позиции Троцкого. 1. Определенно-ликвидаторские взгляды (по существу), в данном случае на распад официальной партии и создание «новой». 2. Примиренческий путь восстановления РСДРП путем компромиссов и соглашений.

Несомненно, что к ликвидаторству Троцкого толкнула не только логика примиренческой позиции, но и определенные симпатии к этому течению, несравненно более близкому ему в те годы, чем большевизм. Уже с первых номеров «Правды» Дан в № 15 «Г. С.-Д.» в статье «К вопросу о популярном органе и партийной литературе» дал ей следующую оценку: «...Организационная пропаганда последнего четвертого номера «Правды» составляет ничто иное как пересказ взглядов, неоднократно уже формулированных «Г. С.-Д.» и кавказской делегацией на последней конференции ¹⁾. И, конечно, нам может быть только приятно, если популярное изложение и установившаяся за редакцией «Правды» репутация «внефракционности», предохраняющая ее от нелепых и заведомо недобросовестных обвинений в «ликвидаторстве», облегчают более широкому кругу партийных товарищей усвоение наших организационных взглядов». Взятое в кавычки слово «внефракционности» говорит о достаточно трезвом взгляде ликвидаторов на возможность этой «внефракционности» во время ожесточеннейшей фракционной борьбы.

Не только взгляды Троцкого на организационное строительство партии близки ликвидаторским, лозунги практической борьбы, выдвигаемые Троцким — это те же ликвидаторские лозунги. В своей борьбе за «свободу коалиций» в форме петиционной кампании ликвидаторы также нашли ревностного сторонника и защитника их взглядов в лице венской «Правды».

¹⁾ Кавказская делегация на конференции 1908 года была представлена Аксельродом, Даном и Рамишвили.

3. Примиренцы на пленуме 1910 года.

До того, как начать роль об'единителя и организатора антипартийных элементов для борьбы с большевизмом, примиренчество на пленуме 1910 года¹⁾ пыталось примирить их с партией. Уже одна постановка вопроса о восстановлении фактического единства РСДРП на собрании, составленном из представителей враждующих между собой фракций, предполагала его разрешение путем взаимных уступок и компромисса. Несмотря на это, ленинцы, среди которых в то время также сильны были примиренческие стремления, на пленум пошли и приняли участие в его решениях, так как они считали, что почва для об'единения двух основных фракций большевиков и партийных меньшевиков имеется. Этой почвой была борьба с ликвидаторством и отзовизмом. Группы же «Г. С.-Д.» и группа «Вперед» не успели к этому времени вполне выявить свое антипартийное лицо; для партии к этому времени не совсем было ясно то, что от первого — отъемлемо его ликвидаторство, как и от второй — отзовизм. «... Когда собирался пленум, воинствующее ликвидаторство еще не сложилось и в России своей совершенно обособленной организации еще не создало (№ 1 «Нашей Зари» вышел после пленума). И многим участникам²⁾ чудилось, авось еще минует нас чаша сия, авось дело ограничится отпадением только незначительного слоя бывших с.-д., авось же понадобится еще борьба по всей линии, авось до создания ликвидаторами своей особой партии не дойдет»³⁾. Такая тактика Ленина, заранее предвидевшего неудачи этих примиренческих начинаний, была в значительной степени продиктована стремлением ускорить изживание примиренческих иллюзий в самой большевистской фракции.

Кроме того, первая же единогласно принятая резолюция пленума по вопросу «О положении дел в партии», правда, не совсем в открытых выражениях, не называя ликвидаторство и отзовизм его именами, осудила их и определила, как «проявление буржуазного влияния на пролетариат».

Все эти обстоятельства облегчили работу примиренцам. Считая, что резолюция, осуждающая ликвидаторство и отзовизм,

¹⁾ См. «РКП в резолюциях ее съездов и конференций», стр. 86—92.

²⁾ Среди них преобладали примиренцы.

³⁾ «С.-Д.» № 23. Ленин. «Что же дальше?».

открывала путь для действительного объединения, большевики нашли возможным сделать ряд организационных уступок: закрыть свой орган «Пролетарий», распустить БЦ и передать свои фракционные суммы Заграничному Бюро Центрального Комитета. Но все это при условии, что и меньшевики закроют свой «Голос С.-Д.» и что постановление, говорящее о ликвидаторстве и отзовизме, как о «проявлении буржуазного влияния на пролетариат», будет проводиться на деле в жизнь и поведет к действительной борьбе с ликвидаторством и отзовизмом. Все недоразумения организационного характера были поэтому Лениным сознательно устранены из опасений, чтобы они не затемняли основного вопроса, вопроса объединения на почве борьбы с ликвидаторством и отзовизмом.

Совсем неправильно эти шаги большевиков были истолкованы примиренцами, увидевшими в резолюции «о положении дел в партии» лишь фразы о необходимости единства и сводившими все значение пленума к взаимным уступкам представителей разных фракций. «Примиренцы à la Троцкий и И[он]ов ошиблись тем, что приняли особые условия, давшие расцвести примиренческой дипломатии на пленуме, за общие условия теперешней партийной жизни. Они ошиблись тем, что дипломатию, сыгравшую свою роль на пленуме благодаря наличности условий, породивших глубокие стремления к примирению (партийному объединению) в обеих главных фракциях — эту дипломатию они приняли за самодовлеющую цель, за длительное орудие игры промежду «данных лиц, групп и учреждений». «Примиренцы-дипломаты были «сильны» на пленуме исключительно потому и постольку, поскольку и партийные большевики и партийные меньшевики мира хотели и вопросу об условиях мира отдавали подчиненное значение по отношению к вопросу об антиликвидаторской и антиотзовистской тактике партии» ¹⁾.

Уже на пленуме обнаружилось, что голосовцы и впередовцы, представлявшие как бы диаметрально противоположные течения в нашей партии — ликвидаторство и отзовизм — проявили большое тяготение к совместным выступлениям... против большевиков, рыцарски поддерживая друг друга в этой борьбе. «Ничто не возбуждало на пленуме такого ярого, зачастую комического негодо-

¹⁾ «Дискуссионный Листок» № 2. Ленин. «Объединительный кризис в нашей партии».

вания, как мысль о «борьбе на два фронта», одно упоминание об этом выводило из себя и впередовцев и меньшевиков»¹⁾ (меньшевики на пленуме были представлены лишь голосовцами). Упоминание об этой борьбе и было тем стимулом, который заставлял вышеуказанные течения тянуться друг к другу и усиленно заниматься взаимной амнистией под покровительством и при поддержке Троцкого. Последний внес предложение заменить в резолюции слова, предложенные Лениным, «борьба на два фронта» словами, затемняющими ясный смысл резолюции: «преодоление обоих уклонов путем расширения и углубления с.-д. работы во всех областях классовой борьбы пролетариата и разъяснения опасности этих уклонов». Эта неясная, малосодержательная формулировка встретила горячее сочувствие как голосовцев, так и впередовцев и была принята, в конце концов, примиренческим пленумом. Впередовцы голосовали за предложения голосовцев и наоборот; Мартов вместе со всеми голосовцами поддерживал при помощи Троцкого предложение впередовцев о признании отзовистской школы партийной, с которой ЦК должен войти в соглашение. Большевикам с трудом удалось провалить это предложение.

Примиренцам всякими сглаживаниями и поправками удалось «смягчить» резолюции, предлагавшиеся большевиками. Плеханов, разбирая в № 11 своего «Дневника» решения пленума, называет совершенно основательно его резолюции «пухлыми» и «сырыми» и выражает недоумение по поводу того, что пленум, признав, что «отзовизм и ультиматизм суть не более как проявление буржуазного влияния на пролетариат, регистрирует группу «Вперед», которая представляет собой группу ультиматистов, как партийную группу». Далее вызывает недоумение и то, на каком основании в комитет из 9 лиц, намеченный для организации школы за границей, были выбраны наравне с латышами, поляками, буддистами, меньшевиками и большевиками 2 впередовца. Плеханов, который в данном случае не говорит об аналогичных решениях по отношению к «Голосу С.-Д.», представители которого были введены в редакцию ЦО, в своей постановке вопроса совершенно прав. Об этой основной ошибке примиренческого пленума, который не указал, точно, где именно проявляются осужденные им

¹⁾ Там же.

ликвидаторство и отзовизм — говорит и тов. Ленин. «Организационная ошибка» пленума заключалась в том, что «пленум хотел уничтожить существование в партии фракций», не получив «никаких действительных гарантий от фракций впередовцев, голосовцев и Троцкого в том, что и они прекратят фракционное существование». Такое ошибочное решение, проведенное благодаря усилиям примиренцев — в значительной степени свело на-нет положительную сторону работ пленума. Помимо того, «пухлые» и «сырые» резолюции пленума давали ряд лазеек в тех частях, которые говорили о необходимости единства и прекращения фракционной борьбы, ссылаясь на которые, голосовцы и впередовцы, покровительствуемые примиренцами, смогли легче укрепиться на своих позициях борьбы с большевизмом.

4. Разрыв Троцкого с партией и оформление антипартийного блока.

Обострение фракционной борьбы после пленума.

Но тем не менее примиренческий пленум, поставив вопрос о борьбе с ликвидаторством и отзовизмом, в конечном счете облегчил дальнейшую борьбу внутри партии.

После пленума сразу же обнаружилось, что ни голосовцы, ни впередовцы, подписавшие резолюцию «о положении дел в партии», не намерены отгораживаться, а тем более бороться с ликвидаторством и отзовизмом. Более того, целый ряд фактов¹⁾ говорил

¹⁾ «Г. С.-Д.» № 19—20 поместил письмо 16 ликвидаторов, работавших в России, снабдив его сочувственным примечанием от себя. В письме уходиков из ячеек оправдывался «известным явлением омертвелости последних» и утверждалось, что «партию ликвидируют те, кто, цепляясь за отжившие формы, мешают ее свободному развитию».

«Г. С.-Д.», всячески оправдывал поступок 3 ликвидаторов: Михаила (Исува), Юрия (Чацкого) и Романа (Ермолаева), отказавшихся прийти на заседание ЦК в России для кооптации из опасений, как бы работа ЦК не мешала организационному оформлению «новой партии».

«Г. С.-Д.» покровительствовал и принимал систематическое участие в откровенном ликвидаторском органе «Нашей Заре», выходившем в Петербурге под редакцией правого крыла ликвидаторов, возглавлявшихся Потресовым. «Наша Заря» откровенно заявляла о вреде подполья и о необходимости добиваться в рамках столыпинских «свобод» легального существования с.-д. партии.

о том, что ликвидаторы повели открытую борьбу против партии, что они сознательно скрывали работу ЦК, препятствуя ее созыву, как в России, так и за границей. Туманная до плена физиономия «Г. С.-Д.» стала выясняться, не оставив никаких сомнений насчет его роли как руководящего органа ликвидаторства.

Группа «Вперед» также укрепила свою фракцию со своими фракционными средствами, отозвала своих членов из созданной пленумом коллегии партийной школы и создала свою фракционную школу, «в которой учат вовсе не выдержанной «с.-д. тактике», а тому, что «отзовизм законный оттенок», в которой учат «этновистским взглядам на роль 3-й думы, взглядам, выраженным во фракционной платформе «Вперед»¹⁾.

На ряду с более ярким выявлением своей антипартийной физиономии эти фракции обнаруживали усиленное стремление к совместным выступлениям против большевизма. В возникшем вскоре после пленума конфликте в редакции ЦО²⁾, ликвидаторы поддержали впередовцы: «солидарность у ликвидаторов и этновистов в этом отношении полнейшая: их блок против ортодоксального большевизма... есть бесспорный факт, представители 2 крайних течений, одинаково выражающих подчинение буржуазным идеям, одинаково антипартийных, сходятся целиком в своей внутрипартийной политике, в борьбе с большевиками и провозглашении ЦО большевистским³⁾ — говорит по этому поводу Ленин.

Странники «Г. С.-Д.» в ЗБЦК, в котором они составляли большинство, отказывались созвать пленум ЦК, на созыве которого настаивали большевики, ссылаясь на соответствующую резолюцию пленума 1910 года.

Наконец «Г. С.-Д.» сам выдвинул на своих страницах лозунг «борьба за легальность», перейдя от оппортунизма в организационных вопросах к ликвидации старых революционных лозунгов и замене их частичными лозунгами борьбы за открытое существование рабочих организаций в рамках столыпинской конституции.

¹⁾ Приложение к № 19—20 «С.-Д.». Ленин — «О положении дел в партии».

²⁾ Редакционная коллегия ЦО «С.-Д.» составила после пленума из 2 б-ков — Ленина и Зиновьева, 2 голосовцев — Мартова и Дана и 1 воляка — Ледера. Конфликт возник на почве отказа большинством редакции в помещении статьи Мартова «На верном пути», так как она являлась выступлением против решений пленума.

³⁾ «Дискуссионный Листок» № 2. Ленин. «Объединительный кризис в нашей партии».

Примиренческая «внефракционная» «Правда», которая пленумом была признана органом партии, что ее сугубо обязывало к борьбе с ликвидаторством и отзовизмом, оставалась верна своей старой примиренческой, антипартийной линии. Но так как и ликвидаторство и отзовизм авторитетным партийным органом — пленумом ЦК — были признаны проявлением буржуазного влияния на пролетариат, то их замалчивание и отрицание, к которым продолжал прибегать Троцкий, уже сами по себе представляли определенный переход его на сторону антипартийных течений. Продолжая разговоры о необходимости мирных отношений с голосовцами и впередовцами после того, как последние обнаружили свое ликвидаторство и отзовизм, замечая лишь «фракционность» большевиков и резко ее осуждая, Троцкий противопоставил свою фракционную позицию решениям партии и укрепился на ней ничуть не хуже голосовцев и отзовистов.

После пленума ...«примиренцы» показали свое лицо, пожалуй, ясней, чем все другие фракции». С другой стороны, их «внефракционное поведение» обнаружило, что они «идейно немощны, что они, собственно, не имеют своей продуманной до конца линии, что они «шумели» о вреде фракционности и преимуществах нефракционности», в то время, как их фракция «больше всего политически заинтересована в процветании фракционности среди нашей партии, ибо она ведет все свое политическое существование за счет наличности двух основных фракций»¹⁾.

Обо всех фактах фракционности и притом фракционности в направлении, осужденном пленумом, Троцкий упорно молчит. «Правда» продолжает утверждать, что ликвидаторство и отзовизм представлены не замкнутыми и резко-обособленными группами, а являются неопределенными настроениями в рядах с.-д., по отношению к которым не может быть и речи об отсечении, а возможна лишь тактика «преодоления». Борьба, которую ведут с этими течениями большевики, по мнению «Правды», слишком резка. «...На этой почве сложилось в партии то настроение, которое можно назвать политическим нигилизмом или, если хотите, политическим ликвидаторством... И настроение это овладело не одной какой-либо фракцией, а всей партией — больше-

¹⁾ «С.-Д.», № 15—16. «Фракция тов. Троцкого и партийное положение».

виками, как меньшевиками, ликвидаторами и ультиматистами, фракционерami и не-фракционными элементами ¹⁾. И на основании этой оценки делаются следующие выводы о формах борьбы с этими «настроениями»: «не фракционная борьба с ликвидаторами, а преодоление ликвидаторства».

«Такое умалчивание о действительном положении дел в партии необходимо Троцкому «для реальных целей его политики. А реальные цели все больше выясняются и становятся очевидными даже для наименее дальновидных партийцев. Эти реальные цели — антипартийный блок Потресова с впередовцами, каковой блок Троцким поддерживается и организуется» ²⁾ — так оценивает тов. Ленин тактику «умалчивания», проводимую Троцким. «Реальные цели» этой политики особенно ярко отразились в резолюции Венского клуба ³⁾.

Резолюция общего собрания партийного соц.-дем. клуба в Вене от 26/XI—1910 г., обвиняющая редакцию «Рабочей Газеты» ⁴⁾ во фракционности, утверждает, что борьба ленинцев и плехановцев со всеми остальными партийными течениями «является тем более вредоносной, что она лишена в настоящее время принципиальной основы: среди всех партийных течений твердо утвердилось убеждение в необходимости восстановления нелегаль-

¹⁾ «Правда», № 14. «Письмо «Правды» к мыслящим рабочим». Это письмо вызвало протест со стороны Каменева, введенного в редакцию пленумом ЦК 1910 г. и считавшего, что содержание этого «письма» противоречит духу и букве постановлений последнего. («С.-Д.», № 15—16.) Результатом этого конфликта был выход Каменева из редакции «Правды».

²⁾ Приложение к № 19—20 «С.-Д.».

³⁾ Венский клуб объединял троцкистов, проживавших в Вене. Резолюция эта была принята ими после доклада Троцкого на тему «Современная рабочая печать». Присутствовавшие на собрании партийцы голосовали против. Резолюция встретила большое сочувствие у голосовцев. (Резолюция напечатана в приложении к № 19—20 «С.-Д.».)

⁴⁾ «Рабочая Газета» выходила в Париже с 12 (30) октября 1910 г. по 12 (30) августа 1912 г. Всего вышло 9 номеров. Она была создана по инициативе группы большевиков и выходила под редакцией Ленина, Зиновьева и Каменева. В ней принимали участие и меньшевики партийцы (плехановцы) и все с.-д. противники отзовизма и ликвидаторства. Одной из задач газеты было облегчить на местах объединение и совместную работу рабочих большевиков и меньшевиков — партийцев. В № 1 газеты от редакции было помещено «несколько слов к товарищам рабочим», выясняющих задачи и направление газеты. Об этом обращении от редакции и идет речь в резолюции троцкистов.

ной организации, объединения легальной и нелегальной работы, проведения выдержанной с.-д. тактики, и эти основные директивы последней пленум наметил единогласно» и что «трудность состоит сейчас, через год после пленума, не в провозглашении этих истин, а в проведении их в жизнь». Путь же к этому — дружная, совместная работа всех частей партии: «голосовцев», «плехановцев», «ленинцев», нефракционных...». В конце резолюция призывает «всех товарищей на местах, не дожидаясь указаний сверху, немедленно приступить к подготовке общепартийной конференции», и решает организовать общепартийный фонд для подготовки и созыва конференции РСДРП.

Эта резолюция, отрицая существование ликвидаторства и отзовизма, направляет все свое «партийное» возмущение против «фракционности» большевиков. В ней особенно четко выявилась антипартийность позиции примиренцев. Предлагая, «не дожидаясь указаний сверху», приступить к организации фонда на созыв конференции, в то время, когда возможность созыва ЦК еще была налицо, она устанавливала официальный, организационный разрыв примиренцев с партией.

После того, как Троцкий первый порвал с революционной РСДРП, он впоследствии потратил немало энергии на выражение своего негодования против «фракционных» шагов большевиков, направленных к разрыву с антипартийными течениями. Троцкий, ликвидаторы и отзовисты оказались вскоре после пленума объединенными борьбой против большевиков и меньшевиков партийцев. Антипартийный блок был налицо. Он нуждался лишь в организационном оформлении, которое не заставило себя ждать.

Интересно отметить, что накануне этого оформления редакция Венской «Правды» находит возможным уверять своих читателей, что «она считает блоки одних фракций для борьбы с другими фракциями самым вредным дезорганизующим и развращающим делом, которое способно лишь затормозить спасительный процесс всеобщего фракционного раскрепощения, совершающийся на наших глазах»¹⁾.

Оформление блока, назревавшее со времени примиренческого пленума, пошло гораздо явнее и решительнее, когда большевики,

¹⁾ «Правда», № 20. «Вопросы и ответы».

придя к выводу, что существование в единой организации с ликвидаторами лишь губит дело воссоздания партии, пошли на организационный разрыв с голосовцами и предприняли самостоятельные шаги по созыву конференции.

Необходимость созыва всероссийской конференции, как ближайшего этапа в деле восстановления российских организаций с.д. работы, была выдвинута еще примиренческим пленумом. Но последний, введя в состав основных руководящих органов ЦО и ЗБЦК¹⁾ ликвидаторов, наиболее активных противников воссоздания революционной РСДРП, вызвал ряд затруднений и осложнений в работе этих органов и, главное, обрек на полную бездеятельность и бесплодие в этом деле ЗБЦК, в котором ликвидаторы преобладали. Откровенные антипартийные выступления голосовцев, завладевших ЗБЦК и делавших под прикрытием последнего вылазки против старой РСДРП, их упорный отказ в созыве пленума, на котором настаивали большевики и который был предусмотрен особой резолюцией пленума по поводу декларации большевиков²⁾, поставили большевиков перед необходимостью разрыва с официальными центрами и выхода из рамок «легального» разрешения партийного кризиса³⁾.

Промышленный подъем конца 1910 г. и начала 1911 г., вызвав оживление рабочего движения, вновь поставил вопрос о необходимости партийного руководства последним. Оставаясь в ликвидаторском ЗБЦК, сознательно ведущем работу срыва

¹⁾ Заграничное бюро центрального комитета составилось после пленума 1910 г. из пятерки: 2 члена его были выбраны пленумом, а остальные введены центрами национальных организаций. Пленум ввел большевика Семашко и меньшевика-ликвидатора Игоря Гольдмана. Польская с.-д. послала Тышко, шедшего с большевиками до июньского 1911 года совещания членов ЦК, после которого он занял примиренческую позицию, Бунд — Либера, Латышская с.-д. — сначала Берзина, которого заменил после победы ликвидаторов в ЦК СД Лат. края, Шварц. Последний дал в ЗБЦК перевес меньшевикам.

²⁾ Распустив свой фракционный центр и передав его деньги в общий фонд ЦК — большевики обусловили эти свои уступки уничтожением меньшевиками их фракционного центра, т.-е. закрытия «Г. С.-Д.». Резолюция пленума по этому вопросу устанавливала, что при невыполнении меньшевиками данного условия ЗБЦК должен созвать пленум ЦК для пересмотра вопроса о договоре. Ликвидаторы «Г. С.-Д.» не закрыли, поэтому большевики настаивали на срочном созыве пленума.

³⁾ Подробнее о действиях ликвидаторов, вынудивших большевиков к разрыву с ними, см. примечание к стр. 139.

всех партийных организаций, нельзя было, и большевики отозвали своего представителя из состава ЗБЦК, забрали свои деньги, условно переданные последнему и взяли дело организации партийной конференции в свои руки.

В июне 1911 г. созванное ими совещание большевиков цехистов избрало техническую и заграничную организационную комиссию, в задачи которых входила работа по подготовке и созыву конференции. Несмотря на то, что большинство ТК и ЗОК, состоявшее из большевиков примиренцев и поляков, поддерживавших примиренцев, настаивало на соглашении с «внефракционной» «Правдой» и с группой «Вперед», большевики, возглавляемые Лениным, на этот компромисс не пошли, зная, что группы «Правды» и «Вперед» стремились к единству с ликвидаторами во что бы то ни стало. Ленинцы предпочли дальнейшее отмежевание, на этот раз и от примиренчески-настроенных членов своей фракции и представителей Главного Управления с.-д. Польши и Литвы. Только благодаря такой решительности, усилиями одних революционных большевиков, при дружном хоре негодования и клеветнических выступлений ¹⁾ всех участников назревавшего объединения, которым подпевали на этот раз и большевики примиренцы и поляки — им удалось создать из представителей российских организаций Российскую Организационную Комиссию (РОК) ²⁾, которая и довела трудное дело созыва конференции до конца. В то время, как ликвидаторский ЗБЦК

¹⁾ Начиная с выхода Семашко из ЗБЦК и до момента конференции, каждый шаг большевиков находил удивительно единодушную оценку всех участников блока. Голосовцы окрестили мероприятия большевиков «дерзкой попыткой переворота, предпринятой финансовым товариществом «Ленин, Тышко и Ко» (№ 2 «Листка Г. С.-Д.»); революционное крыло с.-д., за которым пошел пролетариат, оказался на страницах «Г. С.-Д.» «партией» в кавычках, ничтожнейшим кружком, старающимся давлением денежного мешка утвердить свою диктатуру без всякой связи с какими бы то ни было «принципами» (№ 26, «Г. С.-Д.» «Две партии»), «Листок Голоса С.-Д.» усиленно печатал резолюции различных заграничных ликвидаторских кружков и «идейных кружков большинства», выражавших свое порицание большевикам. Даже «Правда» заговорила фракционным языком по поводу «Заговора заграничного кружка против РСДРП». Группа «Вперед» в своем листке «Со всем членом партии», называла поступок А. Семашко «скандальным», совещание членов ЦК, ТК и ОК «искусственно подобранными центрами» и т. д., и т. п.

²⁾ В состав РОК, проводившей дело созыва пражской конференции, входили представители киевской, екатеринославской, екатеринбургской, уфимской,

в течение полутора лет, с января 1910 г. до середины 1911 г., не оказался способным созвать даже пленум ЦК из живущих в большинстве за границей членов, большевики в течение полугода создали конференцию, представляющую подавляющее большинство в России действующих организаций, конференцию, за которой пошла вся революционная с.-д. ¹⁾

К кампании, поднятой голосовцами, правдистами и впередовцами против большевиков, присоединились ЦК С.-Д. Латышского края и Бунд. Последний, бывший всегда правым крылом в РСДРП, отличался в годы реакции крайним оппортунизмом, превосходя даже в ряде вопросов самих ликвидаторов. ЦК же С.-Д. Латышского края в годы реакции представлял собой ликвидаторскую головку, которую ослабленный полицейским разгромом латышский революционный пролетариат не в состоянии был в течение нескольких лет сбросить, тем более, что ЦК всячески тормозил созыв съезда С.-Д. Латышского края.

Но для борьбы с воинствующим большевизмом кампания клеветы и ругани отнюдь недостаточна, это прекрасно понимали «представители всех идейных течений». Нужно было создать реальную силу, которая могла бы быть противопоставлена «ле-

пермской, бакинской организаций и представитель ОК по восстановлению тифлисской организации, потом примкнули Петербург и Москва.

¹⁾ На Пражской конференции, января 1912 г., были представлены все действующие в России организации. Конференция подтвердила оценку третье-июньского режима, данную партией в 1908 г. (союз бюрократии с помещиками и крупной буржуазии) и констатировала, что только революционная борьба против монархии разрешит старые задачи, стоящие перед пролетариатом. Подробно был ею разработан вопрос о выборах в 4 думу и даны революционные избирательные лозунги: 1) демократическая республика, 2) 8-часовой рабочий день, 3) конфискация всей помещичьей земли. По рабочей курии запрещены соглашения с другими партиями и группами (ликвидаторами); конференция дала оценку думской фракции, использовавшей думскую трибуну, согласно линии, данной декабрьской конференцией РСДРП. Решения конференции, ее точные и ясные резолюции стали руководящими в практической работе с.-д., в частности и в вопросах «страховой» кампании и борьбе с голодом. И самое основное — она подвела итоги более, чем трехлетней борьбе партии с ликвидаторством и заявила, что группы «Нашей Зари» и «Дела Жизни» своим поведением поставили себя вне партии. По вопросу о «петиционной кампании» конференция признала массовую рабочую петицию в переживаемую Россией эпоху наименее пригодным средством с.-д. агитации. Эти основные решения конференции встретили горячее сочувствие в местных организациях. Партия была выведена на широкую дорогу.

нинской» конференции, а впоследствии и «ленинскому» ЦК. Но, с другой стороны, было также вне сомнений, что ни одна из групп в отдельности, выступивших против «узурпаторских» действий большевиков, на создание такой силы неспособна. Само собой напрашивалась идея блока.

«Общепартийный» блок, объединяющий «все течения», в противовес «ленинской фракции» должен был прежде всего носить вывеску партийную, так как только при этом условии он мог рассчитывать на успех. Примиренчество Троцкого с его «звонкой фразой» о «вреде фракционности» оказалось наиболее подходящим для этой роли. Поэтому мы видим на передовых позициях августовского объединения Троцкого, неустанно превозносящего пользу «общепартийности» и уверяющего всех, что блок объединил всю партию. Характерно также, что на первый план Троцким выдвигались «нефракционные», «национальные» и «областные» организации в лице ЦК с.-д. Латышского края и Кавказского областного комитета, ликвидаторская сущность которых могла быть ясна не всем с первого взгляда, в то время, как действительные господа блока — ликвидаторы из «Нашей Зари» и «Г. С.-Д.» оставались в тени.

Резолюция, принятая редакцией «Правды» в связи с уходом Семашко из ЗБЦК, наметила тот путь, по которому и пошло официальное сплочение блока. Считая, что попытки воссоздать в России ЦК из «лондонских» кандидатов потерпели «окончательное крушение», редакция ставит в порядок дня задачу создания «организационного комитета в России» из представителей областных и наиболее крупных местных организаций, при чем на находящихся за границей «видейных центрах всех течений партии» лежит обязанность «путем соглашения во всех вопросах, касающихся конференции», облегчить организационному комитету созыв конференции. Редакция «Правды» предлагает поэтому ЗБЦК «как единственной общепартийной руководящей организации за границей» взять на себя немедленно инициативу в деле создания комиссии из равного числа представителей всех течений и национальных организаций «в целях всестороннего содействия имеющему образоваться организационному комитету в России...».

Резолюция усиленно подчеркивала, что ОК, который будет собран в противовес «ленинской Организационной Комиссии», будет состоять из представителей местных российских организаций.

Совещание при ЗБ ЦК.

Сойдясь единодушно во враждебном отношении к большевикам, «идейные центры всех течений партии», по инициативе голосовского ЗБЦК, продиктованной венской «Правдой», приступили к подготовительным шагам по организации «общепартийной конференции», которая должна была быть противопоставлена «фракционной» конференции большевиков.

В Берне в конце августа 1911 г., когда в России происходила работа по созданию РОК, при ЗБЦК произошло совещание «для обсуждения вопроса о содействии из-за границы созыву предусмотренной пленумом конференции»¹⁾. На нем участвовали ЗК Бунда — Бер (Либер), от ЦК с.-д. Лат. края — Лудис, от редакции «Г. С.-Д.» — Дан, и Троцкий от «Правды». С совещательными голосами присутствовали члены ЗБЦК — голосовец Игоров и латыш Шварц. Приглашенная на это совещание «Рабочая Газета», разумеется, не прислала своего представителя.

«Задачей совещания являлась как положительная помощь будущему ОК в России, так и устранение тех препятствий созыву действительно-общепартийной конференции, которые недавно возникли в лице раскольнических «Технической» и «Организационной Комиссий», захвативших себе часть общепартийных средств и функций». Так говорит о задачах совещания ЗБЦК в своем листке.

Совещание составило воззвание «Ко всем членам партии», которое развивало взгляды беспринципного об'единительства и примиренчества. Недаром впередовец, Аркадий (Калинин), не участвовавший на совещании, писал Троцкому о том, что его «личное чувство витает над всем совещанием»²⁾. Воззвание призывало членов партии не иметь ничего с «Организационной Комиссией», организующей лишь междуусобицу и хаос, и пойти за совещанием при ЗБЦК, так как «мы не присваиваем себе никаких прав перед дверями наших совещаний и впредь открыты для каждого течения, ни одно не исключается, и ни одно не наделяется какими-либо преимуществами». «Мы с негодованием отбрасываем такое воззрение в том, будто мы стремимся создать фракционный союз (союз) для борьбы с другими течениями партии» — заявляет воззванием.

¹⁾ Об этом совещании см. «Листок ЗБЦК», № 1.

²⁾ Письмо Аркадия к Троцкому хранится в архиве Октябрьской революции.

звание от имени совещания, которое всю свою работу начало и заострило под углом зрения коллективной борьбы с большевиками.

Одна из двух главных резолюций совещания «об отношении к технической и организационной комиссиям» констатирует: «что так называемая «Техническая Комиссия», равно как и так называемая «Организационная Комиссия» образованы в результате заговора нескольких заграничных большевиков с несколькими поддерживающими их польскими с.-д., путем внутрипартийного переворота, грубого попрания всех норм партийной жизни, определенных партийным уставом и последним пленумом, наконец, путем порочащего честь и достоинство партии захвата общепартийных средств».

Доводя об этом до сведения всей партии, «совещание призывает всех преданных своей партии социал-демократов дать решительный отпор названным выше кружкам в их домогательствах выступать и действовать от имени РСДРП».

По вопросу об «общепартийной конференции» совещание подчеркнуло, что в подготовке и созыве последней должны участвовать «деятели всех отраслей с.-д. работы, и что как работа Орг. комитета, так и работа самой конференции, особенно при современном состоянии партийных сил, будут тем плодотворнее, чем более в основу их будет положено стремление не к майоризации (голому численному подавлению) одних течений и кружков другими, а к соглашению и столкновыванию, на почве разрешения очередных задач, выдвигаемых классовым движением российского пролетариата, — всех соц.-дем. групп, так долго работающих вне всякой связи друг с другом».

Приглашенная на это совещание группа «Вперед» не приняла в нем участия и примкнула к блоку не сразу. Несмотря на то, что «состав (ОК), намеченный «ЗВЦК», по мнению группы, «весьма выгодно отличается своей беспристрастностью от состава ОК, выработанного «совещанием пяти»¹⁾, явно не приемлемого для целого ряда течений, объявленных им неравноправными»²⁾, впередовцы, очевидно, считали не совсем для себя удобным официально примкнуть к оппортунистам. Во всяком случае, они

¹⁾ Под «совещанием пяти» подразумевается июльское совещание членов ЦК, созванное большевиками и создавшее ОК и ТК.

²⁾ См. листок гр. «Вперед» «Ко всем членам партии», Архив Истпарта.

пытались склонить «польско-большевистский блок», «относительную близость в политическом отношении» с которым они признавали, на ту же «комбинацию равного представительства всех течений в ОК», подразумевая под «всеми течениями» все те заграничные группки, которые приглашались на совещание при ЗБЦК. В переговорах с большевиками впередовцы требовали вместо ОК образования ТК с равным представительством всех заграничных литературных групп и автономного ОК в России. Так как большевики не согласились с этими предложениями, впередовцы решили окончательно войти в соглашение с ликвидаторами, оправдываясь тем, что «своей политикой узурпации и непримиримости польско-большевистский блок толкает [их] в правую комбинацию, формально более партийную»¹).

После того, как они примкнули к «правой комбинации», им уже ничего не оставалось, как утверждать, что «каковы бы ни были отдельные заявления или обмолвки голосовцев», — «они в последнее время не оспаривают важности укрепления нелегальных позиций партии и урегулирования подпольных ее организмов» и «что мы глубоко убеждены, что все обострение борьбы с правыми создано Лениным и ближайшей к нему группой лиц искусственно». Нет сомнения, конечно, что такого рода утверждения впередовцам необходимы лишь для того, чтобы скрыть, что с ликвидаторами их объединяет только одна цель: борьба с большевиками.

Впередовцы не могли помириться с отказом большевиков считать отзовизм «законным оттенком» в партии; правый блок прельщал их перспективами конференции, которая выработает тактику, приемлемую для значительного большинства партии, «не оскорбляя в то же время воззрений меньшинства». Блок правых был им нужен для более успешной борьбы с подавлявшими их «своим часто сомнительным и временным количественным превосходством» большевиками²).

Приглашенный на это совещание Плеханов мотивировал свой отказ тем, что «две конференции, созываемые двумя враждующими

¹) См. Листок группы «Вперед» «Ко всем членам партии (о положении дел в партии)».

²) Там же.

между собой фракциями, не принесут... ничего кроме вреда, упрямая и усиливая раскол... участвовать в какой-нибудь из этих 2 конференций значит способствовать окончательному разложению нашей партии»¹⁾. Соповещение на этот отказ ответило письмом, в котором с негодованием отбрасывало аналогию с Организационной Комиссией, возникшей, по его словам, путем закулисного соглашения и внутрипартийного переворота, в то время, как соповещение ставит себе целью «соглашение всех партийных течений на равных правах» и решительно отгораживает свои методы «соглашения, сотрудничества и единства» в построении партийной конференции от методов «подчинения, захвата и переворота»²⁾. Письмо это Плеханова, однако, не убедило и заставило его лишь развить и уточнить свои мотивы отказа: по его мнению, соповещение, созванное при ЗБЦК, «создано при деятельном участии того течения в российской социал-демократии, которое считало себя в праве печатно сомневаться в существовании РСДРП, а иногда (напомню для примера г. Потресова) и прямо отрицать его»³⁾. И поэтому он не считал для себя возможным принимать участие ни в соповещании, ни в организуемой им конференции. На этой позиции он и оставался в течение всего времени работ по созданию ликвидаторской конференции.

Соповещение национальных организаций и создание ОК.

По окончании работ соповещения главные усилия участников блока направились на создание «организационного комитета в России» из представителей «областных и национальных организаций». ЦК Бунда взял на себя инициативу созыва в России соповещения из представителей латышской соц.-дем., Бунда и кавказской областной организации. Под последней подразумевался Закавказский областной комитет, объединявший ликвидаторские интеллигентские кружки некоторых городов Кавказа и ничего общего с нелегальной организацией не имевший. Комитет относился с большим сочувствием к примиренчеству Троцкого и в свою очередь усиленно рекламировался последним в «Правде».

¹⁾ «Листок ЗБЦК» № 1.

²⁾ Там же.

³⁾ «Дневник С.-Д.» № 15. — «Всем сестрам по серьгам».

Созванная комитетом весной 1911 года ликвидаторская конференция была названа Троцким шагом к возрождению партии ¹⁾

Из предварительных переговоров Бунда с ЦК соц.-дем. Латышского края выяснилось, что последний, занимавший позицию «жеманного» ликвидаторства, предложил расширить совещание с участием польской соц.-дем. и «образованной в России группой Ленина орг. ком., так наз. РОК». ЦК Бунда, занимавший несомненно самую правую и притом откровенно правую позицию в «блоке», не отнесся к этому предложению с большим сочувствием. Считая, что РОК «не представляет ни одной из национальных и областных организаций», и вряд ли «является действительным представителем реально существующих организаций», ЦК Бунда решил снять с себя всякую «ответственность за приглашение и участие в совещании РОК» ²⁾. Но «не желая вместе с тем тормозить инициативу ЦК Латышского края, ЦК Бунда согласен принять участие в совещании и при данном составе». Одновременно с этим ЦК Бунда вынес также резолюцию о необходимости включения в ОК и приглашения на конференцию петербургских откровенных ликвидаторов. «Признавая, безусловно необходимым участие в организуемой конференции так называемой петербургской инициативной группы и других, подобных ей, на основании постановлений прошлого пленума, так и в интересах нормального партийного строительства, ЦК Бунда уполномочивает своих делегатов на совещании самым решительным образом протестовать против всяких попыток исключения этих групп, и если, несмотря на это, будет принято противоположное решение, бундовская делегация заявляет, что вопрос об отношении

¹⁾ Об этой конференции, на которой, по словам «Правды», был представлен целый ряд организаций, местные работники нелегальных организаций узнали лишь из 20 № «Правды». По вопросу о восстановлении общепартийного единства конференция вынесла постановление, особенно поправившее примиренцам: «Если ЦК, благодаря уклонению от конференции отдельных фракций, групп и пр. — не в силах будет созвать общепартийную конференцию, то на этот случай конференция ЗСДО предлагает своему областному комитету, вместе с прочими областными организациями партии, взять на себя инициативу созыва общепартийной конференции, дабы положить конец переживаемой ныне неурядице. В резолюции о «ликвидаторстве» отрицается существование «ликвидаторства», и полемика «партийцев» с руководителями «Г. С.-Д.» считается «раздутой и тормозящей дело партийного объединения».

²⁾ Листок «Г. С.-Д.» № 3.

Бунда к такой урезанной конференции об'является открытым и будет окончательно решен ЦК Бунда»¹⁾.

Характерно, что группа «Вперед», допускавшая участие в конференции лишь тех представителей от соц.-дем. ячеек в легальных рабочих организациях, «серьезность и соц.-демократичность работы которых была бы удостоверена той или иной местной нелегальной партийной организацией»²⁾ (курсив наш), все же нашла возможным объединиться в одном блоке с Бундом, откровенно проповедывавшим махровое ликвидаторство. Степень компромисса, на который в данном случае пошла группа «Вперед», представлявшая меньшинство в ликвидаторском «блоке», является мерилем ее враждебного отношения к революционному большевизму.

Совещание в России представителей Бунда, ликвидаторски настроенного ЦК соц.-дем. Латышского края и Кавказского ликвидаторского областного комитета состоялось в январе 1912 г., как раз тогда, когда Пражская конференция объединила всю революционную социал-демократию и наметила под руководством Ленина ее дальнейшие пути. На это совещание явился и представитель соц.-дем. Польши и Литвы. Главное Управление последней, как известно, разошлось с большевиками по вопросу о привлечении в организационную комиссию представителей групп «Правды» и «Вперед», к ликвидаторам же оно относилось отрицательно.

Решения этого совещания, положившего основу ликвидаторскому организационному комитету, удовлетворили и бундовцев и латышей. Опираясь на указанную Плехановым лазейку в резолюции пленума о привлечении к участию в конференции деятелей легального рабочего движения, совещание, «не устанавливая пока общеобязательных норм представительства таких групп на конференции, находит, вместе с тем, наиболее желательным участие этих групп в специально созываемых для выборов общегородских конференциях данного города, представляющих все области соц.-дем. работы».

С другой стороны, по вопросу об отношении к РОК совещание, «относясь безусловно отрицательно к тем фракционным методам,

¹⁾ Там же.

²⁾ См. Листок группы «Вперед» «Ко всем членам партии (о положении дел в партии и созыве партийной конференции)».

при помощи которых РОК организовала конференцию и, констатируя, что этой РОК в лучшем случае удалось сгруппировать вокруг себя лишь часть групп русской части партии», постановило все же «обратиться в РОК с предложением вступить в переговоры о согласовании своих действий по созыву общепартийной конференции. В случае отказа РОК от таких переговоров ОК должен обратиться непосредственно к тем группам, которые образовали РОК». Другими словами, РОК, объединившая громадное большинство революционной социал-демократии¹⁾ была совещанием милостиво уравнена в правах с петербургской инициативной группой.

Что же касается представителя польской соц.-дем., то последний вынужден был покинуть совещание, так как обнаружил, что оно явно стало на точку зрения фракционных интересов правого крыла партии и создает ОК с определенным преобладанием ликвидаторов. Согласно принятой совещанием резолюции, ОК должен был состояться «из представителей четырех представленных на нем (совещании) национальных и областных организаций с тем, чтобы состав его был пополнен представителями более крупных местных соц.-дем. групп и организаций (или объединений) русской части партии, независимо от области приложения их соц.-дем. работы и принадлежности их к тому или иному партийному течению». (Курсив наш.) Обнаружившаяся на совещании полная капитуляция ЦК соц.-дем. Латышского края перед ликвидаторами убедила представителя польской соц.-дем. в том, что ликвидаторы в ОК будут иметь решительный перевес, и он ушел с совещания.

Оставшиеся представители трех организаций, квалифицировав действия польского представителя как стремление «превратить организуемый ОК в новый блок одних фракций против других», довели работу совещания до конца, создав основное ядро ОК из представителей Бунда (Либеры), ЦК соц.-дем. Латышского края и Кавказского областного комитета, которое должно было быть пополнено определенным вышеуказанным образом.

Совещание решило положить в основу занятий подготовляемой конференции соглашение и сплочение «всех соц.-дем. сил»

¹⁾ См. примеч. на стр. 145.

на почве избирательной кампании в 4-ю государственную думу. Как мы увидим в дальнейшем, такое решение всецело отвечало интересам ликвидаторской части блока.

5. Организационный Комитет.

С большим торжеством образование ОК было встречено в лагере примиренцев. «После долгих усилий в России, наконец, образовался центр, вокруг которого об'единяется все, что есть живого и жизнеспособного в рядах соц.-дем.»¹⁾ В своем желании подчеркнуть общепартийный характер ОК автор статьи, перечисляя горячих сторонников ОК, называет и «большевиков-партийцев» и «меньшевиков-партийцев», что не соответствовало даже положению дел в тот момент. Печально, с точки зрения автора, положение ленинцев и представителей польской соц.-дем. «После нескольких лет разброда, расколов и шатаний стремление к единству мощно охватило сердца мыслящих рабочих и стало непреодолимой силой в социалистическом движении России. Кто осмелится этому стремлению противиться, тот будет отброшен в сторону, как пережиток печального прошлого».

Совершенно не учитывая тех крупных изменений, которые произошли внутри партии в связи с работами Пражской конференции, не видя того, что вместо двух основных течений в одной партии создались уже две партии, не имеющие ничего общего, друг от друга обособившиеся, Троцкий продолжал «приветствовать» решение совещания обратиться одновременно к «ленинской» РОК и к так называемым «ликвидаторам», которые превратились у него, наконец, в «одну из фракций нашей старой партии»²⁾ — с предложением сплотиться вокруг организ. комитета.

Мечта примиренцев, казалось, была близка к осуществлению. Но уже с первых дней существования ОК в нем начинаются разногласия, естественно вытекавшие из того положения, которое было заложено в его основу: «право всякой группы, примыкающей к ОК, развивать свои собственные взгляды по всем вопросам партийной жизни»³⁾. При таком положении ОК должен был

¹⁾ «Правда» № 24.

²⁾ «Листок Г. С.-Д.», № 5.

³⁾ «Дн. С.-Д.», № 16.

всячески избегать каких-либо определенных решений и действий для того, чтобы не обнаружить слишком открыто физиономию главного участника блока — ликвидаторов и этим не оттолкнуть других.

И как раз с того момента, когда блок организационно оформился, создал свой центр в лице ОК, когда можно было ожидать от него самой кипучей деятельности, когда, казалось бы, он должен вбирать в себя новые элементы — с этого момента он начинает хиреть и фактически распадаться. Все его участники, из которых каждый в отдельности способен был на ряд практических действий, сообща оказались лишь способными на безмерное злопыхательство против большевиков.

Вся история ОК с ясностью говорит о том, что перед ним стояла дилемма: действовать, и в связи с этим терять своих сторонников, или ничего не делать для того, чтобы сохранить единство блока и умирать естественной смертью. Так как в ОК руководящую роль играл Троцкий, стремившийся сгладить все острые углы, то ОК был обречен на полное бессилие и бездействие. Роль его была самая жалкая. Несмотря на свое более чем полугодовое существование, он не сделал ничего и ничем не проявил себя как центр блока, объединившего «все, что есть живого и жизнеспособного», не говоря уже о той жалкой пародии на конференцию, которую ему удалось, в конце концов, сколотить. На все более или менее важные вопросы каждая из вошедших в ОК организаций реагировала самостоятельно, помимо него, и каждая из них предпочитала свои силы и средства оставить у себя, чем передавать их в ОК. И встретив образование последнего громкими одобрительными фразами, участники блока обнаружили на деле довольно «холодное» отношение к работе этого органа, за что не раз подвергались упрекам со стороны вдохновителя объединения Троцкого.

Большевики-примиренцы, помещенные «Правдой» в список сторонников ОК, поспешили рассеять возникшее недоразумение. Стоявшие вместе с «Голосом Социал-Демократа» за равноправное участие в созыве конференции «всех течений», в том числе и впередовцев и правдистов, они увидели, что практически это стремление, осуществленное совещанием национальных организаций, привело лишь к подчинению «всех течений» ликвидаторству. «Этот ОК в своем нынешнем составе, с его явной тенденцией

связать всей партии свое отношение к ликвидаторам, с теми принципами организационной анархии, которые он положил основу пополнения своего состава, — этот ОК ни в малейшей степени не гарантирует созыва действительно общепартийной конференции», — пишут они в своем общем с меньшевиками-партийцами парижемском органе ¹⁾.

Плеханов, получив от уполномоченного ОК приглашение принять участие в последнем, запросил об отношении совещания национальных организаций к инициативным группам. В своем ответе ОК разъяснил, что легалисты приглашаются, «поскольку они признают себя принадлежащими к РСДРП», так как «при перешедшем положении дел в нашей партии единственным критерием для определения прав той или иной группы на участие в общепартийной конференции является ее собственное заявление о принадлежности к РСДРП», и далее, что «совещание считало необходимым привлечь в ОК одного представителя от всех инициативных групп» для того, чтобы изжить антагонизм так наз. «старых» партийных организаций и «инициативных групп». На основании этого ответа Плеханов сделал вывод, что созываемая ОК «конференция по существу является учредительной». А всякое учредительное собрание предполагает уничтожение, ликвидацию старых учреждений. «Против подобной постановки вопроса мы можем только протестовать». По мнению Плеханова, «только «старые» партийные организации в праве разбираться в том, — какую из новых групп они допустят и какую не допустят на свою конференцию, конференцию этой «старой» РСДРП» ²⁾.

ЦК РСДРП, избранный на Пражской конференции, приглашение об участии в ликвидаторской ОК оставил без всякого ответа. Ясно, конечно, что приглашение рассчитывало на отказ и было послано лишь для соблюдения «нефракционности». (Письма ОК к «так называемому ЦК» см. в приложении).

Состав ОК, избранный на совещании в России, был пополнен представителем петербургской центральной инициативной группы ³⁾, которая внесла предложение ограничить порядок дня

¹⁾ «За Партию», № 1. «Об организационном комитете».

²⁾ «Дневник С.-Д.», № 16.

³⁾ Инициативные группы — название откровенных ликвидаторских организаций, состоявших из деятелей легального рабочего движения. Петербург-

конференции лишь одним вопросом — выборы в 4-ю думу. Это предложение вытекало из всего отношения откровенных ликвидаторов к конференции.

Вопрос об их участии в ней был ими разрешен в положительном смысле не сразу. Решающим доводом за участие были те неудачи в области уже легального рабочего движения, которые стали терпеть ликвидаторы с того момента, как после рабочего движения, оживив легальные рабочие организации, выдвинул на руководящие посты в них вновь старую РСД в лице ее ленинского авангарда. Ликвидаторы постепенно выжились из своей цитадели — легальных организаций. Немало красноречия потратили руководители «Голоса Социал-Демократии», чтобы доказать питерским ликвидаторам необходимость прикрыться партийным флагом и окружиться союзниками «из единственного направления в рабочем движении и единственного возможного его организующего центра стали одни из направлений и одним из организующих центров... Необходимо, следовательно, борьба за сохранение и укрепление позиций за укрепление и развитие идейной гегемонии. Раз борьба — следовательно, и группировка вокруг себя всех действительных возможных союзников. Если благодаря нашей «организационной мизерности» гегемония наших идей и основных методов может проявиться лишь в формах, дающих организационную гегемонию союзным нам кружкам — Бунду и проч., то в этом я не вижу компромисса с нашей стороны»¹⁾ (пишет голосовец Мартов писателю-ликвидатору Чацкому). В другом письме он с грустью отмечает, говоря о «Невском Голосе»: «наша газета гибнет, встречая активной поддержки — ни моральной, ни материальной за пределами нескольких кружков»²⁾.

Для ликвидаторов цель конференции была вовсе не в объединении партии, а в создании реальной силы политического действия и, прежде всего, действия в избирательной борьбе. Целью

скал инициативная группа возникла в конце 1910 г.; в первый состав входили И. С. Астров, Б. О. Богданов, К. А. Гвоздев, И. А. Невский, Ю. Чацкий и др. В период августовского блока лидерами группы были К. М. Ермолаев, С. О. Ежов-Цедербаум и др.

¹⁾ «Письма П. В. Аксельрода и Ю. О. Мартова» 1901—1916 г. стр. 223—24.

²⁾ Там же, стр. 243.

которую ставили ей примиренцы — формальное и официальное восстановление партии, — они считали утопической и полагали, что при попытке ее осуществить конференция будет ввергнута лишь «в новую ожесточеннейшую склоку за «фирму», за право на представительство с ленинской «партией» и с плехановскими и прочими ерундистами»¹⁾. Перед лицом надвигавшихся выборов в 4-ю думу «партийная» физиономия была особенно нужна ликвидаторам. Вопросы же, связанные с воссозданием РСДРП, о которых так много говорили примиренцы, их не интересовали совершенно.

Коллегия «Голоса Соц.-Дем.», выразившая свою солидарность с решениями совещания национальных организаций, обещала всячески поддерживать ОК, но представителя в него не послала, так как считала, что ее с успехом может представлять К. М. Ермаков, вошедший в ОК от петербургской инициативной группы и принадлежащий, следовательно, тому же течению, что и «Г. С.-Д.».

Группа «Вперед» вынесла постановление об участии в ОК, считая, что «совещание» действовало в направлении ее собственных решений, осуществляя ее мысль о восстановлении партийного единства вокруг одного «дееспособного центра», «при сохранении свободы идейного самоопределения за всеми течениями»²⁾. Сожалея о том, что представителям Бунда, Кавказскому областному комитету и соц.-дем. Латышского края не удалось сговориться с представителями соц.-дем. Польши и Литвы, группа считает, что «теперь единство партии может быть воссоздано, достоинство ее охранено только путем широких взаимных уступок». «Левая» группа вынуждена всячески оправдывать свое участие в ликвидаторском объединении, которому она сама принесла изрядные «уступки».

Опасаясь и вполне основательно, что новая организация превратится в блок одних только «правых» групп, впередовцы подчеркивали, что идут на конференцию «с намерением защищать определенные решения злободневных вопросов»³⁾. Действительно, по вопросу об отношении легальных и нелегальных организаций, по вопросу о руководстве стачечным движением, об оценке текущего момента, избирательной платформе — по всем

¹⁾ Там же, стр. 234.

²⁾ «На тему дня», № 1.

³⁾ Там же.

этим вопросам у впередовцев с ликвидаторами были диаметрально противоположные взгляды.

Разногласия в блоке между его обоими флангами — отзовистами и крайними ликвидаторами — принимали часто чрезвычайно резкие формы ¹⁾.

Но не эти разногласия были роковыми для «блока». Участие «впередовцев» в блоке, конечно, имело для него значение, поскольку помогало придать ему вид «общепартийности», о котором так заботились примиренцы, но отсутствие впередовцев все-таки не лишало его физиономии «блока», внешности объединения. И эту внешность, в которой были заинтересованы ликвидаторы, блоку

¹⁾ Характерной в этом отношении является переписка, которая завязалась между группой «Вперед» и ЗК Бунда по поводу допущенных последним на своей конференции в июне 1912 г. предвыборных соглашений с ППС против ПСД.

Группа «Вперед» решительно отказывается верить в возможность выступления Бунда в блоке с ППС против СДП и Л — пишут впередовцы в своем заявлении ЦК Бунда. «Вопрос о политических выступлениях во время избирательной кампании не есть лишь местный вопрос, а есть вопрос общепартийный, и та или иная позиция отдельной (территориальной или национальной) организации определяется общей позицией всей партии. Это — во-первых. Во-вторых, отдельные организации должны помнить, что за их выступления во время избирательной кампании несет ответственность вся партия в целом, и что всякая ошибка со стороны отдельной организации тяжело ложится на деятельность всей партии.

Ни устав РСДРП, ни договор между нею и Бундом, принятый на Стокгольмском съезде, не предвидят возможности для Бунда вступить в блок с не с.-д. организацией, каковой является ППС, против ПСД, каковая является, так же как и Бунд, частью единой РСДРП. Если бы Бунд выступил в блоке с ППС помимо ПСД, то он взял бы на себя инициативу открытого раскола, не менее отвратительного, чем тот, какой проектировали «ленинцы» и, быть может, даже худшего, так как здесь дело идет не о мелкофракционной склоке, на каковой специализовались ленинцы, а о внесении раскола в открытое политическое выступление российского пролетариата — в избирательную кампанию. Трудно даже представить себе, к чему может привести выступление Бунда и ППС с общими кандидатурами против ПСД. Во всяком случае, ничего кроме позора всей партии вообще и инициаторам такого выступления в особенности, это принести не может.

Мы надеемся, что ЦКБ не откажет разъяснить нам, насколько справедливо полученное нами известие о блоке Бунда с ППС против ПСД, и избавит нас от неприятной необходимости начать по этому вопросу печатную агитацию среди русских и еврейских рабочих.

С тов. приветом по поручению группы Аркадий.

придавали примиренцы, не устававшие говорить о «нефракционной» позиции блока и его желании примирить «всех», и возлагавшие вину за неосуществление этого объединения отнюдь не на ликвидаторскую часть партии. И как раз в этой самой основе существования блока обнаружилось, что не все благополучно. Те «недоразумения» между примиренцами и ликвидаторами, которые к концу 1913 года привели к окончательному распаду «блока», начались уже в период существования ОК, подготовлявшего созыв конференции.

Троцкий очутился в блоке между двух огней. Обединившись с ликвидаторами, приняв участие не за страх, а за совесть в «Нашей Заре» и «Живом Деле», он вынужден был выслушивать от своих сторонников постоянные упреки за слишком явные симпатии к ликвидаторам и за отступление от «нефракционной» линии. Поэтому ему приходилось от времени до времени обрушиваться на ликвидаторов и ругать их за их фракционность. Правда, к публичным открытым выступлениям в печати против ликвидаторов в этот период он не прибегал. Но деловая переписка того периода между Троцким, олицетворявшим собой ОК, и голосовцами свидетельствует с очевидностью о трещине, возникшей в блоке.

Троцкий ставил в вину питерским ликвидаторам слабую поддержку ОК и стремление вести работу по созыву конференции под флагом сплочения меньшевистской фракции. Он требовал от голосовцев соответствующего воздействия на своих питерских друзей, угрожая в противном случае исать другую «комбинацию» ¹⁾. Негодующие и полные обвинений письма Троцкого

Приведенное заявление было возвращено заграничным комитетом Бунда группе «Вперед» при следующем письме:

«Т., ваше «заявление» не пересылается по назначению и возвращается его авторам, как в виду того, что группе «Вперед» организационным уставом РСДРП не предоставлено права требовать от Бунда отчета в его действиях, так и в виду тона, принятого разве только в царских канцеляриях, но совершенно недопустимого в отношениях между организациями соц.-дем. партии.

Заграничный комитет Бунда».

(Копия переписки хранится в архиве венской «Правды» в АОР). Группе «Вперед» коротко и ясно было указано ее место в блоке. Никакой агитации «среди русских и еврейских рабочих», конечно, не последовало.

¹⁾ «Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова», стр. 234.

вызывали у ликвидаторов, являвшихся фактическими господами блока — раздражение.

У ликвидаторов, сохранявших и оберегавших для «внешнего мира», для блока фирму объединения, в котором «правдисты» троцкисты являются одним из участников, не было никаких сомнений насчет действительной роли в этом объединении примиренцев и в частности Троцкого. «Сила вещей заставляет Троцкого идти меньшевистским путем вопреки его надуманным планам о каком-то «синтезе» между историческим меньшевизмом и историческим большевизмом», — пишет Мартов Чацкому... «Благодаря этому и благодаря противоречию его движения намеченной им схеме, он не только попал в лагерь ликвидаторского «блока», но и вынужден занимать в нем самую «драчливую» позицию по отношению к Ленину»¹⁾. То, что позиция Троцкого по всем основным вопросам политической и партийной жизни несмотря на «наифракционную» внешность — самая настоящая ликвидаторская, прекрасно доказывал Троцкому один из редакторов «Голоса Социал-Демократа» Мартынов. Считая рассуждения последнего по данному вопросу весьма убедительными и в основном правильно освещающими роль и эволюцию примиренцев в блоке, мы решаемся привести здесь довольно длинную выдержку из этого любопытного документа.

«Вам кажется, Лев Давыдович, — пишет Мартынов Троцкому, — что ваша внутрипартийная роль есть по сие время роль объединителя par excellence, роль фракционерборца. Вам кажется, что вы идете с нами рука об руку главным образом потому, что мы, как и вы, восстаем против ленинских методов раскассирования инакомыслящих, что нам по пути ровно поскольку мы последовательно защищаем эту объединительную линию.

И лишь только вы обнаруживаете с нашей стороны или со стороны питерских «ликвидаторов» попытку укрепить или закрепить свои «особые» позиции внутри общей коалиции, вы сейчас же усматриваете в этом чуть ли не измену общему делу, желание восстановить стороны фракционного хозяйства и вы заявляете нам: на фракционный «блок» со мной вы не рассчитываете; я признаю только один «блок» — РСДРП.

Вы искренно думаете, Лев Давыдович, что вы были и остаетесь вне фракций. Если бы вы так оценивали свою позицию в прошлом, в начале 1910 года, когда сколько-нибудь широкого рабочего движения не было, когда его контуры и на-

¹⁾ Там же, стр. 233.

правления еще не были заметны для невооруженного глаза, когда «Правда» занималась еще только политическими обличениями и агитационными призывами к аморфной, загадочно молчащей массе, когда «Правда» пускала еще, так сказать, пробные шары, это было бы более или менее справедливо. Тогда вы были действительно более или менее нейтральны в фракционном отношении, тогда вы действительно были равнодушны к той «внешней политике» или «хитрой механике», которой занимались худо или хорошо осколки старых двух фракций, одни (ленинцы) — среди маленькой кучки подпольщиков, другие (ликвидаторы) — среди маленькой же кучки передовых рабочих, лабораторным способом применяя новые методы работы. Тогда вы игнорировали борьбу между ленинцами и нами, между представителями старых и новых методов.

Но такой недружественный нейтралитет вы могли соблюдать лишь потому, что и мы и ленинцы были тогда одинаково оторваны от масс, к которым непосредственно обращалась ваша «Правда», потому что тогда массы не шли ни по тому, ни по другому пути, потому что они вообще нигуда не шли, потому что в то время вообще невозможно было поэтому ставить себе никаких непосредственных широко-политических задач.

Но с тех пор много воды утекло и вы, надо отдать вам справедливость, обнаружили достаточную политическую чуткость, чтобы определить, где теперь стоячее болото и где «движение воды». Но благодаря этой же чуткости вы роковым образом потеряли уже давным давно свою «нефракционную» невидность, роковым образом очутились по всем важнейшим вопросам именно в «блоке» с нами, и лишь по старой привычке вы не замечаете, что вы давно «говорите прозой».

В этих переживаниях источник время от времени возникающих между нами недоразумений.

В самом деле, есть ли какой-нибудь серьезный политический вопрос, в котором вы бы теперь в интересах всеобщего братания защищали или хотя бы мирились с бесцветной средней линией?

В организационном споре — кружок или партия — вы компромиссов не допускаете. Тут вы не согласитесь в интересах доброго мира с целой фракцией ленинцев, или плехановцев, или тышковцев, вышибить из партии хотя бы одного ликвидатора. Почему вы так поступаете? Ведь этим вы втягиваетесь в фракционную войну, ведь это непосредственно ведет к расколу с ленинцами? Очевидно, что принцип европейского партийного строительства для вас дороже, чем единение хотя бы и с сильным еще партийным течением.

Но не только в организационном вопросе, и в существенных политических вопросах вы также не поступите известной

минимальной платформой в интересах «единства действия». В вопросах коалиционной и петиционной кампании наблюдалась та же картина: ленинцы были на одной стороне, а вы с нами твердо и решительно стояли на другой стороне. Согласились ли бы вы в интересах объединения пойти на компромисс с ленинцами в этом вопросе? Я уверен, что нет. Вы утверждаете, что коалиционная кампания есть теперь гвоздь рабочего движения в России. Очевидно, что вы не согласились бы бросить палкой в рабочее движение ради «единства действия» с сектантами.

По той же линии раскололась партия в вопросе о контроле рабочих над прессой. И тут Ленин, Гриша [Зиновьев] на одной стороне, вы, Ежов и мы — на другой. И тут, конечно, никакая партийная инстанция не заставила бы вас защищать, напр., на питерском рабочем собрании то, что там защищали «звездисты».

Можно было бы подумать, что все это случайные группировки по известным частным, хотя бы и важным, вопросам. Но из упомянутой статьи вашей в *Vorwärts*'e, видно, что по вашему же мнению, определенное отношение к этим вопросам вытекает из определенной оценки всего современного политического положения России, из признания того факта, что политическая ситуация в России резко изменилась по сравнению с дореволюционной эпохой, что соответственно с этим должны измениться очередные ближайшие лозунги, а также методы борьбы. Под тем, что вы пишете в *Vorw.* подпишется всякий ликвидатор, но это все в корне отрицает Алексинский и, по существу с ним согласные, Ленины и Гриши. Очевидно, что теперь в партии у нас есть по всем важнейшим очередным вопросам две непримиримые тактики, при чем вы с нами защищаете одну тактику, а Ленин, и отчасти впередовцы, — другую. Это значит, что тот «блок», который вас так пугает, Лев Дав., есть уже совершившийся факт и только те ваши приверженцы, которые стоят еще на позиции 1910 г., мешают вам признать этот факт¹⁾.

Что же касается самой работы ОК за восьмимесячное существование последнего, то она была до того ничтожна, что о ней много говорить не придется.

Она прежде всего выразилась в ряде непроведенных в жизнь постановлений, самое основное из которых заключалось в том, что делегаты на конференции могут избираться только областными конференциями. Это постановление, сильно не понравившееся голосовцам, недоумевавшим, как при таких условиях на конференцию смогут попасть ликвидаторы — так и осталось на бумаге.

¹⁾ Из письма Мартынова к Троцкому от 1/VI 1912 г. (хранится в архиве венской «Правды» в АОР).

Не то, что создавать областные конференции, на всероссийскую конференцию было некому посылать.

Письма агентов ОК к его фактическому главе — Троцкому говорят в лучшем случае о равнодушном отношении рабочих к деятельности ОК там, где он вообще пытался что-нибудь делать.

Индифферентизм рабочих, обнаружившийся во время подготовки к конференции, Троцкий объяснял тем, что ликвидаторы ведут подготовку к ней не во имя объединения партий, а объединения и укрепления своей собственной фракции. Ликвидаторы же сваливали все на психологию, которую насаждал Троцкий, «проповедуя довольно бессодержательное единство во что бы то ни стало», «ставя знак равенства между «непримиримостью» албанцев, желавших с'есть «македонцев», и македонцев, не желавших быть с'еденными, и распространяя вульгарное объяснение расколов и «фракционности» дефектами «вождей». Благодаря этому Троцкий, по мнению ликвидаторов, вызвал в рабочих «дух смиренномудрия», «способный лишь звать к «верхам» на тему: объединяйтесь и нас объедините»¹⁾.

На самом деле, индифферентное отношение соц.-дем. рабочих к ликвидаторским начинаниям было несомненным фактом, и причина его была в том, что они в большинстве уже пошли за большевиками, что в нелегальной РСДРП, воссозданной усилиями последних, они уже создали свое единство, единство партийцев, что они прекрасно знали, что представляет и куда ведет их объединение с ликвидаторами и поэтому им не оставалось ничего, как отмахнуться от них рукой.

Слабость ОК, этого совершенно нежизненного и беспочвенного учреждения, особенно ярко выявилась в вопросе о подготовке избирательной кампании. Для ликвидаторов важна была не только конференция, сколько партийный флаг в избирательной борьбе. Поэтому, интересуясь конференцией лишь постольку, поскольку она могла помочь им на время укрыться под сенью партийности, ликвидаторы не возражали и против оттяжки конференции на неопределенное время, при условии, если ОК как представитель «всех партийных течений», фактически же — орудие в руках ликвидаторов, возьмется за подготовку избирательной кампании. Имея питерский опыт работы в легальных рабочих организациях,

¹⁾ «Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова», стр. 233.

ликвидаторы учитывали, что рабочие соц.-дем. на конференции не пойдут, и поэтому они предпочитали заменить ее «совещанием видных деятелей». Они ничуть не обманывались насчет своей популярности в партийных массах. Троцкий ослепил себя, считали они, «картиной маленьких кружков в Севастополе и Оренбурге, наивно требовавших «восстановления партии» без всякого представления о том, как такие события происходят в натуре ¹⁾.

Особенно остро в связи с избирательной кампанией стоял перед всеми участниками блока вопрос о средствах. Возможность получить их представилась в лице Vorstand'a (т.-е. ЦК) германской соц.-дем. партии, который согласился оказать денежную поддержку русским соц.-дем., при условии, если последние предстанут перед ним в виде не разрозненных кружков, а целого объединения, у которого будет полная договоренность по вопросу о единстве избирательной кампании и о распределении полученных им сумм. Здесь-то и начались трудности для ОК. С одной стороны, по мнению Троцкого, ОК полагалось выступить перед немцами, как организации, объединившей «все течения», и противопоставить себя лишь Ленинскому ЦК и Плеханову, но, с другой стороны, для него было ясно, что ОК для самих участников блока не является достаточно авторитетной организацией, которой они могли бы поручить и доверить такое важное дело, как получение и распределение денежных сумм. Тем более, что националы в лице ЦК латышской соц.-дем. и кавказцев обнаруживали в этом деле большие сепаратистские стремления. Было ясно также, что этот вопрос о деньгах сможет стать подводным камнем, споткнувшись о который, блок потерпит полное крушение, и поэтому ОК принял мудрое решение отложить совещание с немцами по денежному вопросу до после конференции ²⁾. Негодование ликвидаторов, конечно, было велико.

Единственным делом, которое ликвидаторский ОК довел до конца — было приглашение на конференцию польской социалистической партии и соц.-дем. партии Литвы, не входивших в РСДРП.

¹⁾ Там же.

²⁾ Совещание так и не состоялось, так как ЦК (большевиков) и Плеханов отказались принять в нем участие наравне с ликвидаторами.

6. Августовская „конференция“ 1912 г.

Наконец в августе 1912 года в Вене открылась конференция, усиленно рекламированная Троцким и долженствовавшая быть «всероссийской». Картина получилась, как и следовало ожидать, чрезвычайно убогой. Из общего числа 30 мандатов лишь 12 были получены ликвидаторами, работавшими в России, остальные 18 принадлежали постоянным обитателям заграницы. Усилия ликвидаторов, направленные к тому, чтобы обеспечить себе большинство и руководство на конференции за счет мест «литераторов» из «Вперед» и «Правды»¹⁾ — увенчались успехом. Состав конференции был определенно ликвидаторский. 18 участвовавших в ней решающих голосов разбивались следующим образом:

2 делегата от Петербургской «Центральной Инициативной Группы» (ликвидаторской); 1 делегат от Московской группы б-ков примиренцев, которому был дан мандат «отстаивать политические решения партийной конференции 1912 года» (пославшая его организация надеялась на этой конференции добиться объединения, предполагая, что на нее съедется значительное количество представителей российских организаций); 4 делегата от Бунда (в том числе Либер, Винницкий, Мович) из них 3 заграничника; 1 делегат от «Красноярской организации»; 4 от ликвидаторского кавказского областного комитета (в том числе Триа — Влас Мгеладзе и П. Б. Аксельрод); 4 от соц.-дем. Латышского края (в том числе считавший себя большевиком, но шедший на конференции целиком за ликвидаторами Браун, ликвидатор Альфред и Фридрих); 1 от «соц.-дем. элементов профессионального союза моряков Черноморского торгового флота»; 1 от «Севастопольской соц.-дем. военной организации».

Другими словами, на конференции были представлены лишь две российские организации — севастопольская и красноярская, о которых партии до самого момента появления их представителей на августовской конференции ничего не было известно.

В числе 12 совещательных голосов были: 1 ликвидатор от соц.-дем. Латышского края, 1 от профсоюза моряков Черноморского торгового флота, 1 от венской «Правды» — Троцкий, 1 от редакции «Г. С.-Д.» — Мартынов, 1 от редакции «Невского Голоса» —

¹⁾ «Письма П. Б. Аксельрода», стр. 251.

Кемский, 1 от «Вперед» — Алексинский, 1 от фиктивной организации «Московского кружка литераторов» — Мартов, который не смог даже представить конференции какой-либо отчет о делегировавшей его организации, и приглашенный ОК — Ю. Ларин. Кроме того, присутствовал 1 делегат от Литовской соц.дем. и 4 делегата от ИПС — организаций, не входивших в состав РСДРП.

Собравшаяся в таком составе «конференция», не решившись назваться «всероссийской», все же конституировалась как «конференция организаций РСДРП», чем вызвала даже протест со стороны делегата группы «Вперед», предлагавшего ей наименоваться «частным совещанием».

Работа конференции, выступления на ней, резолюции ею принятые, в полном соответствии с ее составом не оставляли никаких сомнений на счет того, что весь «блок» был лишь бутофорией, которой ликвидаторы воспользовались для того, чтобы подковаться перед избирательной кампанией в 4-ю думу. Троцкисты же, сколачивавшие блок с целью быть его идейным гегемоном, оказались в хвосте у ликвидаторов и вынуждены были довольствоваться ролью проводников ликвидаторских идей и начинаний.

Президиум конференции — Либер, Браун и Троцкий — целиком выполнял волю ликвидаторов, докладчиками по основным вопросам были Троцкий, Мартов и Либер, развивавшие один более, другой менее откровенно ликвидаторскую точку зрения.

Уже по отчету ОК — первому вопросу порядка дня — выяснилось, что ликвидаторы считали конференцию учредительной в смысле противопоставления ее старой партии, которая, по выражению одного из участников, была «гнилью».

Характерно также, что общеполитические вопросы не нашли себе места в повестке дня конференции в то время, как вопрос о выборной кампании в 4-ю думу был чрезмерно раздут. В повестке дня, предложенной ОК, стояли следующие вопросы: 1) доклад ОК, 2) доклады с мест, 3) доклад мандатной комиссии, 4) вопрос о конституировании конференции, 5) избирательная кампания на выборах в 4-ю думу (этот пункт был разбит на 5 пунктов: а) платформа, б) тактика, в) организация избирательной кампании, г) единство социал-демократии в избирательной кампании, д) избирательные соглашения с польской социалистической партией и литовской социал-демократией, 6) организа-

ционное единство партии, 7) выборы центров. Эта повестка была расширена следующими вопросами: 1) об экономической борьбе, 2) о борьбе за свободу коалиций, 3) о государственном страховании рабочих, 4) организационные формы партийного строительства. На этом пополнении настаивали националы в то время, как откровенные ликвидаторы из инициативных групп даже предлагали конференции ограничиться лишь одним вопросом об избирательной кампании. Последний занял центральное место в работах конференции, на нем было сосредоточено главное внимание участников, ему было уделено максимум времени ¹⁾.

Чрезвычайно показательными были прения по докладу Троцкого об избирательной платформе, в которых все выступавшие (Либер, Мартынов, Мартов, Кемский, ликвидатор рабочий-питерец, делегат Черноморского союза моряков торгового флота, латыш Альфред, бундовец Мович), включая и докладчика, высказывались за исключение из очередных лозунгов лозунга демократической республики, как абстрактного, предлагая заменить его более конкретными. В конце концов, в принятой резолюции лозунг демократической республики был исключен из числа очередных, такая же участь постигла лозунг о конфискации помещичьих земель и лозунг замены постоянной армии всеобщим вооружением. Их место заняли «конкретные», другими словами, чисто-либеральные лозунги, в числе которых фигурировали: кадетское «полновластное народное представительство», свобода коалиции, свобода слова, печати и т. д.

По вопросу об избирательных соглашениях конференция высказалась за «технические» соглашения с кадетами на верхних ступенях и приветствовала заключение избирательных соглашений между Бундом — с одной стороны и ППС и соц.-дем. партией Литвы — с другой, одобряя, таким образом, Бунд за его явное нарушение партийной дисциплины.

Единодушие выявила также конференция по организационному вопросу. «Принципиальных разногласий и в этой еще недавно

¹⁾ Из 16 заседаний, в которые уложилась работа «конференции», первые 5 заседаний были посвящены выработке регламента, установлению порядка дня, докладам 3 членов ОК и прениям по этим докладам. 6-е заседание было посвящено конституированию конференции, следующие 5 заседаний были заняты докладами и общими прениями по вопросам об избирательной кампании. В остальные 5 заседаний уложились все остальные вопросы.

столь сложной области среди участников конференции не обнаружилось»¹⁾ — с удовлетворением отмечает в своем извещении ОК, созданный конференцией. Еще бы! У разновидностей ликвидаторов, участвовавших в конференции, никогда и никаких разногласий по этим вопросам и не было. Решения, принятые конференцией — старые ликвидаторские решения. Резолюция об организационных формах партстроительства выдвигает в качестве основных следующие положения: социал-демократия должна преобразоваться «в самоуправляющуюся организацию соц.-дем. пролетариата» «в процессе привлечения рабочих масс к открытой общественно-политической жизни во всех ее проявлениях». Далее: революция признает, что «существующие и вновь возникающие нелегальные партийные организации должны приспособляться к новым формам и методам открытого рабочего движения», и что необходимо «стремиться к открытому ведению отдельных частей своей партийной работы и к созданию для этого соответствующих учреждений»²⁾.

Иначе говоря, основной мотив резолюции — возможность перехода к легальному существованию РСДРП в рамках столыпинской реакции.

Резолюция по вопросу о борьбе за свободу коалиции одобрила этот ликвидаторский лозунг и призывала к продолжению борьбы за его осуществление.

Еще заслуживает внимания резолюция по вопросу о культурно-национальной автономии. Этой резолюцией ликвидаторы санкционировали требование Бунда о культурно-национальной автономии, осужденное как проявление национализма решениями партийных съездов. «Не высказываясь по существу этого требования [национально-культурной автономии, выставленное кавказской организацией] конференция констатирует, что такое толкование пункта партийной программы, признающего за каждой национальностью право на самоопределение, не идет в разрез с точным смыслом последней», — смело заявляет резолюция конференции в полном противоречии с действительностью.

Последним делом конференции было создание ликвидаторского ОК из 5 человек, состав которого должен был быть пополнен 1 представителем ЦК соц.-дем. Латышского края и 1 представителем

¹⁾ «Извещение о конференции организаций РСДРП». Библиотека Истпарта ЦК ВКП.

²⁾ Там же, стр. 28.

ЦК Бунда. ОК была поручена работа «по дальнейшему сплочению всех соц.-дем. сил в рамках единой партии»¹⁾. «Луч» был реорганизован и признан органом ЦК.

На самой конференции произошел уже отпад одного из участников блока — впередовцев. Последние, считавшие все время «случайными ошибками или временным увлечением фракционностью» весь правый курс ОК, выразившийся в пополнении его представителями «инициативных групп», приглашении на конференцию ППС и т. п. — наконец убедились, что блок идет по линии ликвидаторов, наиболее сильных участников объединения, и что им, впередовцам, там делать нечего.

Еще в период подготовки конференции, желая принять участие в работах ОК, они обнаружили, что «в России фактически не существует никакого практического центра, который бы мог вести работу по подготовке конференции, и что «действительным обер-организатором дела является редакция венской «Правды» или, точнее сказать, одно лицо из ее состава — Троцкий, который с весны истекшего года стал выступать от лица ОК и заслонил собой последний в сношениях с другими организациями». Впередовцы, которым Троцкий предложил совершить — по их словам — «шаезднический набег» на несколько организаций «для того, чтобы придать созываемой конференции видимость общепартийной», отказались от такой деятельности в ОК, так как не сочли возможным оказать содействие столь «скорооспешному способу изготовления мандатов»²⁾.

Представитель группы «Вперед», вступивший в конфликт с большинством конференции еще по вопросу о ее конституировании, с самого начала отказался от участия в ее работах, оставаясь на ней лишь с информационными целями. Но дальнейшее беззастенчивое развертывание ликвидаторских лозунгов в решениях конференции заставило его окончательно покинуть последнюю. Его поведение было одобрено группой «Вперед».

Конференция продемонстрировала полное бессилие примиренчества и наглядно показала фракционное содержание «блока». Она была тем поворотным пунктом, после которого «объединение» стало решительно освобождаться от фразеологических примирен-

¹⁾ См. «Извещение», стр. 44.

²⁾ «На темы дня», № 3. Отчет делегата группы «Вперед» на августовской конференции 1912 года.

ческих пут, наложенных на него Троцким и открыто повелом твердый ликвидаторский курс.

История вновь избранного ОК есть поэтому история окончательного распада августовского «блока».

7. Окончательный распад августовского блока.

Тенденции блока к распаду, появившиеся с первых шагов его оформившегося существования, продолжали усиливаться после конференции. Объединение с ликвидаторами представляло все меньше и меньше интереса для участников блока. Растущий подъем рабочего движения заставлял ликвидаторов отступать перед большевиками на всех поприщах легальной деятельности. Все 6 депутатов IV думы, прошедшие по рабочей курии, оказались большевиками, большинство правлений петербургских профессиональных союзов, начиная с крупнейшего союза металлистов, перешло в руки большевиков, число подписчиков «Правды»¹⁾ возрастало за счет подписчиков «Луча».

В то же время ликвидаторская линия блока продолжала вырисовываться все отчетливей. Развитие его, по выражению самих ликвидаторов, пошло в сторону «освобождения от фразеологического бессодержательного примиренчества»²⁾.

Противопоставление воли конференции «ликвидаторскому кружку», в котором продолжал прибегать в своих взаимоотношениях с ликвидаторами Троцкий, оставшийся верным своей примиренческой фразе, вызывало сильное негодование у ликвидаторов. Они совершенно основательно указывали, что воля конференции была их волей: на ней был избран ОК, состоявший в своем большинстве из ликвидаторов; «не нашлось», по их словам, «ни одного троцкиста» от русских организаций «для введения в его состав»; по организационному вопросу принята резолюция инициативной группы, санкционирована избирательная платформа, намеченная «Нашей Зарей», большинство принятых резолюций составлено голосовцами³⁾.

¹⁾ Речь идет, разумеется, здесь не о венской «Правде» Троцкого, а о большевистской легальной рабочей газете, выходившей в Петербурге в 1912—1914 г.

²⁾ «Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова», стр. 262.

³⁾ Там же, стр. 261.

Перекочевавшие после закрытия «Г.С.-Д.» в петербургские легальные журналы и газеты ликвидаторские литературные силы задавали также тон в «Луче». Последний, не стесняясь, открыто проводил их линию, открыв гонение против подполья и революционного массового движения рабочих. Передовица в № 101 «Луча» «Рабочие массы и подполье» — писала: «Под влиянием... последних гонений на легальные организации кое-где в рабочей среде давно оживают и крепнут симпатии к подполью... Мы несколько не закрываем глаз на этот прискорбный, по нашему мнению, факт».

Отношение «Луча» к широкой стачечной волне 1912 и 1913 гг. было также ликвидаторским. Эти годы, ознаменовавшиеся большим ростом экономической стачечной борьбы, дали широкий размах и политической стачке. Всему этому движению ликвидаторы стремились придать лозунг борьбы за свободу коалиций и заменить его парламентской формой борьбы — петиционной кампанией. «Луч» в этом деле был им верным помощником. Поскольку ему не удавалось совлечь эту борьбу широких рабочих масс с революционного пути, он окрестил ее «стаечным азартом» и поднял против нее такой же поход, как и против подполья.

И надо было обладать большой терпимостью по отношению к ликвидаторам, чтобы при таких условиях оставаться в блоке еще целых 1½ года после конференции. Но все же примиренцы высказывали свое недовольство позицией «Луча». К ним присоединились кавказцы. По вопросу о выпрямлении линии «Луча» «кавказцы» (Костров и Рамишвилли) собирались с «венцами» (Семковский) на специальное совещание в Петербурге весной 1913 года. Недовольные слишком откровенными выступлениями «Луча» против «подполья» и против «стаечного азарта», они пытались создать «не ликвидаторское» большинство в его редакции, но ничего из этой затеи не вышло — у них не нашлось соответствующих литературных сил, которые смогли бы заменить бывших голосовцев.

Столкновения между Троцким и кавказцами — с одной стороны, и ликвидаторами — с другой, на почве линии «Луча» все более обострялись и учащались. Дело даже дошло в мае 1913 г. до объявления Семковским (заграничным секретарем ОК, старым сотрудником Троцкого по венской «Правде») при поддержке Троцкого бойкота «Лучу».

Разлады примиренцев с ликвидаторами происходили вовсе не на почве отрицательного отношения первых к ликвидаторству, как к таковому. Выйдя 7 февраля 1913 г. из «Нашей Зари», в которой он сотрудничал со времени подготовки августовской конференции, Троцкий в письме к редакции журнала пояснял, что его выход из «Нашей Зари» «не есть «разрыв с ликвидаторством», — «и по самому существу своему он означает лишь то, что я не желаю нести ответственность за ликвидаторство, как таковое, после того, как созданы рамки партийно-оформленного сотрудничества с ликвидаторством»¹⁾. (Курсив наш.) Этими рамками был по его мнению августовский блок, ликвидаторы же в этих «рамках партийно-оформленного сотрудничества» вели себя так, как и вне этих рамок.

В начале 1914 года не было уже никаких сомнений насчет того, что блок окончательно «распался». Для революционного большинства партии давно было ясно, что никакого «блока» на самом деле и не было, что было только ликвидаторство в новом одеянии, ликвидаторство, одетое Троцким в «нефракционный» «общепартийный наряд», ликвидаторство «под прикрытием особенно звонких, пустых и туманных фраз»²⁾. Но все же мы можем говорить об окончательном распаде блока, поскольку из него вышли представители с.-д. Латышского края, и поскольку прикрывавшие ликвидаторов троцкисты перед лицом нараставшей революционной волны 1914 года решили уйти от непопулярного в рабочей среде ликвидаторства в «другую комбинацию».

Социал-демократия Латышского края формально вышла из блока на своем IV съезде в январе 1914 г., заявив в соответствующей резолюции, что «попытка со стороны примирителей объединиться во что бы то ни стало с ликвидаторами (августовская конференция 1912 г.) оказалась бесполезной и объединители сами попали в идейно-политическую зависимость от ликвидаторов»³⁾.

¹⁾ Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова», стр. 274.

²⁾ «Путь Правды», № 37 и Собрание сочинен. Ленина, т. XII, ч. 2-я. Ленин — «Распад августовского блока».

³⁾ Цитировано у Ленина в ст. «О нарушении единства, прикрываемом криками о единстве». — «Просвещение», № 5, 1914 г.

Бесславная история «блока» отнюдь не отрезвила примиренцев. По мнению кавказцев, действовавших солидарно с Троцким, все дело лишь в плохих «решениях блока», «которые дали почву и оправдание засилью ликвидаторов»¹⁾. По Троцкому ошибка блока вовсе не в самом факте сотрудничества с ликвидаторами, а в том, что ликвидаторы вышли из рамок партийно-оформленного сотрудничества. Характерно, что создав вместе с кавказцами новый нефракционный журнал «Борьбу»²⁾, Троцкий пригласил и ликвидаторов сотрудничать в нем.

Придя к выводу, что «старое примиренчество обанкротилось и что с ним нужно раз навсегда покончить», примиренцы наметили новый путь... примиренчества. Он должен заключаться «в выяснении всех основных разногласий, нахождении собственной позиции в этих разногласиях» и «если она будет достаточной центральной и реальной, она объединит всех социал-демократов через головы исторических кружков». «Теперь нужно выйти из старых рамок, перестать быть апологетом «августовцев» и сказать: «Нужно объединить в одном органе все здоровые партийные силы, независимо от фракционной принадлежности»³⁾.

На этой «платформе» произошло объединение кавказцев с троцкистами, которое повлекло за собой прекращение существования блока. Бунд, занимавший в этой борьбе пассивно-выжидательную позицию, механически отошел от «августовцев». В «блоке» остались только ликвидаторы, которых уже никто не прикрывал «нефракционными» фразами.

О. Вейланд.

¹⁾ Из переписки Кострова и Зурабова с Троцким из архива венской «Правды» — «Архив Октябрьской Революции».

²⁾ Номер первый «Борьбы» вышел 29 февраля 1914 года. Изд. носило подзаголовок «Рабочий Журнал»; последний номер 7—8 вышел 6 июля 1914 года. В журнале сотрудничали, кроме Троцкого, Покровский, Луначарский, Дейч, Костров-Жордания, Ларин. Как мы видим, список опять-таки пестрый.

³⁾ Из переписки Кострова и Зурабова с Троцким (Архив венской «Правды» в АОР).

ПРИЛОЖЕНИЯ.

1.

Письмо уполномоченного ОК к так наз. ЦК (в феврале с. г.)

Товарищи! Организационный комитет, образованный на совещании с.-д. Лат. края, Бунда и Кавказского областного комитета, уполномочил меня на основании резолюции совещания о российской организационной комиссии вступить в переговоры с этой группой о согласовании действий по созыву общепартийной конференции. В настоящее время, когда, судя по недавно появившемуся извещению, на месте росс. орг. комиссии появилась группа, называющая себя «Центральным Комитетом РСДРП», я — в пределах данных мне полномочий — затрудняюсь вступить в какие бы то ни было переговоры с этим новым учреждением, способ образования которого находится в полном противоречии с нашим партийным уставом и самое образование которого под названием «Центрального Комитета» не могло быть предусмотрено ни совещанием, ни организационным комитетом.

В виду этого я вынужден ограничиться доведением до вашего сведения, что связаться с организационным комитетом можно через заграничный комитет с.-д. Лат. края или заграничный комитет Бунда.

Уполномоченный ОК (след. подпись.)

2.

Письмо секретаря ОК к так наз. ЦК (от 25/IV с. г.)

Товарищи! Уполномоченный орг. комитета по созыву общепартийной конференции уже извещал вас о постановлении орг. комитета вступить в переговоры с российской орг. комиссией о согласовании действий по созыву общепартийной конференции.

На происшедшем недавно собрании орг. ком. вновь решено, что орг. ком. в интересах партийного единства, восстановление которого особенно необходимо в виду предстоящей избирательной кампании, обращается к так называемому центральному комитету с предложением немедленно вступить в переговоры с ОК относительно форм и условий совместной организации предстоящей конференции, главным пунктом порядка дня которой будет участие РСДРП в предстоящих выборах.

Довода об этом до вашего сведения, ОК предлагает вам прислать ответ заграничному представителю ОК до 20/V старого стиля».

Секретарь ОК (след. подпись.)

Арх. Окт. Рев. фонд XXIV, № 1507.

3.

Письмо ЦК РСДРП об августовской конференции.

Российская социал-демократическая рабочая партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Письмо к партийным организациям.

Товарищи! Недавно закончилась конференция ликвидаторов, решения которой теперь уже опубликованы во всеобщее сведение. Характер подготавливаемой конференции был настолько ясен заранее, что целый ряд местных партийных организаций, как и думская с.-д. фракция и отдельные представители определенных течений в партии (тов. Плеханов), с самого начала отказались от какого бы то ни было участия в ней. «Конференция созывается ликвидаторам!» — писал тов. Плеханов. К сожалению, худшие опасения самых примирительно настроенных товарищей оправдались...

Во всяком случае, организациям, представляющим нашу партию на местах, сейчас необходимо выяснить свое отношение к новой конференции. Центральный комитет партии считает полезным изложить в основных чертах и свое отношение к ней.

Прежде всего, каков был состав новой конференции?

Огромное большинство российских партийных организаций отказались участвовать в организуемой ликвидаторами конференции. В подавляющем большинстве случаев организаторам конференции не удалось даже найти параллельных так наз. «инициативных» (ликвидаторских) групп, существующих лишь в некоторых городах. Так, из всей Центрально-промышленной области, со всей Волги, со всего Урала, из Киева, Николаева, Екатеринослава, из Помесья и т. д. на конференции ликвидаторов не было ни одного представителя хотя бы даже только ликвидаторской группы.

Крупнейший центр нашего рабочего движения — Петербург — представлен был только в лице инициативной группы — ликвидаторов. Ни отдельные районные организации Петербурга, объединяющие б-ков, м-ков, партийцев и товарищей, не принадлежащих к определенной фракции; ни объединительный организационный с.-д. комитет Петербурга, объединяющий несколько районных организаций; ни центральная избирательная комиссия, в которую входят представители всех рабочих организаций Петербурга и которая недавно высказалась против ликвидаторов; ни отдельные рабочие с.-д. группы, существующие в Петербурге — делегатов на новую конференцию не послали. По данным самих организаторов новой конференции, делегаты от Петербурга были выбраны только так наз. инициативной (ликвидаторской) группой. «Активные с.-д. элементы» союзов и клубов тоже поручили защиту своих взглядов той же «инициативной» группе. Но, по данным самих организаторов новой конференции, это были «активные с.-д. элементы» только 3—4 союзов и клубов из 25—30 таких существующих в Петербурге организаций. Из Петербурга, таким образом, был лишь представитель небольшой группы ликвидаторов, давно отколовшихся от нашей партии и ведущих открытую борьбу против нашей нелегальной партийной организации в Петербурге. Как сообщают, далее, сами организаторы новой конференции, они

обращались с приглашением к редакциям марксистских изданий в Петербурге. Но — никакого отклика от не-ликвидаторских изданий, разумеется, не встретили. Петербургская социал-демократия, в виду всего этого являясь никакого отношения к новой конференции не имела и за ее решения не ответственна.

Из Москвы присутствовали: 1 заграничный ликвидатор, представлявший группу приказчиков, и 1 примиренец, представлявший часть московской нелегальной организации. Последнему, как сообщают сами устроители конференции, был дан мандат: отстаивать политические решения нашей партийной конференции января 1912 года и бороться за единство партии во что бы то ни стало. Мы не знаем, отстаивал ли этот товарищ на конференции ликвидаторов решения партийной конференции 1912 года, но что он не отстаивал их — с этим согласится всякий партийец по ознакомлении с резолюциями ликвидаторской конференции. Точно так же никакого единства, кроме «единства» ликвидаторов, на этой конференции достигнуто не было. Как отнесется указанная часть московской организации к решениям ликвидаторской конференции, еще неизвестно. Мы можем пока сообщить только тот факт, что далеко не все участвовавшие в выборах товарищи одобряют поведение своего делегата.

Из всех остальных русских городов на ликвидаторской конференции не было никакого, или почти никакого представительства. О красноярской или севастопольской организациях партия до сих пор ничего не слыхала... Их представительство совершенно случайно... В Харькове поддержать ликвидаторскую конференцию согласилась лишь одна небольшая «инициативная» группа. Харьковская партийная организация, объединяющая в своих рядах и б-ков, и м-ков партийцев, решительно отказалась от участия в этой конференции. И так было всюду и везде. Русские организации совершенно не были представлены на этой конференции.

«Кавказский областной комитет», который, как знают товарищи, не выражает мнений большинства кавказских с.-д. и не связан с практически действующими нелегальными организациями, поставил во главе своей делегации П. Б. Аксельрода, еще на-днях провозгласившего в «Нашей Заре» необходимость раскола и организации особой фракции ликвидаторов. Кавказские большевики и партийцы вообще, разумеется, никакого участия в выборах на конференцию не принимали.

Бунд, конечно, был представлен решительными ликвидаторами. Последняя конференция Бунда вынесла решения в духе крайнего ликвидаторства. Отдельные голоса, раздававшиеся некогда в Бунде против ликвидаторства, давно умолкли.

В Латышском центральном комитете окончательно возобладали ликвидаторские элементы, и латыши, вопреки протесту значительной части своих организаций (крупнейший район города Риги «Алекс. Ворота», насчитывающий 600 организованных рабочих, рижский культурный центр, все русские с.-д. рабочие города Риги. Виденская организация, часть сельских с.-д. организаций определенно высказались за январскую конференцию РСДРП) приняли участие в ликвидаторской конференции.

Группа «Вперед» ушла с самой конференции. Заграничные примиренцы отказались принять в ней участие. То же и польские с.-д.

Таким образом, из 18 делегатов с решающим голосом на конференции было: 1—2 примиренца, все остальные — ликвидаторы.

Как сообщает организационный комитет ликвидаторов, тов. Плеханов мотивировал свой отказ явиться на конференцию тем, что на данной конференции представлены «непартийные» и «антипартийные» элементы. На основании приведенных данных мы приходим к заключению, что тов. Плеханов был совершенно прав.

* * *

Но, может быть, сами решения ликвидаторской конференции являются хоть сколько-нибудь серьезным шагом в сторону партийной линии? К сожалению, на этот вопрос приходится ответить решительным нет.

Ликвидаторская конференция совершенно прошла мимо самого важного, коренного и основного вопроса об общеполитической оценке всего переживаемого нашей страной момента. Декабрьская 1908 года партийная конференция дала на этот счет определенный ответ. Январская 1912 года партийная конференция развила и дополнила эти указания. Все тактические споры в с.-д. печати за последние годы постоянно вертелись вокруг вопросов, затронутых в этих резолюциях. Каково социально-политическое содержание режима 3 июня? Каковы соотношения классов и группировка партий в после-революционный период? Каков смысл аграрной политики 3-й думы? Должна ли партия пролетариата всю свою работу, всю свою агитацию вести в духе подготовки новой революции? Все эти вопросы не могут не интересовать всякого члена партии. А ликвидаторская конференция по всем этим вопросам не сказала ни одного слова. Практический результат этого молчания совершенно ясен: ликвидаторы получают возможность и впредь вести свою неревOLUTIONную и не-марксистскую проповедь. Конференция «не стеснила» их никакими указаниями на этот счет.

В связи с этим у новой конференции нет ни малейшей попытки принципиального объяснения всего партийного кризиса последних годов. Нет ни малейших указаний насчет возможных принципиальных основ объединения, нет ни малейшего старания политически осмыслить всю эту борьбу направлений, которая имеет место в недрах рабочего движения...

Наибольшее политическое значение имеет избирательная платформа новой конференции. В основе своей эта платформа целиком сдает позицию ликвидаторам. Основные лозунги с.-д. избирательной платформы — демократическая республика, конфискация помещичьих земель — отодвинуты в туманную даль будущего. Для «настоящей избирательной кампании» конференция выступает не с революционными лозунгами, а со списком отдельных конституционных реформ. То обстоятельство, что конференция обещает в будущем бороться за республику и конфискацию земель, ничуть не меняет дела. Ведь избирательной платформой называются те требования, которые пропагандируются, за которые борются именно в данной, именно «настоящей» избирательной кампании. Для будущих времен — республика,

для настоящей избирательной кампании — всеобщее избирательное право! Для будущего — конфискация дворянско-помещичьих земель, для настоящей избирательной кампании — пересмотр (!) аграрного законодательства 3-ей думы», т.-е. лозунг, вполне приемлемый для либералов! Ведь это все, что нужно ликвидаторам...

Апрельско-майское движение, охватившее более полумиллиона политических стачечников, платформа ликвидаторской конференции об'являет простым экономическим движением, явившимся только в результате промышленного подъема и будто бы не пошедшего далее лозунга свободы коалиции. Этот взгляд новой конференции вполне совпадает с воззрениями главных русских органов ликвидаторства и совершенно расходится с фактами. Вспомним хотя бы то, под какими лозунгами шло движение в Петербурге! Демократическая республика, 8-часовой день, конфискация помещичьих земель — таковы были лозунги, выдвинутые «низовыми» ячейками передовых рабочих Петербурга (майские комитеты и т. д.). И в таком же духе составлены были сотни и тысячи заявлений и резолюций на рабочих митингах, адреса в думскую фракцию и т. д.

В платформе новой конференции много «революционных» фраз, но по существу эта платформа — реформистская. То отрицательное отношение со стороны рабочих к идеям ликвидаторства, которое так ощутительно почувствовали русские ликвидаторы на местах, заставило их искать известного прикрытия ликвидаторству. Об'ективное значение новой платформы новой конференции заключается в том, чтобы ликвидаторство преподнести в якобы исправленном виде, чтобы ряд важнейших вопросов обойти совершенно, а по другим дать лишь общие места, прикрывающие оппортунистический характер проповеди...

В таком же духе написана другая наиболее важная резолюция ликвидаторской конференции — об организационных формах партийного строительства. Товарищи знают, что спор с ликвидаторами шел о том: нужна ли нам сейчас нелегальная партийная организация, или можно ограничиться бесформенными легальными об'единениями, дополненными, как придачком, технически обслуживающими их нелегальными группками. Мнение нашей партии сформулировано точно и ясно в решениях конференций декабря 1908 года и января 1912 года: партия должна состоять из целого ряда нелегальных ячеек, окруженных возможно более разветвленной сетью всякого рода легальных рабочих обществ. По этому вопросу велась наиболее подробная полемика в партийной печати. Ликвидаторы в лице своих наиболее влиятельных органов категорически заявляли, что, по их мнению, восстановление нелегальной партии есть «реакционная утопия», что существование нелегального партийного центра прямо «вредно», что «слезить» в каждом городе нелегальную организацию в 100—200 чел. можно, но что это дело несерьезное, не достойное наших усилий. По вопросу о необходимости нелегальной партийной организации наиболее резко выступал против ликвидаторов тов. Плеханов.

Что же видим мы в резолюции ликвидаторской конференции? Там нет уже прямых заявлений о том, что нелегальная организация «вредна». С такой откровенной проповедью стало невозможным идти к рабочим. Но вся резолюция построена так, чтобы никакого прямого ответа на вопрос о не-

легальной организации не дать. Вся резолюция написана так, чтобы ликвидаторам по существу дела оставить возможность действовать по-старому.

Ликвидаторская конференция доходит даже до того, что провозглашает возможность в настоящий момент соц.-дем. «легальных... политических организаций». Это уже планы крайнего ликвидаторства. Какие же легальные с.-д. политические организации возможны в современной России!? Крайние ликвидаторы из примыкающих к с.-д., а еще раньше их ликвидаторы из народников уже в течение нескольких лет уверяют, что уже сейчас возможна «открытая партия», которая-де привлечет широкие массы и т. д. Но где эта открытая партия? Ее нет и сейчас быть не может. На деле эта агитация ликвидаторов была направлена лишь к разрушению старой нелегальной партии без возможности создать новую. И тот же самый объективный смысл имеет резолюция новой конференции об организационных формах». Эта резолюция выразила ликвидаторские взгляды, лишь-немного прикрытые запутанными фразами и общими местами.

Известное идейно-политическое значение имеют еще резолюции конференции о борьбе за свободу коалиций и о «культурно-национальной автономии». Первая полна уступок ликвидаторству, а вторая представляет собой постыдную сдачу позиции националистическим притязаниям Бунда и попытку «ревизовать» программу партии вопреки недвусмысленным постановлениям I и II и Стокгольмского съездов партии.

Итог: идейно-политические решения новой конференции, поскольку такие решения имеются, к сожалению, не только не являются серьезным шагом в сторону партийной позиции, но являются лишь плохо прикрытым общими фразами символом веры ликвидаторства. Разумеется, того ликвидаторства, которое не раз уже терпело поражение при открытых столкновениях с партийцами, и потому не решается теперь выступать с открытым забралом. Но все же только — ликвидаторства.

* * *

Кого же объединила недавно состоявшаяся конференция? Только тех, кто уже раньше был «объединен» сочувствием ликвидаторству. Что это именно так — товарищи на местах знают лучше нашего. Мы видели уже выше, что в конференции участвовали исключительно ликвидаторы (один-два товарища, участвовавших в этой конференции по недоразумению, потому ли что они еще не разобрались в главных спорных вопросах, или по каким-либо другим причинам, конечно, не в счет). Ни большевиков, ни меньшевиков-партийцев на этой конференции не было. Ликвидаторы без всякого основания причисляют к тем и другим 2—3 не во всем соглашавшихся с ликвидаторами товарищей. Конференция настолько чувствовала свое полное и абсолютное бессилие в русском рабочем движении, что сама не решилась назвать себя конференцией партийной — хотя созывалась она именно как «общепартийная». Ликвидаторы и их защитники (напр., Троцкий) всегда уверяли, что их тактика пользуется особым сочувствием деятелей легального рабочего движения, профессиональных союзов и т. д. Конференция ликвидаторов показала, что это совершенно неверно. Ни от каких деятелей союзов,

ни от одной серьезной группы легальных деятелей делегатов на конференции не было. Сочувствие ей выразил только и исключительно кружок ликвидаторов. Думская с.-д. фракция, к которой ликвидаторы обращались за поддержкой, дважды ей в этой поддержке отказала...

Сами участники конференции, насколько можно судить по их «Известиям», не сделали никаких серьезных шагов к объединению на деле между теми фракциями, которые они представляли. Достаточно указать, например, на то, что венская газета «Правда» как была, так и осталась фракционным органом Троцкого. То же относится и к газете ликвидаторов «Голос С.-Д.». Даже чисто формально эти органы не перешли под руководство нового ОБ, который является не чем иным, как новым центром ликвидаторов. Разумеется, свою полную «независимость» сохранило и главное издание ликвидаторов в России. Никакого объединения на местах, хотя бы в Варшаве и Лодзи, главной арене деятельности Бунда, не произошло. Даже заграничных групп и «течений», которым всегда придавали серьезное значение Троцкий и его единомышленники, ликвидаторская конференция не объединила. Положение осталось на деле совершенно таким же, как было до сих пор. Разумеется, там, где были ликвидаторские параллельные группы, отколовшиеся от партии, там они и остались. В Петербурге была инициативная группа ликвидаторов, действующая независимо от партии — она осталась. И так всюду. Если столь опоздавшая и столь бессильная конференция ликвидаторов окажет какое-либо влияние на движение, то только в смысле увеличения раскола. Пример — Польша, где ликвидаторы через голову польских с.-д. пытаются объединиться с не-социал-демократической организацией ШПС.

Вспомните, товарищи, пленарное собрание ЦК нашей партии в 1910 году. Ликвидаторы тогда «подписали» резолюции гораздо более определенные, нежели теперь на их конференции. Ликвидаторы официально обещали отречься от ликвидаторства. Договор об единстве был подписан всеми ответственными представителями всех фракций. И что же? Через самое короткое время после этого журнал ликвидаторов «Наша Заря» объявил самое партию «несуществующей», а практики ликвидаторства повели прямую кампанию за разрушение партии.

А теперь? Можно ли придавать какое-либо значение миролюбивым уверениям ликвидаторской конференции, раз за месяц до этой конференции самый ответственный представитель ликвидаторов П. Б. Аксельрод печатно объявлял, что нужно совершить партийную «революцию», т.-е. раскол, что нужно открыто организовать ликвидаторскую фракцию, что нужно ликвидировать нелегальную организацию? Можно ли верить словам ликвидаторской конференции, будто «она тоже» за республику, раз за несколько недель до нее Бунд — главный ее организатор и участник — принял на своей бундовской конференции платформу крайнего ликвидаторства: вытравил всякие следы требования демократической республики и конфискации помещичьих земель, заменив их лозунгами либерализма?

Ликвидаторская конференция может послужить только помехой объединению. Но дело действительного объединения идет вперед — и идет весьма успешно — вопреки кружковой борьбе против партии заграничных групп ликвидаторов и их защитников. Два крупнейшей важности факта показали

убедительно, как растет дело объединения с.-д. пролетариата на прочной базе совместных «массовых выступлений», освещенных светом неурезанной с.-д. программы и тактики. Мы говорим об апрельско-майском движении 1912 года, когда в Петербурге все с.-д. группы и организации, без различия направлений, объединенно выступили с проповедью одних и тех же революционных лозунгов. Мы говорим о создании более чем полутысячей рабочих групп своей ежедневной марксистской газеты, чуждой ликвидаторству. И то же самое, мы уверены, произойдет во время предстоящих выборов в 4-ю думу. Никаких двойных с.-д. кандидатур нигде не будет. Рабочие сплачиваются и сплотятся на революционной платформе, на неурезанных с.-д. лозунгах. Они заставят ликвидаторов снять параллельные расколнические кандидатуры, они проведут в думу революционных с.-д. и создадут фракцию, не менее партийную, чем третьедумская фракция, по поводу которой ликвидаторская конференция приняла столь двусмысленную резолюцию.

Действительное единство идет и придет. Оно складывается на практических выступлениях масс, отмечающих ликвидаторство и уступки ликвидаторству.

* * *

Было время, когда «терпимое» отношение к ликвидаторам зашло так далеко, что ликвидаторы смогли затормозить всю деятельность партийных центров и значительно ослабить всю работу партии. Это печальное время, к счастью, миновало навсегда. И мы уверены, что нынешней конференции ликвидаторов ни в какой мере не удастся ослабить рядов партии.

Единство пролетариата — великое дело. И именно те на деле работают для осуществления его, кто работает над достижением принципиального единства в выступлениях самих масс, единства принципиальной линии с.-д., единства выдержанной революционно-марксистской агитации и пропаганды.

Центральный Комитет РСДРП.

(Архив Истпарта).

Краткие воспоминания из моей жизни¹⁾

Предисловие.

Недавно в Болгарии вышли воспоминания Дмитрия Благоевича Благоева («Кратки бележки из моя живот», т.-е. «Краткие заметки из моей жизни». София, 1926 г., 77 стр.). Это тот самый Благоев, который является одним из первых социал-демократов в России, основателем и руководителем «Группы Благоева» в Петербурге в 1883—1885 гг., а позднее основал болгарскую социал-демократическую партию, стал после ее раскола во главе «тесных социалистов» (болгарских большевиков) и умер коммунистом 7 мая 1924 г. будучи уже дряхлым стариком. Скончался он под домашним арестом, в самый разгар белого террора, когда маленькая Болгария стонала под игом фашистского правительства Цанкова.

Благоев всю свою жизнь был неутомимым борцом за дело социализма: сорок лет стоял он на революционном посту, никогда не думая о своих личных удобствах, претерпевая всевозможные лишения, неоднократно попадал в тюрьму. Его воспоминания показывают нам, как выработался революционер. Родившийся в угнетенной Болгарии, он находился первоначально под влиянием революционных националистов, но впоследствии он отбросил национализм, сохранив революционность. В России он становится социалистом, марксистом и остается таковым навсегда.

Для русских читателей из воспоминаний Благоева наибольший интерес представляет глава, посвященная его пребыванию в России в первой половине 80-х годов. Мы и помещаем ее (исключая нескольких первых ее страниц), а также начало следующей главы (где рассказывается о отношениях Благоева с группой «Освобождение Труда» во время пребывания его в Болгарии, в 1885 г.).

Нельзя сказать, что воспоминания Благоева дают много нового материала о «группе Благоева»: писались они в 1923 г., спустя 40 лет после

¹⁾ Перевод с болгарского и примечания С. Е. Лившица. Переводчик выражает искреннюю признательность тов. Е. О. Георгиевой, оказавшей ему содействие в этой работе. Воспоминания Благоева вскоре появятся в русском переводе отдельной книгой.

описываемых событий, и, конечно, Благоев обо многом забыл. В частности, он почти не упоминает имен участников этой организации. Но его воспоминания — прекрасный материал для биографии и характеристики самого Благоева. Они показывают, как Благоев и его товарищи в те отдаленные времена стали марксистами и как они начинали пропаганду среди рабочих.

Воспоминания Благоев писал не сам, а диктовал по частям своей дочери — Стелле Благоевой. Предисловие к ним Благоев датировал 13 апреля 1923 г. Половина воспоминаний была опубликована в 1924 г. в болгарской газете «Звезда».

Передаем вкратце содержание первых и последних глав книги (т. е. кроме той главы, которая приводится ниже).

Дата рождения Благоева точно неизвестна. Сам Благоев считает, что родился в 1855 или 1856 г.¹⁾ Родом он из македонского села Загоричане, Костурского района. Его отец и братья уехали из села в Константинополь, где занялись молочной торговлей. Хозяйство же вели бабушка и мать Благоева, с которыми он и прожил в селе до 14 лет, изредка наезжая на родину.

Когда Д. Благоеву исполнилось 14 лет, отец увез его в Константинополь и отдал в ученики одному греку-сапожнику. На следующий год отец отдал его в обучение мастеру побогаче, где Д. Благоев провел еще год. Узнав, что в Фенере есть болгарское училище, он пошел к директору «дедушке» Славейкову, прося принять его в училище. Его охотно приняли, потому что болгарские националисты-революционеры стремились тогда пробудить среди македонцев чувство национальной общности с болгарскими и радостно встречали каждого македонца, способного стать агитатором болгарской национальной идеи в Македонии. Сам Славейков тогда издавал газету «Македония». При училище имелся пансион, где жило много болгар и македонцев, из которых многие были проникнуты идеями национального освобождения. В школе существовал кружок, члены которого занимались не только самообразованием, но и пропагандой национальной идеи среди македонцев в Константинополе. Впоследствии Благоев перешел в болгарскую гимназию, открывшуюся в Адрианополе, но эту гимназию скоро закрыли, и Благоев снова вернулся в Константинополь. Получив заимообразно от македонского общества молочников 30 турецких лир, Благоев поехал в Габрово, небольшой промышленный город Сев. Болгарии, где поступил в 4-й класс гимназии. В 1876 г. в Болгарии началась революция. Уче-

¹⁾ В представлении петербургского градоначальника Грессера директору департамента полиции от 20/II — 1855 г. за № 1965 говорится, что Благоев родился в 1859 г. Метрическое же свидетельство, сохранившееся в деле о Благоеве в архиве Петерб. университета, устанавливает, что он родился 14 июня 1858 г. (см. ст. Сергиевского в «Кр. Летописи», № 2/11, 1924 г., стр. 42—43). Год рождения, указываемый в метрическом свидетельстве, Благоев считает неверным, так как указание более молодого возраста Благоеву оказалось необходимым для поступления в IV класс русского реального училища.

ники гимназии решили принять участие в готовившемся в Габрове восстании и стали баррикадировать здание гимназии. Но скоро Габрово было занято турецкими войсками, начались аресты, учеников гимназии разогнали и выслали из города. Из Габрова Благоев пустился пешком в Стару-Загору, где был Славейков. Тот оставил его у себя. Благоев поступил в 5-й класс старо-загорского пятиклассного училища. В городе велась борьба между Славейковым и старо-загорскими чорбаджиями (кулаками), враждебно настроенными к революции. Благоев и его товарищи основали нелегальный ученический кружок, который издавал рукописные воззвания, расклеивал их по улицам и вел борьбу с чорбаджиями. Автором всех этих воззваний обыкновенно являлся Д. Благоев.

С началом русско-турецкой войны 1877 г. Д. Благоев не остается в стороне от событий. Когда русские войска, занявшие Стару-Загору, были вынуждены под натиском турок отступить, и турки начали грабить город. Д. Благоев организовал охрану из молодежи. Когда болгарские дружины были разбиты, Благоев вместе с Славейковым бежал из горящего города в Тырново. В этом городе он встретил своих старо-загорских приятелей. Некоторые из них работали при издательстве русской газеты «Военный Листок» и Благоев занялся его распространением. Позднее он нашел себе работу в табачном складе, который посещали русские офицеры. По их совету он отправился учиться в Россию, имея с собой 10 рублей скопленных в Свищеве, и рекомендательное письмо от учителя Христо-Павловича в училищное попечительство при одесском болгарском комитете, ставившем своей задачей помощь болгарским эмигрантам.

Благоев хотел поступить в какую-нибудь русскую гимназию. Однако, училищное попечительство одесского болгарского комитета отказало ему в поддержке и предложило возвратиться в Болгарию. Благоев отказался, предпочитая умереть с голоду в России, нежели вернуться обратно. Деньги скоро были израсходованы. Наступили критические дни. К счастью, Благоев познакомился с болгаринем А. Типтеровым, студентом одесского университета, который достал уроки Благоеву по математике, а также склонил управление одесской духовной семинарии принять Благоева временно бесплатно, с обязательством внести позднее плату за учение. Успехи Благоева оказались таковы, что болгарское училищное попечительство в Одессе согласилось внести необходимую плату в семинарию и помогать ему материально.

Благоеву не нравился поповский дух, который царил в семинарии, и он ушел из нее, как только окончил первый курс. Этот поступок рассердил училищное попечительство, и оно отказало Благоеву в помощи. Поступивший в IV класс реального училища Благоев очутился на улице без всяких средств. Судьбой его заинтересовалась мать одного из его товарищей — Вадзинская. Она взяла Благоева на пансион и предоставила ему много уроков. Скоро он имел возможность содержать себя и вносить плату в училище. В семье Вадзинских он прожил, пока не кончил реальное училище. Сын Вадзинской, студент петербургской военно-медицинской академии рассказал Благоеву столько интересного из жизни петербургских студентов, что тот решил поступить в какое-нибудь петербургское высшее учебное заведение. Особенно волновали и привлекали юношу рассказы о бурных студен-

ческих волнениях в Петербурге. И в начале октября 1880 г. Благоев отправился в Петербург.

Жизни Благоева в Петербурге мы не описываем, предоставляя слово ему самому. Скажем только, что там он основал в 1883 г. с.-д. группу, в 1885 г. был арестован и выслан в Болгарию, где стал издавать марксистский журнал «Современный показатель».

Около редакции этого журнала образовалась группа из учащихся, мелких чиновников и учителей. В группе велась открытая социалистическая пропаганда, имевшая задачей приготовить социалистических пропагандистов, будущих социал-демократов. Группа существовала несколько месяцев после закрытия журнала, который прекратился вследствие событий, наступивших после объединения северной и южной Болгарии.

С 1886 по 1889 год Благоев занимался педагогической деятельностью, не переставая вести социалистическую пропаганду, подвергаясь за это преследованию со стороны властей.

В 1890 г. Благоев жил в Тырнове, где готовился держать адвокатский экзамен. В ответ на утверждение, что для социализма в Болгарии нет почвы, Благоев выступил с брошюрой «Что такое социализм и имеет ли он у нас почву». Он сотрудничал в журнале «Ден», который стал органом социалистической мысли. В Тырнове Благоев работал в партийных органах «Работник» и «Социал-демократическая библиотека» и с головой ушел в партийную работу, состоя членом общего совета болгарской с.-д. партии.

В ноябре 1893 г. Благоева арестовали по необоснованному обвинению в соучастии в заговоре С. Попова на жизнь болгарского князя Фердинанда. За немалым улик его скоро освободили. В феврале 1894 г. произошло — по инициативе Благоева — объединение в одну рабочую соц.-дем. партию существовавших ранее отдельно с.-д. союза и с.-д. партии. Но, вследствие преследования властей, социалистическое движение было фактически задушено. Руководители партии находились в тюрьме.

В это время вторично разбиралось старое дело по обвинению Благоева в «оскорблении высочества». Суд (с присяжными заседателями) его на этот раз оправдал. Но после суда полиция арестовала его по приказу Стамбулова (диктатора Болгарии в то время), и Благоева выслали в село Бяла Слатина под надзор полиции. Ссылка Благоева продолжалась только 2—3 недели. 18 мая 1894 г. Благоев получил радостную телеграмму: «Тиранство пало.» (т.-е. Стамбулов свергнут). Благоев очутился на свободе. С осени 1894 до 1897 г. он был учителем в мужской гимназии в Филиппополе. Благоев помещал статьи в газ. «Работник», издавал брошюры, сотрудничал в редактировавшемся его женой журнале «Дело», редактировал теоретический журнал «Новое Время», вел ожесточенную борьбу против оппортунистических элементов в партии. Борьба эта привела к расколу партии, на «широких социалистов» (оппортунистов) и «тесняков» (революционное крыло).

С. Лившиц.

1. Благоев становится марксистом.

Когда я двинулся в Петербург, то не решил еще, в какое высшее учебное заведение поступлю — университет или технологический институт. Меня сильно привлекал последний, так как он, кроме общих познаний, давал и солидное специально-техническое образование. Но в него было трудно попасть, и я стал интересоваться требованиями для поступления в университет. Я колебался, выбрать ли юридические науки, которые меня привлекали возможностью лучше ознакомиться с социологическими вопросами, или естественные науки, дававшие более обширные познания. Наконец, после долгих размышлений я избрал естественные науки. Необходимо напомнить, что для поступления в университет нужно было получить законченное классическое образование. Я же окончил реальное училище и поэтому необходимо было держать по греческому и латинскому языкам экзамены, которые через год я выдержал. Это, однако, не помешало мне поступить студентом университета, хотя на первых порах вольнослушателем ¹⁾.

Никогда не забудется картина, которую я увидел, войдя в аудиторию на первую лекцию. Обширное помещение аудитории было наполнено сотнями студентов, и стоявший на одной из университетских скамеек студент в резких и пламенных словах бичевал полицейский произвол, русский реакционный режим и призывал студенчество к борьбе с ним. Речь сопровождалась бурными рукоплесканиями и бурными возгласами одобрения со стороны студентов. То была студенческая «сходка». В аудитории появился седовласый профессор и направился к кафедре, но студенты упростили его не мешать сходке и отложить лекцию. Профессор, усмехнувшись, отошел. Сходка закончилась без инцидентов. Однако, на другой день, когда предполагалось, что состоится еще более внушительное студенческое собрание, университет оказался блокированным конной и пешей жандармерией.

¹⁾ Дело о Благоеве, имеющееся в архиве Петерб. университета, устанавливает, что Благоев в мае — июне 1881 г. сдал экзамен на аттестат зрелости во 2-й СПб. гимназии; в июле 1881 г. поступил в университет на физико-матем. факультет по естественно-научному отделению, а осенью 1883 г. перешел на юридический факультет, на казовом и состоял вплоть до ареста в 1885 г. («Кр. Летопись», № 2/11, 1924 г., стр. 43).

рией. Тогда начались уличные студенческие демонстрации, столкновения с жандармерией и аресты. Это вызвало собрания и демонстрации студентов военно-медицинской академии и технологического института.

В Петербург я попал в самое бурное для студенчества время. Еще при первом моем посещении университета, я завязал ряд знакомств с русскими студентами, которые ввели меня в студенческую и политическую жизнь.

Но среди шума постоянных собраний и демонстраций я не успел еще, однако, тесно сблизиться с кем-либо из новых своих знакомых, которых приобрел в шумном Петербурге. Так как я не мог долгое время жить в одной квартире с Павлом Вадзинским, который располагал большими средствами, то мы раз'ехались. Я нашел себе мизерную темную комнатку, в которой единственное окно смотрело в другую комнату. Я сильно бедствовал ¹⁾. Одно время положение было таково, что оставалось протянуть руку за милостыней, и только самолюбие не позволяло сделать этого. Однако, в это время случай пришел мне на помощь. Один из познакомившихся со мной русских студентов неожиданно пригласил меня в свой дом, угостил чаем, к которому была подана закуска. Я был спасен. В завязавшемся разговоре мать и сын узнали о моем положении и не оставили меня без помощи. Следующие дни я был у них гостем.

В это бедственное для меня время я встретился со студентом Василием Харитоновым, с которым быстро сблизился ²⁾. Он познакомил меня с членами студенческой организации, к которой принадлежал сам. Это была одна из многих студенческих организаций, образовавшихся в России, чтобы помогать студентам бороться с их бедностью. Они назывались «землячествами»; в них группировались студенты по месту своего рождения (симбирцы, казанцы и т. п.). Всякое землячество стремилось доставить сред-

¹⁾ В университетском деле о Благоеве имеются его многочисленные прошения об отсрочке платы за ученье, из чего можно сделать вывод, что материальное его положение было действительно нищенское и что ему каждые 25 руб. полугодовой платы за ученье приходилось добывать с большими хлопотами.

²⁾ Харитонов, В. Г., студент Петербургского университета, один из основателей «группы Благоева», заведывал техникой «группы», был арестован в начале 1886 г.

ства существования своим членам путем нахождения для них частной работы, организации столовых, основанных на коммунальных началах, посредством пожертвований частных лиц в пользу землячеств устраивались литературные и увеселительные вечера. Студенческие земляческие организации, однако, были просто организациями для материальной поддержки своих членов. Они знакомили и сближали студентов одной губернии, развивали в них дух общности, который при абсолютистском режиме не мог проявлять себя открыто. Кроме того, землячества являлись видом первоначальной школы для приобретения знаний и идей, которые считались тогда социалистическими и революционными.

Другим видом студенческих организаций были общественные группы. Они были конспиративнее землячеств, состояли из ограниченного числа близко знакомых членов и имели специальные задачи. Члены такой группы жили в общей квартире, заботились друг о друге, делили все между собой, разрабатывали теоретические вопросы и практические программы политической и общественной деятельности. Если студенческие земляческие организации были первоначальными школами социалистических и революционных знаний и местом для выработки характера, то общественные группы являлись видом более высшей школы по выработке определенного мировоззрения и путей практической деятельности.

Организация, с членами которой меня познакомил новый мой приятель Харитонов, была второго вида. Я познакомился со многими членами разных землячеств. А эти студенческие организации помогли мне спастись от физической гибели, доставляя мне работу, переписку, частные уроки и т. д. Они мне помогали и в духовном отношении — найти тот смысл жизни, который напрасно искал я еще юношей в Болгарии: благодаря этой студенческой организации, я мог поставить правильно вопрос, с которым я, будучи учеником Габровской гимназии, приставал к старшим ученикам и к самому себе.

Этот вопрос, естественно, превратился теперь в более глубокий вопрос, который гласит: каков смысл жизни или какой смысл имеет жизнь человека? Видно было, что мне даст ответ на этот вопрос история русского революционного движения. И все свое

свободное время зимой в 1880, 81 и 82 годах я посвятил его изучению.

Однако, источники для изучения русского революционного движения были очень скудны. Единственными источниками были нелегальные газеты, — «Земля и Воля», «Народная Воля», «Черный Передел» и издававшийся в Швейцарии журнал «Вперед». Значительно больше давали мне споры и беседы в земляческих и других студенческих группах.

Каждый изучавший русское революционное движение ставил вопрос о его цели и средствах. Однако, различные течения русской революционной мысли (народническое, народо-вольческое и чернопередельческое) давали различные ответы на этот вопрос¹⁾.

Но чем яснее передо мною становились разногласия по поводу целей и средств русского революционного движения, тем больше были мои недоумения. Вследствие этого я не мог присоединиться ни к одному из течений в русском революционном движении.

Русская полиция в это время познакомилась со мной, не считая меня опасным человеком. Хорошо помню первое мое знакомство с полицией. Это было через неделю после убийства Александра II, в марте 1881 г. Проходя через двор к домику, где я жил, я встретил дворника, указывающего на меня полицейскому. Жил я тогда в далеком квартале, называемом «Пески», в квартале чиновника, детям которого давал уроки. Через несколько дней дворник сообщил моей хозяйке, что меня зовут в участок. Я подумал, что кто-нибудь из моих знакомых студентов арестован и при обыске что-нибудь выдало мое знакомство с ним. Я предполагал, что и меня арестуют, так как после первого (тринадцатого) марта, после убийства Александра II, начались страшнейшие гонения против студенчества в Петербурге: ежедневно арестовывали и обыскивали массу студентов, шайки хулиганов, всевозможных сыщиков и переодетой полиции нападали на студентов на улице и били их. В участке между мной и полицейским приставом произошел любопытный разговор.

¹⁾ См. подробнее по вопросу о различных течениях в русском революционном движении в моей книге «Из историята на руската революция» (Из истории русской революции). (Примеч. Благоева.)

— Ваше имя и отчество?

— Димитрий Благоевич, — ответил я.

— Благоевич?! — повторил тот удивленно-вопросительно.

И стал перелистывать календарь. После долгого рытья в календаре, он, наконец, поднял голову и сказал мне:

— Какое это такое «имя»? В русском календаре нет таких святых.

Я, воздерживаясь от смеха, ответил ему:

— Потому что я не русский, а болгарин.

— А, разве что так! Ну, ступайте себе с богом!

Но этот визит в участок лишил меня уроков и квартиры у чиновника. Зато я переместился поближе к университету, на Васильевский остров, в небольшой дом, где мои товарищи и одна товарка жили коммуной. Теперь я мог свободнее отдаться изучению революционного движения, которое особенно при разгроме террористических организаций после 1(13) марта 1881 г. все более мне доказывало несостоятельность террора в русском революционном движении.

Особенно сильно на дальнейшее мое развитие повлияло тайное, разумеется, собрание представителей всех тогдашних течений революционного движения.

Это собрание было созвано зимой 1882 г., в одном из далеких юго-западных кварталов Петербурга, после сильного разгрома революционной организации, произведенного перед началом осени этого года. На собрании участвовало 20 представителей разных революционных течений, затащили туда и меня, хотя я не разделял взглядов собравшихся.

Конечно, собрание было обставлено всякими предосторожностями, и дом, где оно происходило, был очень удобен для бегства в случае появления полиции; особый сигнал должен был нас предупредить о ее приближении. В последнем, однако, не явилось надобности.

Целью собрания были вопросы о революционной тактике после события первого марта и о возможности объединения всех революционных течений под одно знамя. Собрание закончилось поздно ночью, не достигнув никаких результатов, или правильнее, привело к совершенно неожиданным для некоторых из присутствовавших результатам. Взаимная критика различных революционных направлений выяснила, что старые течения революционного

движения обанкротились и нужно искать новые революционные пути.

Еще ранее, изучая русскую социально-экономическую жизнь и течения в русском революционном движении, я начал убеждаться, что господствовавшие тогда революционные взгляды не выдерживают критики и меня все более не удовлетворяют. Но это собрание дало окончательный толчок моим неясным мыслям: Я вышел с единственным убеждением, что старые революционные течения уже умерли и что нужно искать новые основания и направления, пока еще для меня неясные, и я занялся поисками их.

Я решил, что в этом отношении мне поможет основательное изучение теории социализма, чему я исключительно предался после описанного собрания. Но изучить социализм в России в начале 80-х годов было необычайно трудной работой.

Цензура не пропускала социалистических книг из-за границы и тщательно следила, чтобы в русские журналы не проникали статьи, носившие хоть слабые признаки социалистического направления. В библиотеках запрещено было давать книги социалистических авторов, переведенных на русский язык перед наступлением ожесточенной реакции 80-х годов.

Однако, в журнале «Вперед», издававшемся за границей под редакцией Петра Лавровича Лаврова, я встречал статьи, в которых упоминалось и о марксизме и о «Капитале» Маркса, о Ласкале и его социалистических взглядах. С другой стороны, в легальных ежемесячных журналах я встречал часто статьи о возможности капитализма в России, авторы этих статей обыкновенно опровергали марксовский «Капитал», главную его теорию социального развития. Тогдашние революционные теории тоже противопоставляли себя теории Маркса. И писатели из буржуазного радикального лагеря опровергали марксовскую теорию, как неприложимую в России. Известнейший тогда русский публицист Н. Михайловский посвятил в каком-то ежемесячном журнале («Вестник Европы» или «Отечественные Записки», не помню хорошо) несколько статей марксовскому «Капиталу» и его социальной теории. В ответ на эти статьи Маркс послал в редакцию письмо, в котором открыто заявлялось, что Михайловский не разобрался в «Капитале», что русская сельская община не есть явление, свойственное именно русскому народу, и что Россия

в ходе своего социального развития не отличается от других народов Европы ¹⁾.

Вся эта полемика произвела на меня сильное впечатление. Однако, я не разобрался в ее сущности. Тогда я стал искать первоисточники для изучения социализма. Оказалось, что такими единственными в России в то время были переведенные на русский язык сочинения Фердинанда Лассаля и I том «Капитала» ²⁾. Но, как я упоминал выше, цензура включила эти переводы в список запрещенных книг. Все-таки мне удалось получить Лассаля и «Капитал» Маркса. Всю зиму и весну 1883 г. я был занят исключительно их изучением. Прежде всего я взялся за сочинения Лассаля.

Из его сочинений на русский язык были переведены его полемические статьи и агитационные речи, в которых популяризировались идеи марксовского «Капитала». Эти статьи и речи давали мысли только общее социалистическое направление. Знакомили с общими положениями об историческом значении «четвертого сословия», т.-е. рабочего класса и о его задачах в буржуазном обществе. Целостного социалистического мировоззрения из них извлечь нельзя было. Но изучение Лассаля возбудило во мне сильное желание приступить к «Капиталу» Маркса и много мне помогло ориентироваться в некоторых положениях, развивавшихся в нем.

Изучение «Капитала» стоило мне большого труда, вернее необычайного умственного напряжения. Тем более, что в России в то время не имелось никакой популяризации «Капитала», какие появились позднее, как, напр., Каутского или Девиля. В русской легальной литературе были, правда, «Очерки политической экономии» Чернышевского и «Капитал Маркса» Зибер. Однако, первое было только критикой «Основ политической экономии» Дж. Ст. Милля, а второе касалось только теории ценности и составляло специальное исследование ³⁾. Того, что искал мой ум,

¹⁾ Влагоев имеет в виду известное письмо Маркса 1877 г. в редакцию «Отечественных Записок».

²⁾ I том «Капитала» был издан в России в 1871 г., СПб, изд-во Покрова, в переводе Даниельсона (Николая — она) и Г. Лопатина. I том сочинений Лассаля издан был в переводе В. Зайцева в 1870 г.

³⁾ Зибер, Н. И. — экономист, популяризатор Маркса. В 1871 г. вышла его диссертация «Теория ценности и капитала Д. Рикардо в связи

я не мог найти в этих произведениях. Изучение «Капитала» дало мне возможность выяснить происхождение и рост рабочего класса, тайные пружины капиталистического производства, значение в нем рабочего класса, положение его, основы его борьбы, организацию его и историческую его задачу — экспроприацию экспроприаторов. Вообще, изучение «Капитала» привело меня к убеждению, что капитал не может существовать вечно, что он развивает противоречия, обострение которых сделает его невозможным, как форму социального развития, и потому капиталистический способ производства будет заменен другим общественным способом производства. Капитализм создает и класс, который совершит социальную революцию, это — рабочий класс, индустриальный пролетариат, который создан капитализмом, дисциплинировался его способом производства, получил толчок к борьбе против эксплуатации и к организации.

Изучение Лассалья и Маркса дало мне определенное, целостное социалистическое мировоззрение. Главный вывод из него был тот, что единственную задачу для социалиста составляет пропаганда социализма преимущественно среди рабочего класса, среди индустриального пролетариата, пробуждение в нем классового сознания, организация пролетариата и вовлечение его в борьбу за конечную цель — экспроприацию экспроприаторов.

Относительно России для меня выяснилось, что она стала на путь капитализма и что революция в России, особенно социальная революция, возможна только как рабочая, пролетарская революция¹⁾. Мне оставалось взяться за пропаганду своих социалистических взглядов.

Разумеется, прежде всего, я сообщил об этом товарищам, с которыми жил, и потому наша коммуна на Васильевском острове явилась не только местом, где я вырабатывал свое первое социальное мировоззрение, но и первым местом, где начал его пропагандировать. После долгих бесед и споров решили, наконец, что необходимо начать пропаганду социализма, сперва среди студенчества;

в позднейших разъяснениях»; в 1876—1878 г. печаталась в различных журналах «Экономическая теория Карла Маркса», к 1885 году относится переработка диссертации Зибера — «Рикардо и К. Маркс в их общественно-экономических исследованиях».

¹⁾ Обоснование всего этого, см. «Из истории русской революции» Благоева. (Примеч. Д. Благоева.)

после летних университетских каникул, осенью 1883 г., постановили снова устроить собрание в нашей квартире из хорошо знакомых студентов и старых деятелей «Черного Передела». На этом собрании решили положить основание новой соц.-дем. группе.

Однако, побуждаемый желанием увидеть свободную Болгарию, я решил провести там время университетских летних каникул 1883 г., тем более, что Петербург на это время опустел, — студенты разъехались в провинцию, и работу трудно было найти. Я отправился по маршруту: Одесса — Константинополь — София. Тогда железная дорога от Константинополя до Софии доходила только до г. Татар-Пасарджика. Когда я слез на Т.-Пасарджикском вокзале, ко мне приблизился слабый и низкого роста человек и спросил меня по-русски:

— Вы русский?

— Нет, — ответил я ему, — не русский, болгарин, студент из России.

Он меня принял за русского по моей внешности русского студента. То был русский эмигрант Владимир Луцкий, инженер болгарской службы в южной Болгарии, в городе Пасарджике. Тогда ему было около 40 лет, если не больше, он был моложав, подвижен, очень остроумен, образован, дворянин по происхождению, генеральский сын; он ухватился за меня, как за человека, едущего из России, и заявил мне: «Я вас не выпущу, будьте у меня гостем». Я согласился и переночевал у него, тем более, что было уже поздно ехать в Софию. Само собой разумеется, что почти целую ночь мы провели в разговоре о революционном движении в России того времени. Я рассказал ему откровенно о положении партии «Народная Воля», которая больше всего его интересовала и которая была разгромлена после многочисленных арестов ее последователей и сочувствовавших ей в течение 1881, 82 и 83 годов. Я сообщил ему, что действительно существует еще «Исполнительный Комитет» партии, но что все нити революционной его деятельности находятся в руках необычайно ловкого полицейского офицера Судейкина и его сыщиков, вследствие чего появилось много случаев предательства. Этот рассказ, вероятно, заставил Луцкого привязаться ко мне, и на другой день, когда я собрался идти искать повозку в Софию, он весьма убедительно настаивал, чтобы я не уезжал и остался у него на все каникулы.

— Что делать в Софии, там нет ничего интересного, — говорил он мне.

Все же я успел его убедить, что мне нужно поехать в Софию, чтобы увидеть столицу Болгарии. На мой довод, что там я попытаюсь найти какую-нибудь работу в течение каникул, Луцкий слегка задумался и, наконец, сказал мне:

— Слушай, тов. Благовоев, иди, посмотри Софию, но никакой работы там не найдешь. Тут, у меня, работа тебе готова, ты у меня будешь чертежником. Непременно приезжай.

И, действительно, в Софии я не нашел никакой работы и скоро вернулся в Т.-Пасарджик, где во время каникул работал у Луцкого как чертежник. Тут познакомился я с крайне симпатичным русским эмигрантом, известным русским народником и бакунистом Дебагорием-Мокриевичем, с которым позднее, в 1885 г., мы полемизировали по поводу марксизма в Болгарии. Через Луцкого русские эмигранты-народовольцы, находившиеся в Болгарии и Румынии, обратились ко мне с вопросом, нет ли у меня связей с членами «Исполнительного Комитета» партии «Народной Воли» и не могу ли я помочь одной известной эмигрантке, которая поедет в эту организацию в Петербург.

Эмигрантка, о которой заботились русские эмигранты в Болгарии и Румынии, была Людмила Волкенштейн. Луцкий рассказал мне ее историю и убедил меня помочь ей вернуться в Россию и войти в сношения с тогдашним «Исполнительным Комитетом», вопреки моим настоятельным предупреждениям, что ее предадут и арестуют.

К концу сентября через Плоешти, где я находился два дня в гостях у тов. Герее-Доброджану¹⁾, я вернулся в Петербург. Я сообщил Волкенштейн о своем прибытии, встретился с нею, устроил вхождение ее в «Исполнительный Комитет» и тем невольно содействовал ее провалу. Ибо все случилось так, как я предвидел. Она была предана и арестована. А у меня в связи с этим арестом, произошла вторая встреча с русской полицией. Два или

¹⁾ Кац, Марк Никитич. Входил в состав харьковского револ. кружка. В 1877 г. обманом был увезен из Румынии русским правительством, в 1879 г. бежал из места ссылки (Мезени), морем, через Норвегию. Он поселился в Румынии (в городе Плоешти) под именем «Костик-Доброджану» (или «Герее-Доброджану»), стал известным румынским социалистом и литератором, добывая средства к жизни содержанием буфета на ж.-д. станции.

три дня после ареста Волкенштейн меня вызвали в знаменитое III отделение, т. е. в отделение тайной полиции и доставили к Судейкину ¹⁾, тому самому полицейскому офицеру, который сумел проникнуть в «Исполнительный Комитет» и руководить его деятельностью.

— Знаете ли вы именующую себя Надеждой Ивановной?

— Знаю, это болгарка из города Сливен.

Он ехидно усмехнулся, но потом обратился ко мне с оттенком полицейской строгости в голосе:

— Если вы посмете поддерживать в дальнейшем эту ложь, то я прикажу вас выбросить, как тряпку, за границу из России. Мы знаем положительно, кто она: вовсе она не болгарка. Идите себе и помните, что я вам сказал.

Два дня после того, однако, меня снова позвали к секретарю Судейкина, чтобы снять с меня письменное дознание. Тут я узнал, что называющую себя Надеждой Ивановной заставили держать экзамен по болгарскому языку. В Петербурге имелся тогда один болгарин студент, некий Шопов, который давал уроки детям петербургского градоначальника. Ему поручили разговаривать с арестованной по-болгарски. Та, разумеется, не знала болгарского языка.

Наконец, она признала, что она — Людмила Волкенштейн. Осудили ее на 15 лет каторги, и после 13 лет одиночного заключения она была сослана на поселение на остров Сахалин, где пробыла 8 лет, до 1905 г. Во время революции в этом году она была убита вместе с мужем ее, д-ром Волкенштейном.

Подлое предательство, совершенное членом тогдашнего «Исполнительного Комитета» по отношению к Волкенштейн, оставило у меня неизгладимо горькое воспоминание. Долгое время не мог я слышать слово «Исполнительный Комитет» без глубокого возмущения. Помню, вскоре после возвращения моего в Бол-

¹⁾ Судейкин, Г. П., жандармский подполковник, руководивший политическим розыском. Благодаря попавшемуся в его сети и ставшему провокатором С. П. Дегаеву, Судейкин проник в тайны партии Народной Воли и имел возможность разгромить ее. Дегаев впоследствии покался исполнительному комитету партии, сообщив о своей предательской деятельности. Исполком потребовал от Дегаева организации убийства Судейкина. 16 декабря 1883 г. Судейкин был убит в Петербурге Стародворским, Конашевичем и Дегаевым.

гарию в 1885 г. получил я письмо от тов. Костаки Каца из Румынии, в котором мне предлагалось от имени некоего «Исполнительного комитета социал-революционной партии» организовать тайный провоз революционной литературы через Болгарию в Россию. В ответ на это письмо, я выругал зло и «Исполнительный Комитет» и Костаки за то, что он продолжал верить в некую «социал-революционную партию», и отказался от всякого желания устраивать тайный провоз русской революционной литературы через Болгарию, независимо от того, что это было невозможно без убежденных людей и главное — без больших средств.

2. Возникновение с.-д. группы в Петербурге.

Дело Волкенштейн задержало организацию новой группы после моего возвращения в Петербург осенью 1883 г. Действительно, когда собрались в октябре члены нашей коммуны, то подтвердили, после новых бесед и обсуждения, свое прежнее решение — созвать общее собрание для организации новой революционной группы. Однако, это осуществилось только в начале зимы 1883 г. На собрании присутствовало человек десять ¹⁾. Изложив свои взгляды на необходимость социалистической деятельности среди рабочего класса и указав на несостоятельность народнических и народофильских теорий, я предложил присутствующим основать социал-демократическую группу, которая поставит себе задачей пропаганду социализма среди рабочих Петербурга и объединение их в организации. Последовали некоторые возражения, но, в конце концов, все согласилось с моим предложением, и собрание решило: группа будет устраивать, по крайней мере, раз в неделю очередные заседания, где будут обсуждаться все вопросы, которые возникнут в связи с деятельностью группы; всякий из ее членов будет искать случай для завязывания связей с фабричными рабочими и работницами и в то же время берется

¹⁾ Благоев не называет имен своих товарищей по организации. Известно, что в состав ее основного ядра входили бывшие чернопередельцы П. А. Латышев и В. Е. Благославов, студенты СПб университета — Д. Благоев и В. Г. Харитонов, кандидат университета Н. А. Бородин, студенты-технологи П. П. Шалько, П. П. Арцаулов и А. А. Герасимов, студент Лесного инст. им. В. А. Кугушев и др.

на ряде студенческих собраний за популяризирование с.-д. группы и ее взглядов с целью привлечь к ней новых членов.

Нужно вспомнить, что идея организации рабочих для борьбы за социализм не была совсем новой в России. Еще в 70-х годах в Киеве и Петербурге существовали группы, которые вели социалистическую пропаганду в рабочей среде. Существовала целая рабочая организация, известная под именем «Северный рабочий союз», проявившая свою деятельность, главным образом, в Петербурге (слабее в Москве); и ее делом была в 1876 г. так называемая «Казанская демонстрация», т.-е. митинг на площади перед Казанским собором в Петербурге на Невском проспекте. Однако после этой демонстрации и арестов, происшедших тогда, а также вследствие наступления периода террористических действий, начатая социалистическая пропаганда и агитация заглохла. До конца 70-х годов в Петербурге народовольцы вели пропаганду среди рабочих с единственной целью привлечь наиболее способных и деятельных из них к террористической деятельности, и вместе с террором окончательно погребло и рабочее движение. Причина этого заключалась в том, что социалистическая пропаганда среди рабочих в 70-х годах носила народнический и бунтовщический характер; кроме того, общие условия русской жизни не благоприятствовали развитию революционного движения в то время. Но в 1883 г., 84 и 85 годах, когда зародилась и продолжала действовать наша социал-демократическая группа в Петербурге, условия были иные. Экономическое и социальное развитие России все более определялось, народнические революционные течения в значительной степени потеряли свой престиж, а методы их практической деятельности обанкротились. Вообще, условия благоприятствовали новой социалистической теории, следовательно, и новой социалистической деятельности.

Нет сомнения, что деятельность нашей с.-д. группы являлась продолжением социалистической деятельности в рабочей среде в 70-х годах. Однако, группа внесла нечто совсем новое. Прежде всего, употребление слова социал-демократический обозначало новое содержание революционной деятельности в России, этот термин до того здесь не употреблялся. Но самое существенное, новое, что внесла с.-д. группа, было обоснование социализма, в связи с развитием капитализма в России. В этом смысле наша группа была первой с.-д. группой в России и родилась совсем

самостоятельно и независимо как от существовавших ранее социалистических групп в России, так и от существовавших в то время, т.е. во время ее возникновения, заграничных групп, какой была группа «Освобождение Труда» Плеханова, Аксельрода и др. 1).

На втором заседании нашей с.-д. группы были подняты вопросы о необходимости письменного оглашения с.-д. взглядов между студенчеством и рабочими и выработки с.-д. программы для популяризации ее в этой среде. Однако, группа решила, что последнее не так спешно, пока не установим связи с рабочими; мне поручили выработать проект программы и представить его в одно из ближайших заседаний группы. Относительно первого вопроса — решили немедленно приступить к изданию легучего листка и распространять его между студентами на собраниях. Чтобы издавать такой листок, у нас был только один способ, который был по средствам группы, — гектограф...

Его приготовление было очень просто: растопленная желатиновая масса равномерно разливалась на жестяные тазы; написанное химическими чернилами отпечатывалось на массе и с нее отпечатывалось чисто и отчетливо до ста копий с написанного. Гектограф имел и то удобство, что в случае опасности очень быстро уничтожался и быстро ликвидировались следы «преступной деятельности».

Конец 1883 г. и начало 1884 г. группа употребила на организацию собраний среди студенчества. В начале собрания были малочисленны, но в дальнейшем становились все многочисленнее; некоторые достигали 30 чел. На этих собраниях развивались

1) О Благоеве и о «группе Благоева» («Партия русских социал-демократов») 1883—1887 гг. см. следующую литературу: 1) Н. Сергиевский «Дмитр Благоев в Петербурге» (1880—1885 гг.), статья в журн. «Красная Летопись», № 2/11, 1924 г., Ленинград. 2) Н. Сергиевский «Группа «Освобождение Труда» и марксистские кружки», ст. в «Историко-революционном сборнике» под ред. В. Невского, том II, Гиз, Липр. 1924 г. 3) Б. Николаевский «Программа первого в России с.-д. кружка» (журн. «Былое», 1918 г., № 13, стр. 38 и след.). 4) Статья Д. Кольцова «Восьмидесятые годы» — приложение к А. Тулу «История революционных движений в России». Гиз, Петерб. 1920 г., стр. 255—259. 5) В. Невский «К истории партии русских социал-демократов» («Благоевская группа») (ст. в журнале «Пролет. Революция», 1922 г., № 5). 6) Н. Книпович «Заметка о «группе Благоева» (1885—1887 гг.)» («Прол. Революция», 1922 г., № 5).

социалистические взгляды группы, которая отвечала на все, как называли тогда, «жизненные вопросы» революционного характера, волновавшие студенчество. Само собой разумеется, что кроме этой публичной, так сказать, деятельности, члены группы развивали и единичную пропаганду, распространяли летучие листки с изложением основных с.-д. принципов, которые старались внушить студенчеству, чтобы побудить его к практической с.-д. деятельности среди рабочего класса. Эта деятельность с.-д. группы имела неожиданно большие успехи. Из участников этих собраний позднее вышло много преданных социал-демократов и социал-демократок, некоторые из них были вынуждены эмигрировать в Болгарию и поныне остались верными социализму.

Эти успехи группы в среде студенчества были весьма важны для дальнейшего развития ее дела; однако, она не забывала, что главный объект ее пропаганды составлял рабочий класс. Сюда были направлены усилия группы, и еще при мне в 1884 г. она успела развить достаточно широко свою пропаганду и агитацию.

Первые рабочие, с которыми я познакомился, были двое рабочих, давно работавших на сталелитейном заводе. Они удивили меня своей интеллигентностью. Оба они жили вместе; комната, в которой велась беседа, была скромна, но чиста, и свидетельствовала об известных культурных потребностях ее обитателей. Недолго поговорили о положении рабочих, о причинах такого положения и выходе из него. Первое время они стеснялись говорить, но мало-по-малу разошлись, и мы стали так близки, как будто давно были знакомы. Оказалось, что многие сочинения по рабочему вопросу им известны. Решили почаще встречаться и в следующий раз позвать и некоторых других хорошо знакомых им рабочих.

Из беседы с этими двумя рабочими я выяснил, что работать будет трудно, так как между рабочими было сильно распространено шпионство. Самым печальным было, что многие из рабочих являлись правительственными шпионами, которых правительство вербовало из наиболее некультурных рабочих, обыкновенно из пьяниц. Правда, вследствие такого состава осведомителей при умелом ведении работы среди рабочих, польза от шпионов властям не могла быть большой.

С другой стороны, самый состав рабочего класса тогда являлся существенным затруднением для пропаганды социализма и орга-

низации рабочих. Если исключить металлические заводы, где уже образовался слой настоящих пролетариев, издавна порвавших все связи с прошлым их социальным положением, то на других фабриках и в различных мастерских значительное большинство рабочего класса еще составляли неоформившиеся пролетарии, не оторванные целиком от деревни и ее занятий, с идеологией деревенской и мещанской. Первое время такие рабочие вступали в капиталистическое производство не поодиночке, а артелями, вследствие чего рабочий труд эксплуатировался вдвойне — хозяевами капиталистического предприятия и главарями артели. Само собой разумеется, что культурный уровень таких рабочих был много ниже.

Работа группы среди рабочих все более расширялась. Круг нашей пропаганды и агитации среди рабочих сталелитейного завода становился все шире. Чтобы избежать шпионской слежки, летом нужно было устраивать собрания за городом. Таким образом, было заложено начало организации рабочего союза. В это же время другие товарищи из группы успели завязать связи с рабочими металлических заводов по ту сторону Невы, на Васильевском острове и на Выборгской стороне. Тут группа решила использовать сохранившиеся от прежних времен остатки одного рабочего объединения — кассы взаимопомощи, и, оживив ее деятельность, в дальнейшем через нее создать новую организацию. С другой стороны, группа организовала из молодых рабочих данной местности культурно-просветительный кружок и создала ряд маленьких библиотек из наиболее подходящих для рабочих рассказов и статей, помещенных в старых радикальных журналах.

Эти успехи среди рабочих очень сильно воодушевили группу и у нее, более чем естественно, родилась мысль придать этому делу более общий характер, дать толчок социалистической пропаганде, агитации и организации в рабочей среде не только в Петербурге, но и вообще в России. Мы рассчитывали устроить это только посредством своего печатного органа, своей рабочей газеты; издавать ее было возможно лишь в случае создания своей тайной типографии.

С другой стороны, группа, решившая выпускать свой орган, считала необходимым выступить с единой соц.-дем. программой, которая должна была объединить на первое время всех социа-

листов, согласных со взглядами и деятельностью петербургской с.-д. группы. Исходя из этих соображений, группа решила, как только будет организована типография, приступить к изданию своего органа «Рабочий». Программа же разбиралась в заседании на следующей неделе и после того была отпечатана на гектографе. На следующем собрании я ее прочитал ¹⁾.

Программа имелась, оставалось создать типографию. Последнее было, понятно, очень трудной работой, но благодаря уже налажившимся связям с рабочими-печатниками, преодолели и эти трудности.

Наша типография была мала и примитивна. Одна толстая гладкая дубовая доска с рамкой из того же дерева, размером среднего газетного формата, поверху ее — толстое гладкое сукно, над ним толстая гладкая стеклянная доска в качестве основания, на которую ставились набранные страницы газеты. Газета печаталась при помощи ручного цилиндра. Такова была наша печатная машина. Кроме того, у нас имелась наборная со всякими ее принадлежностями: нужным количеством букв, одной — двумя

¹⁾ Далее Благоев приводит текст программы, которую он в 1885 г. опубликовал в издававшемся им болгарском журнале (он приводит ее и в письме к Кольцову, опубликованному в своей статье, являющейся приложением к книге Туна. См. изд. этой книги 1920 г., Петерб., стр. 257—258.) Но этот текст не идентичен с текстом программы петербургской с.-д. группы, выработанным в 1884 г. и опубликованным В. Николаевским в «Былом» 1918 г., № 13, стр. 43—48. Группа «Освобождение Труда» раскритиковала этот проект, как недостаточно марксистский и просила не опубликовывать его. Благоевцы согласились с этими возражениями, сначала отложили опубликование проекта, а затем и вовсе от него отказались, приняв программу группы «Освоб. Труда». По опубликованным материалам, главными теоретиками «группы Благоева» были бывшие «чернопередельцы» Латышев и Благославов. Программа группы составлена Латышевым, и лишь окончательная ее редакция принадлежит совместно Латышеву и Благоеву. Но Латышев и Благославов скоро выбыли из строя: первый не жил постоянно в Питере и не мог принимать деятельного участия в работе группы, а второй еще летом 1884 г. был выслан в Пензу. Именно Благоев составлял центр группы. Он руководил всей пропагандистской работой, заведывал связями в рабочей среде, принимал деятельное участие в составлении программы, организации типографии группы, и, наконец, в установлении связей с эмиграцией и сношениями с народолюбцами. Он принимал таким образом участие во всех областях деятельности организации, а некоторыми руководил целиком. Поэтому его арест и высылка являлись для группы тяжелой утратой. (Ст. Сергиевского в «Кр. Летописи», № 2/11, 1924 г., стр. 45—46.)

кассами, линейками, досками, верстатками и пр. Типография помещалась в квартире, где мы жили, одна часть пола могла подниматься, мы вырыли под полом пространство, и прятали там всю типографию.

Все это устраивалось зимой 1884 г. К концу зимы наша типография была готова и мы, жившие в общей квартире, принялись учиться набирать и тем временем готовили материал для первого номера «Рабочего».

Помню, что в написанной мною передовой статье этого номера выставлялось утверждение, что рабочие в России должны бороться за конституционное правление, как за ближайшую свою задачу. Мы считали политическую свободу первым, необходимым, условием для борьбы за социалистический переворот. А последний представлялся по Лассалю, т.-е. посредством рабочих обществ, субсидируемых государством. Нет никакого сомнения, что эти взгляды и программа сильно отличались от современных социал-демократических. Они представляли смесь научного социализма и лассальянства, а если хотите и лавризма.

Пока готовили все для типографии, произошло одно событие в нашей группе, которое сильно подняло ее дух. Не помню, где и как, мы получили один экземпляр брошюры Г. Плеханова «Политика и социализм»¹⁾. Независимо от социалистического ее содержания, которым мы намеревались подкрепить наши взгляды, из нее мы узнали, что в Женеве существует группа «Освобождение Труда», членами которой состоят старые социалистические деятели, — Аксельрод, Плеханов и др., известные в России по предыдущей их работе. Для нашей группы, естественно, это было целым событием. Группа тотчас же собралась и после того, как была прочитана брошюра — ее имелся тогда только один экземпляр, — решила сейчас же войти в сношения с Женевской группой и послать ей также программу нашей группы. Но пока нашли адрес, на который отправить письмо и программу, и пока ответила группа «Освобождение Труда», прошло много времени.

Между тем связи с.-д. группы с петербургскими рабочими со дня на день становились все обширнее. Но, насколько увеличивались наши связи, настолько больше становилась и опасность

¹⁾ Благоев имеет в виду брошюру Г. В. Плеханова «Социализм и политическая борьба», выпущенную в Женеве 25/X — 1883 г.

для наших агитаторов быть прослеженными среди рабочих. В конце 1884 г., возвращаясь с одного рабочего собрания на Васильевском острове, я заметил, что за мной следит один господин; он проводил меня почти до квартиры, после чего исчез. Ввиду этого я решил отделиться от коммуны и переехать на другую квартиру; с того времени я начал переодеваться при моем отправлении в заводские районы в различные рабочие, полурбочие и полукрестьянские костюмы. Еще с самого начала я слыл между рабочими под именем Петра Егорова, и наверняка никто из рабочих не знал настоящих моих имени и фамилии. Этой моей предосторожностью объясняется тот факт, что долгое время слежка шпионов за мной оставалась без последствий. А эта слежка становилась все сильнее и грубее, особенно после появления первого номера газеты «Рабочий». Бывали случаи, когда позади меня шпионы бежали, как собаки, по-трое — четверо до общей нашей квартиры, где дожидались моего выхода.

Однажды, помню, нас несколько товарищей сговорилось их оскандалить. Я наскоро снял свою одежду рабочего и облекся в студенческую. Тотчас же появилось трое или четверо шпионов. Увидев, что шпики двинулись вниз по улице, мы направились за ними, и когда приблизились, начали громко кричать: «А, шпионы, сукины дети!». Те ускорили ход, но двое из нас прошли и спрятались за углом улицы, которую пересекала первая, и когда шпионы достигли угла, мы долгое время рассматривали их. Они были очень грубо одеты, с тупыми физиономиями. Мы четверо громко смеялись, отпустив им по русскому ругательству. Они ускорили ход и почти удирали от нас, и нам пришлось их оставить. С того времени мы более не замечали прежней нахальной слежки и, вероятно, следили за нами другие шпики.

Первый номер газеты «Рабочий» мы издали в конце января или в начале февраля 1885 г. ¹⁾ Он был восторженно встречен рабочими и студенческими группами. Его появление было целым событием в революционных кругах Петербурга. Соц.-дем. газета

¹⁾ № 1 «Рабочего» (имевшего подзаголовок: «Газета русских социал-демократов» помечен январем 1885 г., № 2 вышел уже после ареста и высылки Благоева — в июле 1885 г. Третьего номера группой издать не удалось, так как зимой 1885—1886 гг. начались провалы ее членов, и к концу 1887 г. она была окончательно ликвидирована.

и при этом «Рабочий», отпечатана в собственной типографии, — это было для многих нечто неожиданное, совсем новое! Рабочие говорили о газете с гордостью, каждый предлагал свои пожертвования, стремился ее распространять. Насколько помню, из тысячи экземпляров небольшое количество было выделено для провинции. Большое распространение газета нашла среди рабочих и студенческих групп.

Но можете себе представить, какая страшная ненависть появилась к «Рабочему» у полиции! Несколько дней после выхода первого его номера, полицейские, как бешеные, набрасывались его искать у всех рабочих. Постоянные обыски по фабрикам и квартирам рабочих, запугивания, аресты продолжались несколько дней. Но все было напрасно, полиция не могла ничего раскрыть. Воодушевление и поддержка, которые «Рабочий» нашел, главным образом, в рабочей среде, показали, что он удовлетворял необходимую потребность революционной деятельности.

3. Арест и высылка Благоева ¹⁾.

Были последние дни февраля, когда группа поручила мне встретиться с рабочими фабрики, находившейся в юго-западной части Петербурга, так наз. «Обуховском канале», где еще не имелось связей.

Однажды вечером пошел я с одним из членов группы встретиться с рекомендованными рабочими этой фабрики. Встретились с тремя человеками в одном трактире. Познакомились, разговорились, определили, где и когда устроим собрание из знакомых им рабочих, и разошлись. После того как мы отошли от трактира, на несколько шагов, мы заметили, что кто-то

¹⁾ В делах департамента полиции фамилия Благоева упоминается в связи с перехваченным департаментом письмом хозяина так наз. «дерптской» типографии «Народной Воли» — Переляева к организатору рабочей группы партии «Народной Воли», Емельяновой, в котором Переляев, жалуясь на широкое разглашение тайны печатания № 10 «Народной Воли», указывает, как пример такого разглашения, на знание этой тайны «студентом Благоевым, болгаринном, знакомым г-жи Волкенштейн, теперь осужденной». Благоев пытался привлечь брата Людмилы Волкенштейн к организации типографии, причем посвящал Волкенштейна в тайны печатания № 10 газеты «Народная Воля».

В архиве департамента полиции найдено также письмо из Парижа (датированное первыми числами января 1885 г.) на имя Благоева, из коего видно, что Благоев ищет связи с Лавровым и Тихомировым.

за нами следит. Видя это, мы с товарищами решили разойтись и скрыться в различные улицы. Через некоторое время нам показалось, что сыщик исчез, но все же мы разделились и направились каждый в свою квартиру. Оказалось, однако, что меня проследили. Я был в обыкновенной студенческой одежде.

Вернувшись в свою квартиру, я работал поздно ночью, так как готовился держать экзамен на юридическом факультете, куда и перешел в последние два года. Рано утром, на рассвете, когда я крепко спал, кто-то меня ухватил под мышки обеими руками, крича:

— Стой, не шевелись!

Открыв глаза, я увидел над собой огромного роста жандарма, а комната моя была набита полицией. Обыкновенно комнату свою я не запираю, чтобы не вставать и отпирать рано утром, когда вносят самовар. Поэтому я не услышал, когда полицейские проникли в мою комнату. Пока жандарм держал меня, другие рылись под подушкой, под тюфяком и кроватью. Когда они убедились, что у меня нет никакого оружия, приказали мне встать, и, пока я одевался, сидя на кровати, полицейский офицер прочитал мне над головой приказ об аресте, из которого я запомнил только, что именем его величества всероссийского императора и самодержца — я арестован. После того начали обыскивать мою квартиру, прежде всего мои книги.

И поныне не могу забыть невежества, выказанного полицейскими, несмотря на то, что руководитель, кажется, был майором. При разглядывании моих книг ему попалось произведение Туна на немецком языке — «История революционного движения в России». Полицейский офицер развернул книгу и спрашивает меня:

— Что это за книга?

— История России на немецком языке.

Взял он книгу на французском языке: «История французской революции» Луи-Блана, перевернул, пересмотрел ее и, наконец, спрашивает меня:

— А эта книга?

— История Франции.

Подает он мне ее, значит ничего «преступного» нет и в ней, как и в первой. Дошел черед I тома «Капитала» Маркса. Сказал я себе мысленно: пропало, заберут мою книгу, она будет, без сомнения, конфискована. Она на русском языке и полицейский

разберет сам, что это — «преступная», запрещенная книга. Однако, он на ней меньше всего остановился. Прочел заглавие: «Капитал» и только спросил меня быстро:

— Какой это капитал?

— Значит, — говорю ему, — политическая экономия, учебник для изучения экономических вопросов.

— Хо, хо, нужно изучать экономические вопросы, — и он мне ее отдал.

Я был поражен невежеством полицейского офицера, но внутренне был необычайно обрадован, что и «Капитал» не будет забран.

Наконец, обыск закончился, ничего «преступного» не найдено. Я собрал наиболее нужные книги в один чемодан, а другие положил на стол, попросив хозяина моей квартиры выслать чемодан и все книги прежней моей хозяйке, с тем, чтобы она отправила мне их в Болгарию; позднее я действительно получил их. Меня посадили в закрытую карету и повезли в тюрьму — большое, массивное и высокое здание, называвшееся, кажется, «Литовский замок» или иначе, хорошо не помню.

Камера, в которую меня заперли, была для одного человека; там была прикованная к стене и полу железная кровать с соломенным тюфяком, она была постлана толстым полотном и поверх — одеялом. В камере, кроме столика и кровати, ничего не было. Единственное окошечко было под самым потолком; в двери было устроено отверстие, через него в ночное время камера освещалась лучами коридорной лампы. Позднее, впрочем, после протеста и настояний дали мне лампу в камеру.

Как только я вошел в камеру, за мною заперли дверь. Но не прошло четверти часа, как из соседней камеры получил я по стене телеграмму. Телеграфировали мне постукиванием в стену, один раз на букву а, два раза на букву б и т. д. Сосед мой спрашивал, кто я и по какому делу арестован. Ответил ему — кто я и что не знаю еще, в чем меня обвиняют. Только окончил я телеграмму, как отперлась дверь моей камеры и влетел зашыхавшийся полицейский, который решительно произнес:

— Нельзя, барин... не дозволено сноситься со своим соседом... никакие знаки не дозволяются... И ушел. Немного спустя я услышал горячий спор в соседней камере. Больше перестукивания не повторялось. Как я узнал позднее, соседа моего пере-

местили в другую камеру. Сначала меня держали очень строго: никаких сношений с внешним миром, никаких книг и газет мне не давали, не давали мне и курить. Так продолжалось около двух недель. Обвиняли меня в 'распространении между рабочими преступных идей и в соучастии в тайном сообществе, издававшем газету «Рабочий». Понятно, что я отрицал и то, и другое самым категорическим образом. Иначе и самое незначительное, самое отдаленное и окольное признание могло бы повлечь раскрытие целой организации. Несколько раз меня водили на допрос, но я упорнейше утверждал одно и то же: ничего не знаю, первый раз слышу о том, в чем меня обвиняют. Выпытывали, зачем я ходил в некий трактир и зачем встречался там с рабочими. Отрицал, что ходил, утверждая, что те, которые донесли полиции об этом, приняли меня за другого. Разобравшись в следствии, я узнал, что абсолютно никаких улик в моем участии в тайном обществе «Рабочий», в нашей организации и в распространении преступных идей», не имеется. После долгой следственной канители, меня сфотографировали и оставили в покое. Этот покой в сущности был долгой пыткой.

Первые две недели, как я отмечал, мне строго воспрещалось получать какие бы то ни было газеты, журналы и книги. При этом мне не позволяли курить, что я очень сильно чувствовал, не будучи ничем занят. Положение мое было бы невыносимо, если бы мне не пришла на помощь случайность. В этаже, в котором находилась моя камера, прислуживал старый солдат-ветеран, вероятно, времен Николая I. Однажды он меня спросил о чем-то, я воспользовался случаем и вступил в разговор с ним, и заключил, что он не плохо расположен к «политическим преступникам». Я спросил его, не может ли он купить мне газет и табаку.

— Строго воспрещено, барин, но для вас я попробую, только остерегайтесь, чтобы не увидели эти «иуды», т.-е. полицейские.

Благодаря этому старику, я мог избавиться от тяжелого положения, в которое был поставлен первое время заключения. Через две недели, впрочем, мое положение до некоторой степени изменилось. Мне позволили получать газеты, журналы и книги, а также и курить. Товарищи мне посылали все то, что пропускали власти, и деньги; при помощи особенных пометок в книгах и журналах, мы регулярно сносились и я знал все,

что касалось нашей организации. По такому способу узнал в заключении, что наша группа получила письмо от группы «Освобождение Труда» и установились между ними сношения, а также, что революционная работа продолжалась хорошо и ничего не тронуто, а арестованные за газету «Рабочий» рабочие были освобождены. Однако, в течение всего времени никаких свиданий со мной не допускали. Часто мне становилось необычайно тяжело и страшно хотелось видеть внешний мир. В такие минуты я подымался на стол, а оттуда — на окошко, где подолгу сидел и глядел на движущихся по улице людей, которые напоминали карликов.

Не знаю почему, я был уверен, что самое меньшее — я буду послан на несколько лет куда-нибудь в Сибирь. Однако, после пятимесячного заключения в тюрьме однажды меня вызвали в канцелярию тюрьмы, где полицейский офицер прочитал мне новый царский указ, в котором говорилось, что я высылаюсь из России с запрещением в'езда в пределы российской империи, и спросил меня после этого:

— На какую границу вы предпочитаете быть высланным?

Ответил, что хочу, чтобы меня выслали в Болгарию через Константинополь. На другой день я должен был отправиться «этапным порядком» в Болгарию ¹⁾.

Нужно прибавить, что в мое время не существовало закона об иностранных подданных, обвиняемых в политических преступлениях, по которому такие политические наказывались русским судом, отбывали свое наказание в России и после отбытия наказания высылались.

Этапное путешествие в России — науморительная и неприятнейшая вещь. Этапным путешествием называется путешествие из тюрьмы в тюрьму, по направлению к конечному пункту путешествия. Где нет железных дорог или речных пароходных сообщений, путешествие производится пешком и на телеге. Я поехал по железной дороге по маршруту — Петербург — Москва — Курск — Киев — Одесса. Утром на другой день после того, как тронулись, поезд прибыл в Москву, где я был отправлен в тюрьму, при входе в которую я встретил группу политиче-

¹⁾ Постановление министра Толстого о высылке Благоева состоялось 9 марта (25 февраля) 1885 г., выслан он был в марте того же года.

ских заключенных, которых, также, вероятно, куда-то везли по этапу. Когда мы встретились, со всех сторон обращались ко мне:

— Откуда вас везут?

— Из Петербурга, — и мы разошлись.

Камера, в которую меня поместили, была темная, влажная и грязная. Стены ее были испещрены всевозможными надписями с именами ее прежних обитателей, путешествовавших по этапу, и всевозможными революционными и другими изречениями. Как только вошел я в камеру, кто-то тотчас же начал мне стучать, но сразу остановился, а спустя некоторое время меня переместили в другую, соседнюю камеру. К счастью, я не ночевал в Москве. В тот же день вечером меня отправили в Курск, куда прибыл ночью и попал в тюрьму, перед которой московские были раем. Грязь невероятная! Ночь до рассвета провел стоя и без сна. Утром поднялась кутерьма, явился некий жалкий полицейский пристав, который меня утешил тем, что скоро я буду отправлен далее. И действительно, меня отправили в Киев. В этот город прибыл днем, и в тюрьме мне дали приличную камеру, где я мог отдохнуть. Но тут другая история. Перед отъездом из Петербурга, товарищи мне послали около 50 рублей. Полицейский офицер, после чтения указа о моей высылке, сообщил мне, что я имею в своем распоряжении эти деньги, из коих мне будет выдаваться по одному рублю в день, а остальное мне будет передано на границе. До Киева каждый день мне выдавалось по одному рублю, как это полагалось всем арестантам — дворянам. Но, когда в Киеве я просил стражника принести мне рубль, тот вернулся ни с чем. Спрашиваю его: почему? — «Сейчас», — говорит, — «придет староста». Оказалось, что речь была о том, давать ли мне следуемый рубль в день, как дворянину, или 50 копеек, как мещанину. Зная, что я болгарин, киевские полицейские нашли, что, так как в Болгарии нет дворян, мне не полагается рубля. Староста пришел в камеру и спрашивает:

— Вы, ведь, болгарин?

— Да!

— А что у вас, в Болгарии, разве есть дворяне?

Я ему сказал, что у нас все дворяне, так как в Болгарии все имеют свою землю и двор и являются независимыми хозяевами.

Тот на меня лукаво посмотрел и вышел. Немного спустя мне принесли рубль. Кто знает, может быть — думала киевская полиция — особенная страна эта Болгария, все являются дворянами! Возможно, что у них имелись и высшие политические соображения при разрешении этого «болгарского вопроса». Во всяком случае, в Киевской тюрьме, где я переночевал, провел я время хорошо. На другой день был отправлен в Одессу, где меня поместили в новую тюрьму, близко от пристани. Тут меня не задержали, к 6 часам вечера меня посадили на пароход в Константинополь, отдали паспорт и оставшиеся деньги, и на другой день я рано прибыл в Константинополь.

Но тут случилась неудача. Паспорт мой требовалось заверить в турецком консульстве в Одессе. Когда я его подал чиновнику, который принимал паспорта, он спросил меня, почему он не отмечен, т. е. не визирован? Я объяснил ему. Он удалился сердито, указав мне на комнату для ожидания. Она была полна всевозможными людьми. Я сел в угол и задумался. В это время приблизился ко мне один еврей и спросил меня по-турецки, кто я. «Болгарин», — сказал я ему. Тот обратился по-болгарски: «Имеешь ли каких-нибудь родных тут?» — «Имею брата, — сказал я ему, — живее поезжай туда-то». «Подожди, — сказал он, — сейчас его приведу, иначе дело не пойдет. И ушел. Спустя немного приходит и мой брат, который пошел к чиновнику, опустил ему в руку несколько звонких меджидие (серебряная турецкая монета в 20 грошей), т. е. на наши деньги 6 серебряных левов, и мой арест закончился.

Из Константинополя я отправился прямо в Софию.

Д. Благоев.

На втором съезде партии

(Записки старого большевика).

О том, что мне придется ехать за границу на 2-й съезд партии, я узнал в середине апреля. Это сообщение было для меня несколько неожиданным. Поездка за границу меня не смущала, так как я уже бывал там и мог ехать совершенно легально; но поездка на съезд партии в качестве делегата меня весьма смущала. О своих колебаниях я сообщил Елене Дмитриевне Стасовой — секретарю Петербургского комитета, но она объяснила мне, что на съезд необходимо послать рабочих, особенно от Петербурга. Моя же кандидатура, как члена комитета, в то же время работавшего на заводе и являвшегося организатором такого крупного района, как Выборгский — самая подходящая. Я не стал спорить.

На ближайшем заседании комитета, на котором присутствовали: Е. Д. Стасова, М. М. Эссен («Зверь»), А. А. Дивильковский, Л. М. Бархатова («Ольга Николаевна»), В. С. Лавров, Горев-Гольдман («Адель») и еще кто-то, не помню, — обсуждался вопрос о посылке делегатов на съезд. В то время в Петербурге работали три подпольных соц.-дем. организации, и все три претендовали на посылку своих делегатов. Две из этих организаций называли себя «Российской Социал-Демократической Рабочей Партией» и обе имели свой «Петербургский Комитет». В чем состояли тогда принципиальные разногласия между этими двумя организациями, сейчас не помню, но знаю, что наша организация имела связи почти со всеми заводами; литература, особенно листки, распространялась среди широких рабочих масс исключительно нашей организацией; у другой организации связей среди рабочих совсем не было; имелись лишь кое-какие связи среди студенчества.

Третья организация не имела своего «Комитета» и называлась «Петербургская Группа Русских Социал-Демократов». Это

была группа «рабочедельцев», возглавляемая Акимовым-Махновым и Мартыновым.

Так как все три организации, как я уже говорил, требовали себе мандата на съезд, а согласно постановления «Организационного Комитета», созданного специально для подготовки и созыва съезда, решено было дать Петербургу только два мандата, то для решения спора несколько раз приезжали члены ОК. После долгих обсуждений, споров и обследований ОК решил дать нашей организации два мандата, условно, оба с решающим голосом и один мандат, также с решающим голосом — «Петербургской Группе».

После этого решения ОК и было заседание нашего Петербургского комитета, на котором мы обсуждали кандидатуры делегатов. Моя кандидатура, как рабочего, да еще работавшего на заводе, не вызывала никаких возражений и была утверждена без прений. Что же касается второй — то тут возникли продолжительные дебаты. Как наиболее подходящим кандидатом на съезд была выдвинута Ел. Дм. Стасова. Эта кандидатура сначала также не вызывала никаких возражений. Но когда возник вопрос о замене секретаря, то тут все в один голос заявили, что Елену Дмитриевну заменить в данный момент нечем. И действительно, только благодаря ее энергии, ее колоссальным связям во всех слоях Питера, умению подбирать людей, мы были обязаны тому размаху, сплоченности и твердости, какую проявил в это время искровский Петербургский комитет РСДРП.

Произведенные незадолго до этого значительные аресты среди нашей организации требовали напряжения всех сил для продолжения борьбы и сплочения организации, поэтому, в конце концов, решили из членов комитета, кроме меня, больше никого не посылать, а дать второй мандат члену ОК Гореву-Гольдману, присутствовавшему на заседании. На этом и разошлись.

Созыв съезда начался к концу лета. Но так как я еще на заседании комитета заявил о своей неподготовленности к такому ответственному делу, а кроме того, надвигалось 1 мая, когда обычно усиливались аресты, то Петербургский комитет совместно с представителями ОК решил послать меня за границу немедленно с тем, чтобы я там на свободе занялся чтением революционной литературы, познакомился и побеседовал с руководителями партии, ознакомился бы с положением дел нашей партии, а кроме того был бы застрахован от первомайских арестов.

Работал я в это время на чугунно-литейном и механическом заводе Людвиг Нобель на Выборгской стороне. Чтобы получить расчет, необходимо было предупредить контору за две недели вперед, что я и сделал. Было решено, что я перееду границу легально, так как мне, как финляндскому уроженцу, легко было достать легальный заграничный паспорт.

Продолжая работать на заводе, я вместе с тем хлопотал о паспорте, для чего мне пришлось бегать в полицию и в финляндскую паспортную экспедицию. Самый паспорт нужно было получить в г. Выборге, куда я решил ехать, когда получу расчет. Кроме того, нужно было заканчивать подготовку к 1 мая, подготовить себе заместителя — организатора и выполнить ряд других дел, связанных с подпольной работой. Жил я тогда с матерью и с калеккой братом на Выборгской набережной. Брат не работал, а мать вела наше домашнее хозяйство, жили на мой заработок. Нужно было обеспечить мать, пока я буду жить за границей. Елена Дмитриевна достала мне 100 рублей, что вместе с моим жалованьем, которое я получил при расчете, должно было ей хватить месяца на три.

Перед отъездом я виделся с «Адель», с которым мы долго гуляли сначала по набережной Невки вдоль Ботанического Сада, а потом в саду. Там он меня подробно информировал, как надо ехать, дал явку в Женеву к А. Н. Потресову-Староверу, снабдил паролем, дал денег на дорогу, и мы с ним распрощались, чтобы встретиться в Женеве.

После этого мне нужно было зайти в полицейский участок на Сампсониевском проспекте за какой-то справкой. Когда я сидел там в коридоре вместе с другими посетителями, вбегает запыхавшийся городской и, не обращая внимания на посторонних, тут же, в коридоре, докладывает остановившемуся околоточному, что рабочие фабрики Воронина прекратили не в урочное время работы и выходят из ворот с криками и пением. Это сообщение было неожиданным не только для полиции, но и для меня, районного организатора. Едва получив необходимую мне справку, я чуть не бегом бросился из участка разыскивать тов. Изотова, по кличке «Мужик», работавшего у Воронина и бывшего на этой фабрике организатором. Разыскав Изотова, узнал от него, что ему не удалось удержать рабочих от выступления, и теперь надо срочно созвать собрание кружка. К вечеру собрался кружок;

что мы на нем решили, сейчас не помню. Было это за несколько дней до 1 мая.

По моему предложению заместителем моим в качестве организатора района Петербургский комитет назначил покойного ныне Ник. Ник. Юникова, работавшего слесарем на одном из заводов Выборгского района. Покончив со всеми делами, я накануне 1 мая с маленьким узелком подмышкой уехал сначала в Выборг, где получил в тот же день паспорт, и отправился с ним за границу. О том, куда и зачем я еду, я никому, кроме матери, не сказал, — что было, как выяснилось по возвращении со съезда, весьма целесообразно.

В Гельсингфорсе купил билет до Любека, сел без всяких препятствий на пароход и через два дня благополучно высадился в Любеке. По железной дороге доехал до Гамбурга, где переночевал, и купил билет до Женевы. На вокзале со мной случилась маленькая неприятность. Стоя у входа на перрон, где проверяют билеты, я, посмотрев на часы, заметил, что до отхода остается всего три минуты. Показываю свой билет контролеру, а он машет головой и не пускает на перрон. Когда же я заметил, что поезд трогается (он стоял как раз против открытой двери), я оттолкнул контролера, бросился к отходящему поезду и вскочил в один из вагонов. Когда я оглянулся назад, то там что-то кричали, указывая на меня. Проверявший билеты кондуктор, посмотрев на мой билет, начал мне что-то говорить, но я его не понял. На одной из больших станций ко мне подходят двое в мундирах и предлагают выйти. Я начинаю протестовать, но они, не обращая на меня внимания, берут мой чемоданчик, купленный в Гельсингфорсе, и уносят его из вагона. Я, конечно, пошел за ними, решив, что арестован. Проведя меня через какой-то мост над полотном дороги, они привели меня на другой перрон и велели тут стоять, положив рядом со мной мой чемоданчик.

Немного погодя подходит поезд, а через минуту ко мне подбегает человек в форме, берет чемодан, идет в вагон и приглашает меня за собой. Там он кладет мой чемоданчик на полочку и, показывая мне свободное место, улыбается, хлопает меня по плечу и говорит: «Нах Генф гут»¹⁾, показывая рукою по направлению поезда. Тут только я сообразил, что у меня не хватило терпения

¹⁾ В Женеву хорошо.

подождать три минуты, чтобы сесть в поезд, идущий на Женеву. В Германии я был первый раз (до этого я бывал в Англии, Италии и во Франции), и такая точность и организованность меня поразили.

Дальше ехал без каких-либо приключений и прибыл в Женеву рано утром. Показывая время от времени прохожим клочок бумаги, на котором был написан адрес А. Н. Потресова, я довольно легко нашел его квартиру. Отворил мне дверь, как я потом узнал, сам А. Н. Потресов. Показав ему клочок бумаги, на котором был написан его адрес, я произнес условленный пароль. Потресов очень обрадовался моему приезду, ибо я был, если не ошибаюсь, первым приехавшим на съезд делегатом. Он распорядился, чтобы мне дали помыться, почистить платье, запыхлившееся с дороги, и всячески выражал радость по случаю моего приезда. Когда мы сели за чай, он не стал сразу расспрашивать, как я ожидал, про Питер, про знакомых, а только о том, как я доехал, здоров ли и пр., говоря, что эти вопросы он откладывает до прихода Ю. О. Мартова, за которым он уже послал.

Через несколько минут пришел Мартов, и меня засыпали вопросами. Обоих чрезвычайно радовали мои рассказы о развитии рабочего движения, о котором они, конечно, знали в общих чертах. Но их интересовала каждая мелочь из жизни подпольной организации, особенно заводской. Оказались у нас и общие знакомые, с которыми я расстался всего с неделю назад. Опять вопросы: как живут, не грозит ли им арест, здоровы ли, что наказывали и пр. и тому подобное.

Оба они мне очень понравились; точно большие добрые дети радовались они всякому нашему даже маленькому успеху, удивлялись, что я проработал год в качестве организатора района и не провалился. Потом я часто встречался с ними, особенно с Мартовым, много нашел в них отрицательных черт, особенно во время съезда, но первая с ними встреча и почти двухчасовая задушевная беседа навсегда врезались мне в память.

Зная обоих, особенно Мартова, по нелегальной литературе, я смотрел тогда на них, как на людей особенных, тем более, что, несмотря на то, что участвовал больше трех лет в революционном движении, я до этой встречи ни разу не беседовал по душам с такими знаменитыми литераторами, да еще революционерами. Помню, как поразил меня тогда внешний вид Мартова.

В то время, как Потресов — широкоплечий, с легким румянцем на щеках, с тщательно подстриженной бородой, в хорошем costume, выглядел настоящим европейцем, Мартов был похож на бедствующего российского интеллигента. Лицо его было бледное, с ввалившимися щеками, жидкая борода всклокочена, на носу едва держалось пенсне, костюм сидел точно на вешалке, из всех карманов торчали газеты, брошюры, рукописи и т. п. Ходил он как-то сгорбившись, одно плечо выше другого, и вдобавок еще выкачался. Внешне фигура неприглядная. Но когда с ним беседуешь или слушаешь его речь, все эти внешние недостатки как-то исчезают, остается только колоссальное знание, острый ум и фанатическая преданность делу рабочего класса. Таким остался у меня в памяти Ю. О. Мартов, таким он был в 1903 году. Как жаль, что такой большой ум отошел затем от рабочего класса, а в решительный момент, когда рабочий класс осуществил то, к чему он его призывал в начале своей революционной деятельности, он начал борьбу против этого класса.

В этот же день было назначено собрание «искровцев», на котором должны были присутствовать все руководители партии. Мартов и Потресов предложили мне пойти с ними на это собрание, на что я, конечно, с радостью согласился. Наговорившись досыта, мы распростились с Мартовым (он куда-то спешил), остались вдвоем с Потресовым. Тут уж я перешел на вопросы, а он мне отвечал. Побеседовав вдвоем около часу, мы пошли на собрание. Шел я на это собрание, где, как мне сказал Потресов, я увижу Плеханова, Ленина, Засулич и др., с бьющимся сердцем и в несколько торжественном настроении. После недолгой ходьбы по женеvским улицам, где Потресов часто кланялся с знакомыми встречными, мы вошли в небольшую обставленную книгами комнату, где нас очень любезно встретил профессорского вида седой человек. Потресов меня представил ему, но я не расслышал его фамилии, да и не интересовался, так как полагал, что это один из сочувствующих либералов, который предоставлял свою квартиру для собрания революционеров. Я с волнением ожидал прихода Плеханова, Ленина, Аксельрода, Веры Засулич и др. руководителей партии.

Через несколько минут пришел Мартов, а вслед за ним Г. В. Плеханов, которого я сразу узнал по виденным мною его портретам. Он очень радушно со мной поздоровался, спросил,

как я доехал. Я пожал его руку с каким-то благоговением, и когда он сел с краю большого стола, стоявшего по середине комнаты, я, не отрывая от него глаз, смотрел на него, в каком-то телячьем восторге. Не верилось, что я сижу в одной комнате с Плехановым о котором я так много слышал и читал. Он сидел рядом с Мартовым и, показывая ему какие-то исписанные листки бумаги, тихо, но с горячностью, что-то ему начал говорить. Минуты через три пришли две женщины в сопровождении человека с большой лысиной и, едва со мной поздоровавшись, уехали в противоположном от меня конце комнаты и стали тихо между собой разговаривать. Об одной из них, с седыми волосами, весьма небрежно одетой, я спросил тихо на ухо у Потресова, кто это. Он также тихо сообщил, что это Вера Ивановна Засулич. Совсем не такой ожидал я увидеть героиню, стрелявшую в 1878 году в царского сатрапа Трепова. Она, просидев с минуту рядом с пришедшей с нею вместе женщиной, как-то порывисто встала, подбежала к Плеханову, что-то шепнула на ухо ему, тот засмеялся; потом подошла к Мартову, взяла у него папироску, закурила и села рядом со мной. Весело поглядывая на меня, стала меня расспрашивать, как я доехал, как себя чувствую, как поживает Елена Дмитриевна и т. п. Я чувствовал себя с нею хорошо, но отвечал невпопад, так как все мое внимание было обращено на присутствующих и приходящих. После Засулич вошли еще двое или трое, которым меня также представил Потресов, но фамилии которых я не разобрал. Потресов объявил заседание открытым. Что это было за собрание, я так и не знал; я с нетерпением ждал прихода Ленина, Аксельрода, Дейча. О чем говорили, совершенно не помню. Помню только, что собрание проходило спокойно, говорил больше всех Плеханов, а за ним Мартов. Собрание продолжалось не больше часа. Пришедшая с лысым человеком женщина записала постановление, и потом все быстро, не прощаясь, разошлись. Я остался один с седым хозяином квартиры. Показывая ему на большой портрет, висевший у него на стене, я спросил, кто это. — Это Кравчинский, ответил он мне.

Я с восхищением начал вспоминать об его замечательном террористическом акте в 1878 году, произведенном среди белого дня в центре города — убийстве шефа жандармов Мезенцева. Это мое восхищение Кравчинским понравилось старику (он уже тогда был старик в моих глазах).

— Это мой лучший друг! — воскликнул он.

— А меня вы знаете? — спросил он меня.

— Нет, не знаю.

— Я — Дейч, — сказал он, мягко улыбаясь.

Это было так неожиданно, я так оторопел, обрадовался, что бросился его обнимать и крепко, крепко расцеловал его.

Кто тогда из нас, молодых революционеров, не восторгался героями «Народной Воли»? Кто не читал тогда прекрасных рассказов Кравчинского-Степняка — «Домик на Волге», «Штундист Павел Руденко» и пр.? Мы захлебываясь зачитывались рассказами Л. Дейча об его побегах из тюрем. Неудивительно, что я пришел в такой восторг, когда увидел лично одного из героев, так смело совершившего побег из Киевской тюрьмы вместе с Фроленко и Кохановским.

Когда Лев Григорьевич немного успокоился от моих неожиданных для него выражений восторга, мы уселись с ним за стол и долго беседовали на различные темы. Он очень подробно расспрашивал меня о подпольной работе в Петербурге, рассказали много интересного о жизни за границей. Перед тем, как пойти на квартиру, которую мне уже подыскали где-то за городом, я стал расспрашивать его о присутствовавших только что на собрании, признавшись, что почти половины фамилий я не слышал, когда мне их рекомендовали.

Человек с рыжеватой бородкой, с большой лысиной, пришедший с Засулич, просидевший в углу во все время собрания молча, был Ленин, а пришедшая с ним женщина — Надежда Константиновна Крупская. Только тут я вспомнил, что иногда Плеханов и Мартов обращались к нему как бы за подтверждением своих мыслей, и он изредка в знак согласия кивал головой.

Был ли Ленин в тот день, как говорится, не в духе, или вопросы, обсуждавшиеся на этом собрании, были предварительно согласованы, не знаю, но он вспоминается мне при этой встрече молчаливым и немного суровым.

Из других присутствовавших Дейч назвал мне Троцкого, недавно, сравнительно, бежавшего из Сибири, рекомендовав его, как очень талантливого молодого человека. Был ли на этом собрании Аксельрод — не помню, повидимому не был, иначе у меня осталась бы в памяти встреча с таким тогда известным для нас революционером. Фамилий остальных присутствовавших совсем

не помню. Поселили меня где-то недалеко за городом вместе с Троцким, провел меня туда сам Дейч. Это была большая комната во втором этаже загородной дачи. Комната была перестроена недоходившей до потолка деревянной перегородкой. Большую часть комнаты занимал Троцкий, меньшую я. Несмотря на то, что Троцкий недавно приехал из Парижа, комната его была обставлена большим количеством книг. Он очень усердно читал и много писал. Когда немного времени спустя приехали из России двое рабочих — делегаты на съезд, один из них был из Тулы, Сергей Иванович Степанов, по кличке «Браун»¹⁾, а другой «Андрей» (фамилии его до сих пор не знаю) из Киева. Троцкий стал у себя в комнате заниматься с нами, как теперь говорят, «политграмотой». Он с большим увлечением разъяснял нам имеющиеся разногласия между «Бундом», «рабочедельцами», «Борьбой» и «искровцами». Особенно увлекательно разоблачал он «социалистов-революционеров». Чуть ли не ежедневно по вечерам приходили мы втроем в комнату Троцкого и слушали его блестящие лекции по всем интересовавшим и волновавшим нас вопросам.

Делегаты на съезд понемногу съезжались. Приехал ростовский делегат, Сергей Иванович Гусев, с которым мы с первой же встречи очень подружились. Это был не только хороший революционер, едва избежавший виселицы после знаменитых стачек в Ростове-на-Дону в 1902 году, где впервые в России комитет нашей партии собирал митинги, доходившие до нескольких тысяч человек, но он был еще и прекрасный жизнерадостный товарищ. Он был всегда в курсе всех совещаний и решений наших руководителей и всегда информировал нас рабочих-делегатов об этих решениях. С ним мы иногда совершали большие прогулки в окрестностях Женевы, где вдали от чопорных женевских мешаев распевали удалые русские песни, при чем запевалой всегда был Сергей Иванович.

Незадолго до моего приезда в Женеву туда приехали и другие организаторы и участники ростовских стачек, за которыми, как за героями, стаями следовали русские курсистки и студентки, проживавшие в Женеве. Среди них выделялся Ив. Ив. Ставский, бывший душой ростовских стачек, вместе с ним приехал

¹⁾ Сейчас председатель тульского губисполкома.

«Афанасий» — Мочалов, описавший тогда довольно подробно историю этих событий, и третий, приехавший с ними — «Зека» — Михайлов, впоследствии оказавшийся злостным провокатором. Из конспиративных соображений нам, делегатам, было предложено воздержаться от знакомства с ними, как и вообще с проживающими в Женеве эмигрантами, за исключением очень узкого круга товарищей, которых нам рекомендовал Ленин, Троцкий или кто-либо из редакции «Искры».

Мы, рабочие-делегаты, жили как-то обособленно от остальных приехавших делегатов, хотя и присутствовали почти на всех совещаниях делегатов, которые устраивались чуть ли не ежедневно. Смутно помню сущность споров на этих совещаниях, помню только, что споры иногда бывали весьма горячие.

Если на первом собрании, где я встретился с Лениным, он молчал, то в следующих собраниях этого сказать нельзя. [Не помню хорошо, о чем шел спор на следующем собрании, где я впервые слушал Ленина, но очень хорошо помню, что после первых же речей я был всецело на его стороне; так просто, ясно и убедительно он говорил.

Когда говорил Плеханов, я наслаждался красотой его речи, удивительно меткими остротами, но если с ним спорил Ленин, я всегда был на стороне Ленина. Почему, право, не могу объяснить, но так было и не только со мною, но и со Степановым и с «Андреем».

Когда мы втроем после таких собраний собирались у меня или у «Андрея», мы каждый раз восхищались практическим чутьем Ленина, его знанием и каким-то особенным умением излагать свои мысли.

Иногда Ленин, после совещания, предлагал нам пройтись с ним и побеседовать по душам. После этих бесед мы уходили еще более очарованными, хотя в этих беседах он ни разу не навязывал нам своих взглядов, не ругал инакомыслящих. Он очень ясно, как-то по-товарищески, говорил, что он думает по данному вопросу. По мере того, как подъезжали делегаты, стали чаще устраиваться и собрания делегатов, иногда и без участия членов редакции «Искры», при чем нас, рабочих-делегатов, приглашали на все совещания, чему мы были очень рады, так как хотели добросовестно разобраться во всех малейших разногласиях и оттенках между делегатами. Очень хорошо помню споры, которые разгорались вокруг вопроса о популярном органе, т. е. нужен

или не нужен популярный нелегальный орган нашей партии в настоящий момент. Дело в том, что группа Екатеринославских товарищей в это время издавала на юге популярную газету — журнал «Южный Рабочий». Мне ее приходилось читать еще в Петербурге, и, должен признаться, она мне нравилась, так как излагала те же мысли, что и в «Искре», языком понятным для широких масс рабочих, в то время как чтение «Искры» требовало некоторой подготовки. Так мне казалось. Но когда возник спор между Лениным и Плехановым о целесообразности издания двух органов, и Ленин со всей присущей ему решительностью и настойчивостью стал доказывать бесполезность в данный момент параллельного, хотя бы и популярного органа, я захотел подробнее выслушать обе стороны.

По одному только этому спорному вопросу было устроено несколько собраний и довольно бурных. Аргументы у той и другой стороны были убедительны, и нам, рабочим-делегатам, трудно было на первых порах стать на ту или другую сторону, так как «Южный Рабочий» нам нравился своим популярным изложением задач партии, а с другой стороны, мы в душе чувствовали, что два центральных органа, один за границей, другой в России, могут создать, пожалуй, осложнения. Окончательно убедил нас в бесполезности параллельного, хотя бы и популярного органа, Троцкий. На одном довольно многочисленном собрании он произнес такую прекрасную, такую убедительную речь о вреде популярных газет, доказывая, что популярно можно излагать сложные политические вопросы, особенно вопросы тактики, только в специальных брошюрах, а в газетных статьях популярно не изложишь и пр., что мы тут же решили настаивать на закрытии этого «вредного» органа. Умел Троцкий уже тогда хорошо говорить!

На одном из наших собраний меня познакомили с Павлом Борисовичем Аксельродом. Он сразу завоевал мое сердце своим милым, каким-то отеческим обращением. Он подолгу беседовал с нами, то вместе, то с каждым из нас в отдельности. Он очень радовался, когда мы ему говорили, что его брошюры рабочими зачитываются до дыр, что одними из первых прочитанных нами нелегальных брошюр, укрепивших нас для борьбы за социализм, были его брошюры. Мы очень с ним подружились и подолгу беседовали на всевозможные темы. Можно было ожидать тогда,

что этот прекрасный, умный, преданный рабочему классу человек через 20 лет будет в рядах его злейших врагов, будет бороться против того самого рабочего, которого он с таким тогда успехом учил бороться против гнета и угнетателей и который с таким успехом осуществил то, чему учил его тогда этот ныне предавший его учитель!

Однажды, не помню по какому случаю, я был приглашен «на чашку чая» на квартиру Георгия Валентиновича Плеханова.

В частной жизни Плеханов, как мне рассказывали, жил обособленно от остальной эмигрантской публики, и приглашения с его стороны кого-либо к себе на квартиру были чрезвычайно редки. Чем я заслужил такую честь, не знаю. Были на этом вечере, помню, Мартов, Засулич, Дейч, Потресов; был ли Ленин, не помню. Хозяин, повидимому, был не в духе, так как разговор не клеился. Чувствовал я себя среди них на этот раз как-то неловко, не знал, куда руки девать. Подавляла ли богатая обстановка и присутствие взрослых дочерей-барышень, не умевших, как передавали, говорить по-русски (они с матерью при мне разговаривали только по-французски), или что другое, но чувствовал я себя на этом вечере весьма не по себе. К счастью, «визит» мой продолжался недолго, и я с облегчением вздохнул, выйдя на улицу.

Зато как хорошо я чувствовал себя у Ильичей. Простая пролетарская обстановка, душевный прием, дружеская беседа за стаканом чая, а затем иногда маленькая прогулка за город. Но эти посещения Ленина были очень редки, так как Владимир Ильич был с утра до поздней ночи занят работой, главным образом, подготовкой съезда. В перерывах между совещаниями я вместе со Степановым ходил в экспедицию «Искры» помогать работавшим там товарищам по отправке литературы в Россию. Там я познакомился с Литвиновым, нынешним зам. Наркоминдел, которого все называли, почему-то, «Папашей». «Папаша» подробно познакомил нас с техникой экспедиции, отправлявшей огромное количество брошюр и газет в Россию. Довольно большое помещение на улице Каруж, было завалено литературой, которую в одной из комнат паковали в специальной формы пакеты, тщательно заворачивая их в непромокаемую бумагу, так как пакеты эти — отправлявшиеся в Россию через контрабандистов, — могли попасть в воду.

В одной из комнат «Папаша» вместе с Блюменфельдом, заведывавшим «искровской» типографией, делали опыты над только что изобретенным способом печатать газеты на цинковых листах. Способ этот заключался в следующем. На хорошо отшлифованный цинковый лист, чем-то смазанный, клали отпечатанный лист газеты (печаталась эта газета особой коричневого цвета краской), тщательно ее разглаживали, затем немного погодя газету с цинкового листа осторожно снимали, и на цинке оставался отпечатанный текст газеты. После этого проводили по цинку каучуковым валиком, обмазанным типографской краской, клали на цинк чистый лист бумаги, разглаживали ее чистым резиновым валиком и затем осторожно снимали. Получался чистый оттиск газеты. Особенность цинка и краски состояла в том, что с этого листа, как бы стереотипа, можно было получить бесконечное количество оттисков газеты. С этим изобретением тогда очень возлились, предполагали, что во многих крупных центрах России можно будет таким способом воспроизводить не только «Искру», но и брошюры, а из-за границы будут посылаться только оригиналы газет, отпечатанных особой краской. Почему этот способ не получил тогда у нас широкого распространения, не знаю. Было бы хорошо, если бы тов. Литвинов рассказал подробнее об этом периоде «искровской» техники.

В это время партия «социал-революционеров» была в зените своей славы. Убийства и покушения на царских министров, жандармов и губернаторов следовали одно за другим. Это увлечение единичным террором могло отрицательно отразиться на массовой агитации и пропаганде среди широких слоев рабочего класса и как раз в такой момент, когда огромная волна массовых стачек и демонстраций разливалась по России и все чаще и чаще раздавался на них лозунг «долгой самодержавие».

«Искра» учла это и открыла на своих страницах энергичную кампанию против такого однобокого увлечения и призывала массы к организации своих рядов, призывала готовиться к организованному массовому штурму самодержавия.

Между «Искрой» и «Революционной Россией», органом эсеров, началась жестокая полемика. После очень ядовитого, талантливо и резко написанного фельетона — «Тартюфы революционной морали», принадлежавшего перу Мартова и появившегося в очередном номере «Искры», эсеровская колония в Женеве, к кото-

рой присоединились и анархисты, вызвала «Искру» к общественному суду вроде как на дуэль. Редакция «Искры» вызов приняла и в один из ближайших праздничных дней было решено устроить совместное с эсерами собрание и дать им решительный, словесный, конечно, бой.

Интересна история этого, так взбесившего эсеров, фальштона. Троцкий, проживая до приезда в Женеву в Париже, написал там на эту же тему статью, озаглавив ее «Тартюфы революционной нравственности», и когда эта статья была получена редакцией «Искры», в это время уже набиралась статья Мартова «Тартюфы революционной морали». Замечательное совпадение! Статья Троцкого появилась в следующем номере «Искры» под заглавием «Еще о Тартюфах»¹⁾.

На совместное с эсерами собрание собралась чуть ли не вся русская колония в Женеве. Эсеры почему-то долго не появлялись, ждали их больше часу. Наконец, мы решили объявить собрание открытым без эсеров. Плеханов поднялся на трибуну и, заняв председательское место, позвонил и предложил открыть собрание. Тотчас же на задних рядах поднялся невероятный шум и крики. Что кричали, нельзя было разобрать, хотя кричали во всю глотку. Этот шум и крики подняли, оказывается, анархисты, собравшиеся в довольно большом количестве в зале.

Плеханов, окруженный на трибуне Лениным, Мартовым, Троцким, Дейчем и др., спокойно ожидал, когда утихнут скандалисты. Но те не унимались. Мы, «искровцы», занимавшие переднюю часть зала, пытались себя сдерживать и молчали. Но какое-то брошенное Плехановым слово, вдруг, точно взорвавшаяся бомба, подбросило анархистов, и те бросились к трибуне с поднятыми кулаками, а некоторые размахивая над головами растерявшейся публики схваченными стульями и даже револьверами. Положение становилось опасным, часть публики бросилась к выходу. Помню как сейчас, как один известный в Женеве кавказский анархист, хромой на одну ногу, с дико вращающимися глазами, подняв над головой стул, расталкивая публику, пробирался к трибуне. Я не утерпел, тоже схватил стул и стал пробираться на трибуну, чтобы встать на защиту Плеханова и других наших руководи-

¹⁾ Первая статья помещена в № 40 «Искры» от 15 мая 1903 года, вторая в № 41 от 1 июля. *Ред.*

телей. Но они уже были окружены своими и продолжали спокойно смотреть на беснующихся анархистов. Я с поднятым стулом стал пробираться сквозь напирющую, бегущую к выходу толпу, чтобы сразиться с хромым анархистом, но как он, так и я были оттерты толпой в разные стороны к выходу. Эсеры так и не пришли, и эта довольно оригинальная дискуссия кончилась ничем.

Прожил я в Женеве в общем около полутора месяца. К началу июля съехались почти все делегаты, часть из которых, не заезжая в Женеву, направилась прямо в Брюссель, где решено было проводить съезд. Из многочисленных совещаний делегатов, на которых предварительно обсуждались все вопросы порядка дня предстоящего съезда, выяснилось полное единодушие съехавшихся «искровцев». Казалось, что съезд пройдет дружно и не затянется. С этим настроением начали делегаты небольшими группами разъезжаться, чтобы встретиться в Брюсселе. Мы, делегаты-рабочие (всего на съезд приехало только трое рабочих)¹⁾, решили поехать вместе. К нам присоединился С. И. Гусев и, кажется, Царев, делегат от Донского комитета. Отъезд пришлось обставить конспиративно, чтобы не выследили место съезда, поэтому выезжали небольшими группами в продолжение нескольких дней. Билеты были заранее куплены, на вокзал пошли каждый в отдельности, но в вагон сели все вместе, при чем в начале дороги старались не узнавать друг друга. Но уже в Германии забыли о конспирации и беседовали открыто.

По приезде в Брюссель остановились в гостинице, а через дня два нам подыскали комнату в одной из частных квартир, где мы трое поселились в одной большой комнате. Через несколько дней рядом с нами в маленькой комнате поселился также один из приехавших делегатов. Прописки паспортов в то время в Бельгии не требовалось, и нас никто не спрашивал, кто мы такие.

С обедами и ужинами устроились прекрасно. Какой-то бельгийский социалист, содержавший довольно солидный ресторан, предоставил этот ресторан в распоряжение съезда за приличную, конечно, плату. В этом ресторане собирались мы два раза в день, знакомились с вновь приезжающими делегатами и там же за столом продолжали наши беседы и споры, начатые еще в Женеве.

¹⁾ По «Протоколам II съезда РСДРП», стр. 388 видно, что на съезде был еще четвертый рабочий — Муравьев, фигурировавший за границей под фамилией «Петухов», он был представителем Уфимского комитета. *Ред.*

Иногда после ужина устраивали «концерты», на которых исполнителем являлся, главным образом, С. И. Гусев, обладавший прекрасным голосом. Не эти ли «концерты» обратили на нас внимание бельгийской полиции, через несколько дней после начала с'езда организовавшей за нами слежку.

Наконец, с'ехались все делегаты, кроме двух-трех арестованных в России, в числе которых, как мы узнали, был арестован третий делегат от Петербурга «Адель» — Гольдман, тот самый, который провожал меня на с'езд. Он был арестован на самой границе при переходе через нее.

Помещение для заседаний с'езда предоставили нам бельгийские товарищи, главным образом, профессиональные союзы. Помогал нам в то время и нынешний бельгийский министр Вандервельде. Помещения были весьма неудобны. По конспиративным соображениям заседания с'езда проходили в различных частях города, большею частью в рабочих районах.

Не помню, при открытии ли с'езда или на одном из первых заседаний, нам пришлось по совершенно непредвиденному обстоятельству прекратить заседание. Собрались мы в довольно мрачном, почти без окон зале, где-то чуть ли не на чердаке. Сидеть пришлось на нестроганных сырых досках, стулья были только в президиуме, сидевшем тоже за столом из наспех сложенных таких же нестроганных досок. Едва открылось заседание, как среди делегатов началось какое-то странное движение, все начали как-то нервно вздрагивать, потом оглядываться. В президиуме тоже начали сначала переглядываться, потом шептаться. Через несколько минут один за другим делегаты стали вскакивать и нервно вздрагивать плечами и, как-то виновато оглядываясь по сторонам, быстро направлялись к выходу. Когда почти половина делегатов таким образом покинули «зал» заседания, кто-то из делегатов предложил прервать заседание и разойтись, так как сидеть стало совершенно невозможно... блохи укусили.

Когда выяснилась причина такой «нервной» обстановки, заседание немедленно было прервано, и все стремглав, почесываясь, бросились к выходу. Как потом выяснилось, бельгийские товарищи предоставили нам для заседания помещение, бывшее недавно складом не то шерсти, не то чего-то вроде этого, где блохи находили себе обильную пищу и расплодились в таком огромном количестве.

Недолго нам пришлось заседать под сенью бельгийской конституции. Насколько помню, удалось нам устроить всего 4—5 заседаний, на которых съезд успел только сконструироваться и принять порядок дня или, так тогда говорили, даже Ленин, «тагесордунг».

В один далеко не прекрасный день бельгийская полиция предложила четверем нашим делегатам, тт. Землячке, Гусеву, Кнуниянцу и Зурабову выехать из пределов Бельгии в 24 часа. Почему, зачем, никто не знал.

Ездили по этому поводу к Вандервельде, но тот тоже не знал причины высылки и обещал выяснить и заступиться. Из хлопот ничего не вышло, и четверем товарищам оставалось только собрать вещи и выметаться из «свободной» Бельгии. Кажется, на пару дней им отсрочили пребывание в Брюсселе. Уже один этот факт расстраивал работы съезда, и встал вопрос о переезде в другое место. Но когда выяснилось, что и за остальными делегатами началась усиленная слежка, решено было переехать немедленно.

Наиболее подходящим местом для продолжения работ съезда признали Лондон; о продолжении же работ в Брюсселе нечего было и думать, так как слежка за нами приняла самый беззастенчивый, наглый характер. Мы, привычные к слежке в России, часто смеялись над неопытностью бельгийских шпииков: они ходили за нами, совершенно не скрывая этого, и когда мы иногда желая их подразнить, брали одинокого стоящего извозчика и уезжали, то шпиики некоторое время буквально бежали вслед за нами.

По дороге из ресторана до дому шпиики нас аккуратно провозжали, и, наконец, однажды утром пришли к нам на квартиру два полицейских агента в штатском и затребовали у нас сведения, кто мы такие.

Так как мы не говорили по-французски, то оказались в несколько затруднительном положении; выручили зашедшие к нам Павлович-Красиков и «Мартын» — В. Розанов, знавшие французский язык. Красиков часто к нам заходил и держал нас в курсе дел съезда, так как был в президиуме съезда.

Полицейские предложили нам заполнить опросный лист. Мне пришлось в голову назваться нам всем троим... шведскими студентами. Я знал несколько шведских слов, а кроме того знал, что шведы народ благонадежный, никаких революций они

не устраивают, и поэтому бельгийская полиция оставит нас в покое. Заполнив анкеты тут же мною выдуманными фамилиями, вроде Сундстрем, Викстрем, Карлсон, родом, один из Стокгольма, другой из Упсала, третий из Гетеборга, род занятий — студенты, по столько-то лет, полицейские вежливо раскланялись и ушли. Степанов и Андрей только руками разводили, неожиданно прератившись в шведских студентов.

На следующее утро пришел полицейский чиновник и пригласил нас к начальнику полиции. С нами пошел, не помню хорошо, Красиков или Розанов. Начальник принял нас очень вежливо в большом кабинете, где сидело несколько полицейских чиновников. У начальника на столе лежали наши анкеты. Он спросил, кто из нас Сундстрем, кто Карлсон, кто Викстрем. И тут среди нас произошло маленькое замешательство: мы забыли, кто из нас Сундстрем, кто Викстрем. Из беды выручил сам же начальник полиции. Он обратился к нам... на шведском языке. На очень ломанном языке он спросил, говорим ли мы по-шведски. Из этого вопроса я сразу сообразил, что он знает шведский язык так же, как и я, если не хуже, т. е. почти ничего. Я поспешил ему ответить по-шведски и что-то у него спросил. Он ответил невпопад; потом что-то спросил у меня, я тоже ответил ему ни к селу, ни к городу, так как не совсем понял, что он спросил. Словом «разговорились». Из того, как он гордо поглядывал на своих подчиненных, я убедился, что он очень доволен, что мог на практике подтвердить свое знание шведского языка, чем он, вероятно, не раз хвастался перед своими знакомыми. После этого «разговора» все оказалось в порядке, и мы очень любезно распрощались, а на следующий день выехали в Лондон.

В Лондон поехали без всякой конспирации. Ехали чуть ли не в одном поезде все делегаты. Сначала до Остенде, оттуда на пароходе в Дувр, а из Дувра до Лондона опять по железной дороге.

Проживавшие в Лондоне Алексеев и Тахтарев с женою заблаговременно подыскали для нас квартиры и все устроились довольно хорошо. Гусев, Степанов, Красиков, Андрей и я вехали прямо на квартиру Алексеева, проживавшего где-то в районе Кингс-Кросс. Товарищ Алексеев проживал в Лондоне много лет, говорил хорошо по-английски и явился для нас незаменимым человеком. Он познакомил нас с обычаями и некоторыми досто-

примечательностями Лондона. Занимал он небольшую комнату в третьем этаже и жил «по-студенчески», как будто бы поселился на несколько дней и вот-вот уедет, питался как будто одними консервами, пустые банки из-под консервов валялись у него во всех углах комнаты.

Будучи «собственным корреспондентом» «Русских Ведомостей» и др. крупных газет России и имея свободный доступ в Английский парламент, он не мог его посещать... в виду отсутствия соответствующего костюма.

Я со Степановым поселился в небольшой комнате, «в тихом семействе» англичанина, недалеко от квартиры Алексеева, где мы часто затем собирались по несколько человек и продолжали «преть» по поводу многочисленных выступлений на с'езде.

Заседания с'езда начались на второй день по приезде. Собирались так же, как и в Брюсселе, в разных частях города. Помещения нам предоставляли профессиональные союзы.

Однажды в первые же дни после приезда, при выходе из одного заседания уличные мальчуганы начали бросать в нас гнилыми картошками, комками мокрой бумаги и прочей дрянью. Чем это было вызвано, не знаю. Вероятно, англичан возмутила эта разношерстная публика, выходящая с собрания с размахивающими руками, продолжавшая на улице неоконченные споры, происходившие на с'езде.

А толпа наша была действительно разношерстная. Какие только национальности и костюмы не были представлены делегатами. Один «Рашид-Бек», — Аршак Герасимович Зурабов, ныне покойный, чего стоил, когда он со свойственной кавказскому темпераменту горячностью начинал на улице убеждать инакомыслящих.

Когда мы на следующий день выходили из этого же помещения, у дверей стоял рослый английский полисмен, как оказалось, поставленный по просьбе профсоюза специально для охраны нашего с'езда.

Заседания с'езда происходили ежедневно с утра до вечера с небольшим перерывом на обед. Всего было 37 заседаний. Продолжался с'езд около месяца.

(Окончание следует.)

А. Шотман.

ПАМЯТИ ТОВАРИЩЕЙ.

Н. А. Рожков («Вячеслав»).

(1868—1927.)

Скончавшийся 3 февраля 1927 г. тов. Николай Александрович Рожков играл видную роль в большевизме времен первой русской революции 1905—1907 гг. В своих «Воспоминаниях о 1905 годе», изданных «Московским Рабочим», он рассказал нам, как, занимаясь специальными вопросами экономической истории Московской Руси, он пришел к марксизму и как начавшаяся революция привела его в ряды большевизма.

Вступив в московскую организацию нашей партии, Н. А. Рожков сразу же занял в ней выдающееся положение и смог на почве тогдашних полуполюгальных возможностей выявить себя талантливым пропагандистом, агитатором и журналистом. По энергии, по работоспособности Н. А. не знал себе равных. Уже будучи приват-доцентом Московского университета по русской истории Н. А. всего себя отдал на службу революции; уже крупным ученым, он привлек в нее или к работе в ней ряд историков — Коваленского, Никольского, Хераскова и других. Совместно с ними и с привлечением ряда партийцев — Скворцова-Степанова, Покровского, Фриче, Дауге и других, он создал и возглавил лекторскую группу Московского Комитета — своего рода первый партийный университет. Плодами этой работы в печати явилась серия из 12 выпусков — «Лекции и рефераты по вопросам программы и тактики социал-демократии», чем неоднократно приходилось пользоваться в пропагандистской работе тех дней. Н. А. возглавлял и редакции московских большевистских газет тех дней — «Борьбы» (ноябрь — декабрь 1905 г.) и «Светооч» времен первой думы (весна 1906 г.). Состоял также Н. А. и редактором издательства Мягкова — «Колокол», выпустившего под его редакцией около сотни книг основной марксистской пропагандистской литературы, начиная с работ Маркса и Энгельса.

Поражение декабрьского восстания не подорвало революционной энергии Н. А. и он в начале 1906 г. совместно с ближайшими работниками московской лекторской группы выпускает сборник «Текущий Момент», произведший сильное впечатление своим бодрым тоном и уверенностью в ближайшем приходе новой революционной волны. Сборник был выпущен в небывалом для тех дней тираже — 10.000 экземпляров и быстро разошелся. Тогда же Н. А. начинает усиленно работать по аграрному вопросу и к моменту IV съезда, на котором обсуждалась новая аграрная программа, выступает со своим проектом, в котором, по словам Ленина (IX, 396), «он не хочет ни раздела, ни национализации, требуя лишь замену пункта об отрезках пунктом такого рода — передача крестьянам без выкупа всех тех земель, которые служат орудием для их хозяйственного закабаления». Отсутствие в этой программе требования конфискации всей помещичьей земли показывало академичность подхода к данному вопросу (прогрессивная роль крупного земледелия) и проистекающее отсюда стремление «ограничить размах крестьянского движения». Такая умеренность проекта Рожкова привела к тому, что он не сыграл роли в борьбе между масловской «земствализацией» и ленинской национализацией на IV съезде нашей партии.

Слишком большая персональная известность Н. А. в Москве, где он помимо социал-демократических кругов был широко известен среди демократической интеллигенции, в частности среди учительства (председательствование в Московском педагогическом обществе) приводила к тому, что почва под его ногами сделалась слишком горяча. К тому же в качестве ответственного редактора «Светоча» он получил год крепости — вот почему с осени 1906 г. Н. А., снабженный паспортом брата одного видного царского сановника, перебирается в Петербург, где тотчас занимает выдающееся положение в петербургской организации, от которой едет делегатом на V съезд, избравший его в члены ЦК от большевиков.

По возвращении из Лондона он развивает на фоне начавшегося разброда и шатания громадную активность, работая представителем ЦК в с.-д. фракции 3-й государственной думы и выступая постоянным лектором ряда просветительных рабочих организаций тех дней. Весною 1908 г. он был арестован. Первоначально формальных улик против него не было, и известный охранник Карпов, указав при допросе, что охранке известно о том, что он именно Вячеслав, член ЦК и т. д., однако признался в отсутствии формальных улик и предположил, что дело кончится административной ссылкой с заменой выездом за границу, что тогда практиковалось.

Но тут неосторожность одного товарища дала возможность сослать Н. А. на поселение. Летом 1906 г. Н. А., сидя в одной из московских тюрем, написал брошюру «Судьбы русской рево-

люции», тогда же осенью 1906 г. вышедшую под его именем. Из тюрьмы одним товарищем было послано на волю письмо с указанием, что вместе с ним сидит член МК — Вячеслав, который написал брошюру «Судьбы русской революции», письмо благополучно дошло на волю, но было сохранено адресатом и при одном из обысков найдено и явилось формальной уликой для привлечения Н. А. по делу Московской организации, по которому он и получил по приговору Московской Судебной Палаты ссылку на поселение.

В Сибири у Н. А. наметился определенный ликвидаторский уклон, проявившийся, главным образом, в переоценке результатов столыпинской аграрной реформы. «Ошибка Рожкова состоит в том, что он до смешного преувеличил «перерождение» крепостнического хозяйства в буржуазное, это во-первых, а во-вторых, позабыл «мелочь», которая отличает марксиста от либерала — именно: сложность и скачкообразность процесса приспособления политической надстройки к перерождению хозяйства» (Ленин, Манифест либеральной рабочей партии — 1911 г., т. XI, ч. 2, стр. 412). В Сибири же снова Н. А. занялся историей России, чему естественно мешало отсутствие книг и архивных документов. Результатом этих занятий явилась серия популярных статей в «Современном Мире».

Принимал Н. А. участие в марксистской прессе Сибири, будучи сам фактическим редактором ряда газет в тогдашнем Ново-Николаевске (ныне Ново-Сибирске). С начала войны Н. А. занял умеренно-интернационалистскую позицию.

Революция 1917 г. освободила Н. А. из плена Сибири и он вернулся бодрый, полный творческих планов (главным образом, научных) в Москву. Он пришел с сознанием того, что буржуазный аграрный переворот в России закончился (его основные положения 1911—1913 гг.), и что Россия вступает на путь социалистической революции, которая может произойти только после таковой же на Западе, а пока для России по аграрному вопросу выставлено было требование «национализация крупных и средних владений, с вознаграждением их владельцев на счет особой подати со всех зажиточных классов» (см. Рожков, Аграрный вопрос в России и его решение в программах различных партий. М. 1917, стр. 32). Этим своеобразным пониманием революции в России Н. А. поставил границу между собою и старыми партийными товарищами. Поэтому по возвращении из ссылки он вступает в Московскую объединенку, занимая в ней крайне правое крыло, редактируя орган объединенцев «Пролетарий» и участвуя одновременно в «демократической и социалистической» газете Кузковой «Власть Народа». Он неустанно звал к объединению «революционной» демократии, почему и принял в первом коалиционном министерстве должность товарища министра почт и телеграфов

у Церетелли. Работа эта оказалась чисто административной и совершенно не удовлетворила Н. А. На так называемом «объединительном» съезде меньшевиков он входит в их ЦК, и хотя, по его же словам, чувствует себя на манер каторжника прикованного к тачке, не порывает с меньшевиками. Оставшись весной 1918 г. в Петербурге, он все больше и больше отходит от политики и отдается всецело научной и преподавательской работе.

Под влиянием событий нашей революции в нем происходит медленный переворот в сторону старых соратников — большевиков, что дает ему возможность вернуться в Москву и начать преподавательскую работу в комвузах — Институте Красной Профессуры и Академии Коммунистического Воспитания, намечается участие Н. А. в ряде коммунистических изданий, он становится редактором отдела русской истории Большой Советской Энциклопедии и так далее. Наконец, незадолго до его смерти был решен им вопрос о возвращении в ряды нашей партии.

В лице Н. А. Рожкова мы потеряли одного из бойцов 1905 г., который в те дни показывал всем нам пример подлинного партийца, для которого в его партработе не было большого и малого, а необходимое для партии. И история 1905 г. в Москве неразрывно связана с именем Н. А. Но вместе с тем история его политической жизни явилась иллюстрацией, к чему приводит непонимание и недооценка значения крестьянского аграрного вопроса в нашей социалистической революции.

Ст. Кривцов.

«Падение царского режима». По материалам Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства. Томы 1—VI. ГИЗ. 1925—1926.

«Наружность иногда обманчива бывает». Эта старая и довольно банальная истина приходит на память после просмотра монументального (более 160 печати. листов.) издания Госиздата. В самом деле, 6 объемистых томов «Падения царского режима», заключающих допросы и показания полсотни важнейших сановников царизма и ряда видных общественных деятелей, отличаются бедностью, если не убожеством содержания.

Детальные рассказы о придворных кружках, о Распутине, истории назначений и смены министров, воспоминания о подкупах и взятках, дворцовые сплетни — кажется, будто весь этот хлам чуть ли не специально был собран для какого-нибудь «Заговора императрицы», «Азефа» и тому подобной псевдо-исторической халтуры.

Лишь очень редко можно встретить крупницы действительно исторического материала — да и то наиболее ценными в этом смысле являются показания не царских сановников, а Милюкова и Гучкова.

Конечно, в глазах читателя издание проигрывает, во-первых, по той простой причине, что крушение царизма заслонено от нас фактом неизмеримо большего исторического значения — Октябрем. В т а к о й перспективе февральские и предфевральские краски бледнеют, а подчас и вовсе расплываются.

Но дело не только, пожалуй, и не столько в перспективе, сколько в характере самих допросов и показаний. Если речь идет об источниках этого порядка, то элементарные требования исторической критики заставляют прежде всего ознакомиться с допрашивавшими, т.-е. с Чрезвычайной Следственной Комиссией Временного Правительства. К сожалению, подробное предисловие редактора издания — П. Е. Щеголева (члена следственной комиссии, близко знакомого с ее деятельностью) дает в этом отношении немного.

Вводная статья П. Щеголева и его вступительные заметки к каждому тому издания вообще кажутся нам малоприемлемыми. Читатель, правда, может узнать

из них, что допросы «читаются, как роман», что они рисуют «ничтожные и в своей ничтожности зловещие фигуры деятелей старого режима», — но не более. Вступительные заметки к отдельным томам состоят из субъективных характеристик допрашиваемых («беззащитный хищник и авантюрист Штюмер», «русский Рокамболь — Манасевич-Мануилов, «фанфаронистый Спиридович» и т. д.), — характеристик, которые ничего не говорят ни уму ни сердцу. Госиздату следовало бы предпослать издаваемым материалам предисловие, которое было бы заполнено марксистским содержанием, и во всяком случае, удовлетворяло бы требованиям политической грамотности.

П. Щеголев ограничивается ссылкой на то, что «комиссия была связана по рукам и ногам существовавшим сводом законов и отточенным и ухищренным юридическим мышлением почти всех ее членов», что «комиссия не имела сил, да, пожалуй, и не чувствовала охоты возвыситься до революционного отношения к объекту своих расследований»¹⁾. Этого — как бы поделикатнее сказать — недостаточно для ответа на вопрос о том, почему — вопреки утверждению П. Щеголева — допросы представителей царского режима и е д а ю т «разнообразной аргументации на тему о решительной неизбежности русской революции», почему умелая рука ограничила рамки допросов, главным образом, анализом распутищины, словом, почему падение царского режима интерпретировалось в своего рода «Заговор императрицы». Можно ли объяснить это «юридическим идеализмом» членов комиссии? Конечно, нельзя. Потому что юриспруденция в данном случае непосредственно подчинялась п о л и т и к е.

Что февральская революция явилась неприятным сюрпризом для кадетов и октябристов (представители этих партий, гл. образом, и участвовали во временном правительстве первого состава, при котором начала свои работы Чрезвычайная Следственная Комиссия) — и во всяком случае неожиданностью для меньшевиков, — об этом красноречиво говорят материалы, собранные комиссией.

«Как в вопросах внутренней политики надо было руководящим классам прибегнуть к новым приемам, так и в вопросе ведения войны надо было ясно сознать, что рука об руку с существующей властью мы к победе не придем, — рассказывал Гучков. — Нужно было стать на путь государственного переворота»²⁾.

Переворот в понимании Гучкова и его единомышленников должен был походять — по методам его осуществления — на восстание 14-го декабря. Главную задачу Гучков видел в том, чтобы, по возможности, обойтись без участия масс, как бы это ни было трудно.

¹⁾ Том I, стр. XXII

²⁾ Том VI, стр. 260.

«Если бы дело шло о том, чтобы поднять военное восстание, будь то на северном или румынском фронте, такое дело оказалось бы чрезвычайно легким, но план заключался в том, чтобы захватить по дороге между Ставкой и Царским Селом императорский поезд, вынудить отречение, затем одновременно, при посредстве воинских частей, на которые здесь в Петрограде можно было рассчитывать, арестовать существующее правительство и затем уже объявить как о перевороте, так и о лицах, которые возглавляют собою правительство. Таким образом, вы видите, дело пришлось бы иметь не со всей армией, а с очень небольшой ее частью. Надо было найти часть, которая была бы расположена для целей охраны по железнодорожному пути, а это было трудно. Здесь петроградский гарнизон не представлял, конечно, трудностей, но все-таки мы не желали бы касаться солдатских масс»¹⁾).

То же, примерно, сообщил и Милоков, рассказавший, что к концу 1916 года между представителями земского и городского союзов, военно-промышленного комитета и прогрессивного блока завязались переговоры по поводу предстоявшего переворота, намечен был кабинет, позднее в том же составе оформившийся, как временное правительство, договорились о регентстве вел. князя Михаила при наследнике Алексее. Движение, возникшее среди петроградских рабочих в феврале 1917 г., явилось неожиданностью не только для Милоковых и Гучковых. «Я помню, говорил Милоков, мои разговоры с представителями социалистических партий в Государственной Думе. Кажется, с Чхеидзе приходилось говорить и с другими, которые были в полном недоумении, которые видели, что в рабочей среде происходит брожение и появляются прокламации»... «События 26 и 27 февраля, откровенно признавался кадетский лидер, застали нас врасплох, потому что они не выходили из тех кругов, которые предполагали возможность того или другого переворота, но они шли из каких-то других источников, или они были стихийны»²⁾. Многозначительная ссылка на «другие источники», на «инсценировку чего-то искусственного» станет понятной, если мы вспомним, что Милоков давал свое показание 17 (4) августа, т.-е. всего лишь через месяц после июльских дней и за месяц до Корниловщины — в ожидании ликвидации революции генералом на белом коне, — было как нельзя более своевременно намекнуть на темное происхождение самой революции.

Как бы то ни было, февральская революция была фактом. Как известно, Милоков и его друзья довольно быстро сумели перенять «бразды правления» в свои руки. Новое правительство оказалось, поэтому, в несколько двусмысленном

¹⁾ Там же, стр. 278, 279. Разрядка моя. Н. Р.

²⁾ Там же, стр. 351.

положении: оно возникло в результате революции, той самой революции, которую так хотели предотвратить Милюковы и Гучковы. Кадетам и октябристам пужно было поторопиться с легализацией революции — поэтому Временный Комитет Государственной Думы и заботился о формальном отречении (не свержение, а отречени е!) царя, о формальной передаче власти Николаем Михайлу, о том, чтобы новый премьер кн. Львов был назначен царским указом. «...Вне этой преемственности еще старой исторической власти, говорил Гучков, я не видел возможности предупредить в России известного рода анархию. Мне казалось, что, если не будет такой санкции со стороны старой власти к новой власти, образуется пропасть, le neant пропасть, ничего, и мы рискуем ввергнуть этот принцип верховной власти в пучину анархии»¹⁾.

Чем менее удавалась легализация революции — проект учреждения регентства быстро провалился (в особенности, после того, как Милюков и Гучков, ратовавшие за Михаила — первый в Таврическом Дворце, второй — в железнодорожных мастерских — едва не были подняты на штыки рабочими и солдатами), тем более насущной казалась руководителям временного правительства необходимость очиститься в глазах отечественного и западно-европейского «общественного мнения» от революционной скверны.

«Узаконить» свое участие во временном правительстве можно было, уличив в «беззакониях» царское правительство. Нет никакого сомнения, что именно эта политическая задача и была поставлена перед Чрезвычайной Следственной Комиссией.

Только этим можно объяснить всю установку Комиссии. Комиссия, напр., широко раздвинула хронологические рамки допросов, но и здесь существовала определенная граница — именно 30 (17) октября 1905 года. Тем, что находилось позади этой даты, следователи не интересовались, несмотря на то, что представители царизма совершили немало преступлений — даже с точки зрения царских законов — и до 30 (17) октября. Дата, конечно, не была выбрана произвольно. Ведь 30 (17) октября 1905 г. — это день рождения «куцой конституции», той конституции, за которую крепко держались кадеты и октябристы и к которой недурно сумели приспособиться меньшевики. На почве этой же конституции твердо стояла и Следственная Комиссия временного правительства, которая противопоставляла царизм не революции, а Государственной Думе, и уличала царских министров в преступлениях против русского «парламента». Отсюда в перспективе следовал и вывод — царизм изменил конституции, значит, государственная дума вправе была изменить царизму.

¹⁾ Там же, стр. 267.

Надо сказать, что Комиссия весьма твердо придерживалась взятого курса. Стоило, напр., б. председателю совета министров Штюмеру остановиться в своем показании на программе внешней политики, как председатель прервал его и попросил обратиться к вопросу об обстоятельствах, при которых он, Штюмер, покинул свой пост.

Но именно такое направление работ Комиссии, с одной стороны, на $\frac{9}{10}$ ограничило рамки допросов и показаний темой о придворных влияниях, о «камарилье», о Распутине, словом превратило допросы в материал для «Заговора императрицы»¹⁾, с другой стороны, вырвало почву из-под обвинительного акта, подготовлявшегося Комиссией. Последнее произошло не потому, что — как это доказывает П. Щеголев — Комиссия была связана законами об амнистии, изданными временным правительством, законом о давности и т. п. Обвинять царских министров в преступлениях против «конституции» было бесплодно именно потому, что конституция сама предполагала эти и многие иные преступления. В качестве иллюстрации можно привести любопытный инцидент, имевший место во время допроса одного из предреволюционных премьеров — Горемыкина. Председатель Комиссии Муравьев упрекал допрашиваемого в том, что его законодательная деятельность большей частью проходила помимо Гос. Думы и Гос. Совета. «В ваше время, говорил Муравьев, очень мало созывали законодательные учреждения, между тем вы очень много законодательствовали, что не представлено вам законом по 87 статье. Ваши преемники, с вашей легкой руки, законодательствовали еще больше и с точки зрения Комиссии, злоупотребляли статьей 87»²⁾.

В ответ на замечание Муравьева, Горемыкин попросил прочесть 87 ст. Его просьба была удовлетворена. Оказалось, что законодательствуя, помимо Гос. Думы и Гос. Совета, Горемыкин действовал в точном смысле 87 статьи.

Чтобы покончить с вопросом о задачах, которые преследовала Комиссия, следует остановиться еще на одном моменте, который показывает, как отразилась тогдашняя современность на работах Комиссии. Следователи чрезвычайно интересовались вопросом о политической провокации, применявшейся правительством Николая II. В этом пункте также было очень трудно обвинить департамент полиции в «беззаконии». Один из б. директоров департамента полиции Трусевич в ответ на обвинение в пользовании провокаторами сослался на «просвещенный Запад» на Францию и Германию, которые также применяют методы политической провока-

1) П. Щеголев придерживается иного мнения. Он считает, что в области исторического расследования «работа комиссии была много плодотворнее, чем в криминальной» (т. I, XXIII). Вопрос в том, очевидно, что считать историческим расследованием.

2) Том III, стр. 311; см. также воспоминания А. Ф. Романова «Русская Летопись». Париж. 1922, кн. 2, стр. 29.

ция. После таких аргументов председателю Комиссии не оставалось ничего иного, как изменить направление разговора и предаться благочестивым ламентациям о «прямых и чистых» средствах управления государством.

Несколько специфический характер приняли допросы, когда речь зашла о провокаторе Малиновском. Комиссии очень хотелось, зацепившись за Малиновского, протянуть нити от Департамента полиции ко всей партии большевиков. Так, например, председатель Комиссии недвусмысленно добивался от вице-директора департамента полиции Белецкого указаний на то, что полиция предоставляла свободу действий большевикам и ликвидировала меньшевистские организации. К конфузу Комиссии ответ был прямо противоположного содержания. В понимании охранника меньшевики были идеологами, а большевики — практиками (так очевидно преломлялся в полицейских кругах факт активной революционной деятельности большевиков в массах), и Белецкий, сославшись на арест большевистской фракции IV Гос. Думы, заявил, что деятелей департамента полиции «как практиков, больше интересовала не идеология, представителями которой являлись меньшевистские организации а те, кто ее осуществлял; нас интересовала партия большевиков»¹⁾.

Такое же фиаско потерпела Комиссия при допросе другого видного охранника Виссарионова. Несмотря на «наводящие» вопросы председателя и члена Комиссии П. Щеголева, Виссарианов решительно утверждал, что в глазах департамента полиции большевики считались более опасными, чем меньшевики — свидетельство, которое добавляет лишний штрих к истории «стольпинской рабочей партии».

Исключительный интерес, который проявила Комиссия к делу Малиновского, председатель объяснял большим историческим значением этого дела — подкладка, очевидно, так просвечивала, что понадобилось специальное объяснение. В действительности, речь шла, конечно, не о истории, а о политике — допросы производились в мае — июне 1917 года, т. е. в то время, когда установление связи большевиков с департаментом полиции должно было казаться особенно соблазнительной задачей.

Представляет ли все же материал, собранный в шести томах «Падения царского режима» известную ценность? — Представляет, но в весьма небольшой части. Показания Гучкова и Милюкова отчетливо рисуют социальный фон столыпинщины, наметившийся блок помещиков и буржуазии непосредственно предвоенного времени. Октябристы, солидаризировавшиеся с политикой Столыпина, понимали необходимость компромисса с «обществом», особенно в виду назревавших крупных внешне-политических событий. Кадеты, будучи в некоторой оппозиции к правительству в вопросах внутренней политики, во внешней политике выступали еди-

¹⁾ Т. III, стр. 343, 344; см. также стр. 468, 469; т. V, стр. 220, 224.

ным фронтом. Милюков, по его словам, выступал в качестве защитника и сторонника Сазонова, с тех пор, как выяснилось, что последний продолжает «политику Извольского, которая состояла в сближении нашем с Францией и Англией для защиты от германских appetitов». «Не одобрял» Милюков только излишние уступки со стороны сазоновской дипломатии. В начале войны кадеты и октябристы обеспечили правительству полнейшую поддержку. Но вскоре «атмосфера общего единодушия» исчезла. Причины разногласий откровенно указаны Гучковым. «...Грехи нашего прошлого, говорил он, сказались и в смысле плохой подготовки нашей военной мощи, сказались и в плохом ведении войны, и в деле командования, и в вопросах снабжения, и в хозяйственных вопросах тыла, когда и самое ведение войны становилось невозможным»¹⁾.

Исправлять эти грехи царское правительство не собиралось. Буржуазия, связанная с капиталистами Антанты, слишком много поставила на карту, чтобы спокойно ждать поражения на фронтах и революции внутри страны. Отсюда — оппозиция кадетов и октябристов и выставленное образовавшимся в думе прогрессивным блоком требование «министерства доверия».

Политика правительства представляла собою сплошную цепь колебаний. Одно время, после поражения русских войск в Галиции, правительство как будто сделало вольт влево — к этому времени относится возникновение организации буржуазии — земского и городского союзов, военно-промышленного комитета, ставивших задачей помочь правительству в деле ведения войны. Но вскоре последовал креп направо. Помещики и правительство, боясь буржуазной оппозиции, поднимают вопрос об обеспечении твердого правого большинства в Государственном Совете и в Думе. Штурмер приводил членам Думы ряд — по его выражению — «житейских соображений», из которых следовала прямая угроза лишить русских парламентариев жалования и отправить их на фронт.

Что касается влияний «темных сил», то, если иметь в виду Распутина, нужно сказать, что мысль сибирского крестьянина часто была яснее, нежели рассуждения многих царских министров. В этом отношении материалы допросов лишь подтверждают то, что было, напр., известно из переписки Николая II и Александры Федоровны. Так, напр., авантюрист Манасевич-Мануйлов сообщил, что Распутин был очень недоволен назначением Штурмера на пост министра иностранных дел. «Этот старикашка совсем с ума сошел, кричал Распутин по адресу Штурмера. — Итти в министры иностранных дел, когда ни черта в них не понимает... Как он может браться за это дело, и кроме того, еще с немецкой фамилией». Понимал Распутин и необходимость связи с Государственной Думой. Он организовал посещение Думы царем, наконец, если верить показаниям, ему принадлежит инициа-

¹⁾ Т. VI, стр. 255.

тива выдвижения кандидатуры Протопопова, кандидатуры неудачной, но во всяком случае неслучайной. По словам того же Мануилова, Распутин говорил ему: «Вот, пока ты там сидел на замке (Мануилов незадолго до беседы был освобожден из тюрьмы. *Н. Р.*), Протопопов назначен, теперь Россия здесь держится» (показывает на руку). Я спрашиваю: «Как это произошло, скажите мне?» Он говорит: «Эт я сделал, ведь надо же и для государственной думы что-нибудь, надо из государственной думы брать. Мы ошиблись на толстопузом (он так называл Хвостова, А. Н.)... на толстопузом, потому что он тоже из этих дураков правых. Я тебе говорю, все правые дураки. Вот теперь мы взяли между правыми и левыми — Протопопова». Впоследствии Распутин разочаровался в своем выдвиженце, который оказался непригодным в качестве связующего звена между правительством и Думой. «Он из того же мешка вышел, говорил Распутин, а пошел против, значит может пойти и против царя в конце концов; у него честь эластичная»¹⁾.

Но очевидно, влияние Совета объединенного дворянства и других правых организаций было сильнее. Министры, склонявшиеся к блоку с буржуазией, были устранены. Незадолго до февраля вновь последовали колебания правительственного курса, обнадежившие было кадетов — Милюков считал, что замена Штюрмера Треповым означает «полную победу» Думы. Наконец, новые изменения кабинета в декабре показали, что крайние правые в правительстве вновь взяли верх. С этого времени и начинается подготовка военного переворота, задуманного думскими и офицерскими кругами. Февральская революция свалилась как снег на голову и организатором военного проунициаменто и тем, против кого последнее направлялось.

Чрезвычайно любопытно отношение царского правительства к назревшим событиям. Из материалов допросов можно с полной определенностью заключить, что до последнего дня едва ли не все министры находились в блаженном неведении относительно настроения широких масс населения. Интересно, что общей чертой большинства из них была непоколебимая вера в то, что «мужичок не выдаст». Вероятно, опыт 1902—1903 гг., 1906—1907 г. не был усвоен этими представителями «благородного дворянства». Маклаков, напр., в начале войны думал, что «страна совсем не выражается в настроениях, которые всегда набегали в Петроград»²⁾. Протопопову «казалось, что все, что касалось фабрик и заводов — это левый элемент, а то, что пришло из деревни — это правый элемент»; крестьянство он считал «совершенно инертным»³⁾. Такое же отношение было и к войскам. Протопопов, знавший, что генерал Алексеев сказал царю: войска уже не те стали, наме-

¹⁾ Т. II, стр. 52, 55, 65, 67.

²⁾ Т. III, стр. 95.

³⁾ Т. I, стр. 150, т. II, стр. 280.

кая на растущее в них оппозиционное настроение, — все же был уверен, что, «в случае рабочего движения, правительство найдет опору в войсках»¹⁾.

Люди военные разбирались в событиях несколько лучше. Когда началась революция, Протопопов приставал к начальнику петроградского военного округа, ген. Хабалову, чтобы тот пустил в ход броневые автомобили. «Нужно сказать, сообщил ген. Хабалов следственной комиссии, что про эти броневые автомобили я был такого мнения, — что это прекрасная вещь, если я знаю, кто там сидит и кто ими управляет, если я отвечаю за него; ведь ничего не значит повернуть направо, кругом, — нет ничего проще»²⁾.

Дума пыталась приостановить движение. Родзянко посылал тревожные телеграммы царю и одновременно просил военного министра принять меры к тому, чтобы толпы на улицах Петрограда рассеивались при помощи пожарных насосов. Что пожар был не из тех, которые заливаются водой, — это лучше поняли Милуков и Гучков, поторопившиеся организовать Временный Комитет Государственной Думы — по выражению Гучкова — «временную постройку, воздвигнутую на пустом месте, с целью пережить это время между крушением старой власти и созданием новой.

* * *

Просматривая протоколы допросов, нельзя пройти мимо тех, кого допрашивала комиссия. Эти люди, «сановники первых трех классов», интересны не сами по себе, а как образцы человеческого материала, из которого строилась верхушка самодержавия. Галерея виднейших представителей царизма поражает своей убогостью. Не говоря уж об абсолютной непригодности большинства их к управлению государственным аппаратом, даже преданность их самодержавию оказалась более чем сомнительной. Почти все министры калялись в своих ошибках, признавали неправильную политику царизма, отрекались от нее, пытались снять с себя всякую ответственность за участие в мероприятиях правительства Николая II. Многие обнаружили отсутствие чувства элементарной солидарности и в своих показаниях усердно взваливали вину друг на друга. Все это хорошо иллюстрирует гнилость государственного аппарата царизма. Одни автопортреты сановников способны разрушить легенду о внеклассовости русского самодержавия. Разрушить — так сказать доказательством от противного. В самом деле — если бы самодержавие не имело иной опоры кроме Протопоповых, Штюмеров и т. п., оно не просуществовало бы и одного дня. Только при наличии классовой базы — полукрепостников-землевладельцев — самодержавие, даже располагая так и м государственным аппаратом, могло дотянуть до 1917 года.

¹⁾ Т. IV, стр. 82, 83.

²⁾ Т. I, стр. 208.

Материалы Следственной Комиссии оставляют в тени одну немаловажную фигуру — Николая Романова. Уважение к бывшему «носителю верховной власти» — так церемонно именовала Николая II Комиссия — простиралось до такой степени, что у б. царя не решались даже сделать выемку бумаг. В допросах сановников ссылки на царя встречались часто, но и допрашивающие и допрашиваемые пытались представить Николая в роли пассивного «носителя власти», испытывавшего целую серию влияний со стороны, но не оказывавшего никакого собственного влияния на развитие событий. Словом «царь не при чем, — приближенные виноваты» — традиционное заключение буржуазных историков о монархах, оставивших свой трон вследствие революции, заключение, неверное по отношению к Николаю II, так же как оно было неправильно и в применении к Людовику XVI.

Н. Рубинштейн.

Борьба за Советы (1918—1919). Истпарт Арханг. Губкома ВКП (б). 1926 г. Стр. 182. Цена 80 к.

Едва ли противоречие между значимостью проблемы и материалом необходимым для ее изучения так бросается в глаза, как при исследовании северной контр-революции. Не говоря уже о том, что на севере была осуществлена полностью интервенция — даже «нейтральная» Дания была там представлена особым отрядом, — но самая контр-революция чрезвычайно интересна, как единственная попытка буржуазии порвать союз с помещиком и связаться с мелкой буржуазией в деревне, не только использовав ее временное недовольство советами, но и заинтересовав ее экономически: то, что Миллюков проповедовал в 1921 году — пожертвовать крупным землевладением и тем наладить союз с крестьянством — то фактически было испробовано и на севере.

А между тем единственными историческими источниками для этого периода остаются только воспоминания. Ценные сами по себе, когда речь идет о бытовой стороне борьбы, о настроениях и переживаниях участников, о духе эпохи, чего не найдешь ни в каких документах, они оказываются не всегда состоятельными для выяснения фактического хода событий, а следовательно, для анализа классовых сдвигов и классовой борьбы. Воспоминания архангельских товарищей не избежали общей участи: история борьбы изложена ими не только неполно — это вообще по силам целому коллективу, а не одному-двум товарищам — но, иногда, и не лишена ошибок. Например, документ о разногласиях между правительством и интервентами, характеризующий как раз отношения эсеровского правительства к союзникам, отнесен к тому периоду («через 2 или 3 месяца после падения Архангельска», стр. 18), когда эсеры давно освободили от обязанности упра-

влять областью. Правительству Чайковского отказано в какой бы то ни было «положительной программе» (стр. 20), а между тем именно деятельность эсеров на Севере лучшее доказательство того положения, что «в капиталистическом обществе, при обострении лежащей в его основе классовой борьбы (гражданская война и есть такое обострение. *И. М.*) не может быть чего-либо среднего, находящегося между диктатурой буржуазии и диктатурой пролетариата» (Ленин): классовое содержание эсеровских мероприятий было чисто буржуазным, в этом основное «положительное» значение правительства эсеров. Неверно, что белое правительство Чайковского появилось «неожиданно даже для самих союзников» (стр. 85). Чайковский вел с ними переговоры и в самом Архангельске незадолго до переворота и, в особенности, в Москве. Как раз последнее обстоятельство вызвало очень интригантную сцену между союзниками, когда Чайковский проболтался об этих переговорах с французским послом Нулансом: ни американский, ни английский послы, оказывается, не знали о самостоятельных шагах Франции и были «крайне удивлены» этим обстоятельством. Неправильно указано, что «союзники» назначили Французского полковника Доноа (а не Дюноа. *И. М.*) военным губернатором г. Архангельска во время кризиса эсеровского правительства: губернатор был назначен в эпоху расцвета эсеров, это лишь раз подчеркивает взаимоотношения эсеров и «союзников». Не точно передана смена отдельных правительств, а это спутывает классовый анализ, ибо за каждым новым правительством стояла новая классовая группировка. Перепутаны фамилии министров (стр. 86) и т. п. Все это — иллюстрации недостаточности воспоминаний, как исторических источников, что очень затрудняет работу исследователя: восстановить картину помогут, главным образом, документы и архивные материалы, на соби́рание которых и следует направить внимание товарищей, изучающих события на севере.

Но, когда авторы касаются тех моментов, которые вряд ли могут найти подробное освещение в исследовании, — сборник остается единственным и очень интересным источником. Совершенно в новом свете выступает героическая борьба партийной организации и руководимых ею рабочих и крестьянских масс. В области, где большинство городов принимало участие в октябрьской революции даже «не по телеграфу», а, так сказать, «с оказией» — в Мезенском уезде население узнало о перевороте только полгода спустя после октября (стр. 40), где городская дума в самом Архангельске была разогнана, да и то специальной комиссией тов. Кедрова, только в июле месяце 1918 г., когда во всей остальной России в любой деревне кипела уже классовая борьба, — несколько десятков коммунистов вместе с сочувствующими, всего 500—600 человек, после небольшого периода замешательства по высадке союзников, решительно повели за собой пролетариат и крестьянскую бедноту в неравный бой с интервентами. Даже активные участники гражданской войны, издавшие виды, охотно и с большим удовлетворением будут читать стра-

ницы, посвященные борьбе партии с объединенным фронтом местной и иностранной контр-революции.

В сборнике помещена статья тов. Тубанова с общим очерком всего периода от первых дней Советской власти до конца 1918 года. Очерк, несмотря на свой общий характер, правильно нащупал основные классовые характеристики и роль интервентов; без участия последних северная контр-революция осталась бы местным явлением и для своей ликвидации вовсе не требовала бы напряжения пролетарского государства, а изживалась бы развитием классовых противоречий в самой области. Затем статья тов. Метелева, уже печатавшаяся на страницах «Пролетарской Революции», посвященная последним дням Архангельска, и, наконец, статья тов. Юрченкова о подполье при белых.

Условия, в которых приходилось работать партии, отличались особой сложностью. Каждая организация имела свой следственный аппарат, свою контр-разведку: гражданские власти имели свою чрезвычайную следственную комиссию, облеченную полнотой власти, с рядом отделений даже в сельских местностях, русские военные власти создали свою охранку, а кроме того при каждой иностранной части существовали в свою очередь отделения контр-разведок. Буквально на каждого жителя по шпшону: царская охранка была безобидным и очень мелким по охвату учреждением по сравнению с этой густой сетью контр-разведок. Чтобы оправдать свое существование, приходилось действовать по Щедрину, который когда-то съзвнил, что «даже глухого тетерева заподозрили в «образе мыслей» на том основании, что он днем молчит, а ночью спит». Группу эсеров и меньшевиков отправили на 15 лет в каторгу только за то, что в день годовщины февральской (не октябрьской. *И. М.*) революции они осмелились на митинге говорить об укреплении советской власти в России. Большевиков прямо расстреливали, если подозревали их в принадлежности к партии.

Как ни обычны эти зверства для гражданской войны, опубликование их архангельскими товарищами составляет ценный вклад в политическую литературу: зверства исходили от «союзников», именно они довели всю систему до такой степени усовершенствования. И сейчас, когда английские консерваторы снова проповедают «крестовый поход» против большевиков, окрыляя надежды русской эмиграции, когда бывшие деятели событий на севере — генералы Марушевские и прочие публикуют свои материалы о «демократической» власти на севере — появление сборника с изложением оборотной стороны северной «демократии» окажется как раз кстати; многим сомневающимся и забывающим недавние события он ответит на вопрос, что сулит новый поход.

В заключение нельзя не отметить еще пару досадных промахов. Тов. Метелев сообщает об обыске, произведенном в иностранных консульствах и найденном там оружии. Факт сам по себе огромного политического значения, так как выясняет

длительную подготовку интервенции и роль в ней союзников. К сожалению, тов. Метелев сообщает об этом факте как-то вскользь. Также мимоходом без подробностей сообщается о приезде в Архангельск перед его падением английского генерала Кемпа, а между тем за границей уже давно опубликована переписка генерала с английским консулом в Архангельске; поэтому теперь возможно правильное и подробное освещение цели этого приезда и поведения «нежданных гостей» (стр. 46).

И. Минц.

Молодежь в гражданской войне. Сборник. Сост. И. Владимиров. Стр. 19. Тираж 4.000. Цена 1 р. 20 к. 1926 г.

Сборник г. Владимирова является едва ли не первым опытом систематизации материала о роли Ком. Союза Молодежи в нашей гражданской войне. Отрывки из произведений различных авторов, расположенные в хронологическом порядке, характеризуют участие молодежи в февральской и октябрьской революциях, в организации Кр. Гвардии и в боях Кр. Армии на Колчаковском, Деникинском, Врангелевском и польском фронтах, работу комсомола в тылу, у белых и в меньшевистском подполье. В живых, ярких картинах (большинство отрывков даны в полубеллетристической форме) проходит перед читателем героическая борьба революционной молодежи в самые острые моменты классовых боев с буржуазией. Ограниченный—в своих возможностях недостатком материалов, автор не мог, разумеется, дать исчерпывающего представления о той исключительной роли, какую сыграли молодые кадры в период жестокой гражданской войны. Даже работа крупнейших организаций комсомола, как-то: Ленинграда, Москвы, Одессы, Иваново-Вознесенска и др. страдают неполнотой, не дают действительного масштаба юношеского движения в указанный период. Наиболее удачными являются статьи, посвященные подпольной и тыловой работе, выделенные в специальную главу, подчеркивающие необычайную отзывчивость и приспособляемость молодежи к самым трудным способам борьбы: прекрасно написаны комсомольские судебные процессы, героизм и самоотверженность молодых бойцов (статьи Москалева, Скрыпина, отрывок из «Юношеского движения», письма осужденных и др.).

К недостаткам рецензируемого сборника нужно прежде всего отнести слабое освещение комсомольских мобилизаций. Не вполне удовлетворительны вводные статьи, которые дают краткую характеристику военно-политического положения в стране, но совершенно не касаются удельного веса молодежи, не обобщают разбросанных по отдельным статьям данных об участии молодых кадров в комплектовании красных военных сил. Необходимо отметить несколько вульгаризированное представление о революционной работе молодежи в дооктябрьский период, которая,

но автору, почти исключительно заключалась в кулачных стычках, пощедивании револьверным курком и обструкциях против других партий на собраниях и митингах. Слабо также отмечена воспитательная и организационная работа, проведенная нашей партией в среде молодежи на всех этапах гражданской войны.

Несмотря на указанные недочеты, сборник представляет несомненный интерес и может быть рекомендован молодым читателям.

В приложении даны: устав и программа ВЛКСМ, резолюции о военной работе, воззвания и постановления VI съезда ВЛКСМ о работе в армии и флоте.

Н. Гальперин.

Александр Попов. Из истории забастовочного движения в России накануне империалистической войны. Бакинская забастовка 1914 г. Ленинградский Истпарт. Гиз. Л. 1925 г. Стр. 149.

Перед нами сухой перечень происходивших фактов, изложенных казенным языком жандармского управления и фабричной инспекции. Правда, даже этот язык дает достаточно выпуклое представление о тяжелом положении бакинских рабочих в 1914 году — по все же, на каждом шагу, чувствуется мертвенность, казенность, «отношение со стороны»; чувствуется, что факты сидно смягчены и затушеваны.

Совсем не то впечатление получается, когда читаешь сообщения о бакинской забастовке, помещенные в газете «Правда» 1914 года, и если бы автор использовал эти материалы «Правды», совсем другое впечатление получилось бы и от его брошюры; автор не знает даже о существовании этих материалов: «газетной литературы, относящейся к данному периоду, нет», — пишет он в своем предисловии.

Обращает на себя внимание также общий недостаток построения двух первых частей книги. Сначала говорится о «моменте возникновения забастовки», затем о «преемственности связи с забастовочным движением 1913 года и о различных взглядах на причины забастовки. Было бы лучше начать с краткого обзора экономического развития и значения бакинских нефтяных промыслов (достаточно полная статья по этому вопросу имеется также в «Правде» 1914 г.), затем дать краткий обзор стачечного движения в Баку, связав его с общероссийским, затем уже говорить о причинах данной забастовки и непосредственно после этого перейти к самому моменту возникновения забастовки.

Четвертая часть книги — «Тактическая линия нефтепромышленников» освещает истинные пружины борьбы капиталистов с рабочими — желание подавить и обессилить рабочих, чтобы хорошенько проучить их и подальше удерживать от

повторения подобных организованных выступлений. В пятой части — «Действия власти» — с достаточной яркостью выступает прислужническая лакейская роль власти по отношению к промышленникам.

И в этих обеих частях изложение ведется путем выдержек из казенных документов; анализа происходившей борьбы автор не делает.

О языке самого автора — поскольку он местами берет слово себе, — можно судить по следующей цитате: «Так или иначе, но здесь мы, очевидно, имеем дело с тем или иным привходящим явлением, играющим роль возбудителя и несколько повышающим жизненный тонус стачки, с временным влиянием гальванизирующего действия этого возбудителя, но не с новым органическим ростом этого движения» (ст. 78).

В заключение, нельзя не пожалеть, что такие яркие страницы рабочего движения, какие представляла собой стачка в Баку 1914 года, переаны так тускло и мертвенно, что вряд ли кто из читателей, взявши эту книгу, дочитает ее до конца. Особенно трудно читать ее, конечно, рабочему — как вследствие недостаточной связанности материала, так и благодаря тяжелому языку. Тема не переварена автором. Приведен лишь односторонний материал — жандармские и фабрично-инспекторские донесения, совершенно не использован наш партийный орган.

Т. Петухова.

Революция 1905 года. Сборник. Под редакцией А. Калейса, К. Каулина, А. Тихонова и П. Юдина. Новгород, 1925 г. Стр. 136. Тир. 2.000. Ц. 50 к.

Сборник содержит две статьи: 1) А. Калейса «Первая русская революция» и 2) А. Тихонова «1905 год в Новгороде и Новгородской губернии».

А. Калейс дал общий популярный очерк революции 1905 года. Очерк производит благоприятное впечатление: выбор материала сделан удачно, освещение дано правильное. Есть мелкие ошибки (может быть опечатки?) в датах: так, падение Порт-Артура отнесено к 22 декабря вместо 20-го (стр. 19), учреждение комиссии Шидловского — к 25 января вместо 29-го (стр. 27). Но в общем очерк А. Калейса несомненно может быть полезен для мало подготовленного читателя, на которого он и рассчитан. Одно только возбуждает недоумение: какое отношение этот очерк, занимающий две трети сборника (92 страниц из 136), имеет к Новгородской губернии? Казалось бы, губернская комиссия по празднованию 20-летнего юбилея 1905 г. должна была сосредоточить свое внимание на том, как проявилась революция именно в пределах Новгородской губернии. Между тем этому последнему вопросу посвящена лишь небольшая статья А. Тихонова, занимающая всего 44 стр. крупного шрифта.

Очерк А. Тихонова основан отчасти на архивном материале (повидимому, главным образом из фонда канцелярии губернатора), отчасти на воспоминаниях участников движения. Статья носит характер перечня фактов, касающихся движения в Новгороде и Новгородской губернии; ни систематизации сообщаемых фактов, ни анализа автор не дает. Но и факты изложены, как указывает сам автор, с большой неполнотой, которую он объясняет недостатком места. А между тем только полнота фактических данных могла бы сделать работу ценной, как материал для исследователя. В таком же виде она не представляет ценности ни для исследователя ни для массового читателя, которому нельзя давать голый перечень фактов. Нужно еще к тому же отметить недочеты стиля, граничащие иногда с малограмотностью (и не только стилистической). Вот несколько типичных примеров.

«Если при этом сравнить размер семьи наделного и безнадельного хозяйств, то окажется, что он всецело зависит от мощности хозяйства, например: наделного — размер средней семьи равнялся 5 чел., а безнадельного — 3—4 чел., т.-е. в два раза меньше» (стр. 94). «Количество скота в хозяйстве играло доминирующую роль и а урожайность» (стр. 94). «Чрезмерный оброк на наделную и купчую землю» (стр. 96). «Терпение начинало л о п а т ь» (стр. 96). «Профессиональной политической организации (?) до 1907 года в Боровичах не было» (стр. 107). «Окна тюрьмы з а к л а д е н ы до половины кирпичами» (стр. 129). «В середине 1905 года началась агитация среди солдат Выборгского и артиллерийского (?) полков, распространяя между ними нелегальную литературу с.-д. партии» (стр. 130). «Недовольство к старым схоластическим порядкам школы» (стр. 131). «Руководство н а д учащейся молодежью» (стр. 132). «Причинами погрома, по мнению следователя, были следующие» (стр. 134). «Жандармско-политический строй» (стр. 134) и пр.

Приходится признать, что Новгородская губернская комиссия по проведению 20-летнего юбилея своей задачи не разрешила: первая часть сборника, составленная удовлетворительно, не имеет отношения к Новгородской губернии; вторая же часть, посвященная Новгородской губернии, — неудовлетворительна.

Е. Мороховец.

Галимаджан Ибрагимов. Татары в революции 1905 года. Перевод с татарского Г. Мухамедовой. Под ред. Г. Линцера. Комиссия по проведению 20-летия революции 1905 г. при ТЦИК'е и Истпартотделе ОК ВКП (б) Т. Р. Казань. 1926 г. Стр. 262.

История революционного движения в национальных областях изучена до сих пор мало. Работа т. Ибрагимова носит серьезный научно-исследовательский характер и дает разностороннюю картину революционного движения татар, в которой борьба классовая сильно осложнялась моментами национального

и религиозного угнетения. Жаль только, что в книге нет ничего по вопросу о крестьянском движении среди татар, освещение которого необходимо для полноты картины революционной борьбы татарских масс. Несмотря на эту неполноту, книга «Татары в революции 1905 г.» чрезвычайно ценна. Прежде всего интересна самая тема ее, до настоящего времени почти совершенно не разработанная. Достоинством книги является умелое использование автором огромного архивного материала (материалов Казанского губернского жандармского управления, охранного отделения, секретного стола губернатора, конфискованных полицией книг, газет и журналов 1905 г., прокламаций, писем и пр.) и то, что т. Ибрагимов сумел дать в своей работе марксистский анализ экономических и политических предпосылок революционного движения среди татар в 1905 и классовую оценку всех более значительных татарских политических партий и течений того времени. Каждая из многочисленных, борющихся между собой партий и группировок проанализирована им с точки зрения ее классового состава, целей и тактики, а также взаимоотношений ее с общерусскими политическими партиями и революционным движением.

Книга тов. Ибрагимова рисует перед читателем ясную картину политического и национально-культурного движения среди татар. Перед читателем проходит и черносотенная группа, происходящая из недр феодальной татарской аристократии и высшего духовенства, и разнообразные оппозиционные партии, ведущие наряду с политической борьбой против царского правительства и борьбу между собой как по классовой линии, так и по линии национально-культурной: борьба шла между сторонниками национального самоопределения татар с пантюристами и пансламистами, а также между сторонниками реформ в татарских религиозных школах и их противниками.

Рисуя общую картину этой борьбы, автор уделяет главное внимание татарской социал-демократии, ее борьбе с либералами и соглашателями и роли татар социал-демократов в Казанском Комитете РСДРП.

К недостаткам книги следует отнести отсутствие перевода целого ряда татарских слов и отсутствие пояснительных примечаний для тех понятий, которые как, например, «Шакир» непонятны для русского читателя, для которого очевидно, предназначен русский перевод этой книги.

Книга Ибрагимова говорит о татарах не только населяющих территорию теперешней татарской Республики, но касается и татарского движения в других районах. В книге имеется много интересных иллюстраций — портреты большевиков 1905 г., снимки прокламаций и т. д. В приложении даны прокламации, издававшиеся РСДРП на татарском языке.

Если в следующем издании т. Ибрагимов сумеет дать картину и крестьянского движения татар 1905 г., изучение которого, по словам автора, уже начато (стр. 242),

то нам останется только пожелать, чтобы революционное движение этого периода у других национальных меньшинств СССР было бы изучено не менее серьезно и полно.

Р. Хабас.

Восстания в Балтийском флоте в 1905—1906 гг. Сборник статей, воспоминаний, материалов и документов. Составил И. В. Егоров. Под редакцией Ленинградского Истпарта. Ленинград. 1926 г. Стр. 160.

До сих пор восстания в Балтийском флоте в период первой русской революции изучены еще слишком мало. Имевшаяся по этому вопросу литература носила преимущественно мемуарный характер и как, таковая, не лишена неточностей. Для обработки архивных материалов существовала в 1920 г. «Комиссия по систематизации и описанию материалов о революционном движении в Балтийском флоте»; работы сотрудников этой комиссии частью были напечатаны, частью же сделались уже библиографической редкостью. Весьма ценно, что тов. Егоров нашел эти работы и использовал их для своего сборника, дополнив материалами взятыми из заграничной и подпольной партийной печати того времени, воспоминаниями участников, прощальными письмами осужденных, своими собственными небольшими очерками и другими подобными материалами. К сожалению, работа г. Егорова, несмотря на обилие и разнообразие материала, не является достаточно полной; так, например, в отделе «Первое Кронштадтское вооруженное восстание в 1905 г.», несмотря на существование особого подотдела «Петербургские рабочие на защиту матросов» (стр. 49—52) ни одного слова не говорится о ноябрьской забастовке петербургских рабочих, прошедшей по призыву Петербургского Совета Рабочих депутатов в защиту кронштадтских матросов и вынудившей царское правительство дать 5 ноября телеграмму о том, что кронштадтские матросы не будут преданы военно-полевому суду. У читателя, мало знакомого с историей 1905 г., создается неверное впечатление, что защита кронштадтцев ограничилась лишь резолюциями рабочих отдельных заводов.

Работа Егорова не может, конечно, заменить истории восстаний в Балтийском флоте, но она дает большой и ценный материал. Интересна книга и для рядового читателя, при чем некоторые ее части, как, например, «Казнь 19 кронштадтских матросов в 1905 г.» чрезвычайно ярки и производят сильное впечатление. В книге имеются иллюстрации — портреты участников движения.

Р. Хабас.

Отражение первой русской революции в Северо-Двинской губернии.

Сборник статей. Издание Истпарта Северо-Двинского губкома. В.-Устюг. 1926 г. 80 стр.

Для изучения истории и опыта революции 1905 года важны материалы, касающиеся не только больших центров или крупных окраин, игравших видную роль в 1905 году, но и воспоминания из далеких мест, где великая первая революция, всколыхнув рабочего, только зародила революционную мысль. О таком уголке говорит нам данный сборник, вынужденный Северо-Двинским Истпартом.

Сборник составлен главным образом из воспоминаний самих участников. Воспоминания Шумилова о работе Устюгской группы РС-ДРП, Наумова о почтово-телеграфной забастовке и Шляпина об октябрьских днях 1905 года в Устюге — ценнейшая часть сборника; в них деловито, без балетристических отступлений и вычлывания автобиографий излагаются факты, дается картина зарождавшегося революционного движения в далеком уездном городе.

1905 год в В.-Устюге застал еще слабые зачатки революционных настроений; мы видим из слов т. Наумова, что «до 1904 года работники почты и телеграфа... не проявляли никакой активности, даже самое слово «политический» было чем-то страшным». Но вот — вспоминает автор — 30 (17) октября 1905 года: провод передает необычные слова — «свобода слова, печати, собраний», вызывающие скромное, но упорное движение среди служащих. Слух о манифесте распространяется по городу: выходят гимназисты с некоторыми преподавателями, к ним присоединяются рабочие, придавая политический тон манифестации. Но все это проходит спокойно, — «манифестация 19 октября¹⁾, совершавшаяся в общем довольно мирно, проходила при благосклонном попустительстве со стороны чинов полиции и в сопровождении духового оркестра пожарной дружины». После первых дней подъема начинает подымать голову реакция; черная сотня устраивает погром, вылившийся в битье стекол, избивении и аресте руководителей демонстрации. 7 ноября город принимает мирный вид.

С особенным интересом читаются воспоминания Шумилова. Автор последовательно излагает историю развития с.-д. группы, образовавшейся в В.-Устюге после октябрьских дней 1905 года, останавливаясь, главным образом на 1907—1908 и 1910 годах — периоде расцвета работы группы.

«Не помню, — говорит автор, — кому первому из нас пришла в голову мысль организовать группу РСДРП, но сразу же после погромов было устроено организационное собрание нашей группы... Уже в 1908 году группа обслуживала не только район города и уезда, но ее деятельность захватывала и другие места

¹⁾ 1 ноября.

Вологодской губернии — Красавинскую и Лальскую фабрики, Никольск, Яренск, Сольвычегодск, Устьсысольск.

Внутрипартийная борьба годов реакции не отражается на работе группы: «В силу сравнительно хорошей спайки и дисциплины подпольной организации, разногласия дальше дискуссий не выносились и на практическую работу не влияли», — говорит тов. Шумилов. В 1908—1909 гг. группа налаживает «технику», оборудуя типографский станок. «На этом станке издавались 2 газеты, — пишет автор, — «Ворьба» — орган В.-Устюжской группы... и потом: «Северный рабочий» для Ярославского к-та... В 1911 году группа распадается и с 1913 года действует только вновь организованный марксистский кружок. Очень интересен документальный материал, приложенный автором: отчет Устюжской группы РСДРП за 1907—1908 гг., устав группы и первомайский листок.

Останавливает внимание в сборнике статья Насовского «Аграрное движение в С.-Двинской губернии 1905—1907 год», богатая выдержками из документов, но мало обработанная, без общего анализа.

В общем книга интересная и является ценным материалом для историка.

О. Бош.

1905 г. в Астрахани. Сборник статей. Под редакцией П. М. Новлянского. Изд. Истпартотдела Астраханского Губкома РКП (б). Астрахань. 1925 г. Стр. 118.

Перед нами тоненькая книжка — сборник, посвященный, главным образом, первой пролетарской революции в Астраханской губернии. Сборничек содержит пять статей и, справедливо оговаривается местный Истпартотдел, что «это еще далеко не все, могущее дать читателю полное представление».

Несмотря на то, что книжка сравнительно небольшая, в ней допущено много ошибок.

Поскольку история Астраханской партийной организации до сего времени очень мало была разработана, в сборнике большая его часть посвящена периоду, предшествовавшему 1905 г. Первая статья Е. И. Иванова трактует об экономических предпосылках к 1905 г.; составлена она, главным образом, по материалам статистических обзоров Астраханской губернии за 1903 и 1904 гг. и целиком отражает на себе все грехи старорежимного писания казенных «обзоров». Сохранена, напр., правительственная полицейская классификация населения не на классы, а на с л о в и я. Цифры, характеризующие промышленность, даны в абсолютной величине, а потому не способны дать представление о росте или

упадке промышленности к 1905 г. Автор проявил не критическое отношение к сведениям фабричной инспекции о заработной плате астраханского рабочего. Инспектору, конечно, нужно было рапортовать по начальству о благополучии, царящем якобы на предприятиях, почему он и доносил о вышей заработной плате рабочего, как о средней. Автор же статьи поверил инспектору на слово, несмотря на то, что расценочные таблицы были у него под руками.

Вторая статья «Астрахань накануне 1905 г.» И. Е. И—ва, написанная «по воспоминаниям товарищей и материалам охранки», трактует о 1900—1904 гг. парт-организации. Автором не указывается, была ли организация искровской или экономистской, или же в ней были те и другие элементы. Не упоминается вовсе об идейном руководителе всей первоначальной группы астраханских социал-демократов, — «Иннокентий» Дубровинском.

Организация была не однородна; когда дело дошло до оформления организации — создания комитета, группа вполне определившихся искровцев (в том числе «Иннокентий», Триллисер ¹⁾, Костин и др.) сознательно противопоставляли себя другой группе, — в дальнейшем ставшей меньшевистской (Серезников, Аствацатуров, Редкозубов, Семенов, Голландский и др.).

Странно звучит мысль, что организацию в это время «удручает отсутствие легального собственного партийного органа и типографии». Неправильно изображается картина и после второго съезда: «большевизм остался только в резолюции; фактически же дело свелось к тому, что комитет был захвачен меньшевиками». Следовало бы указать на причину, почему это обстоятельство имело место: не потому ли осталось меньшинство большевиков, что их переставили и выслали из Астрахани.

Неверно расценивается роль астраханской с.-д.-й организации в революции 1905 г. ²⁾ Несомненно, самой сильной и популярной партией в Астрахани в описываемую эпоху была с.-д. партия, остальные партии фактически только начали организовываться. Насколько сильно было влияние с.-д. на рабочие массы, видно из того, что в этот период было много забастовок на разных предприятиях и везде главную руководящую роль играли с.-д. Свое идейное и организационное первенство соц.-дем. организация сохранила и после октябрьских дней, когда приходилось вести астраханский пролетариат организованно в бой с царизмом и капитализмом. Как реагировал Астраханский комитет на созыв III съезда, как отнесся он к злободневнейшему вопросу как съезда, так

¹⁾ В рецензируемой книжке тов. Триллисер называется Павлом; между тем, это была его астраханская кличка, и «Павел» следовало бы брать в кавычки.

²⁾ Статья Мелькумова «Роль Астраханской организации РС-ДРП в револ. 1905 г.»

и всей революции 1905 г. — о вооруженном восстании, ничего этого в поле зрения автора статьи (да и всего сборника) не имеется. Почему комитет не дал ни одного политического лозунга к всеобщей ноябрьской стачке, проводя ее исключительно, как экономическую? Почему реагировал комитет на московское вооруженное восстание лишь простым и неопределенным вопросом: «Неужели и мы будем безучастными в этой борьбе». — И восклицанием в самой общей форме: — «Нет, мы будем требовать, бороться!» На эти вопросы мы не получаем прямого ответа, а приходится лишь догадываться о меньшевистском решении их на основании других моментов политической деятельности комитета (например, исходя из принятия решения участвовать в Булыгинской Думе или из связи с меньшевистской «Искрой» и т. д.).

Но если Астраханский комитет вел целиком меньшевистскую политику, то нечего было автору сборника оправдывать и восторгаться успехами его работы, тем более, что рабочую часть парторганизации комитет часто не удовлетворял, плетясь в ее хвосте, как это было, например, с отношением к Булыгинской Думе.

Н. Знаменский.

IV Всесоюзное совещание заведующих истпаротделами.

(4—8 января 1927 г.).

Семь лет тому назад тов. М. Ст. Ольминский писал:

«Одна из величайших революций, — пока лишь национальная, но имеющая огромные шансы разгореться в мировой пожар, будет предметом сугубого внимания и тщательного изучения многих и многих поколений. И было бы более, чем позорно, если бы мы, участники и современники этой революции, и пальцем не пошевельнули, чтобы задержать стихию уничтожения тех ценнейших источников для этого изучения, которые еще могут быть сохранены, которые еще не погибли вместе с их живыми носителями (личные впечатления и переживания еще не сошедших со сцены современных наблюдателей пережитой полосы «бури и натиска»), еще не превращены в курительный материал наивными потребителями «рязной» бумаги для «цыгарок»...

Вот как тогда был поставлен вопрос. 1

А на недавно закончившемся IV Всесоюзном Совещании уже не жаловались на недостаточное количество воспоминаний, на нежелание товарищей писать. Наоборот, на этом совещании ораторы призывали к борьбе с увлечением мемуарной литературой.

Шесть лет тому назад с величайшим трудом закладывались первичные ячейки истпартов — бюро истпартов. Истпарт рассматривался, как «ученая комиссия главная задача которой — обработка материалов, издание их и составление истории партии пролетариата и пролетарской революции» (см. доклад тов. Адоратского в секции Истпарта на конференции архивных работников). А одним из основных лозунгов, брошенных теперешним заведующим Истпаротделом ЦК ВКП (б), был лозунг о борьбе с академизмом в истпартовской работе.

Правда, и на последнем совещании раздавались многочисленные голоса о недостаточном внимании к работе истпаротделов, о том, что они находятся «на задворках», о недостаточном количестве квалифицированных работников и т. д. Но достаточно перелистать протоколы предыдущих совещаний, чтобы убедиться, как выросла истпартовская работа и понять истинное значение в истории этой работы IV Всесоюзного Совещания.

Открывая его, зав. Истпаротделом ЦК ВКП (б) тов. С. И. Гусев отметил отсутствие увязки между истпартовской работой и современной борьбой партии.

«Наша партия», — говорил тов. Гусев — «является той партией, которая имеет наиболее богатый, колоссальный революционный опыт, такой опыт, какого нет у других компартий. Мы могли бы этот революционный опыт развернуть перед иностранными рабочими и перед коммунистическими партиями Запада. Разв мы это делаем? Мы до сих пор мало сделали для того, чтобы наш революционный опыт перенести на Запад для использования его в той колоссальной борьбе, которая предстоит западно-европейскому пролетариату, а также рабоче-крестьянским массам в колониях. В связи с новым периодом нарастания международной революции, в связи с угрозой новой интервенцией нашему Союзу, международная работа Истпарта становится первоочередной работой».

Не менее важной задачей испартотделов является воспитание в ленинском духе подрастающей рабоче-крестьянской молодежи. В этом отношении особенно плохо обстоит дело в тех республиках нашего Союза, в которых нет старых революционных кадров, нет более или менее прочных традиций многолетней революционной борьбы.

«Если в РСФСР и на Украине, а также на Кавказе, где уже давно существует наша партия, — говорится в принятой по докладу т. Гусева резолюции, — передача революционных традиций теперешнему поколению облегчается в большой степени прочностью этих традиций, то в других национальных республиках революционные традиции значительно слабее, а потому в этих республиках исключительно важное значение для воспитания молодежи приобретает изучение нашего революционного прошлого, героических периодов и эпизодов трех революций и истории нашей партии».

Увязка работы испартотделов с текущими задачами партии должна идти и в другом направлении. Изучение истории революционного движения и, в первую очередь, истории партии должно иметь своей целью не только научное описание и объяснение тех или иных исторических фактов. Это изучение должно дать ключ к пониманию современной действительности.

«Марксизм — не догма, а руководство к действию». Целью марксистской истории является не только научное объяснение общественных явлений, но и указание правильных путей к изменению социально-экономических отношений, к победе социалистического строительства.

Современная борьба компартии с различными уклонами от ленинского пути в ее среде ясно показывает, что эти уклоны своими корнями исходят из глубины истории партии, из ее старой борьбы с мелко-буржуазными течениями, прикрывавшимися социалистической вывеской.

«Возьмите хоть бы для примера «рабочедельцев» — говорил на последнем совещании тов. Гусев, — возьмите вопрос о гегемонии пролетариата в русской революции, вопрос, по которому шла борьба между «искровцами» и

«рабочедельцами». Теперь этот спор предстоит перед нами в новом свете, теперь мы видим связь этого спора с постановкой оппозицией вопроса о диктатуре пролетариата на десятом году ее существования».

Изучая прошлое, испартотделы должны это прошлое увязывать с настоящим и помогать партии в ее борьбе в настоящем. Таков один из наиболее важных выводов, к которым пришло в своей работе IV Всесоюзное Совещание.

В качестве практических мероприятий в этом направлении Совещание приняло ряд постановлений в целях постоянной увязки работы как с внутренней, так и международной работой партии.

Перелистывая протоколы предыдущих Совещаний, легко убедиться, что вопрос об увязке прошлого с настоящим в работе Испартов поднимался и раньше. Так, уже в первых №№ «Пролетарской Революции» мы найдем программу и объяснительную записку о преподавании истории русской революции в губсовпартишколах. Эта увязка нашла свое отражение в ряде других статей в «Пролетарской Революции», в издании ряда томов под общим заглавием «Революция и ВКП (б)» и т. д.

Но все это носило случайный характер. И лишь последнее Совещание положило увязку работы Испартов со всей борьбой партии в основу своей работы. В связи с этим как в докладе тов. Гусева, так и в речах представителей местных испартотделов во время прений по этому докладу указывалось на существующую до сих пор академическую замкнутость испартов.

Эта замкнутость имеет, конечно, свое объяснение в истории развития испартовской работы. Испартотделам долгое время (а, кое-где пожалуй, и до сих пор) приходилось бороться за свое существование. Им нужно было сначала самоопределиваться.

И не случайно, что Испарт рассматривался, как мы видели из приведенной выше цитаты из речи тов. Адоратского, как «ученая комиссия».

Но с течением времени логика самой жизни должна была вырвать Испартотделы из их замкнутости. Призывы к этому раздавались уже на предыдущих Совещаниях. Да и практика работы уже довольно давно толкает испарты на путь привлечения к своей деятельности широких слоев общественности в виде всевозможных кружков содействия, женских, красноармейских и пр. секций, фабрично-заводских комиссий из рабочих подпольщиков и т. д.

Четвертое Всесоюзное Совещание подошло вплотную к этому вопросу. Указав на то обстоятельство, что Испарты не могут надеяться на подготовку кадра испартовских работников, так как тех сил, которые в настоящее время выпускаются партийными ВУЗ'ами, не хватает на обслуживание гораздо более важных областей партийной и советской работы, тов. Гусев в своем докладе подчеркнул, что испарты должны стараться привлечь к своей работе общественность.

«Есть много организаций», — сказал он, — «которые могли бы быть привлечены в виде кружков содействия к работе испартов. Это уже кое-где и делается и эту практику надо расширять. Испарт менее всего является таким учреждением, которое может быть поставлено по бюрократическому методу. Здесь приходится больше всего устремлять внимание, чтобы работу перевести с рельс бюрократических на рельсы общественные, привлекая те общественные силы, которые находятся в сфере влияния данного испарта».

Это положение было зафиксировано и в резолюции, принятой по докладу тов. Гусева.

Следующей большой группой вопросов работы Совещания были вопросы, связанные с предстоящей 10-летней годовщиной Октябрьской революции.

Этими вопросами Испартотделы занимаются уже довольно давно, но, по ряду причин, подготовка к юбилею в области испартовской работы, как выяснилось, продвинулась еще очень недалеко. Разработанная еще в начале 1926 г. схема обработки материалов по истории Октябрьской революции оказалась настолько обширной, что выполнить ее испартотделы при их современных возможностях смогли бы лишь в течение длинного ряда лет.

Перед совещанием встала поэтому задача максимального сжатия этого плана, что диктовалось и соображениями необходимости строжайшей экономии средств и сил.

С другой стороны, предстояло учесть и опыт издания исторических работ в связи с юбилеем революции 1905 г. Этот опыт оказался не совсем удачным. Рынок был заполнен громадным количеством изданий по 1905 г., при чем очень значительная часть этих изданий была очень невысокого качества. Кроме того, несмотря на то, что со времени 20-летней годовщины 1905 г. прошло уже много времени, 50% первоначальной программы еще до сих пор не выполнено, а значительная часть литературных работ еще не сдана в набор.

В своем докладе о подготовке к 10-летию Октябрьской революции тов. Савельев указал на необходимость строжайшей экономии средств в проведении праздника. Литературный план изданий в связи с юбилеем должен быть сжат. Макулатуре не должно быть места среди испартовских изданий.

Испартотделы должны дать научно-исследовательскую литературу, основанную на самой строгой проверке фактов и документов.

Кроме того не следует забывать, что средств и времени даже и для сжатой программы очень мало. Поэтому, надо стремиться лишь к тому, чтобы дать ясную, совершенно определенную картину лишь первого периода нашей революции, не забегая вперед и не пытаясь объять необъятное.

Наряду с этим к юбилею необходимо дать и вполне доброкачественную агитационно-популярную литературу.

«Эта вторая задача, — сказал в своем докладе тов. Савельев, — несомненно в значительно меньшей степени захватывает нашу испартовскую работу, но тем не менее совершенно упускать популярную литературу из нашей перспективы нельзя. Испарты являются теми естественными центрами на местах, которые должны взять на себя руководящую роль в деле подготовки всей октябрьской литературы. Нужно прямо сказать — лучше небольшая, яркая популярная брошюра, лучше яркое, боевое освещение этого вопроса, доступное широким массам, чем какие-нибудь толстые монографии, написанные в прок, недостаточно проработанные, содержащие сырой, непроверенный, неувязанный между собой материал».

Как и тов. Гусев, тов. Савельев подчеркнул необходимость увязки и в литературно-исторической обработке материалов по Октябрьской революции с современной борьбой партии. «Наша партия работает в обстановке, в которой мелкобуржуазное и буржуазное влияние сказывается на том или другом партийном участке. Предстоящее октябрьское празднование должно быть в то же самое время боевым смотром сил, и та литература, которую мы готовим к Октябрю — должна явиться тем духовным орудием, которым мы вооружаемся...

Исследовательская работа испартов, а тем более популярная литература, выходящая под их маркой, должна исходить из истинно ленинской оценки октябрьских событий. С этой точки зрения должны быть освещены и все уклоны и шатания, с которыми придется иметь дело при изложении тем и событий».

В заключение тов. Савельев познакомил СовеЩание с планом литературных работ Испарта ЦК ВКП (б) и местных испартов в связи с Октябрем.

Вопросы подготовки празднования юбилея Октябрьской революции трактовались в докладе тов. Максакова, соединившего в одном докладе две темы, стоявшие на повестке работ СовеЩания: доклад о собирании материалов в связи с 10-летием Октябрьской революции и доклад о создании единого партархива на местах.

Высказав мысль, что основная задача наших историков-современников заключается в накоплении и отборе материалов для будущей истории Октября, которая будет написана «не сегодня и не завтра», — тов. Максаков подробно остановился на состоянии архивных фондов по Октябрьской революции. Основная масса материалов, необходимых для изучения истории Октябрьской революции, находится на территории РСФСР. Начало собирания этих материалов тесно связано с началом самой испартовской работы.

Несмотря на большое количество собранных в настоящее время материалов, все же следует признать, что очень много ценного материала или еще не найдено, или совершенно утеряно. Так, материал по рабочему движению за период 1914—1916 гг. нигде, кроме жандармских архивов, достать нельзя. Только за последнее время кое-где начинают выплывать материалы фабричной инспекции. Должны быть тщательно обследованы фабрично-заводские архивы. В Ленинграде сейчас

к этим материалам подошли и обнаружили, что они находятся в крайне плачевном состоянии.

Материалы фабзавкомов 1917 г. для всякого исследователя представляют громадную ценность. То же следует сказать о материалах по организации Красной Гвардии. Большинство из этих материалов еще нужно разыскать. Под Москвой, на одном из заводов, недавно были найдены материалы, непосредственно относящиеся к истории Октября. Это были приказы штаба из Москвы, ответы, списки оружия, списки дружинников и пр. Очень мало материалов имеется по истории военнореволюционных комитетов, губисполкомов и т. д.

Подробно остановившись на указаниях, где можно найти различные еще не разысканные материалы по истории Октябрьской революции, тов. Макасов перешел к вопросу о едином партархиве. Предложенные им положения были после обсуждения их приняты Совещанием и вошли в особую резолюцию по партархивам.

Основной темой доклада тов. Волковичера был трудный, еще мало затронутый в марксистской литературе вопрос о научной обработке материалов. Исходя из основных принципов исторического материализма докладчик сделал обзор различных типов материалов и дал ряд практических указаний, как пользоваться этими материалами для научно-исследовательской работы.

По всем этим докладам развернулись живые прения, отразившие, несмотря на все недочеты, рост испартовского дела на местах. Ораторы делали дополнения к тезисам докладчиков, подробно останавливались на недостатках работы как местных, так и центрального испарта, внесли ряд конкретных предложений, вошедших затем в виде поправок в резолюции, предложенные Испартом ЦК ВКП (б).

Выбранная Совещанием комиссия для проработки вопросов, связанных с подготовкой празднования 10-летнего юбилея Октябрьской революции, заслушала доклады: 1) об общей схеме разработки материалов и подготовки очерков Октябрьской революции, 2) о типах изданий местных испартоотделов по истории Октябрьской революции, 3) о размерах литературного плана изданий к 10-летию Октябрьской революции, 4) об участии испартоотделов в массовой пропаганде 10-летия Октябрьской революции. Кроме того, Совещанием были приняты резолюции: 1) об очередных задачах Испарта (по докладу тов. Гусева), 2) о собирании материалов (по докладу тов. Макасова), 3) о партархивах, 4) о строительстве Музеев Революции (по докладу Мицкевича и Романовской) и 5) об учете памятников революционного движения (по докладу Дружинина).

В Совещании участвовало 64 делегата с решающим голосом. (На предыдущем Совещании 26—27 мая 1924 г. было 20 чел.).

Некоторые из испартовских работников часто высказывают недовольство темпом развития испартовской работы, ее недостатками и тяжелым положением Испартов.

Конечно, недостатки в нашей работе есть. Но достаточно вспомнить всю недолгую историю жизни испартов, достаточно сравнить IV Всесоюзное Совещание с предыдущими, чтобы убедиться, что испартовская работа неуклонно развивается в ширь и в глубь.

А. Станчинский.

Резолюции и постановления IV совещания заведующих испартоотделами 4—8 января 1927 г., утвержденные Испартом ЦК ВКП(б).

I.

Очередные задачи Испарта.

(По докладу тов. С. И. Гусева).

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ.

Приближающийся десятилетний юбилей Октябрьской революции возлагает на Испарт задачу сосредоточить свои силы в ближайшее время на подготовке к этому юбилею и на проведении его.

Вместе с недавним двадцатилетним юбилеем революции 1905 г., когда Испарту пришлось мобилизовать свои силы для литературной подготовки к нему, десятилетний юбилей Октябрьской Революции особенно подчеркивает необходимость для Испарта увязать в дальнейшем всю свою научно-исследовательскую работу с текущей политической работой ВКП (б) и использовать наше революционное прошлое для революционного настоящего.

Особенно важно использование нашего революционного прошлого в целях воспитания новых слоев рабочих. Кроме того, Испарт в своей работе должен оказывать содействие работе Истмолов, чтобы таким образом влиять на революционное воспитание юношества, которое вырастает в настоящее время в условиях мирного хозяйственного строительства. Если в РСФСР и на Украине, а также на Кавказе, где уже давно существует наша партия, передача революционных традиций теперешнему поколению облегчается в большой степени прочностью этих традиций, то в других национальных республиках революционные традиции значительно слабее, а потому в этих республиках исключительно важное значение для воспитания молодежи приобретает изучение нашего революционного прошлого, героических периодов и эпизодов трех революций и истории нашей партии.

Рост социалистического строительства в СССР и укрепление союза между рабочими и крестьянами с каждым годом увеличивает международное значение нашей партии и повышает ее роль в подготовке международной революции. В связи

с этим перед Истпартом встает задача собрать и передать рабочим других стран, а также начинающим и начавшим освободительную революционную борьбу народам, находящимся в империалистическом рабстве, богатейший революционный опыт СССР, который помог бы им в их тяжелой борьбе.

В целях постоянной увязки работы Истпарта как с внутренней, так и с международной работой партии, необходимо в первую очередь: а) приступить к регулярной постановке на ячейках, а также на собраниях секретарей ячеек докладов о работе Истпарта, б) приступить к подготовке серии дешевых популярных брошюр по истории ВКП (б) и трех русских революций, с целью перевода их на языки нац. республик, а также на иностранные языки, согласовав эту работу с соответствующими органами ВКП (б) и Коминтерна, в) готовить популярные брошюры по отдельным периодам и моментам истории ВКП (б), приобретающим актуальное значение в связи с возникающими в текущей внутрипартийной работе ВКП (б) новыми партийными проблемами, г) считать необходимым организацию во всех крупнейших городах Союза научно-исследовательских кафедр по истории рев. движения (по сметам Наркомпроса) по плану и программе Истпартов.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ.

Совещание отмечает отсутствие единой организационной структуры Истпартов на местах, как руководящих звеньев работы (существуют: коллегии, советы истпартов, литературные советы и пр.). Иногда на местах направляющая работа проводится единолично самим заведующим. Истпарт ЦК, используя и учтя опыт местной работы, полезность тех или иных форм, должен дать периферии практические указания в смысле однородного построения Истпартов, уточнение системы руководства, определяя задачу Истпарта, как отдела парткома, организующего и руководящего изучением истории ВКП (б) и Октябрьской Революции, а не как только органа, непосредственно ведущего в лице своих сотрудников научно-исследовательскую работу. Считать необходимым в ближайшее время пересмотреть положение об Истпарте ЦК ВКП (б) и его местных органах, в частности, изменить организационную структуру Истпарта ЦК, создав наравне с другими Отделами научно-исследовательский отдел, руководящий соответствующей работой местных отделов.

В своей деятельности Истпарты должны стать живыми органами общепартийной работы, должны отказаться от академической замкнутости и держать курс на самую тесную связь с пролетарской общественностью, привлекая к своей работе пролетарских свидетелей и участников революционного движения.

Практика работы на местах показала живучесть следующих организаций, содействующих работе Истпарта: группы содействия Истпарту — по тому или иному моменту, секции (женские, красноармейские и проч.), временные комиссии, кружки и уполномоченные, а также постоянные фабрично-заводские комиссии из рабочих-подпольщиков.

Необходимы периодические собрания Истпарта с представителями истпартовских фабрично-заводских комиссий, а также изучение заводских архивов. Обратит внимание местных Истпартов на важность изучения революционной истории местных фабрик и заводов.

Необходимость улучшения качества научных трудов и переход от первоначального накопления и простой систематизации фактов и материалов к научным обобщениям требуют от Истпарта приложения к работе больших сил, привлечения к ним научно-исследовательских институтов, военных работников, учащейся молодежи и т. п.

Считать необходимым, чтобы в дальнейшем Истпарт ЦК ставил перед областными объединениями определенную задачу по разработке того или иного вопроса, касающегося истории революции и партии, и проводил бы эту работу через эти областные объединения.

Основной работой заведующих Истпартами считать работу в Истпарте.

Считать желательным вызов заведующих Истпартами для докладов в Истпарт ЦК.

Считать необходимым дать директивы местам через ЦК партии, обратив их внимание на более серьезный подбор работников Истпарта, не нагружая их другой партийной работой, а также на нежелательность их частой смены (директивы XII съезда).

Считать необходимым использовать выезжающих на места инструкторов ЦК для обследования работы местных Истпартов.

Считать необходимым согласование работы Истпарта с работой Истомолов и Истпрофа.

Обеспечить в журнале «Пролетарская Революция» не менее половины листа для информации местных Истпартов.

II.

Об участии истпартотделов в работе, связанной с проведением 10-летнего юбилея Октябрьской революции.

(По докл. М. А. Савельева и И. В. Волковичера).

А) ОБЩАЯ СХЕМА ДЛЯ РАЗРАБОТКИ МАТЕРИАЛОВ И ПОДГОТОВКИ ОЧЕРКОВ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Подтверждая необходимость общей ориентации на план работ, принятый Истпартом год тому назад (см. «Прол. Рев.», № 3, 1925 г.), план, требующий для своего выполнения ряда лет, Совещание, учитывая кратковременность срока, остающегося до Октябрьского юбилея, и необходимость проведения строгой экономии, считает нужным остановиться на выполнении в первую очередь максимально сжатого плана издания литературных работ, связанных с празднованием юбилея. Этот план должен охватить собою лишь важнейшие факторы, сыгравшие решающую роль в феврале и октябре 1917 г.

Местным Истпартотделам предоставляется право вносить в него известные дополнения, необходимые с точки зрения выявления истории Октябрьской Революции той или иной губернии, района, области и республики.

Основной задачей освещения истории Октябрьской Революции необходимо считать выявление истории местной организации б-ков и ее роли в борьбе за Октябрь, возникновения местных советов и их роли в Октябре. Период, подлежащий разработке местных истпартотделов, должен быть ограничен, главным образом,

1917 годом и частью 1918 г., т.-е. самым первым периодом Октябрьской Революции, в связи с чем подведение общих итогов всего десятилетия Октябрьской Революции в научно-исследовательской работе испартов следует считать преждевременным.

Б) ПЛАН ИЗДАНИЙ ИСПАРТОТДЕЛОВ К 10-ЛЕТИЮ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

(Предложение тов. Куделли).

План изданий разбивается на 3 основных раздела: 1) выявление движущих сил революции; 2) выявление роли советских организаций и ВКП (б) в Октябрьской Революции и 3) контр-револ. организаций. В местах с наличием широкого национального движения дается краткая характеристика последнего в обстановке февральско-октябрьской революции.

а) Движущие силы революции.

1. Особенности экономики данной местности или данного района накануне февральской революции, между февралем и октябрём 1917 года и во время захвата пролетариатом государственной власти (необходимо поставить в связь с экономикой всей России). Положение рабочих и крестьянских масс за это же время в связи с кризисом народного хозяйства.

2. Характер рабочего движения в данной местности (накануне февральской революции, в период между февралем и октябрём и во время захвата власти местными советами). Отклики событий в Петербурге и Москве в провинции. Экономическая и политическая борьба местных рабочих масс (экономические и политические стачки, демонстрации, вооруженные выступления, борьба с временным правительством, борьба за мир, борьба за рабочий контроль, захваты фабрик и пр.). Борьба большевиков с буржуазными и мелко-буржуазными партиями за влияние на рабочие массы. Большевизация рабочих масс. Роль рабочих масс во время захвата власти и в борьбе с контр-революцией.

3. Крестьянское движение в данной местности накануне февральской революции. Классовая борьба в деревне перед февральской революцией и между февралем и октябрём. Февральская революция в деревне, органы временного правительства. Крестьянское движение в данной местности между февралем и октябрём. Борьба партии за влияние на крестьянство. Борьба за землю и мир. Октябрь в деревне. Роль деревенской бедноты, середняков и кулаков.

4. Революционное движение в армии и флоте перед февральской революцией, в период между февралем и октябрём и во время октябрьского переворота.

5. Состояние местных армейских (и флотских) частей перед февральской революцией. Революционное движение в армии и флоте между февральской и октябрьской революцией. Роль армии и флота в период захвата власти.

б) Организации, сыгравшие решающую роль в победе Октябрьской Революции.

1. Местная партийная организация большевиков со времени империалистической войны и кончая периодом завоевания власти пролетариатом. Связь этой организации с ЦК, ее конференции, литература и пр.

2. Возникновение рабочих, крестьянских, солдатских и прочих Советов на местах в 1917 году. Общая характеристика состава и работы Советов в 1917 году

до Октябрьской революции. Борьба партий в местных советах (большевики, эсеры, меньшевики и пр.) и большевизация Советов. Захват власти местными советами и первые этапы советской власти.

3. Борьба большевистских фракций в органах местного самоуправления.

4. История военной организации, ее связь с местной партийной организацией и ее работа среди местного гарнизона и моряков. Взаимоотношения военной организации с Красной Гвардией.

5. История рабочей красной гвардии в данной местности. Ее роль во время Октября и на фронтах гражданской войны.

6. Фабзавкомы и их организации. Местный центр фабзавкомов. Конференция фабзавкомов. Значение их в революции. Проведение рабочего контроля над производством.

7. Профсоюзы и их роль в революции.

8. Движение рабочих.

9. Возникновение юношеских организаций. Участие молодежи в гражданской войне и в революции.

в) Контр-революционные организации.

1. Политические партии контр-революционных слоев населения в данной местности (или районе) накануне Октябрьской революции.

2. Органы временного правительства на местах. Отношение к временному правительству в различных слоях населения.

3. Боевые силы контр-революции. Вооруженное сопротивление контр-революции и саботаж во время захвата власти Советами на местах.

г) Февральская и Октябрьская революции и национальный вопрос.

1. Национальный состав населения и национальные противоречия в данной местности или районе. Революционные и контр-революционные элементы в среде угнетенных национальностей.

2. Отражение национальной политики царизма в данной местности (или районе) накануне февральской революции. Национальная политика при временном правительстве.

3. Борьба угнетенных национальностей за свое освобождение перед Октябрьской революцией и во время нее. Революционные национальные партии и их деятельность.

4. Сопротивление национальной контр-революции Октябрьскому перевороту. Форма ликвидации этого сопротивления.

В) ТИПЫ ИЗДАНИЙ МЕСТНЫХ ИСПАРТОТДЕЛОВ ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Учитывая опыт работы местных Испартотделов и исходя из литературного плана юбилейной комиссии ЦИК Союза, следует признать, что издания, связанные с десятилетием Октябрьской революции, по своему содержанию, могут представлять следующие четыре типа:

а) сборник материалов; б) самостоятельное исследование (монографию); в) научно-популярную брошюру; г) хронику событий.

а) Сборник материалов.

Общий состав:

Здесь включаются как архивные материалы, так и воспоминания, относящиеся к намеченной теме. Как общее правило, в сборник входят материалы не опубликованные: исключения могут составлять лишь отдельные, наиболее содержательные воспоминания или выдержки из них, уже появлявшиеся в печати, но к данной теме имеющие непосредственное отношение. Из относящихся к данной теме материалов должны быть отобраны лишь наиболее характерные по своему содержанию; все прочие материалы могут быть помещены частично или использованы в соответствующих пояснительных примечаниях в той мере, в какой эти дополнительные материалы углубляют и дополняют основные материалы. Материалов, повторяющих одно и то же содержание, хотя и в различной форме выраженное, печатать не следует.

Кроме предисловия, сборник должен быть снабжен вводной статьей. Было бы желательно в качестве такой вводной статьи дать небольшое самостоятельное исследование, тщательно использовавшее помещаемые в сборнике материалы (наряду с печатными источниками). В крайнем случае можно ограничиться с одной статьей описательного характера.

Если в распоряжении редакции сборника, кроме вводной статьи, трактующей всю тему в целом, окажется еще одна или несколько исследовательских работ (небольших), охватывающих какую-нибудь одну или некоторые стороны (вопросы) общей темы, то такого рода статьи весьма желательно включать в данный сборник. Напр., тема сборника: «От Февраля до Октября в данной местности», — могут быть отдельные статьи на темы: «Местный Совет Раб. Депутатов»; «Местный гарнизонный комитет»; «Большевистская организация» и т. д.

Во всяком случае, считается обязательным разбить весь материал на несколько отделов, в зависимости либо от разных сторон освещаемой темы, либо в соответствии с этапами в развитии истории данной организации.

Все документы и прочие материалы печатаются по новой орфографии. Исправление текста документов и прочих архивных материалов обозначается прямыми скобками. Такое исправление допускается только в отношении орфографических ошибок (пропуск букв, неправильная расстановка их, отсутствие знаков препинания) и недописанных слов.

Разнообразие шрифтов подлинника должно быть, по возможности, сохранено и в воспроизводимом тексте.

Научно-вспомогательный аппарат.

Вся совокупность сведений, способствующих разъяснению текста печатаемых материалов, сосредоточивается в подстрочных примечаниях. По своему содержанию и типу примечания должны носить не только справочно-био-библиографический характер, но и критический, исследовательский. Однако, наибольшая сжатость изложения примечаний — обязательное условие. Примечания же фактического характера излагают восстанавливаемое ими событие или явление не вообще, а в той лишь части, которая относится к тексту издания.

К сборнику материалов прилагаются указатели: 1) именной; 2) предметный; 3) систем. указатель использованных неизданных и печатных материалов и 4) оглавление.

Каждый сборник снабжается предисловием. Оно должно дать общую ориентировку в характере данного издания. С этой целью предисловие должно заключать: 1) общую характеристику темы, оценку историч. значения освещаемых в ней вопросов; 2) обзор предшествующих изданий, примыкающих, по своему содержанию, к данной теме; 3) обзор материала, помещаемого в сборнике; 4) изложение принципов, на которых основано это издание, включая сюда описание хода подготовительных работ по изданию сборника; 5) план сборника.

Описание как внутреннее, так и внешнее, отдельных документов или целой группы архивных документов или материалов дается в примечании.

Предметом внешнего описания являются: число страниц (и столбцов), размер и цвет бумаги, способ воспроизведения, типография, организация, место и время издания. Все перечисленные признаки внешнего описания относятся к архивным документам или материалам партийного происхождения. Материалам же прочих архивных фондов (админ., следственных и пр.) дается внешнее описание лишь в исключительных случаях, при чем признаками такого описания, кроме обычного указания источника (архивохранилище, архивный фонд, № и подробное название «дела», год, лист), служит происхождение данного документа, история его.

Внутреннее описание документа должно в очень сжатой форме коснуться текста документа и имеющихся на нем надписей, резолюций.

В качестве образцовых, в области воспроизведения текста партийной листовки (прокламации) и описания ее, рекомендуются приемы, приведенные в изд. «1905 г. в Петербурге», выпуск I, «Соц.-Дем. листовки».

б) Самостоятельное исследование (монография).

Монография должна быть построена на архивном материале, с использованием всей соответствующей печатной литературы. Приводить в тексте отдельные документы значительных размеров не рекомендуется; они могут найти себе место в специальном отделе, в «приложениях». В этом отделе не должно быть места тем из материалов, которые лишь повторяют уже сказанное, но не дополняют. Лишь в исключительных случаях, когда какой-нибудь документ несомненно подтверждает выдвинутое автором положение, он может быть напечатан полностью или частично.

Научно-вспомогательный аппарат, включая сюда и предисловие, остается тем же, как и для сборников.

в) Научно-популярная брошюра.

Желательно, чтобы такая брошюра небольших размеров была написана на основе проделанной исследовательской работы, напр., после того, как составлен сборник материалов или написана монография. Однако, в случае отсутствия исследовательских работ или изданий материалов, такая брошюра может быть написана и на основе имеющейся литературы. Брошюра может быть посвящена какой-нибудь части разработанной темы или всей в целом.

В отличие от изданий первых двух типов, брошюра не снабжается никаким научно-вспомогательным аппаратом (за исключением двух ниже перечисляемых

указателей), излагается наиболее простым языком и должна быть на всем протяжении иллюстрирована наиболее яркими примерами из фактической истории данной организации (или местности).

Цитирование отдельных документов должно быть самое незначительное.

Научно-популярная брошюра снабжается именным указателем и перечнем рекомендуемой по данной теме литературы.

г) Хронология.

Хронология или хроника должна быть составлена в каждом испартоотделе, вне зависимости от вопроса о печатании данной работы. Хроника начинается с января 1917 г. и ведется по годам. Хроника не должна ограничиваться рамками истории партийной организации в узком смысле. Хроника должна охватить все стороны обще-политической истории данного района во всех характерных ее проявлениях. Само собой понятно, что жизни парторганизации должно быть отведено наибольшее место.

Сведения должны строжайшим образом проверяться путем сопоставления различных источников. В качестве источников используются, по мере возможности, все доступные архивные фонды, весь соответствующий печатный материал, а также обязательно использование воспоминаний как изданных, так и не изданных.

Отдельные документы не должны прилагаться. Достаточно лишь общее изложение факта, события, явления — в наиболее сжатой форме. Подробное указание источников в каждом отдельном случае (под приводимым сведением) — признается обязательным. Характерные факты, точная дата которых не установлена, не должны отвергаться; в таких случаях, путем сопоставления ряда источников, должна быть установлена **п р и б л и з и т е л ь н а я** дата, хотя бы в пределах декады данного месяца. Эта приблизительная дата приводится на обычном месте, но заключается в прямые скобки.

Весь текст хроники располагается в строго хронологическом порядке (день за днем). В пределах же каждой отдельной даты материал распределяется по основным отделам, в заранее установленном порядке. Так, напр., для 1917 г. важнейшими следует считать отделы: 1) массовое движение (рабочее движение, крестьянское, армия); 2) большевистская организация; 3) Советы; 4) деятельность местных органов временного правительства; 5) контр-революция и борьба с ней. Само собой понятно, что возможны отдельные случаи, когда в зависимости от хода описываемых событий потребуются отступление от установленного порядка. Например, какое-нибудь действие местного комиссара времен. правительства в тот же день вызвало выступление рабочих масс: в данном случае, целесообразнее указать действие комиссара, а потом уже — отклики масс.

Добытые сведения излагаются словами составителя в сжатой и точной формулировке. Цитирование (словами источника) допускается только по отношению к материалам резолютивного характера (резолюции, постановления).

При всей сжатости изложения, приводимые в хронике сведения должны быть обстоятельны. Степень подробности в изложении может быть определена таким образом: хроника должна представлять среднее между типом известной многотомной хроники Истпарта ЦК ВРП (б) «Революция 1917 г.» и краткой хроникой В. Максакова и Н. Нелидова, иными словами: она должна быть значительно менее подробной, чем первая, и более подробной, чем вторая. Все даты, начиная

с января 1917 г. и кончая 13 февраля (нов. ст.) 1918 г., обозначаются обоими стилями, причем на первом месте ставится новый стиль, а вслед за ним, в круглых скобках, — старый.

Начиная с 14 февраля 1918 г. и вплоть до наших дней, все даты приводятся исключительно по новому стилю.

Подробный указатель использованных источников и пособий, именной и предметный указатель признаются обязательными.

Замечания, относящиеся ко всем 4 типам.

В именном указателе, наряду с фамилией и псевдонимами, указываются также инициалы (имя и отчество). Партийная принадлежность указывается только против имен тех товарищей, которые к моменту составления издания состоят членами компартии.

Приводимые в тексте статей и в примечаниях имена должны быть снабжены инициалами (имя и отчество).

Г) О РАЗМЕРАХ ЛИТЕРАТУРНОГО ПЛАНА ИЗДАНИЙ МЕСТНЫХ ИСПАРТОТДЕЛОВ К 10-ЛЕТИЮ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Опыт издательской работы к 20-летию революции 1905 года показал, что часть испартовской литературы имеет ограниченный круг читателей и вследствие этого недостаточный спрос на книжном рынке, что необходимо полностью учесть для правильного подхода к составлению октябрьской литературы. Лозунгом издательства последней должен быть: меньше количеством — лучше качеством.

Режим экономии, проводимый партией и государством во всех областях хозяйственной жизни, коснулся и издательской деятельности испартоотделов, что выразилось в большом сжатии издательских планов к 10-летию Октябрьской революции. Призывая вполне правильным решительный курс на борьбу с макулатурой, необходимо, однако, признать исключительное значение тщательного собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции на местах и опубликования их к 10-летию Октября. Нельзя поэтому согласиться с чрезмерным или чисто-механическим сжатием издательской деятельности местных испартоотделов.

Поэтому признать необходимым, чтобы Испарт ЦК добился во Всесоюзной Октябрьской Комиссии: 1) общего увеличения количества печатных листов на издание юбилейной литературы местными испартоотделами и соответственного увеличения дотации; 2) разрешения местным испартоотделам издавать юбилейную литературу на местные средства под строгой ответственностью местных партийных комитетов.

Д) ОБ УЧАСТИИ ИСПАРТОТДЕЛОВ В МАССОВОЙ ПРОПАГАНДЕ 10-ЛЕТИЯ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

(Предложение тов. Куделли).

В предстоящем юбилее Октябрьской революции Испартоотделам недостаточно ограничиваться только деятельностью по подготовке и выпуску научных исторических работ.

Следует также признать необходимым участие Истпартоделов в комиссиях по проведению юбилея Октябрьской революции как по партийной, так и по советской линии.

Параллельно с этим истпартоделам необходимо принять активное участие в подготовке массовой пропаганды Октября. Для этой цели истпартоделы должны тесно связаться с местными Агитпропами для проведения следующих мероприятий:

Заранее организовать публичные лекции как в городе, так и в деревне, по истории ВКП (б), ее тактике в подготовке и проведении Октябрьской революции и о роли Ленина в строительстве нашей партии.

На ряду с этим необходимо готовить и проводить вечера воспоминаний по отдельным районам и на крупных предприятиях (желательно проводить это и в деревне), привлекая на такие вечера участников революционного движения 1917 года ¹⁾.

Кроме того, Истпартоделам необходимо заняться организацией литературной кампании в местной периодической печати, путем помещения статей с указанием юбилейных дат отдельных событий как местного, так и всесоюзного характера, например: февральские дни в данной местности, дата организации местного Совета, выход местной партийной газеты и т. д.

III.

О методологии работы Истпартоделов.

(По докладу тов. Волковичера).

В виду того, что вопросы методологии научно-исследовательской работы Истпартов следует признать в настоящее время еще недост. точно разработанными, Совещание высказывает пожелание, чтобы Истпарт ЦК ВКП (б) в ближайшее время приступил к систематической разработке этих вопросов, составив по ним специальные тезисы.

IV.

О сборании материалов.

(По докладу тов. Максакова).

Всесоюзное Совещание Истпартоделов, учитывая большое и усиливающееся политическое значение архивов в научно-исследовательской работе Истпартоделов и отмечая большую работу в деле выявления и концентрации архивных материалов архивными учреждениями Союзных Республик, признает необходимым:

¹⁾ Под словом «подготавливать вечера воспоминаний» необходимо понимать, что данный Истпартодел заранее выслушивает участников тех или иных событий, помогает им в разработке плана их воспоминаний и устанавливает очередь, в какой они будут выступать на вечере, и т. д. Только таким путем подготовленный вечер воспоминаний будет интересным и внесет что-либо новое и содержательное.

1. Привлечь внимание партийных и советских учреждений и всех трудящихся к вопросу о собирании архивных материалов путем постановки специальных докладов о значении архивов, статей в периодической печати, листовок и проч.

2. Принять меры к фактическому проведению в жизнь советскими учреждениями и предприятиями постановлений высших законодательных органов о передаче архивным учреждениям Союзных Республик всех материалов 1917—21 г.г., поставив в ближайшее время вопрос об этом перед соответствующими партийными органами и советскими учреждениями.

3. Обратить особое внимание на недопустимость оставления архивных материалов советских учреждений и контр-революционных организаций в ведении и на хранении в музеях, библиотеках, исследовательских учреждениях.

4. В дальнейшей работе по концентрации архивных материалов принять меры к выявлению, учету и спасению архивных материалов сельских, волостных и других низовых учреждений и организаций в виду их несомненного значения для исторических исследований.

5. Считать безусловно необходимым концентрацию в архивных учреждениях газет, листовок, воззваний, приказов, собраний узаконений и распоряжений, иллюстративных материалов, отражающих революционную эпоху. Формы и способы собирания материалов, необходимых для экспонирования в Музеях Революции и на выставках и использование материалов, находящихся в хранилищах — разработать Истпарту ЦК совместно с Центрархивом и Музеем Революции СССР.

6. В виду необходимости изучения архивов прсфсоюз в общей связи с материалами других архивов революционной эпохи: отделов Труда, хозяйственных органов и проч., — ускорить передачу этих архивов в органы Центрархивов Союзных Республик, организовав в крупнейших городах Союза специальные архивохранилища.

7. Считать необходимым, чтобы Центрархивы Союза в инструкциях местам по собиранию материалов к 10-летию Октябрьской революции дали примерный перечень фондов, выявление которых, систематизация и описание должно быть произведено в ударном порядке.

8. В виду наблюдающихся случаев дублирования некоторых важнейших частей архивных фондов, в связи с чем затрудняется контроль архивных учреждений над способом использования вышеуказанных материалов, — принять меры к недопущению создания коллекций, копий документов Госуд. архивов Союза ССР.

9. Принять меры к скорейшей реэвакуации архивных фондов местных учреждений, очутившихся, в частности, в период гражданской войны за пределами республики, губернии, округа, где эти фонды отложились, независимо от того, в хранилищах каких бы учреждений они ни находились.

10. В связи с передачей с мест в центральные архивохранилища Союзных Республик фондов, имеющих общереспубликанское и союзное значение, поставить перед Центрархивами Союзных Республик вопрос о способах использования этих материалов, без которых истпартовская работа на местах нередко совершенно невозможна. Считать желательным передачу отдельных дел и документов и даже частей фондов во временное пользование местным архивным учреждениям.

11. Совещание считает, что колоссальная работа по учету, концентрации и описанию архивного материала, имеющая не только научно-историческое, но и в значительной части актуальное политическое значение для текущей работы партии и сов. органов, — может быть в достаточной мере выполнена архивными учреждениями лишь при условии предоставления последним необходимых для осуществления этой задачи специальных средств.

12. Совещание констатирует, что работа архивных органов по выявлению, учету и предварительной разборке историко-революционного материала может протекать успешно при наличии и в дальнейшем тесного контакта в работе архивных учреждений и Истпартотделов. Совещание также считает необходимым усилить архивные учреждения квалифицированным партсоставом и повысить специальную квалификацию архивных работников.

V.

О партархивах.

1. Всесоюзное совещание Истпартотделов считает совершенно неотложным делом упорядочение архивов партийных организаций в виду исключительного политического и исторического их значения.

2. Архивы парторганизаций должны быть в кратчайший определенный срок приведены в надлежащий архивный порядок в месте их настоящего хранения.

3. Хранение и ответственность за архивы парторганизаций должны быть возложены на соответствующие партийные организации.

4. Общее руководство по разработке материалов парторганизаций должно находиться в руках Истпартотделов.

5. К архивно-техническому инструктированию постановки партархивов должны быть привлечены органы Центрархивов Союзных Республик.

6. Постоянные партархивы должны быть созданы при ЦК ВКП (б) и ЦК партии национальных Республик, крайкомах, обкомах, губкомах и окружкомах. Нижестоящие партийные организации (ячейки, райкомы и т. д.) сдают свои партархивы в определенные сроки, устанавливаемые специальной инструкцией в окружкомы и губкомы.

7. Поручить Истпарту ЦК в кратчайший срок разработать инструкцию по приведению в порядок партархивов.

8. Считать необходимым, чтобы ЦК ВКП (б) в централизованном порядке решил вопрос о средствах и штатах для организации партархивов и чтобы ЦК издал специальный циркуляр по этому вопросу.

VI.

О строительстве Музеев Революции.

(По докладу т.т. Мицкевича и Романовской).

1. Музей Революции Союза ССР за 3 года проделал большую работу и взял правильную линию. Совещание одобряет план его строения и считает необходимым впредь развить его работу по изданию музейных материалов для широкого

распространения в массах и по созданию историко-революционных кино-фильм. Необходимо также усилить его работу по инструктированию и помощи местным музеям революции, для какой цели особенно полезным и неотложным считает издание Музеем Революции бюллетеня с привлечением к этой работе местных Музеев.

2. Совещание признает, что Музеи Революции являются научно-исследовательскими учреждениями и важными очагами политического и партийного просвещения широких масс и считает необходимым, чтобы партийные органы и Истпарты, в особенности в центре и на местах, уделяли больше внимания и помощи Музеям Революции.

3. Совещание считает необходимым во всех столицах Республик, областных, губернских и окружных центрах, а где явится возможным, то в более мелких центрах, создать Музеи Революции, а где они уже существуют, там поддержать и развить их работу.

4. Совещание определяет, что задачей местных Музеев Революции является отображение революционного движения и истории ВКП в своих районах и местах, увязывая местную историю с общероссийской, а затем со всесоюзной историей революционного движения и историей ВКП.

5. Совещание констатирует, что до сих пор не было ни общих директив, ни плана строительства и организации Музеев Революции на местах, и обращается к Истпарту ЦК ВКП (б) с просьбой выработать совместно с Агитпропом и привлечением Музея Революции Союза ССР и отдела Музеев НКП и провести в партийном и советском порядке: а) создание руководящего общесоюзного методического и планирующего центра по Музеям Революции, используя для его работы аппарат Музея Революции Союза ССР, б) план организационных взаимоотношений местных Музеев Революции с партийными и советскими органами, в) порядок достаточного их финансирования.

6. Совещание считает необходимым, чтобы Централрхивы и их органы на местах оказывали активное и планомерное содействие в снабжении Музеев Революции материалами, имеющимися в их распоряжении.

7. Совещание считает нерациональным создание на местах самостоятельных музеев по истории профсоюзов, или истории союзов молодежи, а равно и музеев общества политкаторжан, а где такие музеи создаются, то полагает, что они должны влиться в Музеи Революции.

8. Совещание считает желательным устройство, хотя бы краткосрочных, курсов для подготовки музейных работников на местах.

9. Считает также желательным привлечение общественного внимания и содействия Музеям Революции, для какой цели устраивать общества или кружки «друзей Музеев Революции».

По вопросу о подготовке к 10-летию Октябрьской Революции истпарты по музейной линии, музеев революции и историко-революц. отделов Музеев Совещание считает необходимым:

1. К 10-летию Октябрьской революции в центре Союза и на местах организовать выставки «10 лет борьбы и строительства» по след. примерной схеме:

а) старый режим, б) февральская революция, в) октябрьская революция, г) гражданская война, д) социалистическое строительство.

При организации этих выставок следует обратить особое внимание на выявление местного материала, увязывая его с материалами общероссийского и общесоюзного характера.

При невозможности построить выставку по этой схеме строить ее по сокращенной схеме.

2. Чтобы в центре и на местах было оказано достаточное содействие в отпуске средств для организации и для сбора материалов для этих выставок.

3. В тех местах, где нет ни Музеев Революции, ни историко-революц. отделов, такие выставки должны лечь в основу создания в этих местах постоянных Музеев Революции.

4. Поручить Истпарту и Центрархиву совместно с Музеем Революции Союза ССР выработать формы собирания материалов для юбилейных выставок и просить Центрархив оказать всяческое содействие для снабжения материалами этих выставок из Центрархива и его органов на местах.

VII.

Об учете памятников революционного движения.

(По докладу Н. И. Дружинина)

Всесоюзное Совецание Истпартов, с участием представителей местных Музеев Революции, считает неотложной и чрезвычайно важной задачей государственную охрану, поддержание и реставрацию памятников революционного движения на всей территории СССР. Совецание приветствует своевременную постановку вопроса и присоединяется к тезисам прочитанного доклада.

Для осуществления поставленной задачи, совещание считает необходимым организовать широкий и систематический учет всех памятников революционного движения (их выявление, описание, фотографирование и историческую оценку), придав этой работе углубленный научно-исследовательский характер.

Всю работу по учету, охране и поддержанию памятников революционного движения необходимо сосредоточить в органах музейного управления НКП под руководством Истпартов и с привлечением местных партийных и советских общественных организаций.

Местные органы должны получить помощь со стороны государственного Центра не только в форме подробных инструкций, но и в виде специальных денежных ассигновок.

На ряду с планомерной работой по учету памятников революционного движения необходимо в срочном порядке поставить под охрану: 1) памятники, грозящие близким разрушением, 2) важнейшие памятники Октябрьской Революции и гражданской войны. С этой целью необходимо немедленно: 1) произвести местный учет данных категорий памятников, 2) распространить на памятники революционного движения содержание декрета ВЦИК и СНК РСФСР об учете и охране памятников старины, искусства и природы от 7 января 1924 года.

Аналогичные постановления должны быть изданы высшими органами союзных республик.

Письма в редакцию.

По поводу статьи А. Гуковского — Французская интервенция на юге России ¹⁾.

Работа Гуковского посвящена одной из наиболее ярких страниц борьбы международного капитала с начавшейся в России пролетарской революцией и ее авангардом — партией большевиков. Автор собрал ценный и довольно полный документальный материал, освещающий интервенцию на юге России, и справедливо остановил свое внимание на центре борьбы — Одессе и одесской области. Анализ политики союзников по отношению к Советской России, причин и целей интервенции сделан автором с достаточной серьезностью, схвачен момент колебания симпатий французского командования от Деникина к Петлюре (переговоры с петлюровским правительством), подчеркивающий попытки французского капитала опереться на любую политическую силу, которая обеспечила бы ему возможность обосноваться на юге России и захватить в свои руки южную металлургическую и угольную промышленность.

Но поскольку Гуковский задался целью осветить историю борьбы между союзниками и большевиками, его задача встретила серьезные препятствия и оказалась разрешенной далеко не удовлетворительно.

Основные причины кроются в том, что, во-первых, воспоминания, использованные автором для своей работы, не подвергнуты достаточному критическому анализу, во-вторых, — борьба в районе одесщины взята вне связи с общим движением за совласть на Украине.

Воспоминания отдельных работников всегда отрывочны, неравномерно и неточно освещают ход борьбы. Поэтому воспоминания и очерки, касающиеся деятельности одесской организации, могли бы быть связаны в стройную и исторически верную картину только при условии увязки их автором со всей историей борьбы КП(б)У и соответствующего анализа имеющегося материала. Ни того ни другого у автора не чувствуется. Поэтому Гуковский впадает в ряд ошибок, совершенно искажающих общую перспективу борьбы компартии на Украине и делающих его работу исторически неверной и местами политически фальшивой.

Рассмотрим основные положения, на которых автор пытается построить тактику одесской парторганизации.

¹⁾ «Пролетарская Революция», №№ 6, 7 и 8, 1926 г.

Автор приводит выдержку из воспоминаний тов. Балкуна, кратко резюмирующую задачи одесской организации накануне интервенции: «1) пропагандой разложить неприятельские войска, 2) препятствовать продвижению прибывающих войск на фронт и 3) укрепив организацию, подготовить рабочих к вооруженному восстанию».

Ссылаясь на замечание тов. Балкуна о решении Одесского облкома «в случае столкновения петлюровцев с добровольцами и французами, не вступая в связь с петлюровцами, по возможности препятствовать высадке французских десантов», автор делает вывод: «первоначально даже предполагалось вооруженным путем препятствовать осуществлению интервенции». (Гуковский, «Пр. Рев.», № 8, стр. 126.)

Мы вправе предложить автору следующие вопросы: 1) как связать тактику разложения пропагандой союзных войск с намерением «вооруженным путем препятствовать интервенции?» 2) Каким образом подпольная организация, насчитывавшая в своих рядах несколько плохо вооруженных рабочих отрядов, могла бы вооруженным путем препятствовать высадке нескольких тысяч солдат, прекрасно вооруженных и находящихся под защитой артиллерии военных судов? Понятно, это было бы детской игрой, и только полным непониманием тактики партии можно объяснить намерение автора приписать одесской организации столь неправильные действия.

Автор упускает из виду, что крах гетманщины вызвал огромный подъем революционных сил, но еще не открывал прямой борьбы за власть, а давал возможность мобилизации пролетарских и крестьянских сил вокруг компартии. Этот период одесская организация использовала для открытых политических выступлений (митинг в цирке), освобождения политзаключенных и проведения кампании по созыву совета РД.

С другой стороны, автор не пытается разобраться в тактике партии по отношению к петлюровщине и в своеобразии положения, а отсюда и тактики одесской организации. Петлюровщина, выражавшая интересы украинской буржуазии и кулачества, пришла на смену гетмана на плечах крестьянского восстания, несшего с собой большевистский дух и ненависть к оккупантам и белому офицерству. Тактика КП(б)У в этот период была направлена на разоблачение буржуазной природы петлюровщины и на вовлечение идущих за петлюровцами крестьянских масс в борьбу за соввласть.

Перед одесской организацией, попавшей между двух огней — петлюровщиной, с одной стороны, и белогвардейщиной и союзниками — с другой, — стояли две перспективы: 1-я — петлюровцы удерживают за собой Одессу и этим воздействуют на тактику и ориентацию союзников — тогда борьба за соввласть развертывается через идущие за петлюровцами массы; 2-я — петлюровцы не сумеют противопоставить добровольцам серьезную силу, с которой пришлось бы считаться союзникам, и будут вытеснены из Одессы; в этом случае партия готовилась к свертыванию сил и длительной работе по разложению иностранных войск, дезорганизации власти и пр.

Поэтому ближайшие тактические задачи одесской организации сводились к следующему: использовать петлюровщину для борьбы с белогвардейщиной, связаться с петлюровскими войсками и втянуть их в борьбу за созыв совета; содействовать развертыванию борьбы между петлюровцами и белыми, за дер-

живая тем самым расширение французской зоны и высадку десанта и используя дезорганизацию власти для захвата оружия.

Вопреки утверждениям автора, одесская организация установила связь с петлоровцами (с войсками, а не официальными представителями власти) и получила от них согласие на посылку депутатов от частей в совет; при взятии Одессы партизанские отряды Одесского ревкома были влиты в петлоровские войска, сохраняя свою организационную самостоятельность. Этой связью и объясняется то необъяснимое у тов. Гуковского явление, что петлоровцы после поражения 18/XII передали рабочим значительную часть своего оружия.

В день боя за Одессу между петлоровцами и белыми (18/XII) большевистская организация укрепилась на Молдаванке, оцепив пикетами целый район, и готовилась к возможности боя с белыми. Когда вечером 18/XII петлоровское командование решило оставить Одессу, партийная организация быстро свернула свои военные силы и ушла в подполье, подкрепленная новыми сторонниками и захватив значительное количество оружия.

Нужно подчеркнуть, что под вечер, еще до снятия пикетов, большевистские дружины мирно встретились с прибывшими в Одессу французскими солдатами, задержанными уличным боем в порту и только вечером направленными в казармы. Ревком отдал приказ спрятать оружие и пропустить французов, хотя, по предположениям Гуковского, должен был бы открыть по ним огонь, «препятствуя интервенции».

Таким образом, исходная тактическая позиция одесской организации у тов. Гуковского передана далеко не точно и окрашена в авантюристский тон, который автор выдерживает до конца. По Гуковскому, одесская организация непрерывно делает попытки взять власть, — попытки, неизменно кончающиеся неудачей.

Резолюцию февральской областной конференции автор совершенно произвольно связывает с предполагавшейся в начале марта организацией «террористического акта» и рассматривает их, как намерения «приступить к военным действиям», как путь к захвату власти» («Пролет. Рев.», № 8, стр. 129). Автору, к сожалению, не пришло в голову проанализировать, были ли в то время предпосылки для захвата власти в Одессе. Свообразие борьбы в оккупированном французами Одесском районе состояло в том, что захват власти на местах тесно связывался с продвижением советских войск и с развитием партизанской борьбы в деревне и организацией восстания в городах. Директива февральской конференции предусматривала открытое повстанческое движение и захват власти в местностях, прилегающих к приближившемуся к Одессе Красному фронту, который служил опорой повстанцам¹⁾; в то же время повстанческое движение расчищало путь красным войскам и обеспечивало им поддержку при продвижении вперед. Идея массового террористического акта вовсе не обозначала намерения вступить в бой

¹⁾ В начале февраля советские войска занимали уже всю северную Украину и приближались к г. Вознесенску, занятому ими 13 февраля. Во второй половине февраля советские войска были в 80 верстах от союзной зоны и вели наступление на узловую станцию Колосовку. (См. Апулов, «Черная книга», стр. 164—166.)

за власть, так как советские войска и партизанские отряды были еще достаточно далеко. Эта идея возникла у отдельных товарищей после расстрела 11-ти, как один из методов дезорганизации власти, на ряду с подрывной работой на ж.-д. путях и организацией взрыва французского штаба. От выполнения этой идеи одесская организация отказалась не потому, что были технические трудности и не в силу отказа левых эсеров, а в силу решения облкома, признавшего эту идею несостоятельной.

Далее, неверно, что на последнем, перед расстрелом 11-ти, собрании с французами предполагалось назначить день восстания («Прол. Рев.», № 8, стр. 134). Собрание должно было наметить план подготовки восстания, сообразуя его выполнение с приближением красных войск и успехом партизан вокруг Одессы.

Неверно и то, что основным кадром, на который опиралась организация, были матросы и ими были организованы судовые комитеты. Самыми надежными из французских товарищей были солдаты артиллеристы и пехотинцы; судовые комитеты не существовали, но были связи с группами товарищей в каждой войсковой части и в командах военных судов.

Неудивительно, что оценка тактики одесской организации в эсеровско-бланкистском духе приводит автора к мысли о блоке большевиков с левыми эсерами в Одессе. В действительности же были контактные выступления большевиков с левыми эсерами (против меньшевиков в центропрофе) и соглашения от случая к случаю (объединенный рев. штаб во время боя петлюровцев с добровольцами, печатание у левых эсеров большевистской литературы до организации своей типографии). Ни о каком блоке, выраженном в постоянной организационной форме, речи не было; совместная работа в подпольном исполкоме совета в марте 1919 года, может рассматриваться лишь, как единый фронт, не исключавший взаимной, подчас острой борьбы и разоблачений.

Не будем останавливаться на деталях, неправильно освещенных автором. Отметим лишь, что автору необходимо было бы знать такие элементарные вещи, как например, то, что красный крест — организация помощи заключенным — никак не мог выполнять функций комитета пропаганды среди иностранных войск («Прол. Рев.», № 8, стр. 136, ссылка на воспоминания тов. Тонина). И не следовало бы автору полагаться на некоторых товарищей, увлекающихся воспоминаниями о том, чего не было. Нужно также поставить в упрек автору его неумение разглядеть стойкость и гибкость большевистской организации, способной противостоять таким тяжким ударам, как арест руководителя — тов. Ласточкина и расстрел 11-ти.

Работа организации несомненно пострадала в объеме и, до известной степени, в качестве, но темп ее не был нарушен ни на один день, а некоторые отрасли работы, как, например, разведка, развернулись именно в этот период. Лучшим доказательством этого служит деятельность в продолжении марта и рост авторитета подпольного исполкома, созданного под руководством обл. комитета, организация захвата власти (переговоры с д'Ансельмом, с Григорьевым и пр.), регулярная информация красного командования о положении в Одессе, регулярный выход литературы (на русском языке вплоть до апреля, на французском — 2 листовки после расстрела 11-ти) и т. д.

Работа Гуковского, как исследовательская, страдает неточностями и неправильностями не только потому, что автор неверно осветил ряд моментов, но, главным образом, потому (и он меньше всего в этом виноват), что он на веру взял все воспоминания и писания тов. Анулова, считая его, как это следует из писаний Анулова, одним из главнейших и активнейших участников событий. Нужно сказать, что тов. Анулов большую техническую работу проделал, но в идейно-руководящей работе не участвовал и потому у него масса грубых ошибок, на которых здесь останавливаться не представляется возможным.

Вот почему мы полагаем, что работа Гуковского страдает, главным образом, от того «анализа» подполья, который был сделан тов. Ануловым.

Исследователь должен уметь выявить правильные утверждения воспоминаний, особенно там, где это касается руководства партийной подпольной работой.

Автор видит отдельные лица, но организации в целом у него нет.

Бюро Одесской группы содействия Истпарту:

Е. Соколовская, В. Деголь, Ф. Балкун, И. Южный.

II.

По поводу воспоминаний о 1905 г. Л. Шкловского („Прол. Рев.“ № 11 (46) 1926 года).

Автор воспоминаний на двух страницах (252—253) излагает свой «несколько неприятный разговор» с Осипом Ивановичем, где обрисовывается одна характерная черта ОК того времени, черта, свидетельствующая об отсталости комитета от жизни, о его малой гибкости. Речь идет по вопросу председательствования на собраниях, вопросу не столько крупному, чтобы из-за него оттолкнуть от себя целую группу пропагандистов и агитаторов. По этому поводу вспоминаю, что, однажды, говоря в ОК об одном собрании на Пересыпи, где я был организатором под кличкой «Тимофей», я, между прочим, сказал, что на нем (на собрании) я предложил выбрать председателя. Один из членов комитета довольно резко заметил, что это противоречит принципам большевизма. В Одессу приехал я из Петербурга, где был членом П. комитета, наиболее живого комитета того времени, и такие «большевистские принципы» мне и в голову не приходили. Я был крайне удивлен одесским пониманием принципов большевизма. Это было, как я думал тогда и как я думаю теперь, похоже на карикатуру на большевизм, — карикатуру, давшую в руки меньшевиков лишние козыри в их борьбе против большевиков. Меня в комитете поддержал тов. «Наум» (А. Шаповалов), указав, что и он на собраниях делает то же самое (предлагает избирать председателя) и «это, — добавил он, — рабочим очень нравится». Между прочим, такая с нашей стороны «ересь» не помешала нам в потемкинские дни быть наиболее последовательными большевиками — мы были сторонниками захвата города путем бомбардировки с броненосца. («Прол. Револ.» № 12 (47) 1925 г., стр. 11.)

Переходя к дальнейшим воспоминаниям тов. Шкловского, я должен сказать, что они меня приводят в недоумение. На стр. 257 Л. Шкловский сообщает, что он к весне стал организатором и на «Пересыпи». «Как случилось последнее, — продолжает он, — по инициативе ли комитета или само собой путем распространения моей деятельности через приобретенные мною связи после имевших место на Пересыпи провалов — я теперь не помню». Как мы увидим ниже, это произошло, надо полагать, «само собой». На стр. 260 Л. Шкловский сообщает, что за несколько дней до потемкинского восстания он уехал в Екатеринослав и «организатором Пересыпского района стал тов. Кирилл (Правдин)».

Между приведенными здесь воспоминаниями Л. Шкловского и тем, что сохранилось у меня в памяти, глубокая невязка. Правда, память о пережитом 20 лет тому назад — источник не вполне надежный. Но от того времени сохранились кое-какие документы. Воспоминания же Л. Шкловского не вяжутся и с этими документами и это дает уверенность, что память мне не совсем изменяет.

В письме Л. М. Книпович («Прол. Революция» № 11 (46) 1925 г., стр. 44) читаем: «Кооптировали, значит, Тараса и приехавшего сюда Наума (Сидорыча) ¹⁾... Это было в конце апреля. Наум взял Дальницкий район, Афанасий — городской, Томич — Пересыпь». Отсюда видно, что организатором Пересыпи в конце апреля был Томич (Михаил). После Михаила с конца мая организатором Пересыпи по назначению ОК был я (Тимофей), что подтверждается и отчетом организатора Пересыпского района («Прол. Революция» № 12 (47), 1925 г., стр. 30), «неизвестным» автором, которого был я ²⁾. После меня организатором Пересыпи был тов. «Василий» Санжур, которому я передал район или в августе, или во всяком случае, не ранее конца июля, так как после передачи района я в Одессе был недолго и уехал оттуда в Баку, куда приехал в августе в самый разгар армяно-татарской резни. Это подтверждается и другими данными. Перед отъездом из Одессы я принимал участие в заседаниях ОК по вопросу об исключении тов. «Михаила» из комитета. (См. «Протокол» на стр. 82 «Прол. Революция» № 12 (47) 1925 г., где я фигурирую под буквой «Т» (Тимофей). А это было, как указывает Г. Ш. в примечании к протоколу заседаний (сноска на той же 82 странице) в конце июля или начале августа. Около этого времени я и передал район Санжуру — может быть, несколькими днями ранее указанных заседаний комитета, а может быть и после заседаний.

Таким образом документально устанавливается, что весной и летом 1905 года организаторами Пересыпи были последовательно: «Михаил» (Томич-Кореневский), я («Тимофей») и Санжур.

По воспоминаниям же Шкловского получается, что с весны до июня организатором Пересыпи был он, а в июне, после его отъезда в Екатеринослав, организатором Пересыпи стал тов. Кирилл.

¹⁾ А. Шаповалова. В. Х.

²⁾ В добавление к раскрытым буквенным обозначениям считаю нужным указать, что буква «Гр» значит «Григорий» (Лядов-Мандельштам) буква «Вр» — Вржосек, Анна Михайловна.

Будучи организатором Пересыпского района, я не встречался ни с «Сергеем» (Л. Шкловским), ни с «Кириллом». В вышеупомянутом «Отчете организатора Пересыпского района» я всех районных работников привожу под начальными буквами их кличек, но там не встречается начальных букв ни Сергея, ни Кирилла ¹⁾. Это наводит на мысль, что «Сергей», начав в Одессе работать с большевиками, потом от них ушел к меньшевикам. Такое предположение кажется вероятным еще и потому, что «Дяденька» (Л. М. Книпович) в письме к «Миноге» — Крупской, Н. К. («Прол. Революция» № 11 (46) 1925 г., стр. 43) характеризует «Сергея» (Шкловского), как меньшевика по убеждениям: «Дяденька соглашался на кооптацию Тараса из периферии, но указывал, что периферия ставит кандидатуру в комитет Сергея, меньшевика по убеждениям, и что потому комитет раньше, чем предпринять какие-либо шаги, должен расследовать, действительно ли вся периферия требует реорганизации комитета, на каком основании и почему выставляет таких оппортунистических кандидатов, как Сергей, который говорит исключительно об одном примирении с меньшевиками». Из следующего по времени письма «Дяденьки», уже цитированного выше, мы узнаем, что в конце апреля был кооптирован в комитет тов. «Тарас». Следовательно кандидатура в комитет «Сергея» потерпела фиаско. Может быть, вследствие этого обстоятельства «Сергей» порвал с комитетской организацией и перешел к меньшевикам.

Попутно позволю себе сделать поправку к сообщению Е. Левицкой. Так в предисловии к переписке с одесской организацией («Прол. Революция» № 11 (46) 1925 г., стр. 16) Е. Левицкая, между прочим, пишет «Восстание на «Потемкине» явилось подлейшей неожиданностью и, конечно, одесская организация не оказалась на высоте; посланный комитетом на броненосец тов. Афанасий, так же точно, как и Фельдман с Бржезевским (Кириллом — меньшевиком) оказались бессильными руководить восстанием. Тов. Левицкая ошибается: тов. Афанасий комитетом на броненосец не посылался, а представлял там комитет самочинно, не имея на то полномочий от комитета.

В. Хрусталеv («Тимофей»).

III.

По поводу заметки т. Хрусталева.

Эта заметка затрагивает три пункта моих воспоминаний о работе в Одессе в 1905 г.

1) Тов. Хрусталеv подтверждает «твердокаменность» Одесского комитета того периода, отсутствие у него необходимой гибкости, не остановившейся перед тем, чтобы оттолкнуть от себя в объятия меньшевиков самую активную часть организации — группу пропагандистов-агитаторов из-за пустякового

¹⁾ Необходимо исправить досадную опечатку на стр. 33 «Отчета» строка 10 снизу напечатано «удовлетворительный», следует читать «утвердительный».

вопроса о председательствовании на собрании. Тов. Хрусталеv свидетельствует далее, что и Питерский комитет партии понимал организационные принципы большевизма так же, как и я, а не как ОК, изображавший мои взгляды, как меньшевистскую ересь. Я совершенно согласен с тов. Хрусталевым, что подобные взгляды ОК на организационный вопрос были весьма «похожи на карикатуру на большевизм — карикатуру, давшую в руки меньшевиков лишние козыри в их борьбе против большевиков».

2) Недоумение тов. Хрусталева вызывает вопрос об организаторе Пересыпского района. Перечислив всех официальных «ответственных организаторов» Одесского комитета на Пересыпи, он не находит там «Сергея» и «это наводит его на мысль»...

Но я, ведь, не утверждал, что был членом ОК и «ответственным» организатором Пересыпского района.

Вот соответствующее место из моих воспоминаний.

После подробного рассказа о своей пропагандистской работе в каменоломнях я продолжаю: «С этим подрайоном (Каменоломенским) соприкасался другой — Слободка-Романовка, который был в ведении одного и того же организатора тов. Бориса (Миша Лазуркин) ¹⁾. Не ограничиваясь каменоломнями, он нагрузил меня агитационно-пропагандистской работой и в Слободке-Романовке, в свою очередь, примыкавшей к Пересыпи с ее фабриками, заводами и портом»... «Вскоре тов. Борис не то уехал, не то был арестован и я помимо агитационно-пропагандистской работы получил еще функцию организатора этих подрайонов, а к весне стал организатором на Пересыпи. Как случилось последнее, по инициативе ли комитета или само собою, путем распространения моей деятельности через приобретенные мною связи — я теперь не помню. Надо знать, что в то время особой организационной четкости в работе быть не могло, и она в районе часто начиналась и развивалась благодаря личным связям того или иного работника» («Пр. Рев.», № 46, стр. 256—257).

Всякий сколько-нибудь внимательный читатель видит, что здесь речь идет о низовой, периферийной работе, работе организатора подрайонов. Тов. Хрусталеv, вероятно, помнит еще, что Пересыпский район делился на три подрайона: Каменоломни, Слободка-Романовка и собственно Пересыпь. Я и рассказываю, как я постепенно расширял свою работу с одного подрайона на другой и наконец на Пересыпь. Но я вовсе не говорю, что я стал ответственным организатором Пересыпского района, — каковым я действительно не был.

Тов. Хрусталеv, надеюсь, помнит факт существования двоякого типа организаторов, одни от комитета, а другие периферийные и то, что между ними существовала глубокая разница, при том не только в «чине», но и по существу; одни вели работу в низах, а другие «отвечали» перед ОК. Характерным было еще и то, что оба организатора часто друг о друге ничего не знали: Михаила мне, например, хотя и случалось видеть, но в качестве представителя ОК в пропагандистской коллегии одесской организации, и в то

¹⁾ К сведению тов. Хрусталева, не члена ОК, но все же организатора 2-х подрайонов.

время я и не подозревал даже, что он официальный организатор Пересыпи. Тов. Тимофея я ни разу не видел, возможно впрочем потому, что во время моей работы в Одессе он еще не был официальным представителем на Пересыпи. Но если бы в мае 1905 г. «ответственным» на Пересыпи был не Михаил, а тов. Хрусталева, то я, вероятно, видел бы его в районе столько же, сколько и Михаила. Это предположение я делаю вовсе не потому, что собираюсь читать в сердце тов. Хрусталева, а потому, что такова была система ОК того времени. Достаточно сказать, что всю работу во время всеобщей забастовки на Пересыпи, длившейся целый месяц, я вынес почти один, никого от ОК я не видал и никакой помощи от него не получал.

К пункту об ответственном организаторе Пересыпского района следует еще прибавить, что тов. Хрусталева прав насчет тов. Кирилла Правдина. Тов. Кирилл был организатором Пересыпского района гораздо позже, примерно в октябре 1905 г.

3) Наконец, — предположение тов. Хрусталева насчет того, что «Сергей начав в Одессе работать с большевиками, потом от них ушел к меньшевикам». Оно свидетельствует лишь о чрезвычайной догадливости и весьма широком размахе умозаключительных способностей тов. Хрусталева, действительности же оно ни в малейшей степени не соответствует. В своих воспоминаниях я подробно рассказываю о своей деятельности после того, как я принужден был удрать из Одессы. Этих фактов тов. Хрусталева и не попытался опровергнуть. Тогда к чему его остроумные догадки? Ведь измышлениями фактов не уничтожишь!

Все же попробуем выяснить какие обстоятельства «наводят тов. Хрусталева на мысль» о моем переходе к меньшевикам? Это 1) письмо тов. Книпович, и 2) то, что в отчете «организатора Пересыпского района», авторство которого тов. Хрусталева приписывает себе, ничего не говорится о Сергее. Разберем их.

Что некоторые члены Одесского комитета для собственного удобства пожелали меня характеризовать как «меньшевика по убеждениям», казалось бы должно быть понятным и для тов. Хрусталева, который сам косвенно солидаризируется в своей заметке с моими «меньшевистскими» взглядами, вызвавшими гнев ОК. Затем, выдвижение со стороны периферии своих кандидатов в ОК. (о том, что моя кандидатура выдвигалась в ОК, я узнал лишь в 1925 г. из письма тов. Книпович, напечатанного в том же № «Прол. Рев.», что и мои воспоминания) вызвавшее кризис в ОК, означало глубокое недоверие периферии к ОК и банкротство методов его работы. Понятно, что кое-кому это не нравилось, и что гнев их должен был обрушиться на кандидата периферии.

Примиренчество мое выразилось в том, что я был против искусственно вызванного раскола. Я и сейчас продолжаю думать, что в этом пункте я был гораздо ближе к Владимиру Ильичу, не желавшего тогда раскола, чем «твердокаменные» из ОК.

Что же касается отчета «ответственного организатора», то либо автор его стал организатором после моего отъезда (как я уже указал в своих воспоминаниях, я уехал из Одессы в конце мая или начале июня), либо он

столько же знал, что делается в районе, сколько и Михаил. Факт таков, что после моего отъезда из Одессы большевистская организация на Пересыпной Слободке-Романовке и в Каменоломнях почти потеряла связь с рабочими, хотя Одесский комитет все время числил кого-то «ответственным» организатором Пересыпского района, звали ли его Михаилом, Тимофеем или еще как-нибудь, и такое положение продолжалось до тех пор, пока секретарем ОК не стал тов. Гусев.

Л. Л. Шкловский («Сергей»).

IV.

В статье С. Болотова «История Осиповского мятежа в Туркестане»¹⁾ упоминается о роли во время Осиповского восстания тов. Белова (теперь помощника командующего Московским военным округом) и говорится между прочим следующее:

«Несомненно одно — что Калузаев до вечера понедельника (началось же восстание в ночь с субботы на воскресенье) бездействовал, имея прекрасно вооруженный боеготовый отряд. Только в понедельник вечером, не сойдясь окончательно с Осиповым на условиях и убеждаясь, что движение стоит на точке замерзания, он начинает проявлять признаки жизни и во вторник, когда движение стало заметно ослабевать, становится на сторону Советской власти. Ту же позицию занимал и Белов, ожидая, чем кончатся нелады между Калузаевым и Осиповым» (см. стр. 132).

Признавал в общем и целом характеристику, данную С. Болотовым о роли и деятельности левых эсеров в Туркестане правильной, я как член тогдашнего состава правительства и очевидец, в интересах истины, считаю нужным дать следующую справку о деятельности тов. Белова.

Хотя тов. Белов и состоял в свое время в партии левых эсеров, но во всех крупных событиях революционной борьбы в Туркестане проявил себя, как преданный делу революции боец. Был всегда на первом месте и отличился в целом ряде крупных событий, а в расприх между туркестанскими большевиками и левыми эсерами частенько расходился со взглядами своей партии и впоследствии совсем отошел от нее.

Что же касается поведения тов. Белова во время Осиповского мятежа, то нужно сказать, что тов. Белов знал Осипова еще с 1918 г., относился к нему с недоверием, и это их взаимное отношение впоследствии вылилось в прямую враждебность. Перед январским восстанием Осипов велчески стремился снять тов. Белова с поста коменданта Ташкентской крепости, зная, что пока крепость не будет в его руках и комендантом ее будет состоять тов. Белов, ему очень трудно будет достичь своих целей.

«Перед событиями, — пишет Болотов, — Осипов добился постановления ташкентского исполкома о разоружении учебной команды в крепости. Разложив разными путями весь гарнизон, он пробовал спровоцировать и учебную команду. Последняя, находясь под сильным влиянием Белова, не подда-

¹⁾ «Пролет. Револю.» № 6 (53).

